

Павел Иванов

ХРОНИКИ

ГНОМКИ,

или путь целителя

Молодая амбициозная гномка Лика, мечтающая о карьере, подвигах и приключениях, отправляется в столицу, для поступления на курсы целителей. В процессе учёбы её направляют на практику в городскую целительскую службу.

Глава 1. Путешествие из Гномбурга в Буреград

— Лирика!

Она хотела закричать в ответ, но смогла лишь издать невнятный приглушенный стон.

Механические пауки окружали её, почти бесшумно передвигаясь на длинных многосуставчатых лапах, не сводя с неё взглядов своих пустых фасеточных глаз. Их панцири отливали металлом в тусклом свете неоновых ламп. Она уже почти физически ощущала, как в ее ноги впиваются сотни стальных жвал, но это было не самое жуткое. Где-то в глубине коридора угадывалось присутствие некоей затаившейся мощи, чьей-то воли, чуждого, враждебного разума, управлявшего этими тварями и парализующего её собственным.

— Лика! — снова донеслось до неё откуда-то из глубин подземных коридоров. Она уловила нотки отчаяния в этом зове.

Где-то над её головой что-то зашуршало, мелькнули кожистые крылья и мерзкая оскаленная пасть летучей крысы. Она инстинктивно пригнулась, выбросив вперед руки, шарахнулась куда-то вбок.

Что-то липкое под ногами, противный чавкающий звук. Зеленая лужа, с обрывками паутины и фрагментами хитина, пузырилась вокруг каблучков её сапог. Запах обугливающейся кожи.

— ЛИКА!!

Крик, казалось, взорвался в её голове. Она стиснула кулаки. Мобилизуйся! В этот же миг она осознала, что все еще сжимает в руках Аннигилятор-ДПС Ультра 100КК.

Рванувшись из лужи, она потеряла равновесие, но, в последний момент, успела перевести падение в кувырок, и, восстановив точку опоры, вдавила кнопку на устройстве.

Яркий зеленый луч, вырвавшийся из черного зрачка аннигилятора ударил в пространство перед ней, в скопление лап, тел и жвал. Рассыпались букеты искр, зазвучали хлопки лопающихся панцирей. Твари в панике бросились в разные стороны. Лика повела стволом и луч взметнулся вверх, высветив на секунду обрывки серой паутины на потолке, и уродливые гнезда. В ту же секунду воздух заполнился взмахами крыльев крысеньшей, стремительно разлетающихся по углам.

Она развернулась — около дюжины пауков пятились от неё по коридору, в конце которого угадывалось размытое пятно света. Но из другого его конца исходило почти явственно осязаемое ментальное давление — инородный разум проанализировал изменившийся расклад сил и усиливал атаку. Если бы успеть добежать до источника света — возможно, там был выход!

Она побежала, стараясь держаться в середине прохода, и избегать луж, в изобилии встречающихся на полу. Несколько пауков, попытавшихся достать её, получили заряды зеленых вспышек, мгновенно разлетаясь на части, с приглушенными хлопками взрывов. Уже оставалось несколько метров до поворота, из-за которого явственно виднелись отблески дневного света. Она перепрыгнула через очередную лужу, но поскользнулась на камне, покрытом слизью и упала. Аннигилятор вылетел из рук и плюхнулся в зеленоватую субстанцию. В этот момент кто-то прыгнул на неё сверху, она ощутила, как чьи-то цепкие лапы впиваются в её плечи...

— Лика! Да в конце-то концов! Ты собираешься сегодня встать, или нет?!

Ох.

Маленькая гномка открыла глаза и увидела склонившуюся над ней мать. Рядом с ней на постели лежал пухлый фолиант, заложённый кусочком выделанной кожи.

В окно светило яркое солнце, доносилось куриное кудахтанье и отзвуки чьих-то голосов.

— Опять читала допоздна?

— Ну, мам...

Мать, неодобрительно качая головой, взяла в руки книгу, на обложке которой были изображены два гоблина с причудливыми ружьями в руках.

— «Трудно быть ботом»? И чем ты себе только голову забиваешь?! Гоблины, аннигиляторы, улитки-мутанты...

— Мам, ну ты ведь ничего не понимаешь! Это же братья Прибамбацкие! Их все сейчас читают, это самые популярные авторы!

Пожилая гномка лишь вздохнула, глядя на растрепанную заспанную дочь в пижаме с розовыми единорогами и радугой, сидевшую на подушке и, увлеченно жестикулируя, что-то ей объяснявшую.

Вся в отца, того тоже хлебом не корми, дай только волю выдумать что-нибудь эдакое, причем ладно бы еще что полезное по хозяйству. Хотя, если вспомнить последнюю модель Модифицированного Увеличителя Цыплят, то уж лучше пусть только чертежи рисует. В Гномбурге и без того монстров хватает...

— Умывайся, — сказала она вслух. — И завтракать!

Пока Лика с аппетитом уплетала яичницу, прямо со шкворчащей сковороды, мать наблюдала за ней, подперев щеку ладонью.

— Чего, мам?

— Ешь, ешь...

Скрипнула дверь, потянуло трубочным табаком, и на кухне появился глава семейства, в халате и шлепанцах, попыхивая трубкой.

— Я же просила не курить в доме! Карл!

Гном виновато спрятал трубку в карман халата.

— Извини, дорогая... Думал, ты во дворе, кур кормишь.

Он подмигнул Лике. — Ну, кто тут у нас проснулся?

— Ммм... Лика сделала большой глоток молока из кружки.

— Пап! А ты можешь сделать настоящий аннигилятор?

Гном поскреб бороду. — Задача, конечно, нетривиальная, но, теоретически, при наличии определенных реагентов и проведенных расчетов...

— Ну, конечно! — вмешалась мать. — Поилку для кур довести до ума за двадцать лет совместной жизни я так от тебя и не дождусь, зато конструировать всякие эти ваши нигиляторы — это всегда пожалуйста!

— Эльза, но ведь поилка работает, просто у неё многофункциональный режим...

— Вот именно! Мне нужно, чтобы куры просто могли из неё пить, понимаешь, Карл? Просто пить! Мне не нужны водометы на случай массового нападения йети (ты ведь помнишь, что соседи до сих пор с нами не разговаривают из-за той ложной тревоги?), а также противопожарный режим и танцующие фонтаны — просто сделай так, чтобы куры могли ей пользоваться без риска для жизни и спокойствия окружающих!

Закончив тираду, гномка перекинула через плечо полотенце и вышла из кухни.

Ли́ка с отцом переглянулись и рассмеялись.

— Так зачем тебе аннигилятор, дочь? — спросил гном, снова доставая из кармана трубку, и пересаживаясь поближе к окну.

— Нууу... Мне бы хотелось научиться стрелять, — призналась Ли́ка.

— Я могу сделать тебе для этого обычное ружье, с хорошим прицелом...

— Пап, ну как ты себе представляешь меня с ружьем?! Я же гномка! Мне нужно такое оружие, чтобы оно вызывало уважение, а не смех. А настоящее боевое ружье больше меня раза в полтора.

— Дочка, а зачем тебе настоящее боевое? Что ты собираешься с ним делать? На медведей охотиться? Так у нас и лицензии то нет, да и не потянем мы ее, с нынешней то инфляцией...

— Я хочу стать героиней! Хочу участвовать в подвигах, покорять новые земли и все такое — ну, как в книжках пишут!

Гном уставился на дочь, забыв вынуть трубку из рта. Потом опомнился и расхохотался, так что куры во дворе с громким кудахтаньем кинулись врассыпную.

Ли́ка набычившись, смотрела на него.

— Прости, дочь, — отдышавшись заговорил гном, протирая лоб носовым платком.

— Нет, я, конечно, приветствую твоё намерение и твой пыл, но... героиня? В наше-то время? Ты уж извини, но это всего лишь фантазии, ты слишком много читаешь романов.

Ли́ка вспыхнула.

— То есть, мне так и сидеть всю жизнь тут, на задворках Гномбурга, кормить кур, и собирать поилки для них?!

— Дочь, ну, вообще-то, в Гномбурге можно получить неплохое среднее образование, с последующим трудоустройством. И потом, здесь ведь твой дом, твоя родина. Молодые гномы, в конце концов!

— У этих твоих молодых гномов одни гаечки на уме! И какое меня тут ждет трудоустройство?! Механических цыплят собирать?

— Да дались тебе эти цыплята! Многие, вон, твои сверстники после техникума на аэродроме работают, новые модели испытывают. Как там в той песенке поётся? «Первым делом, первым делом — ветролёты...»

— Это ты про сталеградский аэродром? — неожиданно вмешалась в разговор вернувшаяся со двора мать. — С этими ужасными дворфами и бочками с элем?!

— Ну, эль там чисто технический...

— Только через мой труп!

— Эльза!

— Карл!

Ли́ка вздохнула. И вот так каждый раз, словно не её собственные перспективы обсуждались.

Она вышла во двор, оставив родителей дискутировать на кухне по поводу её дальнейшей судьбы.

Здоровенный белый петух при виде гномки грозно выкатил колесом грудь и зашагал прочь. Ли́ка довольно хмыкнула — помнит, задира, рогатку!

Она подошла к калитке и только тогда обратила внимание на уголок белого письма, торчавшего из почтового ящика.

Открыв ящик, она обнаружила что это не письмо, а свернутая в трубочку бумага,

которая в развернутом виде оказалась рекламным проспектом.

«Буреградская Школа ПРИСТИЖА» — гласил он.

«Уникальные методики самопознания. Трансцендентные пути Света и Послушания. Путь Тьмы и мифы о печеньках. Эксклюзивные преподаватели, наследники духовного учения Наару. Выпускники Школы имеют высокий уровень востребованности в научно-исследовательских экспедициях, а также льготы при поступлении в аспирантуру Далай-Рама и гарантированное трудоустройство в элитные оранжереи Дарнасуса!

Организована при поддержке Архиепископства Кафедрального Собора Буреграда».

С минуту Ли́ка вникала в содержание, перечитав его несколько раз.

Буреград... В ее воображении пронеслись белокаменные стены, куранты на высокой башне, почетный караул у Триумфальной Арки, шпили величественного Собора Света...

Когда она рассматривала их на картинках, город казался ей какой-то сказочной мечтой, местом, где исполняются желания, и где возможно всё.

Еще не веря своим глазам, она вернулась на кухню, где все еще продолжался спор.

— ... её тут за троггов сватать, по-твоему, что ли?!

-..да лучше бы уж я сама за трогга вышла, они и то сообразительней, чем некоторые!!

Ли́ка кашлянула. Родители обернулись. Мать раскрасневшаяся, с полотенцем через плечо и упершая руки в бока, стояла напротив отца, зажавшегося в угол, и нервно крутящего в руках трубку.

— Мам, пап! Мне кажется, я решила. Я еду в Буреград!

На платформе было шумно. Гулким эхом под сводами огромного просторного зала разносились звуки шагов, тут и там сновали гномы с тележками, сундуками и чемоданами, раздавались взрывы хохота от компании дворфов, расположившихся на лавочках, с пузатыми бочонками и расстеленными тут же на полу плащами с горками куриных окорочков и яиц на них. Чумазый гном в тужурке с грохотом катил тачку, из которой торчали крысиные хвосты и громко зазывал всех попробовать люлей-крысбаб. Туристы с картами в руках, как прибывшие, так и отъезжающие, изучали их на ходу, то и дело натываясь друг на друга.

Мать Ли́ки, явно ощущая себя неуютно, часто вздрагивала и озиралась, кутаясь в шерстяной платок; отец стоял, засунув руки в карманы и попыхивая трубкой.

Где-то в глубине темного туннеля послышался протяжный гудок, отчего окружающая публика пришла в еще больший ажиотаж.

— К какой платформе?

— К первой! — Ко второй!

Ли́ке и самой не стоялось на месте — охватившая её волна беспокойства внутренне поджуживало её метаться вместе с толпой по перрону. Ей было немного страшно, но она ни за что не призналась бы в этом перед родителями.

Снова раздался гудок, и первые вагоны, покачиваясь на ходу, вылетели из просвета туннеля.

— Вторая! Вторая!

Вагончики мелькали один за другим, и, по мере того, как поезд замедлял свой ход, можно было различать их детали. Наконец поезд остановился.

— Стоянка две минуты! — объявил репродуктор, висевший прямо над ними.

Мать заволновалась, суетливо поправляя одежду на Ли́ке, и украдкой поднося к глазам платок.

Отец встретился с ней глазами и подмигнул, но выглядел при этом тоже слегка растерянным.

— Ну, вот и все, доченька... — пробормотал он, уминая пальцем табак в трубке, — береги себя там!

— Пиши, как доберешься, слышишь? — вторила мать.

Ли́ка взволнованно кивала, держа в одной руке котомку с книгами, а в другой — корзинку с едой, собранную матерью.

— Внимание, поезд отправляется! Провожаящим просьба отойти от края платформы!

Ли́ка неуклюже обняла мать, прижалась на несколько секунд к пахнущей табаком бороде отца, и, отвернувшись, прыгнула на подножку уже начавшего набирать ход поезда.

В вагончике было тесновато.

Большую его половину занимал тучный дворф, расположившийся прямо на полу. Рядом с ним в углу стоял внушительных размеров мушкет, около которого лежал, свернувшись калачиком медведь. Ли́ка замерла, широко распахнув глаза. Она еще в жизни не видела так близко живых медведей. Заметив её замешательство, дворф добродушно покивал ей.

— Не бойся, он не кусается!

Да уж, подумала Ли́ка. Укусить её эта зверюга, пожалуй, при всём желании не сумела бы, а вот проглотить разом — запросто.

Вторым ее соседом оказался гном солидного возраста, в кислотно-ядовитого цвета тунике, со сверкающей лысиной и длинными завитыми усами. Глаза у него были какие-то странные, и смотрел он перед собой в одну точку, казалось, с кем-то разговаривая.

Дворф поманил Ли́ку к себе.

— Садись сюда, девонька! — подвинувшись, он освободил ей часть пространства у стенки.

— А... Куда он смотрит? — шепотом поинтересовалась Ли́ка.

— Хмм... А ты не видишь демона? — удивился дворф.

— Неет...

— А он есть! — торжествующе объявил её собеседник и захохотал, словно невесть какой смешной шутке.

Ли́ка только собиралась сказать, что не видит в этом ничего забавного и отодвинуться от него подальше, как раздался хлопок, и на платформе появилось существо, синего цвета, отдаленно напоминавшее элементария, которых Ли́ка видела в гномбургской энциклопедии существ.

От него пахло озоном и чем-то кислым.

— Ну, наконец-то! — подал голос гном, нетерпеливо переминаясь с пяток на носки, — где тебя носит столько времени?! Принёс?!

— А то! — прогудел в ответ синий «элементарь». Затем бесформенным сгустком, отдаленно напоминающим пятерню он полез куда-то вглубь себя (в том месте, где у демона могла бы быть «пазуха») и вытащил поблескивающую в неровном свете ламп запотевшую бутылку.

— Во! — оживился гном, радостно потирая руки, — Вот это тема, Синяк! Тэкс, что тул у нас? «Пойло Пустоты»... выдержка over 10 000 лет... Sarger's Enterprised... Limited Edition... Хмм, а ты не у эфириалов, часом, брал?! Что-то сомневаюсь я в оригинальности продукта...

— Обижает! — пробасил Синяк, доставая следующим жестом пару граненых

стаканов. — Через знакомого натрезима доставал, эксклюзивная поставка...

— Ну ок, ок, я чё, без базара...

Ли́ка в замешательстве переводила взгляд с одного попутчика на другого; ей хотелось вжаться в стенку и стать невидимкой.

— Пссст! Борода! Третьим будешь?! — гном со стаканом в руке выжидательно уставился на дворфа.

— Хмм... Дворф покосился на стакан с изрядной долей интереса. — Можно, конечно, но тут дети...

— Я не дитё! — пискнула Ли́ка, разом позабыв о своих страхах. — Я уже взрослая гномка, и еду поступать в Школу ПРИСТИжа, между прочим.

Гном и дворф расхохотались дуэтом, выведя тем самым медведя из состояния полудремы.

Он присел на задние лапы и, смешно морща нос и подслеповато щурясь, стал оглядываться по сторонам.

— Старенький уже, — заметил дворф, — С классики с ним бегаю, еще помню то время, когда сам его кормил...

— Да, были денёчки! — вздохнул гном, — Какие я тогда шкафы ставил, эх, какие шкафы!

— Почёту тогда больше было к старшим, вот что я тебе скажу!

— Да уж, не то что нынешнее поколение каджа-колы!

— Дети клизмы!

— Ну, давай! — Будем!

На Ли́ку уже никто не обращал внимания, медведь снова свернулся и засопел, так что его косматая голова оказалась почти рядом с ней, но чувство страха у неё уже притушилось, и теперь он казался ей похожим на большую плюшевую игрушку.

Она достала из корзинки пару яиц и кусок пирога, съела их, запивая молоком.

Потом достала книгу «Целители Азерота» и открыла её на заложенном месте.

Мерный стук колес и бормотание соседей убаюкивали её, и, постепенно, она задремала.

Проснувшись она от мощного толчка поезда и лязга состава.

— Остановка Буреград! — объявил гнусавый голос репродуктора.

— Уважаемые буреградцы и гости столицы! Приветствуем вас в нашем городе....

Гномка потянулась и села. Оказывается, она спала на медвежьей лапе, пригревшись под боком медведя..

Гном с Синяком уже исчезли, дворф упаковывал сумки.

— Выспалась? — подмигнул он ей. — Смотри, назад не уедь!

Ли́ка подобрала книгу, соскользнувшую на пол, попрощалась с дворфом, погладила на прощание медведя (он так и не проснулся), и нырнула под своды коридора, ведущего на выход, в город.

Выйдя на улицу, первое время она не могла привыкнуть к яркому солнечному свету, буквально ослепившему её после длительной поездке в подземном поезде.

В кронах деревьев над ней щебетали птицы, а прямо перед ней открывалась площадь с палатками, мастерскими и подсобками, заполненная рабочим и ремесленным людом. Тут были и ее соотечественники гномы — важные, в промасленных фартуках и картузах, степенные дворфы (некоторые даже выглядели трезвыми!), воины в блестящих доспехах, монахи в длиннополых туниках, торговки пирожками и стайки детворы вокруг них...

А за площадью, в облаках пара, клубках дыма и остатках утреннего тумана высились те самые знаменитые каменные стены! Она была в Буреграде!

Конечно же, она сразу заблудилась. Ремесленный квартал, в котором она оказалась, был где-то в стороне от центра, и, вместо того, чтобы выйти к кафедральному собору, она оказалась в Старом Городе, где дворфов и гномов уже почти не встречалось, по улицам сновали, в основном, люди, да и было их здесь значительно меньше, чем в тех местах, где она уже побывала.

Свернув в очередной переулок, она обнаружила длинную стену из кирпича, исписанную всевозможными надписями разного цвета на разных языках. Были здесь и рисунки, но Лика понятия не имела, что они означают. С одной стороны, ближе к ней, был изображен бюст какого-то brutального эльфа, в темных очках со сложной прической в виде двух тугих заплетенных кос, откинутых назад. Рельефный торс и бугрящиеся бицепсы отчасти напомнили Лике орков из журналов, которые иногда листались тайком от взрослых.

Ниже зеленой краской было выведено: «I Hate Myself» и «You Are Not Prepared».

Здесь же около стены, напротив данного портрета, расположилась группа молодых эльфов, видимо, избравших это место своим пунктом встречи. Большой частью, обнаженные по пояс, все они также были в темных очках и также закручивали волосы в две тугие косы. Некоторые писали что-то на стене, обмакивая пальцы в баночки с ядовито-зеленой краской, другие катались на странных приспособлениях, напоминавших узенькие доски с колесиками, разогнавшись на которых, наездники заскакивали на стену и делали двойной прыжок с кульбитом в воздухе. Были и такие, которые бренчали на гитарах, повторяя один и тот же аккорд по нескольку раз.

Чуть дальше от них расположилась группа представителей, очевидно, другого направления, по большей части человеческой расы. Одеты они были преимущественно в кожаные куртки с многочисленными металлическими вставками и шипами, с символикой в виде черепов — ожерелья, браслеты, стилизованные наплечники. На стене напротив них был нарисован череп в металлическом шлеме, ниже которого черной краской готическим шрифтом было выведено: «Артас — жив!». У них тоже были гитары, выкрашенные черной краской, с изображением перечеркнутой молнии.

Приблизительно посередине между этими двумя группами располагался представитель расы, которую Лика могла только угадывать (благодаря все той же энциклопедии), однако, синеватый оттенок кожи, загадочная растительность на подбородке и странная прическа однозначно относили данного гуманоида к расе дренеев.

Он тоже носил кожаную куртку, но без черепов, борода была завита в три разные по цвету косички, на руках болтались браслеты из разноцветных ниток, а на груди на цепочке болтался металлический круг с перевернутой буквой «Y» в нем.

Дрней сидел на перевернутой корзине, а рядом с ним располагалось четыре высоких узких барабана и шест, воткнутый в землю, с висевшими на нем медными тарелками.

Заметив, что Лика смотрит на него, дрней приветственно помахал ей рукой.

— Алоха, сестра! — прокричал он ей.

Лике ничего не оставалось, как подойти поближе, так как путь ее лежал мимо стены, а игнорировать дрнея было бы уже неудобно.

Дрней заулыбался. У него было приятное, несколько морщинистое лицо.

«Интересно, сколько ему лет?» — подумала Лика.

— Какими судьбами? Молодых гномов не так-то часто встретишь в наших краях, да еще

в этой части города!

— Добрый день. Я ищу кафедральный Собор Света...

— Не в ту сторону забрела, сестричка! Это Старый Город, здесь в основном, административные здания, военные казармы, ну и офисы всякие. Как никак, Замок рядом.

— Замок?

— Королевские апартаменты. Ты, случаем, не землемер?

Ли́ка растерялась. — Нет...

— Шучу, не обращай внимания на старого Пыха, — дрене́й разразился коротким смешком и протянул ей руку, — Пых — это моё имя, догнала?

— Ли́ка, — ответила она. И, подумав, добавила: — Очень приятно...

— А это — Астерикс, мой ученик! Высокий худой длинноволосый подросток в металлических нашивках и черепах кивнул ей головой.

— Он у нас дыКадансер! — заговорщически подмигнул ей Пых.

— Дыка...Что?

— Музыкальный стиль такой, — пояснил Пых, — Тяжелая металлика с элементами танца. Сейчас еще третий наш подойдет, и можно будет играть.

— Квирт! — закричал он кому-то из первой группы, — Долго ты еще там?

— Квирт — дыХадансер, — продолжал он. У них наоборот — в основе лежат танцы с глефами и кульбитами, плюс немного музыки. Мелодии простые, как правило, текст тоже незамысловатый.

— Квирт! Ну, ты ГОТОВ, наконец?!

— Неплохие ребята, но очень мешкотные, — пожаловался он Ли́ке. — Вечно приходится их торопить...

— А Вы на чем играете? — спросила Ли́ка старого дренея.

— Я-то? — Пых усмехнулся, — вот на этом! И он указал на барабаны, стоявшие рядом. — Я — ударник!

— Знаешь, как называется наша группа? «Молот Рока»! И, скажу тебе без лишней скромности, единственный среди всей этой молодежи, кто хоть что-то смыслит в Роке — это я...

— Репетиция отменяется! — бросил мрачно подошедший в этот момент эльф, которого звали Квиртом. — У меня опять кто-то стащил глефу, а танцевать с одной, как в прошлый раз я больше не намерен...

— Ну, что за молодежь, — вздохнул Пых, — Знаешь, стихиями гораздо легче управлять, чем такими вот юнцами — это я тебе как потомственный шаман говорю...

— Большое вам спасибо за беседу, — поблагодарила гномка, — Но мне, все-таки, нужно идти... Вы не подскажете, как мне быстрее всего добраться до собора?

— Отсюда прямо, — указал Пых, — Дальше свернешь за угол, увидишь арку, пройдешь под ней и выйдешь к мостику, перейдешь по нему, выйдешь к грифонятнику (там по запаху догадаешься!), а оттуда опять прямо — окажешься на центральной площади. Оттуда рукой подать до собора — спросишь кого-нить из королевских дармоедов, они подскажут!

И он дружески похлопал Ли́ку по плечу.

— Спасибо!

— Не за что! На вот, держи на память! — старый шаман протянул ей браслет из нескольких свитых вместе цветных нитей. — На счастье!

На центральной площади Буреграда царил хаос. Несколько часов назад, на сталеградском перроне Лике казалось, что невозможно представить большее скопление людей на единицу площади — и как же она ошибалась!

В центре площади бил фонтан, окруженный небольшим бассейном. По одну сторону от него высились мраморные ступени Королевского Банка Буреграда, по другую — над морем голов покачивалась вывеска «Аукционный дом». Все пространство между этими тремя объектами было занято представителями всех возможных рас. Тут были гномы в строгих костюмах, цилиндрах и моноклях, совершенно непохожие на ликиных соотечественников, дворфы с целыми зверинцами фантастических животных; то тут то там мелькали почти полностью обнаженные эльфийки, предлагающие приватные танцы; два дренея активно приглашали всех желающих на обзорные экскурсии, обещая в подарок какой-то лут.

«Где же в этой толкучке найти стражу», — подумала Лика.

Долговязый бородатый стражник обнаружился рядом с огромной доской объявлений, он устало опирался на алебарду.

— Не подскажете, как пройти к Собору Света?

Стражник молча вытащил из кармана пачку бумаг, отделил одну и, что-то пометив на ней крестиком, вручил её Лике.

— Девочки! Есть сумочки, последний сезон, блузки, кофточки, амулеты с чарами, бижутерия — не интересуется?

От неожиданности Лика подпрыгнула на месте — перед ней стояла огромная СОВА, правда, с зонтиком и в темных очках — но да, это определенно была сова.

Та, тем временем подслеповато крутя головой, присмотрелась к стражнику и тоже подпрыгнула.

— Виновата, не вижу ничего днем....

Сокрушенно покачивая головой и ухаю, она скрылась в толпе.

Лика развернула бумагу, которую дал ей стражник. Это был схематичный план города, в центре которого была сделана пометка в виде красного креста. Видимо, именно там и находился кафедральный собор, и, судя по схеме, это было совсем рядом.

Лика покинула шумную площадь и уже приближалась к арке, за которой виднелся мост к центральному кварталу, когда её внимание привлекла вывеска чуть правее прохода, гласившая:

«Уникальные стрижки! Сезонные скидки! Пирсинг, татуаж, дрянейская эпиляция! Купирование хвостов и ушей! Корректировка рогов».

Не удержавшись, она приблизилась ко входу. За броской вывеской располагался небольшой салон, двери в который были открыты, так, что можно было с улицы разглядеть крутящиеся кресла, зеркала перед ними и стойки со всевозможными приспособлениями для ухода за волосами и не только.

Словно из-под земли перед ней вырос гном с волосами ярко-розового цвета, уложенными в вызывающе торчащий ирокез. В каждое из ушей гнома было вставлено по несколько колец, руки до плеч были покрыты татуировками с изображениями различной тематики. Лика только успела заметить хвост дракона, обвивающийся вокруг левого запястья и дрениеку в вычурной позе на правом предплечье.

— Хай! — приветствовал её хозяин заведения, — Решила навести марафет, подруга?

— Эмм... Простите, что?

— Ну, прикид сменить, говорю! Типа, новый имидж, сечёшь?

Ли́ка на несколько секунд потерялась.

«Наверное, это какой-то столичный диалект, который хорошо понятен местным жителям... Вот дернуло меня, дурёху!»

Не желая показывать свою неосведомленность, она азартно тряхнула челкой.

— Секу! — заявила она, понятия не имея, о чем идет речь.

— Замётано! — обрадовался гном, и не дав ей опомниться, схватил её за руку и потащил в глубину салона. Миг спустя она уже сидела в кресле, а гном перебирал инструменты, лежащие на лотке перед ним.

— Что будем делать? Каре? Мелирование? Стимпанк? А, может, татуаж?

— Эмм.... Извините... Ли́ка набралась храбрости. — А что такое «дрянейская эпиляция»?

Гном глянул на неё и в глазах его мелькнули искорки.

— Тебе, подруга, это не надо...

Выражение лица при этом у него было такое, что Ли́ка окончательно сконфуженная, готова была провалиться сквозь кресло, хотя и понятия не имела, о чем идет речь.

— Тогда... Мне... Мне бы...

Тут её взгляд упал на один из многочисленных плакатиков, украшавших стены салона.

С него, ослепительно улыбаясь, на Ли́ку смотрела молодая красивая женщина, со снежно-белыми волосами и короткой стрижкой.

— Хочу вот такую же! — решительно заявила она, ткнув пальцем в сторону плаката.

— А-ля Джейна! — понимающе кивнул гном. — Сделаем!

Следующие несколько минут Ли́ка почти ничего не видела, так как вокруг неё мелькали ножницы, расплылись облака каких-то летучих эликсиров, кресло вертелось туда и сюда, а голову постоянно приходилось наклонять в разные стороны.

— Готово! — наконец, объявил гном.

Когда Ли́ка взглянула в зеркало, то сначала испугалась тому, что на неё оттуда смотрит совершенно незнакомая ей маленькая гномка.

Однако, чем больше она разглядывала эту незнакомую гномку, тем больше она ей нравилась.

— С вас двадцать пять медяков! — сообщил парикмахер. Ли́ка расплатилась и вышла. Чувство непривычной легкости и холодящего ветерка в области шеи удивительным образом дополняло её впечатления сегодняшнего дня. Это было необычно и приятно.

Она пересекла узкий каменный мостик, прошла под очередную арку и оказалась на площади, в тени величественного собора, возвышавшегося прямо перед ней.

Собор Света!

Глава 2. Ювелирная лавка

Под высокими сводами Собора раздавалось негромкое пение.

Его высокопреосвященство, Ректор Академии Света, архиепископ Бенедикт, восседал на краешке трона с высокой резной спинкой. Было жарковато, а плотные служебные одеяния почти лишали тело доступа воздуха. Тяжелая тиара давила на затылок, и, где-то вне поля его зрения, на одной тонкой, пронзительной как зубная боль ноте жужжала муха...

Это жужжание более всего действовало на нервы. Архиепископ неоднократно заставлял служек ловить проклятых насекомых, но никто не мог помешать им влетать и вылетать из собора, когда им вздумается, во время службы.

— И да осенит вас Свет отныне и присно, и да исполнится служэние ваше совершэнства, да укрепит ваши сердца и да будете вы крээпки духооом....

Экзарх Оккам, новый буреградский наставник жрецов Света, проводивший обряд инициации новопослушников, говорил, как и почти все дренеи, с легким акцентом, что особенно проявлялось при растягивании слов там, когда их требовалось пропевать.

Архиепископ слегка поморщился — обладатель безупречного музыкального слуха, он не выносил малейшей фальши в нотах едва ли не больше, чем жужжания мух.

Он обвел взглядом посвящаемых — как обычно, большинство составляли незамужние девушки, преимущественно, из деревень близ Североземского Аббатства и Гольденшира, несколько дородных дворфиек (эти, как правило, из многодетных семей), и пара дренеек, не иначе, как духовные чада брата Оккама.

Взгляд его чуть задержался на последней претендентке — крохотной на фоне дренеек и дворфиек гномке, с коротко стриженными белыми волосами и огромными глазами в поллица.

Эта-то что тут забыла? У них там в Гномбурге своих жреческих школ, что ли нет? Да и какие из гномов целители — природная страсть к достижениям цивилизации, с одной стороны, делала их слабо приспособленными к аскезе, необходимой для достижения результата на пути Послушания, а любопытство и неумная деятельность зачастую приводила к опасным экспериментам, несовместимыми с путями Света, что, в целом, делало гномов более склонными к изучению школ магии — вот там им было раздолье.

Глазастая малявка, тем временем, ничуть не смущаясь, беззастенчиво изучала его в ответ, держа голову прямо, в отличие от остальных посвящаемых.

В это время к ней подошел экзарх, чтобы принять присягу и вручить одеяния Адепта.

Его широкая спина загородила гномку и внимание архиепископа снова переключилось на проклятую муху.

Наконец, звон колокола возвестил об окончании службы. Экзарх Оккам прочитал краткое напутствие и выдал всем очередные поручения. Новоиспеченные служители Света по одиночке и группами покидали собор. Служки собирали столы и уносили в ризницы одеяния, книги и утварь.

Оккам уже собирался тоже уходить, когда кто-то потянул его за полу туники.

Обернувшись, он увидел молодую гномку, только что принявшую из его рук посвящение.

Кажется, её звали Лёка...или Лика...

— Чего тебе, дитя моё? — ласково осведомился он.

— Отец Оккам, — начала та, тряхнув чёлкой, — мне нужно, чтобы вы дали мне настоящее послушание!

— Разве я не дал тебе поручение к брату нашему Дугхану, несущему бремя служения в хранимом Светом Гольденшире?

— Да, давали! Но такие послушания я выполнять не хочу!

Экзарх вскинул брови. — Смысл послушания заключается в исполнении его со всяким прилежанием и терпением, дабы исправились пути наши и осияны были Светом...

— Чепуха! — перебила его гномка, снова тряхнув волосами, и сверкая глазами.

Ошеломленный отец Оккам на секунду потерял дар речи.

— Например, — продолжала та, воспользовавшись его секундной паузой, — Какой смысл мне, как будущему целителю, лазить по заброшенным шахтам и отбирать какие-то дурацкие свечи у этих несчастных кобольдов?!

— Кобольды...

— Или, например, охотиться на мурлоков?! Между прочим, они занесены в энциклопедию, как стремительно сокращающийся вид, а ваши крестьяне платят серебром за их плавники!

— Дитя моё...

— Я уже не говорю про то, что большая часть поручений этих крестьян заключается в пересказе сплетен и дурацких передачах, которые им самим просто лень делать! Они даже ленятся отойти на десяток метров от своей избы и собрать те же яблоки, или хворост, которые просто разбросаны рядом! Нет, они зовут нас — ведь мы же послушники!

— Да послушай жэ, нэразумный дытя! — потерял терпение экзарх, — Мы все через это проходили! Ведь для того, чтобы стать истинным служителем Света, способным нести исцеление и поддержку, надобна хорошая школа — вы должны быть готовы ко всему! И уметь найти общий язык с крестьянами, и знать повадки кобольдов и мурлоков, и нести ответственность за содеянное, и делать правильный выбор, когда того требует совесть...

Лица вздохнула. — Но неужели нельзя как-то совмещать получение этого опыта с реальной практикой по специальности?

Оккам какое-то время смотрел на неё молча, наконец, тоже вздохнул.

— Каждый из нас идёт своим путём... Очевидно, твой — полон терний, но это — твой выбор... Что же, я полагаю, в моих силах дать тебе то, о чем ты просишь. Следуй за мной!

Они спустились вниз по широкой винтовой лестнице, ведущей в катакомбы, лежащие под собором. Экзарх извлек из кармана связку ключей на кольце и отворил одну из дверей. В небольшой комнатке находился стол, стул и несколько стеллажей с фолиантами, свитками пергамента и письменными приборами.

Оккам сел за стол, выбрал из груды бумаг на столе чистый лист, и, обмакнув перо в чернильницу, набросал на нем несколько строк. После чего запечатал письмо сургучом, приложив к нему свой перстень.

— Вот твое новое поручение! — сказал он, — Отнесешь его брату Склифу...

Выйдя на улицу, Лица полной грудью вдохнула свежий воздух, пропитанный солнечным теплом и запахом листвы. После духоты собора и затхлого воздуха катакомб, ласковый ветерок, зелень листвы и синева неба над головой казались высшим наслаждением.

Так, что там отмечено на карте? Бараки Исцеления, хмм, это, получается, совсем рядом...

И, действительно, за величественным фасадом собора, на задворках, где располагался небольшой дворик с подсобными помещениями, она обнаружила несколько одноэтажных построек, возведенных друг напротив друга.

Это были одноэтажные каменные здания с плоскими крышами. Перед одним из них стояло несколько машин, которые Лика хорошо знала, и даже частично умела собирать сама — гномские механоциклы, почти раритетные модели. Правда, их состояние оставляло желать много лучшего — часть из них подверглась коррозии, было видно, что надлежащего ухода и регулярного осмотра здесь явно не хватало.

Отдельного внимания заслуживала телега, собранная, по всей видимости, из обломков старых механоциклов, катапульт и боевых колесниц. Выглядела она более ухоженной и новой, чем прочая техника, кроме того, в данный момент из-под неё торчали чьи-то ноги.

Лика осторожно приблизилась. Её настораживал подозрительный шум, издаваемый, по всей видимости, мотором данного средства передвижения, сопровождавшийся также его сотрясанием и дребезжанием. Ноги при ближайшем рассмотрении оказались парой шерстистых лап, обутых в нечто вроде сандалий, владелец которых не подавал признаков жизни.

— Эй! С вами все в порядке? — окликнула она.

Шум на секунду прекратился, чтобы тут же возобновиться с новой силой.

«Да ведь это же храп!» — осенило её.

Словно в подтверждение её слов, откуда-то из-под телеги раздался оглушительный чих, потом звук удара, лапы неожиданно пришли в движение и парой мгновений спустя, с неожиданным для своих размеров проворством, наружу показался средних размеров медведь.

Точнее, не совсем медведь. Лике понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить, где она видела похожий типаж — конечно, гномбургская энциклопедия, раздел расы, медведи разумные, они же пандарены.

В то время, когда она разглядывала пандарена, тот с не меньшим интересом разглядывал её.

— Эмм... Алоха? — выпалила она первое, что пришло ей на ум, поскольку понятия не имела, на каком языке разговаривают пандарены.

Тот вопросительно уставился на неё.

— Эээ... Ишну ала? — продолжила Лика, мобилизуя в памяти обрывки фраз на иностранных языках, которые ей доводилось встречать в книгах, — Аркенон порос? Хау а ю?

Пандарен озадаченно почесал затылок. Потом стукнул себя лапой в грудь и объявил: — Чао!

«Прощается, что-ли?» — подумала Лика.

— Пока-пока, — ответила она вслух, и потихоньку стала пятиться, отступая к баракам. Медведь наблюдал за ней, склонив голову набок.

— Осторожно! Не наступи на карбюратор! — вдруг сказал он.

— Ой! — вырвалось у Лики, — Так вы... понимаете?

— Ты бы еще спросила, умею ли я разговаривать, — проворчал медведь, — Вы что там у себя в Гномбурге, кроме дворфов и троггов вообще никого не видели?

— Ну... у нас есть еще лепрогномы... Но в том месте, откуда я родом, даже их почти не бывает, — призналась Лика.

— Откуда же ты тогда выучила эльфийский и дренийский языки?

— По разговорнику... Из библиотеки. — Лика умолчала о том, что все её познания в иностранных языках ограничивались вышеизложенными фразами.

— Ясно, — медведь зевнул, — А сюда-то чего забрела?

— Я ищу брата Склифа... Вы, случайно, не знаете, где его можно найти?

— У себя! — медведь кивнул в сторону бараков, — А тебе он зачем?

— Я к нему с письмом от экзарха Оккама! — не без гордости сообщила Лика.

— Вона что... Ну, сходи, конечно... — пробормотал пандарен.

— ???

— Ты ведь без этнических предрассудков?

— В каком смысле?

— Ладно, сейчас сама все поймёшь...

В тускло освещенной комнате внутри барака стоял длинный стол с остатками еды. Пара кувшинов, тарелки, надломленный каравай хлеба, засохшие ломти сыра на тарелке и миска с кусками сырого мяса.

Спиной ко входу, на грубо обтесанной скамье, за столом сидел человек с широченной спиной, в кожаном жилете, с густой нечесаной шевелюрой.

Человек с аппетитом вгрызался во что-то, отдаленно напоминавшее кусок окорока.

— Брат Склиф! — окликнул его пандарен.

Человек повернулся и в следующий миг Лика едва не взвизгнула от ужаса.

Вместо человеческой головы, тот, кого называли братом Склифом имел самую настоящую волчью голову, покрытую густой шерстью, которую изначально она приняла за густые волосы.

— Ой... — только и могла прошептать она.

— Эмм... Тебе, значит, не сказали, что брат Склиф — ворген? — догадался медведь.

— Н-нет...

— Оф, пфостите, лефи! — то ли из-за особенностей строения звериной гортани, то ли из-за набитой непрожеванным мясом пасти речь воргена звучала невнятно.

Брат Склиф поднялся из-за стола, отложив в сторону окорок, и вытер клыки полотенцем.

— Вижу, мой образ вас смущает, — прорычал он уже более внятно, глядя на неё мутными, налившимися кровью глазами, — сейчас постараюсь уладить это маленькое недоразумение!

Он отвернулся, издал невнятное приглушенное рычание, а когда вновь обернулся, перед обмершей Ликой уже стоял обычный, чуть худощавый мужчина средних лет, с аккуратной бородкой, несколько бледным лицом и длинными черными волосами схваченными кожаной полоской.

— Приветствую вас, сестра! — обратился он к Лике, склоняясь в слегка чопорном поклоне, — Что привело вас к нам?

— П-поручение... — пробормотала Лика, еще не вполне пришедшая в себя.

— Вот... — и она подала ему письмо от экзарха.

Брат Склиф сломал печать и пробежался взглядом по письму.

— Хм... Так-так-так... Значит, ты хочешь идти по пути Света кратчайшим путем? — он искоса взглянул на гномку.

— Нуу... Да! — согласилась Лика. — Просто, понимаете, у брата Дугхана такие скучные поручения... — добавила она, набравшись храбрости.

Пандарен хмыкнул, а брат Склиф посмотрел на Лику как-то странно.

— Значит, тебе нужно больше практики? Правильно понимаю?

— Именно! — обрадовалась Лика, — А... чем вы занимаетесь?

Брат Склиф пожал плечами, — Всем понемногу. В основном, работа разъездного характера, но, бывает, приходится госпитализировать...

— Госпита... Что?

— Ну, класть больных в бараки, на лечение.

— Класть? — Лика не могла понять, о чем идет речь, — Но зачем? Ведь можно обратиться к силе Света, и сразу исцелить раненого!

Брат Склиф и пандарен переглянулись между собой.

— А что я тебе говорил? — сказал медведь, — И это только первые ласточки! А ведь я тогда был против такой подачи информации! Реклама-рекламой, но зачем дискредитировать солидное учебное учреждение...

Брат Склиф раздраженно вздохнул. — А я-то что? Это же была идея ректора — нужно больше пиара, кафедра нуждается в инвестициях... Привлечение кадров, инновации — нужны новые проекты под привлечение королевского бюджета и финансирования... Чао, ну ты же не первый год в Буреграде!

Тут они заговорили вполголоса, и Лика окончательно перестала понимать что-либо.

В это время на улице раздался шум, тарыхтение и гул мотора.

— Двое из ларца вернулись! — заметил Чао.

— Что-то рано... — взглянув на часы пробормотал Склиф.

Они вышли во двор, где взгляду Лики предстал несколько громоздкий старомодный чоппер, рассчитанный на водителя и двух пассажиров.

В данном случае экипаж состоял из двоих дворфов, по всей видимости, близнецов, так как отличить их друг от друга было можно исключительно по цвету рубашек.

Оба низенькие, коренастые, лысые, и, что поразило Лику более всего, виденного раньше — безбородые.

Одинаковые носы картошками, цвет глаз, кожаные жилеты, широкие ремни и сапоги.

Единственное, что их отличало — цвет рубашек. У того, что слева она была красная, справа — зеленая.

— Билли! — представился дворф в красной рубашке.

— Вилли! — в синей.

— Лика... — прошептала Лика, не сводя изумленного взгляда с голых дворфийских подбородков.

Дворфы, очевидно, заметили её замешательство, так как переглянулись, и заулыбались, подталкивая друг друга локтями.

— Не бойсь, сестренка! — сказал Билли

— Мы традиционные дворфы, не какие-нибудь там дворстеры! - поддержал его Вилли.

— Все дело в том, что бороды у них были разные, — пояснил Чао, — А, поскольку длина бороды для дворфов — один из основных источников самоутверждения, у них постоянно возникали стычки на эту тему, пока, наконец, брат Склиф не решил, так сказать, задачу радикально.... Такой вот теперь у нас теперь дресс-код.

— Да и работать борода только мешает! — заметил брат Склиф, — Это в соборе ей трясти хорошо, грешников вразумлять, а тут, на бригаде... Одна морока!

Его перебил странный писк, раздавшийся откуда-то из окна одного из барakov.

— Ну вот, заскочили на обед, называется, — вздохнул Билли.

Чао лишь развел руками, — Мне еще работы на часа два минимум!

— Двое из ларца, принимайте вызов! — рыкнул брат Склиф.

Дворф, которого звали Вилли порылся в карманах и извлек оттуда крупный кристалл фиолетовой формы, издававший загадочное свечение.

Подняв его над головой он взгляделся в него, кивнул головой и пробасил: — Принято!

Сразу после этого писк, доносившийся из окна пропал.

— Знаешь что? — сказал брат Склиф, — А поезжай-ка ты с ними, на вызов..

Познакомишься с ребятами поближе, заодно представление о работе получишь. Места тебе должно хватить.

Лица еще только хлопала глазами, когда один из дворфов (кажется, это был Билли), подхватил её и усадил в люльку чоппера, после чего уселся позади своего брата, заводившего мотор, и обхватил его руками.

Вилли вдавил педаль, чоппер взревел и, выплюнув облако дыма, понесся с тархтением по вымощенной камнем мостовой.

— А куда мы едем? — прокричала Лица, стараясь пересилить ветер, шумящий в ушах.

— Торговый Квартал! Ювелирная Лавка! — проорал ей в ответ кто-то из близнецов.

Поскольку поддерживать разговор на такой скорости было трудно и даже небезопасно, Лица не стала более задавать вопросов, прячась от ветра за стеклом и наблюдая, как мимо проносятся деревья, прохожие и вывески, сливаясь в одну сплошную полосу.

Ехать было недалеко и всего через несколько минут чоппер лихо затормозил напротив импозантного бутика, со сверкающей вывеской, на которой были изображены золотые кольца, размером с обручи от бочек.

«Ювелирный магазин Денманов» — гласила надпись.

Встречавшая, по всей видимости, их, стройная брюнетка на высоких каблуках кинулась к ним навстречу.

— Ну, наконец-то! — воскликнула она, картинно заламывая руки.

— Леди Изабель, — пропыхтел Вилли, слезая с сидения.

— Ой, я прошу вас, побыстрее! Госпоже Терезе это доставляет массу беспокойства!

— Опять Терранс? — поинтересовался Билли, раскуривая самокрутку.

— Опять... Вы представляете?! Это уже переходит всякие границы!

— Ну, так вызовите стражу и сдайте его! У них разговор короткий — уже вечером будет хлебать баланду с Хоггером...

— Ах нет, вы издеваетесь! Для госпожи это неприемлемо! Вы же не можете не понимать пикантности ситуации!

Лица пока еще ничего не понимала, но её уже начинала раздражать эта манерная брюнетка с её дурацкими каблуками при безупречных пропорциях.

— Где он? — без интереса спросил Билли.

— Там же, где и в прошлый раз — на газоне, прямо напротив boutique. Сейчас как-раз должны подойти серьезные клиенты, а тут... Может быть, вы его все-таки, заберете?

— Ну куда, куда мы его заберем? — рассердился Билли.

— Ну, у вас же есть эти, как их... Бараки!

— Для больных!

— А он, по-вашему, здоровый?!

Билли плюнул в сердцах на тротуар.

— Пошли, Вилли! — сказал он и зашагал в сторону набережной, где, как только теперь заметила Лика, на траве под деревом лежало тело мужчины, без видимых признаков жизни.

Мужчина был высокого роста, он лежал на спине и потому Лика имела возможность рассмотреть его спереди. Лицо было не лишено изящных черт, но многодневная щетина и свалявшиеся, испачканные в грязи волосы придавали ему неопрятность и портили впечатление.

Одежда тоже была грязной и местами рваной, хотя носила признаки когда-то дорогого костюма.

Человек был явно без сознания — глаза были закрыты, и она не замечала движений грудной клетки.

Билли и Вилли остановились в паре шагов от тела, переглянулись.

Вилли вздохнул. — Вы не принесете нам воды? — обратился он к сопровождавшей их девице.

— Что? Ах да, конечно... Сейчас посмотрю в салоне... — нелепо размахивая руками, словно пытаюсь сохранить равновесие на булыжниках мостовой, брюнетка удалилась.

Лика переводила взгляд с одного дворфа на другой — ей было непонятно, отчего они медлят?

Человеку явно была нужна помощь, возможно, даже реанимация — почему эти бритые карлики стоят и смолят свои дурацкие сигарки?!

Не выдержав, она подскочила к распростертому на земле телу и, расстегнув засаленную рубаху, приложила ухо к груди. Сердце билось! Слабые, но ритмичные удары.

Она возложила руки на спутавшиеся волосы человека, как учили её на курсах и уже открыла рот, чтобы произнести слово Света, как чья-то маленькая, но крепкая рука ухватила её за плечо и поставила на ноги.

— Ты что, чумичка? Белены объелась? — изумленно сказал ей Билли.

Вилли, согнувшись, хохотал, держась за живот.

— Нет, ты видал целительницу? С таким клириком мы весь Буреград на ноги поставим! Вот это практиканты, а?

— Угу. Отбоя от желающих не будет приобщиться благодати Света, — пробурчал Билли и сплюнул.

— Ты вот что, сестра, — добавил он ей уже тише, беря её под локоть, — ты пока вот тут в сторонке постой, посмотри, поучись...

— Но ведь он без сознания! Ему нужна срочная помощь! Почему вы бездействуете?! — запротестовала Лика, пытаясь высвободиться.

Билли вытаращил на неё глаза. — Да ну?!

— А, по-моему, ему очень даже неплохо — сыт, пьян и спит в тепле, чем лично я, например, похвастаться не могу!

— Но ведь... — начала была Лика и осеклась.

Вилли, тем временем подошедший к распростертому телу, пошевелил его носком ботинка, и из-под правого плеча лежащего на траве, внезапно, выкатилась бутылка солидного объема, с остатками жидкости на доньшке.

Вилли подмигнул Лике. — Видишь? Вот и весь его диагноз!

Дворф пошевелил бездыханное тело носком сапога еще раз. — Подъем! — рявкнул он и, нагнувшись, несколько раз энергично дернул его за ухо.

Тело неожиданно зашевелилось, и, издав невнятный стон, село, мутным взглядом

уоставившись на Вилли.

— Тыхххта? — выдохнул спасённый, вместе с облаком перегара, которое достигло носа Лики, даже на расстоянии.

— Дедушка Зима! — рывкнул Вилли. — Вставай, Терранс! И иди домой, нечего тут валяться.

Бродяга, которого называли Террансом, какое-то время пытался сфокусировать свой взор на Вилли, потом неуверенно начал шарить по земле в поисках опоры. Подняться на ноги ему удалось далеко не с первой попытки, наконец, с помощью дерева, ему удалось достичь относительно устойчивого вертикального положения.

Вилли наблюдал за ним с легкой гримасой отвращения.

— Ну что ты за человек, Терранс? — сказал он, — Ну, не можешь не пить — пей, хотя бы, дома!

Человек угрюмо молчал.

— Зачем пьянствуешь здесь? Зачем хулиганишь? Бутылки бьёшь? Ругаешься, супруге своей жизнь портишь...

При этих словах человек вскинулся, и в глазах его, до этого момента ничего не выражавших появился мрачный огонёк.

С неожиданным для его состояния проворством, он замахнулся и нанёс дворфу короткий удар в челюсть.

С не менее неожиданной быстротой, дворф уклонился, так что удар пришелся вскользь, оставив на выбритой щеке красное пятно.

Терранс снова размахнулся, но Вилли уже заскочил ему за спину и, перехватив руку, ловко вывернул её, одновременно дав пинка дебоширу под колени. Тот рухнул на них, дворф навалился сверху, придавив его к земле.

Терранс яростно мыча что-то, пытался схватить дворфа свободной рукой, затем неожиданно нащупал пустую бутылку, и, извернувшись, обрушил её на голову Вилли.

Лица вскрикнула, Билли выругался и бросился к сцепившимся дворфу и человеку. Его спина загородила Лике обзор, когда же он повернулся, Вилли сидел верхом на Террансе, выкрутив ему руку до неестественного положения, а Билли прижимал буяну голову коленом к земле.

Терранс уже не сопротивлялся, только хрипел. Вилли тяжело отдувался, по его лицу текли струйки крови.

Лица стояла, словно парализованная.

Она, конечно, видела пару пьяных драк в Гномбурге, но там они скорее, напоминали детские потасовки, чем подобную кровопролитную борьбу.

За её спиной раздался вскрик — это вернулась с бутылкой воды красавица Изабель.

— Всё в порядке, — пропыхтел Вилли, конфликт уже улажен, правда, Терранс?

— Терранс, ты слышишь? — проговорил Билли, не убирая колена с головы бродяги.

Тот прохрипел что-то и обмяк. Билли медленно встал, отряхиваясь. Вилли, посопев, отпустил руку и слез с Терранса, оставшегося лежать в той же позе на земле.

— Послушайте, мальчики, — заговорила, волнуясь, Изабель, — Я вас очень прошу — заберите его куда-нибудь! Ну, вы ведь можете... Леди Тереза договорится, если надо с братом Склифом — пусть полежит у вас недельку-другую! И вам тоже будет очень благодарна...

При этих словах она, словно невзначай, протянула Билли небольшой кожаный мешочек.

Билли как-то странно покосился на лежащего на земле Терранса и, также невзначай, протянул руку, после чего мешочек плавно переключался в его карман.

— Грузим его, Вилли! — буркнул Билли, и они разом взяли за руки и ноги безвольно лежащего на земле Терранса.

Протащив его мимо все еще стоящей на месте Лики, они закинули его в люльку, после чего Билли сел за руль, а Вилли занял свое место на сидении позади него.

— Барышня! — окликнул Лику Билли, — Вам требуется особое приглашение? Или вы еще не всех тут исцелили?!

Лику вздрогнула и побежала к чопперу. Около люльки она остановилась в нерешительности — Терранс занимал почти всё место.

— Ну, чего застыла? — рявкнул Билли, — сама в чоппер залезть не можешь? Каждый раз тебя туда закидывать ничьих спин не напасешься — заведи себе для этого специально обученного огра!

Лику вспыхнула и, вскочив на подножку, перемахнула в люльку.

Чоппер затрещал и понесся по мостовой. Леди Изабель смотрела ему вслед с бутылкой воды в руках.

Дворфы о чем-то переговаривались на ходу.

Лику трясло и побрасывало на ухабах и поворотах, от стоявшего запаха перегара её мутило, её новенькие жреческие одеяния успели замараться о грязные сапоги Терранса, почти упиравшиеся в неё. Она постаралась отодвинуться как можно дальше, вжавшись в каркас чоппера.

Терранс застонал и заворочался. Места для него было явно мало, и всё, чего ему удалось добиться, это занять полусидячее положение, так, что теперь его голова была прямо перед Ликой.

Всматриваясь в пряди седины на его висках, морщины, висящую мешками под глазами кожу и свежие ссадины на лбу, Лику почувствовала, как её первоначальный испуг испаряется, уступая место жалости. Губы мужчины шевельнулись.

— Голова, — пробормотал он и скривился.

Под действием неожиданного порыва, Лику положила ему ладони на лоб и задержав дыхание, сконцентрировалась на его боли. На какой-то миг окружающий мир перестал существовать, и тогда она произнесла Слово.

Она ощутила, как волна духовной энергии прокатилась по её рукам, достигла кончиков пальцев и влилась в плоть под ними. Исцеление при непосредственном физическом контакте было самой простой формой целительства, ему обучали послушниц на первых занятиях.

Терранс снова застонал, но на этот раз его голос звучал не так глухо.

— Приехали!

Лику открыла глаза.

Они были в уже знакомом ей Старом Городе, где-то недалеко отсюда находилась стена, где она, казалось, сто лет тому назад, встретила шамана Пыха.

Она недоумевающе посмотрела на братьев, вытаскивающих Терранса из люльки.

— Разве мы не в бараки его должны были везти?

— Какие еще бараки, — отмахнулся Вилли, — он тут живет вон в том доме — дойдет, проспится, протрезвеет, поправится... Да он и сейчас уже почти как огурчик!

И, действительно, Терранс стоял достаточно прямо, почти не шатаясь.

Взгляд его прояснился, он потирал вывернутую дворфом руку.

— Дойдешь сам до кровати, Терранс? — спросил его Билли.

Тот не глядя кивнул, и сделал неуверенный шаг вперед.

— Куда, болезный? Дом не помнишь в какой стороне? — захохотал Вилли.

Но Терранс, не обращая внимания, сделал еще один шаг и посмотрел прямо Лике в глаза.

— Сп-пасибо вам, госпожа... — еле слышно прошептал он. На секунду Лике показалось, что грязь, оборванные одежды и запах перегара куда-то пропали, осталось только лицо и грустные глаза.

Мгновением спустя Терранс ссутулился и неровной походкой побрел в сторону дома.

— Вот, — удовлетворенно сказал Билли. — Эк тебе досталось сегодня, братишка!

С этими словами он достал откуда-то из-под сиденья промасленную тряпицу и начал протирать от запекшейся крови лысину брата.

— Дайте я посмотрю! — пискнула Лика, — Так нельзя, тряпка же грязная!

— Ох, нейметса же тебе, — вздохнул Вилли.

— Ничего, здоровее будет, — усмехнулся брат.

Лика развернулась и пошла прочь. Пройдя несколько шагов, она села на траву, кусая губы.

Экзарх Оккам, наверное, решил поглумиться над ней, отправив её сюда, к этим твердолобым остолопам, которые от искусства врачевания были еще дальше, чем ленивые крестьяне Голденшира...

Правы были родители — не нужно было ей никуда ехать... Сейчас бы читала книжку, сидя на крыльце, пила бы молоко и гоняла петуха из рогатки...

Она почувствовала предательское пощипывание в глазах.

Чья-то рука опустилась на её плечо. Билли (или Вилли?) сел рядом. Она не оборачивалась.

— Понимаешь какие дела, сестренка... — сказал дворф.

— Этот малый, ну, Терранс... он ведь не всегда был таким. Когда-то он был хозяином той ювелирной лавки... Он ведь классный мастер, это я тебе как дворф говорю, его шедевры даже в королевском дворце есть... Ну а его супруга — леди Тереза, она из благородных. Уж не знаю, какими молотами и наковальнями их угораздило пожениться, но только ничего хорошего из этой затеи не вышло. Поговаривают, что она его не очень-то любила, а он шибко переживал, что не было детишек... Он так-то мужик хороший, добрый, этот Терранс, вот только когда стал закладывать, как у нас говорят, за бороду...

Дворф помолчал.

— В общем, у леди Терезы связи при дворе, еще со времен правления леди Катарины, драконихи, то бишь... Развод ей удалось оформить быстро, так поговаривают. А Терранс стал пить всё больше, сильно горевал, пытался её вернуть, да так и оказался, в конце концов, на улице, а лавкой теперь владеет бывшая супруга. Такие вот дела.

— Но... как же... — Лика уже забыла о своих внутренних терзаниях и обидах на дворфов, она обернулась и встретилась глазами с Билли.

— А вот так, — грустно ответил дворф, глядя ей в глаза. — И никакой, даже самый топовый целитель-хил тут не поможет... А таких, как он, в Буреграде очень много. И даже хуже.

— Тогда зачем же нужны вы?! Если даже, как ты говоришь, самые искусные

врачеватели...

— Но ведь кто-то же должен, а? — усмехнулся подошедший к ним Вилли.

— Кому еще оказывать помощь беднякам и тем, кому не находится места даже в королевской тюрьме? Господа целители из вашей школы заниматься такими не хотят — профита никакого, честь — сомнительная, а расходы маны требуют сил для восстановления... Ты и сама это скоро почувствуешь — я ведь заметил, что ты его того... Ну, типа хильнула чутка! — и дворф хитро подмигнул ей, точь-в-точь, как это делал отец.

— Работа — высший класс! — одобрительно причмокнул Билли, — Малый еще не врубился, как ему подфартило, завтра встанет как заново родившись — ни головной боли, ни похмелья... Повезло!

— Так зачем же вы тогда... — Лика почувствовала, что ничего не понимает, — зачем же вы тогда помешали мне полечить его прямо там?!

— Затем! — строго сказал Билли, — Что ты сама еще не понимаешь, что творишь, и какова цена твоих усилий. Отец Оккам просил приглядывать за тобой, а брат Склиф сказал, что откусит нам остатки бород вместе с головами, если с тобой что-нибудь случится! А у него, знаешь ли, весьма специфичное чувство юмора, я бы даже сказал, что чаще наблюдается его полное отсутствие. Пойми уже, что Буреград — это не сказочный город из твоей дурацкой энциклопедии, а весьма опасное место! Так что пока ты еще не набралась уму-разуму, сиди в люльке и помалкивай, если не хочешь, чтобы в следующий раз бутылкой по голове досталось тебе. Или можешь отправляться в Голденшир к брату Дугхану и продолжать отнимать свечи у кобольдов. Ясно?

— Ясно, — вздохнула Лика, а про себя подумала: «Если уж мне и достанется бутылкой по голове, меня, по крайней мере, утешит тот факт, что этим дворфам будет в таком случае о чем поговорить с братом Склифом...»

Глава 3. Будни Ремесленного Квартала

«Дорогие мама и папа!

У меня всё хорошо, я окончила курсы, успешно сдала первые экзамены, и теперь я называюсь послушница. Конечно, мне еще предстоит многому научиться, пока я стану настоящей целительницей, но я уже прохожу самую настоящую практику. У меня есть наставник, брат Склиф, он очень добрый, хотя и ворген, но строгий. Еще мне помогают братья дворфы (они бреют бороды! Правда!) и медведь-пандарен Чао. Здесь всё совсем по-другому, не так как у нас. Я по вам очень скучаю. Передавайте от меня привет дядюшкам и тетюшкам, и всем кузенам и кузинам!

Целую, ваша дочь, послушница Лика».

Лика поставила на пергаменте точку, уронив при этом жирную кляксу, и, нахмурившись, старательно промокнула ее специальной бумагой. Затем сложила лист бумаги треугольником, накапала на него немного воска и, подождав, пока печать затвердеет, написала на конверте адрес.

Выходя на улицу из келейного крыла собора, она бросила конверт в специальный ящик, откуда раз в неделю изымались письма и рассылались по адресам.

Небо было затянуто облаками, кое где среди листвы уже были заметны желтые листья.

Лика пересекла внутренний дворик Собора и оказалась у Бараків Исцеления.

Как и в прошлый раз, во дворе она обнаружила медведя Чао, рядом с полуразобранной (или полусобранной?) конструкцией из разных технических средств передвижения.

Чао дремал, прислонившись спиной к конструкции, сложив лапы на округлом пушистом животе. Рядом валялись разбросанные инструменты.

Билли и Вилли нигде не было видно, равно как и их чоппера.

Лике было интересно, здесь ли брат Склиф, и чем он занимается, но заходить в бараки одной ей было немного боязно. Поэтому, она решила подождать, пока проснется Чао, предполагая, что, задремал он наверняка ненадолго.

Однако, время шло, из бараків не доносилось ни звука, а Чао продолжал дремать, словно Дунь-Творогский медведь в своей зимней берлоге.

Не зная, куда себя деть, Лика подошла поближе к конструкции и стала разглядывать её. Как уже было замечено ей ранее, последняя представляла собой что-то вроде крытой телеги, с колёсами от механоцикла, к которой спереди крепилась передняя часть чоппера. Над ней располагалось некое подобие козырька, предназначавшегося, по всей видимости, для защиты сиденья от дождя и солнечных лучей. Судя по всему, двигатель должен был крепиться где-то под телегой, и Лика, движимая любопытством, не удержалась от того, чтобы заглянуть туда.

Мотор там действительно присутствовал, но, почему-то, на земле и в разобранном виде. Лика невольно усмехнулась, представив, что сказал бы сейчас отец, увидев такое. Она подобрала несколько гаек, валявшихся рядом, почистила их и прикрутила туда, где им полагалось быть. Потом закрепила два гоблинских поршня и уже собиралась заняться турбокомпрессором, когда кто-то постучал по борту телеги.

От неожиданности, Лика подскочила, ударилась головой о дно кузова, ойкнула и поспешно полезла из-под телеги, уткнувшись прямо в чьи-то сапоги.

Подняв голову, она встретилась глазами с братом Склифом, созерцавшим её с высоты

своего роста, слегка недоумённо нахмурившись.

— Д-доброе утро! — поздоровалась Лика, отчаянно пытаясь не краснеть.

Брат Склиф ничего не ответил, ограничившись лишь небольшим кивком головы.

Затем он повернулся к медведю, продолжавшему безмятежно дремать, и, кажется, даже начинавшему похрапывать.

— Чао!

— А! Уф... Эмм... Пандарен распахнул глаза и затряс головой. — Ааа, брат Склиф! А мы тут как-раз беседуем с нашей новой послушницей...

— Я вижу, — многозначительно произнёс брат Склиф тоном, от которого Лике стало немного не по себе. — Ты, кажется, уверял меня ещё вчера, что Атуин уже почти готов?!

— Нуу... Так и есть, — признался Чао, отчаянно потирая лапой нос, — Просто... всё дело в некоторых деталях... Понимаешь, очень старые модели, сейчас такие почти не найдёшь... Да... Наверное, мне стоит навеститься на Гномбушку в Ремесленный Квартал...

На его морде было написано такое искреннее отчаяние, что Лика не удержалась и прыснула.

Брат Склиф хмыкнул, а Чао бросил на неё немного укоризненный взгляд.

— На самом деле, — заторопилась Лика, — Я могла бы помочь, там несложно...

И умолкла под пронзительным взглядом брата Склифа. Пандарен немного оживился: — Правда? Это было бы очень здо...

— Чао! — перебил его брат Склиф, — У тебя время до двух часов пополудни! Даю тебе последний срок! Чтобы к обеду машина была готова — если двое из ларца опять будут вынуждены работать во вторую смену, объясняться будешь с ними!

— А потом — со мной, — добавил он, заметив прояснившуюся морду медведя.

— А ты... — он снова повернулся к Лике, — приведи себя в порядок, вымой руки и лицо и зайди ко мне!

С этими словами ворген развернулся и зашагал в сторону барака.

Лика виновато посмотрела на пандарена.

— Простите... Мне, наверное, надо было вас разбудить?

— Да пустяки, девочка, — махнул лапой Чао, — Немного отдыха работе ещё никогда не вредило... Брат Склиф просто очень уж ревностно относится к дисциплине. Ну, работа у него такая, сама понимаешь, опять же, перед начальством ему отчитываться, и шишки собирать. Буреград — такое место, все куда-то спешат, торопятся, иногда и позавтракать-то не успевают. Суета, суета...

— Впрочем, — спохватился он, — ты иди, иди, а то он не любит, когда его заставляют ждать. Там внутри есть рукомойник и чистое полотенце...

Лика кивнула и заторопилась в дом. Переступив порог, она оказалась в просторном холле, где уже побывала накануне. Длинный деревянный стол на это раз был пуст и застелен грубой полотняной тканью.

В угу комнаты находился упомянутый Чао рукомойник, и Лика потратила несколько минут, стараясь оттереть с лица пару невесть откуда взявшихся черных масляных пятен. Наконец, оглядев себя в начищенном медном тазу, висевшим рядом на гвоздике, она окинула взглядом холл ещё раз, пытаясь определить, в каком направлении ей двигаться дальше.

Собственно, у неё было три варианта — по обе стороны от входной двери холл оканчивался дверями, ведущими, по-видимому, в разные крыла барачков, соединенных с основным зданием.

Кроме того, имелась еще одна дверь позади стола, неподалеку примерно напротив входа. Она была чуть приоткрыта, и, судя по всему, вела в подсобные помещения, в том числе — на кухню, так как оттуда доносился шум и запахи готовящейся еды. Однако, в каком из крыльев находился кабинет брата Склифа, она не знала, а Чао забыл об этом упомянуть, посчитав, это, разумеется, общеизвестным фактом.

Она уже собиралась выйти и уточнить у него, когда дверь, ведущая на кухню, отворилась и на пороге появилась почти точная копия самого Чао. Лица во все глаза смотрела на симпатичную пандареншу, держащую в руках полотенце. Она, действительно, была очень похожа на Чао, только формы ее были более округлые и плавные, а глаза — более выразительными, с большими пушистыми ресницами. Образ дополнял белый фартук, разрисованный бамбуковыми листьями.

— Привет! — сказала она, улыбаясь, — Так это ты та самая новая стажёрка? А я-то думала, это Чао!

С этими словами она подошла и протянула Лике полотенце. — Возьми чистое! Я как-раз собиралась менять...

— Спасибо, — вежливо поблагодарила Лика, беря в руки пахнущий свежестью кусок льняной ткани.

— Меня зовут Мирта, — пандаренка улыбнулась, и на её пушистых щеках появились ямочки, — Вообще-то, моё полное имя звучит иначе, но здесь все зовут меня так, для удобства.

— Здесь? — переспросила Лика.

— В Буреграде, — пояснила Мирта, — Я приехала сюда не так давно — всего два года назад.

— Аа... — Лику распирало любопытство задать ей целую кучу вопросов, но она боялась выглядеть бестактной.

Наверное, это было слишком заметно, потому что Мирта рассмеялась.

— Чао — мой двоюродный брат, он здесь уже давно, помогает брату Склифу. А мне всегда хотелось посмотреть Большой Мир, и когда Чао написал про свою работу и про приют, я решила тоже попробовать найти себя здесь. Меня, конечно, отговаривали, но, видимо, дух странствий у нашей семьи в крови. Вот и брат Склиф говорит...

— Ой! — пискнула Лика, внезапно вспомнив слова Чао, — Он ведь меня ждёт! Брат Склиф! Уже пять минут точно!

— Пять минут! — Мирта снова рассмеялась, — Ну, за это он тебя точно не съест!

В глубине души Лика не так уж была в этом уверена, но беззаботность и добродушный настрой пандаренки передались и ей тоже.

— А... как мне пройти в его кабинет? — спросила она.

— А, так ты же еще у нас тут ничего не знаешь, — спохватилась Мирта.

«Хоть кто-то об этом подумал!» — мысленно поблагодарила её Лика.

— Смотри, всё просто. Вон та дверь, что справа от входа, ведет в палаты, там у нас лежат больные (когда они есть). А дверь слева — в диспетчерскую, комнаты отдыха, склад и кабинет брата Склифа. Он в самом конце!

И она подбадривающе улыбнулась Лике.

— Спасибо, Мирта! — искренне поблагодарила Лика, всё больше проникаясь симпатией к этой пушистой и добродушной пандаренке. — Я тогда побегу...

— Конечно, милая! У нас еще будет время поболтать! — кивнула Мирта.

...и не бойся брата Склифа, он совсем не кусается! — донеслось гномке вслед.

Коридор был достаточно длинный, справа и слева на всем его протяжении располагались какие-то двери, но Лика торопилась и успела только заметить через приоткрытую слева дверь в комнату, выходящую окнами во внутренний дворик, огромный кристалл, полыхающий фиолетовым огнём, и издававший негромкое ровное гудение.

Она мимолетно задалась на бегу вопросом, что бы это могло быть, но решила, что выяснит это позже.

Последняя дверь в конце коридора была расположена справа. Сбитая из грубо отесанных досок и снабженная массивной медной ручкой, она вполне соответствовала, по мнению Лики, образу хозяина кабинета.

Вдохнув и выдохнув несколько раз, Лика набралась храбрости и робко постучала.

Ответом было рычание, донесшееся из-за двери, при звуке которого у неё моментально вспотели ладони. Ругая себя за трусость, она, зажмурившись, нажала ручку и толкнула дверь.

Брат Склиф возлежал в огромном кожаном кресле черного цвета, закинув ноги на стол.

Точнее, лапы.

Он снова был в своем волчьем облике, на этот раз в серой, бесформенной тунике, вроде тех, что были распространены среди братьев ордена Света.

В огромных покрытых шерстью лапах он держал газету, внушительных размеров челюсти сжимали трубку с длинным мундштуком, из которой вился слабый дымок.

Кроме того, он был в очках с непомерно толстыми линзами.

Массивный стол, возвышавшийся перед Ликой был завален бумагами и свитками; отдельно высилась пачка газет, сверху которых лежали «Буреградские ведомости».

Вдоль стен располагались шкафы, полки которых были заставлены всякой всячиной, включающей коллекцию трубок, статуэтки из разных материалов, шахматную доску, несколько моделей часов, кубки причудливых форм и еще какие-то непонятные устройства.

Отдельный стеллаж занимали книги, названия которых на корешках Лика не успела рассмотреть, так как брат Склиф отложил газету (она успела заметить сетку кроссворда) и устался на неё в упор.

— Что, уже не так сильно боишься воргенов? — поинтересовался он.

— Эмм... — выдавила Лика, отчаянно пытаюсь придумать хоть какой-то вменяемый ответ.

— Да расслабься уже, — махнул трубкой ворген, — твоё сердце так стучит, что тебя было слышно еще из холла, задолго до вашего разговора с Миртой. Но запах страха всё же значительно слабее, чем в прошлый раз, когда у нас состоялась незабываемая встреча на кухне. Ты привыкнешь. И это, кстати, в твоих же интересах, так как менять каждый раз облик ради твоего бесценного душевного равновесия в мои планы не входит и не входило. Терпеть не могу дурацких условностей...

Лика гадала про себя, откуда он мог слышать, как она разговаривала с Миртой, учитывая, что разговор проходил за двумя закрытыми дверями на другом конце коридора.

Видимо, это было написано у неё на лице, потому что брат Склиф усмехнулся (точнее было бы сказать — хищно оскалился).

— Органы чувств волчьего облика значительно отличаются от человеческого, — пояснил он, — это одна из причин, по которой я предпочитаю именно его. Рецепторная чувствительность кардинально меняется, — прибавил он, затянувшись дымом. — Вот только

к чтению, к сожалению, глаз волка приспособлен значительно хуже... Ты любишь читать, дитя?

— Люблю! — пискнула Лика, — я перечитала все книги дома, и еще целую кучу из гномбургской библиотеки, и теперь вот здесь, в Соборе. Отец Оккам даже обещал дать мне послушание в Североземском Аббатстве...

— Ну, про твои успехи на поприще выполнения послушаний я наслышан, — фыркнул ворген.

Лика покраснела.

— Как тебе наши двое из ларца?

— Нуу, — Лика замялась, — я немного по-другому представляла себе практику...

Брат Склиф собирался что-то сказать, как вдруг замер, его ноздри хищно раздулись и задрожали.

Он разом подобрался и, миг спустя, оказался на задних лапах, шерсть на его загривке стала дыбом, глаза засверкали зелёным огнём.

Лика, только было начавшая успокаиваться, похолодела внутри. Разительная перемена, произошедшая с воргеном, мгновенно вызвала в её уме вереницу ярких образов из страшилок, которыми в детстве пугали маленьких гномов, про страшных кровожадных оборотней, глотавших детей живьём. Кажется, на этот раз именно к этому все и шло.

— АГРРРРХ! — прорычал ворген, дико вращая глазами, и с его клыков упали несколько капель тягучей слюны. Он судорожно втягивал воздух и, казалось, впадал от этого в еще большее исступление.

— АГРРРХ! Судорога пробежала по его морде, тело напряглось словно пружина, передние лапы вспучились бугристыми мускулами, так, что шерсть на них стала почти незаметной, и стала видна змеистая сеть вздувшихся вен.

— БОРРРЦ!

С этим последним воплем, уже гораздо больше близкому к человеческому крику, чем звериному рычанию, черты его звериного обличья окончательно растворились и, секунду спустя, перед Ликой стоял брат Склиф в своем человеческом образе, босиком, впившийся ладонями в столешницу, прикушенной губой и страдальческим выражением лица.

— Прости, сестра, — выдохнул он, вытирая лоб рукавом, — к сожалению, некоторые базовые инстинкты чрезвычайно сильны, а когда у тебя две формы жизнедеятельности, бороться с ними бывает порой чрезвычайно затруднительно...

— Так вы... Вы... — пролепетала Лика.

— Что? Ах нет, дитя, разумеется, я могу себя контролировать... В чем-то. Но аромат готовящегося борща — это выше моих сил, увы... И, предвидя твой вопрос, могу уверить, что запах сырого мяса или боящихся гномов отнюдь не вызывает во мне подобных эмоций, — прибавил он, усмехнувшись.

В это время откуда-то из коридора раздался уже знакомый Лике громкий писк. Брат Склиф раздраженно нахмурился, натягивая сапоги.

— Так и знал... — пробормотал он. — Пошли! — бросил он Лике на ходу.

Писк доносился из той самой комнаты, в которой Лика видела фиолетовый кристалл.

Только сейчас он полыхал ярко-алым цветом и издавал пронзительный прерывистый звук, от которого начинали зудеть зубы и ломить виски.

— Двое из ларца, код — алый, ремесленный квартал! — рывкнул брат Склиф, вглядываясь в кристалл, и тут же проворчал: — А, проклятье Элуны!

— Что случилось? — пискнула было Лика, но ворген, не слушая её, уже несся по коридору. Она едва поспевала за ним.

— Чао! — рывкнул брат Склиф, выскочив во двор.

— Я не сплю! — моментально отозвался пандарен, выглядывая из-за телеги, — потихоньку продвигается, шеф! Скоро Атуин будет на ходу!

— К Саргерасу твоё «скоро»! У нас массовая драка в ремесленном квартале! Живс седлай что угодно и мчи туда что есть духу — братья уехали в Гольденшир, я не могу до них добраться!

Чао растерянно заморгал, но, без лишних слов потрусил к одному из чопперов, припаркованному у стены.

— И послушницу с собой возьми! — прорычал брат Склиф ему вслед, кивая Лике головой в сторону пандарена.

Лика, хотя и ничего не понимала, тоже не заставила себя ждать и опрометью кинулась к чопперу, запрыгнув на сиденье позади Чао, уже заводившего мотор. Чоппер затарахтел, рванулся с места и в этом шуме потонули слова брата Склифа, что-то кричавшему им вслед.

Лика зажмурившись, крепко держалась за пандарена, обхватив его, насколько это было возможно, руками. Чоппер подскакивал на камнях мостовой, лавируя на скорости между повозками, прохожими и деревьями. Чуть приоткрыв глаза, она едва успевала замечать проносящиеся мимо неё фасады домов, после чего Чао делал очередной резкий поворот и сердце уносилось куда-то вниз, а она снова зажмуривалась. Они пересекли мостик через канал и погрузились в облако густого смога, стоящего над Ремесленным Кварталом, после чего Чао несколько сбавил обороты. Узкие улочки, переулки, вывески мастерских. Наконец, они выехали на просторную площадь, где пандарен, наконец, затормозил.

Здесь было относительно больше света, однако, именно тут были расположены кузни и плавильни, служившие основным источником дыма, словно пеленой покрывавшего квартал.

Где-то неподалеку отсюда находился вокзал, с которого началось знакомство Лики с городом.

Однако сейчас эти места ничем не напоминали ту идиллическую картину, которая так радовала её в день прибытия.

В самом центре площади кипела ожесточенная потасовка. Чао остановился на расстоянии броска камня от эпицентра событий. Несколько дюжих дворфов в ремесленных фартуках, вооруженные кузнечными молотами, кувалдами, клещами и кирками оборонялись от атакующих их примерно дюжины гномов. Гномы были вооружены менее профессионально, но более изобретательно. В их арсенал входили куски шпала, металлические прутья (по всей видимости, выломанные из каких-то оград) цепи, палки, а кое-где мелькали гнутые рессоры от чоппера.

Двое дворфов валялись на земле, не подавая признаков жизни, на них никто не обращал внимания. Помимо сражающихся группировок, у входов в здания теснились зеваки, с любопытством глазевшие на побоище и издававшие подбадривающие крики.

Лика с ужасом наблюдала, как особо рьяный гном, невысокий даже по меркам ее народа, по-видимому, верховодивший своими соратниками, отчаянно вереща и раскручивая при этом цепь, осыпал градом ударов пятящегося от него дворфа с рассеченной скулой, тяжело размахивавшего молотом.

— Чао... — начала было она, повернувшись к пандарену, и осеклась в изумлении.

Заглушив мотор, медведь успел расстелить рядом с чоппером на мостовой циновку, и

сейчас, устроившись на ней, мирно посапывал в тени дома, прислонившись к стене спиной.

— Чао! — воскликнула она, не веря своим глазам.

— А? — пандарен встрепенулся и приоткрыл один глаз. — Все в порядке, не беспокойся девочка — они от нас на безопасном расстоянии, и, к тому же, недавно начали, так что у нас есть еще достаточно времени до прибытия стражи...

— Но...Ведь там драка! Они же могут поубивать друг друга! Уже есть раненые, мы должны что-то сделать!

— Хмм.... Пандарен приоткрыл второй глаз. — Видишь ли, этим ребятам необходимо выпустить пар, и, боюсь, увещеваниями мы сейчас немногого добьемся. С другой стороны, если кому-то из них взбредет в голову что мы пытаемся им помешать, я не поручусь за последствия... А с пробитым черепом я буду очень плохим водителем, а это, несомненно, расстроит брата Склифа.

— Но... как же... — Лика с досады топнула ногой, — Неужели мы вот так просто будем стоять тут и наблюдать, как эти ненормальные поубивают друг-друга?

— Лично я предпочитаю сидеть, а еще лучше — лежать, — рассудительно заметил пандарен, — Стражу уже вызвали, так что очень скоро тебе будет чем заняться.

И, действительно, будто в подтверждение его слов, раздался свисток, и из-за угла дома с противоположной стороны площади показался отряд стражников.

В ответ на него прозвучал еще один свист, более залихватский и пронзительный.

Гномы бросились врассыпную, побросав орудия борьбы. Двое дворфов погнались за ними, остальные, остались стоять на месте, тяжело дыша и отдуваясь.

Лика, не выдержав, уже бежала к ним, а точнее, к тем двум дворфам, по прежнему лежавшим неподвижно.

Вернее, уже к троим — дворф, подвергнувшийся атакам коротышки, тоже лежал на земле, схватившись за голову руками. Пальцы и волосы покрывали потеки крови.

Лика подскочила к нему, и на какой-то миг почувствовала тошноту. Она никогда не видела столько крови на живом существе. Дворф застонал и отнял руку от лица, опёрся ею о землю и попытался приподняться, но со стоном рухнул. Лика уже готова была склониться над ним, когда чья то рука в металлической перчатке бесцеремонно ухватила её за шиворот и рывком подняла вверх.

— Ой... — только и успела она выговорить, оказавшись в воздухе. Ворот платья впился ей в горло, она буквально задыхалась, в глазах начинало темнеть. Она изловчилась ухватиться за державшую её руку и одновременно постаралась лягнуть нападавшего. Нога ударилась о что-то твердое и звенящее.

— Ах ты, пакость мелкая! — прогудел чей-то голос.

В следующий миг хватка ослабла, она снова оказалась на ногах. Рядом с ней стоял здоровенный верзила-стражник в кирасе и с алебардой в руке, под стать ему самому, мрачно уставившийся на неё из прорези шлема.

— ...наша сестра, проходящая практический курс... — донеслось до неё. Чуть повернув голову, Лика увидела Чао, что-то втолковывающего офицеру стражи, который хмурясь, глядел на неё.

— Следить надо за своими сестрами, господин медведь! — резко отрубил он. — Мои люди видели, как бритоголовые недомерки нападали на ремесленников, и получили ясный приказ задержать бандитов. Вам надлежало дожидаться окончания зачистки и только после этого приступать к своим обязанностям. Стража могла бы применить куда более жесткие

меры, особенно после того, как эта ваша сестра пыталась ударить ногой представителя власти... Забирайте свою помощницу и можете начинать.

С этими словами он отрывисто кивнул и двинулся в стороны группы дворфов, которых уже обступила толпа.

Чао потер лапой нос и последовал за ним. Лика, покрасневшая и разозлившаяся, присоединилась к нему.

С удивительной для своей комплекции легкостью, пандарен протискивался сквозь галдящую толпу дворфов. Лика старалась не отставать. Двоих поверженных оттащили в сторону, несколько дворфов хлопотали вокруг них. Третий сидел чуть в стороне, он уже не стонал, а приглушенно ругался, рядом суетилась какая-то дородная дворфиха, поливавшая ему руки водой из кувшина.

— Займись пока им! — не оборачиваясь произнес Чао, и затопал к двоим.

Лика несмело приблизилась к дворфу. Тот глянул на неё сквозь разметавшиеся пряди волос, слипшихся от крови и глаза его засверкали.

— Ты какого болта тут забыла, мелкая? Если по поводу компенсации, то можешь её засунуть себе в...

Лика вспыхнула. На секунду она даже перестала его жалеть.

— Вообще-то, я из школы целителей, и я здесь для того, чтобы помочь вам, — начала она.

— Вали отсюда, чтобы глаза мои тебя не видели — рявкнул дворф, — Своих, вон, бритых карликов иди полечи — им твои услуги скоро очень понадобятся... Если понадобятся!

Дородная дворфка всплеснула руками и что-то сказала на дворфийском, который Лика хоть и понимала, но из-за стоящего шума и обиды, стучавшей кровью в ушах, не разобрала ни слова.

Она подошла к Чао, который склонился над одним из пострадавших. Только сейчас она обратила внимание, что у пандарена на плече висела сумка, которая в данный момент была открыта.

— ...ничего страшного, сильная контузия от удара рельсой по голове, — говорил тем временем Чао, одновременно растирая в лапах какие-то листья, отчего в воздухе появился резкий едкий запах.

— Если бы у вас, дворфов, были мозги, можно было бы говорить о сотрясении, но это не тот случай...

С этими словами он поднес растертые листья к носу дворфа. Первые несколько секунд не было никакой реакции, потом дворф сморщил нос, оглушительно чихнул и открыл глаза.

— Где я? — пробормотал он.

— В чертогах Одина! — буркнул медведь, переходя к следующему пострадавшему.

Тот уже, по-видимому, пришел в себя, поскольку глаза его были открыты, но говорить по-прежнему не мог, только тяжело со свистом дышал. На губах дворфа пузырилась розовая пена, грудная клетка часто вздымалась, а сквозь перепачканную сажей рубаху проступали алые разводы. Дворф хрипло закашлялся, и выплюнул сгусток крови.

Притихшие товарищи, окружавшие его не сводили глаз с Чао, с озабоченным видом склонившегося над раненым. В одной из его лап блеснул клинок ножа и Лика едва не вскрикнула, когда ей показалось, что пандарен пырнул им лежащего. Секундой спустя, она поняла, что тот лишь рассек рубаху на груди. Но даже легкое прикосновение к груди

пострадавшего вызвало очередной приступ кашля и стон боли.

— Плохо дело... — пробормотал Чао, хмурясь.

— Что... что с ним такое? — рыжий дворф, один из тех, что стояли рядом присел на корточки и норовил заглянуть Чао под лапу.

— Ребра сломаны... Несколько... Легкое повреждено... — словно разговаривая сам с собой, бормотал пандарен. — Да убери ты отсюда свою бороду!

— Слышь, косолапый, ты давай, делай что-нибудь! — заорал кто-то за спиной Лики.

Толпа дворфов загудела, и надвинулась.

— Чего смотришь, ждешь пока душу отдаст?! — Он же сейчас кони двинет! — С ним тогда рядом ляжешь, понял?!

Лику оглянулась в поисках стражников, но ни одного из них не было в поле зрения — со всех сторон на неё глядели мрачные бородатые физиономии, измазанные сажей, совершенно не похожие на тех добродушных дворфов, которых она знала дома.

Чао тем временем, копался в сумке, затем перевернул её, вывалив содержимое на землю.

Бинты из различных материалов, какие-то склянки, пузырьки, связки трав и пожухшие листья.

Интуиция подсказывала Лике, что ничего из вышперечисленного не могло быть полезным в этой ситуации.

Раненый дворф, между тем, стал дышать реже, губы его, с запекшейся коростой из грязи и крови начали синеть.

Чао откупорил один из пузырьков и попытался влить несколько капель в рот дворфа, но нельзя было сказать с уверенностью, удалось ему это, или нет, так как тот снова закашлялся, и затих.

В этот миг Лику решила. Не вполне отдавая себе отчет в происходящем, она рванулась вперед, плюхнулась на колени рядом с едва хрипящим дворфом, и, неосознанно скрестив ладони, как учили на курсах, возложила их на покрытый холодным липким потом лоб дворфа.

В следующую секунду окружающий её мир словно исчез, она словно воспарила куда-то ввысь, оставив далеко внизу гомон толпы, дым, грязь и серость красок, окружавших её.

Золотистое облако света, казалось обволакивало её, оставляя ощущение приятного тепла и комфорта; где-то под её ладонями она чувствовала пульсирующую точку, в которую с каждым ударом сердца толчками переливалась её сила. Словно где-то вскрыли артерию, и кровь теперь стремительно покидала её тело. Она почувствовала, что слабеет, в глазах стало темнеть, золотистый свет пропал, а уши заложило, словно она стремительно мчалась вниз с горы на планере.

Когда она вновь открыла глаза, ей показалось, что на улице стало значительно темнее. Чао поддерживал ее своими огромными мягкими лапами и на его морде было написано искреннее облегчение.

— Хвала Пантеону... — пробормотал он, качая головой. Больше он ничего не успел сказать, потому что его перебил радостный вопль рыжего дворфа.

— Хеликс! — орал он, — Ура, Хеликс!

Лику перевела взгляд на пострадавшего. Он по-прежнему лежал на земле, но дыхание уже не было хрипящим, грудная клетка ровно вздымалась и опускалась, губы его порозовели, а взгляд приобрел ясность. Он даже попытался приподняться на локтях и слабо усмехнуться.

— Рано... собрались меня... хоронить... — выдавил он.

— Разойтись! — офицер стражи прокладывал дорогу к ним, работая закованными в блестящие наручи локтями.

— Что здесь про... — начал он и уставился на пострадавшего Хеликса, который, поддерживаемый товарищами уже сидел на земле.

— Хм... пробормотал он и, обернувшись к сопровождающему его верзиле, бросил: — Исправь в рапорте — жертв нет.

— Сколько пострадавших? — спросил он, обращаясь к Чао.

— Трое, — отвечал пандарен, помогая Лике подняться, — помощь уже оказана...

— Стойте, а как же мой! — всполошилась дородная дворфиха, — У моего-то вся голова расплосована, ему тоже нужна помощь!

— Вы же не хотели, чтобы я его лечила! — слабым голосом возмутилась Лика.

— Ой, да мало ли, чего больной дворф наговорит, вы же сами видите — его по голове ударили, разве он может отвечать за свои слова?! — возмутилась та.

— Капитан, — вмешался Чао, — Проводите сестру до нашей машины, а я окажу помощь пострадавшему.

— Сейчас забинтуем твою голову, — пообещал он дворфу с разбитой головой, поворачиваясь к нему и извлекая из сумки мятый рулон ткани. — А пока на вот, пожуй-ка вот этих листиков...

Капитан стражи сопровождал Лику до чоппера, рядом с которым стояла еще пара стражников.

— Что же вы машину так бросили, полезли в гущу драки, до наших указаний — укоризненно покачал головой он. — Мы бы сначала произвели задержание, оценили потери, а уж потом организовали бы вам условия!

Лика хотела было сказать, что промедли они еще несколько минут, и организовывать условия было бы уже не для кого, но в этот момент к ним приблизилось еще двое стражников и два дворфа, общими усилиями волокли кого-то по мостовой.

Капитан прищурился.

Задержанным оказался тот самый гном, которого Лика заметила в гуще боя.

Теперь ей представилась возможность разглядеть его получше, и, первое, что поразило её, было отсутствие у гнома волос. Вообще-то, безбородые гномы (в отличие от дворфов), в Гномбурге были не такой уж редкостью, но данный гном был полностью лыс, как коленка, кажется, у него даже не было бровей. Кроме того, как уже Лика заметила ранее, он был мал ростом даже по гномьим меркам, даже чуть ниже её.

Тем не менее, бугрящиеся рельефы мышц, выпиравшие из-под черного кожаного жилета с металлическими заклепками свидетельствовали о немалой физической силе, а ловкость, с которой, как помнила Лика, он обращался с цепью, не оставляла сомнений, что противником он мог быть весьма грозным. Руки гнома были скручены за спиной ремнями, судя по разодранным штанам, полосам грязи и ссадинам, большую часть пути его волокли по земле.

Губы гнома были разбиты и кривились в насмешливой ухмылке.

— Схватили, пивные бочонки, вчетвером одного! — осклабился он при виде капитана.

— Скалься, Штепсель, скалься! — отвечал капитан, покачивая головой. — По тебе уже твоя камера давно скучает...

— Ничего, господин капитан, еще не вечер! Кто знает, чье общество ее ждет завтра!

— Уведите! — распорядился капитан.

— Пойдите! — возмутилась Лика, — Ему ведь тоже нужна помощь! Надо промыть и обработать раны, чтобы не было заражения!

— Еще чего! — хмыкнул один из стражников, — В тюрьме помогут и переоденут! Еще возиться с этим мелким ушлепком... Ох!

Он покраснел. Простите, сестра... Я не то имел в виду!

— То есть, — возмутилась Лика, это потому что он — гном?!

— Эй, подружка! Ты кого это тут назвала гномом?! Ты чо, попутала?! — подал снова голос Штепсель.

— Шевелись! — рывкнул стражник, толкая его в сторону ожидавшего неподалеку конного разезда.

— Запомни, мы — бурегномцы! — орал гном, которого взваливали на лошадь, будто мешок, — Это наш город! Мы здесь власть!

Кто-то тронул её за рукав. Позади стоял Чао.

— Как ты? — поинтересовался он, забавно морща нос, — Голова не кружится?

— Есть немного... — Лика только сейчас ощутила, что её колени дрожат, и она едва держится на ногах.

— Тут неподалеку есть неплохое местечко, где можно подкрепиться и... хм... восстановить силы, в общем, — сказал Чао, глядя на неё с некоторым беспокойством.

— Да, хорошо... — Лика не возражала.

Таверна под названием «Золотой бочонок», в которую они заглянули, располагалась на краю этой же площади, недавно служившей местом поля боя.

Чао подогнал чоппер поближе ко входу и заботливо усадил Лику за невысокий деревянный стол, расположившись напротив неё.

Молодая дворфийка с красивыми рыжими косами подошла к ним.

— Привет, Мирла, — кивнул ей Чао, как старой знакомой. — Дай ка нам пшеничных рогаликов с маслом, кружку амброзии для меня и двойную порцию сока луноягоды для сестры!

Дворфийка молча кивнула, кинув на Лику косой взгляд, и отправилась за стойку.

— Чао, — взмолилась Лика, — Что, вообще, тут происходит?! У нас в Гномбурге дворфы и гномы живут вместе и вполне дружат между собой. Что за безумие творится здесь?!

Пандарен вздохнул. — Видишь ли, сестра, — сказал он теребя лапой шерсть на подбородке, Буреград — это такое совсем особое место, столица, так сказать, мегаполис... Всякие расово-этнические вопросы тут тесно связаны с экономическими факторами и политикой, так что вот так сразу в двух словах объяснить тебе, что происходит, у меня вряд ли получится... Но ты и сама подобрала довольно точное определение — это безумие.

— Этот гном... Штепсель! Почему он напал на ремесленников? И что обидного в том, что я назвала его гномом?

Рыжая Мирла плюхнула на стол тарелку с гренками и кружку с амброзией перед Чао, и удалилась, шурша юбкой.

Пандарен тут же сунул в рот ломтик хлеба и захрустел им.

— Фифишь ли... Извини! Видишь ли, в Буреграде лучше не называть гномов гномами. Считается, что этим ты выделяешь их из прочих жителей города, и, тем самым, ущемляешь в правах. У местных гномов тема исторических корней — вообще больное место. До сих пор

не могут простить дворфам своей, как они её называют, депортации из Сталеграда... Отсюда и вражда. А уж здесь в Буреграде они из кожи вон лезут, доказывая свою аутентичность. Дворфы, те тоже считают себя стопроцентными буреградцами, у них тут и при королевском дворе своё лобби есть. С ними ведь как: стоит одному дворфу в город приехать, через полгода уже весь клан здесь. Очень уж родственные связи у них развиты. Вот и Ремесленный Квартал, в основном, из дворфийских гильдий состоит, а, значит, королевские тендеры все почти их, в некотором роде — монополия.

Чао отхлебнул амброзии и блаженно улыбнулся.

— Ну, а гномы те, поначалу, в основном, беженцами числились, — продолжал он, — Головы у вашего народа светлые, цены им нет, дворфы это всегда знали. Соответственно, на работу нанимали с радостью, правда, платили меньше, чем своим. Ну вот, а теперь новое поколение подросло, которых это не устраивает. Молодежь не хочет горбатиться за медяки, а своё дело открыть не могут. Отсюда и всё и пошло... А еще кое-кому из городских шишек дворфийские гильдии тоже бизнес вести мешают — вот и протезируют гномскую молодежь негласно. Такие дела! — закончил Чао, глядя на вытянувшееся лицо Лики. — Ты ешь, ешь... Где там твой сок луноягоды-то?

— Как же все сложно, — вздохнула Лика, — А я-то думала...

— Ничего, — успокоил Чао, — Еще будет время во всем разобраться, главное, не лезь на рожон.

В это время дверь в таверну хлопнула и на пороге показался уже знакомый Лике рыжий дворф.

Заметив их с Чао, он расплылся в широкой улыбке.

— Какие гости! Мирла! Этому столику угощение оплачиваю я!

Появилась Мирла, неся в руках две кружки с дымящимся напитком.

— Видела бы ты, дорогуша, как эта сестра заштопала Хеликса!

Мирла ахнула и едва не выронила кружки.

— Да всё в порядке! — успокоил её Рыжий, — Я уж, правда думал, пропал Хеликс, вместе с моим долгом, но вот эта бурегномица его буквально вытащила...

— Вообще-то, я — гномка! — рассержено выпалила Лика. И ничуть не стыжусь этого!

Рыжий дворф и официантка растерянно переглянулись.

— А можно еще рогалик? — застенчиво спросил пандарен.

В этот момент раздался пронзительный писк, похожий на тот, который Лика уже слышала сегодня утром в бараках.

Чао обреченно вздохнул и полез в карман своего жилета. Кристалл, который он вытащил оттуда, светился желтым цветом.

— Вторая срочность, — проворчал он, взглядываясь в глубину кристалла. — Но пока доедем...

— Я вам с собой соберу! — засуетилась официантка.

— Пока не выпьешь сок — никуда не поедем! — строго предупредил Лику медведь.

Кристалл снова начал пищать.

— Да принято, принято! — пробурчал Чао и опять вздохнул.

— Братья, конечно, у старухи Донни застряли, небось, не торопятся... А меня еще Атуин ждёт.

— Кстати, — его морда оживилась, — Ты, вроде, неплохо разбираешься в этих штуках? Может, ты могла бы...

— Конечно! — обрадовалась Лика. — А когда?

— Ну, — Чао взглянул еще раз на кристалл, — Будем надеяться, сегодня...

Чоппер взревел и с тарахтением понесся по мостовой.

Глава 4. Безумная кошатница

Неуклюжий пушистый котенок прыгал по земле, то зарываясь в ворохи пожелтевших листьев, то подскакивая и норовя схватить лапами солнечного зайчика, пускаемого с помощью маленького зеркальца сидящей на крыльце Ликой. Мирта, развешивавшая белье на натянутых между деревьями веревках, с улыбкой наблюдала за ними, время от времени качая головой.

Пандарен Чао, расположившийся во вместительном кузове отремонтированного Атуина, пожевывал травинку, прикрыв глаза и заложив лапы за голову.

Чуть поодаль от него сверкали на солнце лысины братьев дворфов, резавшихся в какую-то азартную карточную игру.

До Лики доносилась их беззлобная перебранка и периодические торжествующие возгласы.

— Забавные они! — заметила Мирта, присаживаясь рядом.

— Ага, — согласилась Лика. — Безбородые такие смешные!

— Кто? — не поняла Мирта.

— Ну... Дворфы же! — пояснила Лика.

— Аа! А я — про котят! — прыснула Мирта. Они обе рассмеялись.

— А почему брат Склиф зовет их «двое из ларца»? — спросила Лика.

Мирта улыбнулась. — Говорит, в детстве они от него в одном сундуке прятались. Когда он их учиться заставлял.

— В детстве? — не поняла Лика.

Мирта слегка нахмурилась. — Прости, я всё забываю, что ты у нас недавно, кажется, сто лет с тобой знакомы... Видишь ли, он взял их из приюта.

— Ну, из сиротского приюта Буреграда, — пояснила она, видя Ликино недоумение. Он давно его опекает, еще задолго до того, как был назначен на эту должность. Я всех подробностей не знаю — сам он на эту тему распространяться не любит, это только то, что я слышала от самих братьев. Только ты им, пожалуйста, не говори, что я тебе рассказала.

Лика закивала головой, переваривая услышанное.

— Рагнароса тебе в кузню!

— Маназмея тебе по одеяло! — доносилось до них со стороны обсуждаемых игроков.

— Брат Склиф — очень необычный ворген, — пробормотала Лика вслух. — Кстати, а где он сейчас?

«Вдруг он опять у себя в кабинете и слушает, что мы о нем болтаем!» — пронеслось у неё в голове.

Мирта, казалось, разгадала её опасения.

— Не бойся! — усмехнулась она. — Он нас не слышит, сегодня у него встреча в Приюте.

— В том, который он опекает?

— Да нет же! Это — другой Приют. В Буреграде их два: один — для детей, которым приходится взрослеть слишком рано, а другой — для взрослых, которые остаются детьми слишком долго...

— Что-то я не совсем понимаю... — призналась Лика.

Мирта махнула лапой. — Скоро во всем разберешься. А вон, кстати, и он сам!

И, действительно, со стороны собора к ним приближался брат Склиф в своем человеческом облике, облаченный в костюм, цилиндр и начищенные до блеска туфли.

В правой руке он держал трость, а левой — оживленно жестикулировал, рассказывая что-то на ходу своим спутникам.

Лику понадобилось какое-то время, чтобы осознать то, что она видит.

Справа от брата Склифа шло (передвигалось?) стройное изящное деревце с ветвистой и ухоженной кроной. Лику не могла подобрать более точного слова для обозначения способа его перемещения — впечатление складывалось такое, словно дерево парило над поверхностью, едва касаясь её корнями, которые, в то же время, создавали ощущение прочной связи с землёй.

Но еще более её поразило то, что справа от брата Склифа, по-видимому, принимая живейшее участие в разговоре, периодически забегая вперед, мелкой нетерпеливой трусцой семенил средних размеров крокодил, молочно-белого цвета.

Видя изумление гномки, Мирта положила лапу ей на плечо.

— Постарайся не таращиться на них так, когда они подойдут ближе! — вполголоса предупредила она.

— Мирта... — пробормотала Лику, — Это что — настоящий крокодил? И живое дерево?!

— Ну, крокодилы в Буреграде, действительно, редкость, — согласилась пандаренка. — Хотя ведь, говорящие медведи, вроде нас с Чао тебя же не смущают? Ну, а если бы ты пожила, как Чао, годик-другой в Дарнаусе, ходячими деревьями тебя бы было тоже не удивить...

— Они умеют разговаривать?! — ахнула Лику.

— Милая, ну конечно, умеют! — всплеснула лапами Мирта, — Ведь это топовые целители Приюта!

Кроме того, они настолько любезны, что иногда, в свободное от своих основных обязанностей время, помогают нам, на добровольческих началах. Они уже близко, Лику, веди себя естественно и улыбайся! В сущности, они такие же девушки, как и мы с тобой...

— Девушки?!

— Ну, конечно! А ты что, разве не заметила?

Лику отчаянно хлопала глазами, пытаясь понять, по каким признакам она могла бы определить пол новоявленных целительниц, но в это время брат Склиф уже приблизился к ним.

— Доброго утра, уважаемые коллеги! — ворген был, казалось, сама любезность.

— И, называя это утро добрым, я имею в виду, в первую очередь, тот факт, что сегодня нам любезно согласились помочь наши старшие коллеги из... гм... специализированного лечебного учреждения...

— Леди Темперанс Де Шаниэль, — брат Склиф отвесил деревцу легкий полупоклон.

— Леди Крокки, — он поклонился также крокодилу.

— Рад приветствовать вас в наших бараках, и позвольте от лица всего коллектива выразить признательность за оказываемую бесценную помощь...

Лику, хоть и помнила наставления Мирты, смотрела на обеих леди во все глаза.

Теперь, когда они подошли ближе, она отчасти понимала, что имела в виду пандаренка. В утонченных и плавных линиях ветвей дерева, бархатистой коре и идеально уложенной

листве определенно ощущалась женственность; она также заметила пару блестящих глаз, наблюдавших за ней из глубины кроны.

Леди Крокки также разглядывала гномку в упор широко раскрытыми голубыми глазами с длинными ресницами, красиво взмахивая ими и постукивая хвостом по земле.

— Кхм... Да... Располагайтесь, леди, а я прошу извинить меня, так как вынужден ненадолго вас покинуть, — брат Склиф кивнул головой и исчез за дверью.

— Здравствуйте, девчонки! — Мирта обнялась с деревцем, и, наклонившись, чмокнула в щёку крокодильчика, привставшего ради такого случая на задние лапки.

— Привет, девчата! — крикнул Билли. — Давайте к нам, раскинем партейку два на два! — поддержал его брат. Оба дворфа оставались на своих местах за игровой доской, но энергично махали руками новопривывшим.

— Чао! — спохватилась Мирта, — Он опять заснул! Чао! — она уже направилась было к телеге, но леди Темперанс остановила её.

— Мирта, дорогая, оставь ты своего братца! Пусть высыпается — мы пока что никуда не торопимся и не уходим. Лучше познакомь нас с вашей новой послушницей!

— Л-лика... — выдавила Лика, все еще не оправившаяся от первоначального изумления.

— Ты гномка? Из Гномбурга? Теперь тут учишься? Ой, а какая у тебя стрижка классная! А цвет натуральный? — затараторил крокодильчик, подпрыгивая на месте, и взволнованно щелкая зубами.

— Крокки! — одернуло её деревце, — Ты же не даешь слова сказать! Это бестактно!

— Я только спросила! Что, уже и поинтересоваться нельзя?! Знаешь, тут тебе не Дарнакус, эти ваши церемонии можешь приберечь для званых вечеров!

— Вообще-то, есть такое понятие, как этикет, о чем ты бы, конечно, могла слышать, если бы получила соответствующее воспитание...

— Девочки! — примирительно замахала лапами Мирта, — Ну вы опять за своё! Лика у нас совсем недавно — лучше расскажите ей про Приют и про ваши экскурсии.

— Правда, — подала голос Лика, — Мне очень интересно!

Но её перебил громкий писк, раздавшийся из открытого окна.

— Да чтоб тебя! — ругнулся Билли, — Только карта пошла!

— Началось... — вздохнул Вилли, вытаскивая из кармана уменьшенную копию кристалла, пульсировавшего вишневым цветом.

— Опять?!

— Что там? — Билли выхватил кристалл из рук брата и взгляделся в него. — Ха! Опять старуха Донни! Уже соскучилась!

— Вчера же только у неё были, — пробурчал Вилли, — Совсем бабка уже от скуки дурет, скоро по два раза на день вызвать начнёт.

— Как будто она так еще не делала, — хмыкнул Билли, — Забыл рекорд прошлого года, когда Персик объелся рыбкой?

Оба дворфа расхохотались. — Клизму, говорит сделайте! — утирая слёзы, сквозь смех выговорил Вилли.

— Да побольше! — вторил Билли.

— Что за веселье?! — из окна высунулся брат Склиф. Он успел сменить костюм на свою серую тунику, а вместе с ним — свой облик.

Оскаленные клыки и горящие глаза произвели волшебное воздействие на братьев,

мигом прекративших смеяться и принявших самые серьезные и обеспокоенные выражения лиц.

— Да, шеф! Уже выезжаем, шеф! — отрапортовал Билли.

— Погодите... — брат Склиф перемахнул через подоконник, забрал у Билли кристалл и принюхался.

— Что-то здесь не так... - пробормотал он. — Не понимаю, почему код — красный... Но нутром чую, пахнет кровью...

— Да это ж старуха Донни, шеф! — осмелился Билли. — Она уже в кодировках не хуже нас разбирается — вот и придумывает поводы, чтобы побыстрее приехали. То умирает, то соседи её травят, то руки-ноги отказывают, а котов покормить некому...

— Знаю! — огрызнулся брат Склиф. — И всё же... Вот что, поезжайте на Атуине. И возьмите с собой практикантку, ей как-раз в Гольдшире полезной деятельности не хватало.

— И меня! И меня! — подскакивая на месте завопил крокодилчик, — Я еще никогда не бывала в Гольденшире!

— Я тоже проедусь! — томно сказала деревце. Свежий воздух — это именно то, чего мне не хватает в Буреграде.

Дворфы переглянулись.

— Не многовато ли ба... леди на одну-то бригаду? — пробормотал Билли. Вилли пожал плечами и покосился на телегу, из которой доносилось мирное посапывание.

— Там и водитель уже есть, — рассудительно сказал он. — Чао! — прибавил он уже громко.

— Хр... Ась? — заспанная морда пандарена выглянула из-за борта.

— У тебя вызов! Код — красный! — рявкнул Билли.

— Что? Ах, да, уже завожу... — отозвался медведь, протирая лапами глаза, — Ох... Добрый день, Темпи, привет Кро! Вы уже здесь?

— Да-да, и мы тоже едем! — протараторил крокодилчик, уже карабкаясь в телегу, — Бежиим!

Деревце степенно поднялось на борт телеги по откинутой подножке, Чао подал ему лапу.

Мирта успела сунуть Лике узелок со стряпней, перед тем, как она присоединилась к целительницам.

Брат Склиф кинул пульсирующий кристалл Чао, который тот не глядя поймал на лету.

— Поторопитесь, — рыкнул он, — Не нравится мне этот вызов...

Чао дернул за ручку, нажал педаль, и Атуин, издав облако дыма, покатил по мостовой.

В телеге, крепившейся к каркасу чоппера было достаточно места, чтобы разместиться нескольким пассажирам. Кроме того, здесь же находились лари с тряпьем, вязанки трав, сундуки со склянками и еще какие-то приспособления, названия которых Лика не запомнила, а предназначение их ей объяснял Чао, когда они вместе чинили машину, однако она поняла далеко не всё, а то, что поняла, больше ассоциировалось с орудиями для пыток, нежели чем с инструментами целителя.

Пандарен занял место на сидении чоппера спереди, рядом с ним крепилась люлька, в которой мог поместиться еще один пассажир.

Сама телега была защищена от солнца и дождя широким навесом, колыхавшимся на ветру.

На наружной его стороне Чао старательно вывел надпись: «Скорая целительская

помощь Буреграда».

Собственно, этим его вклад в ремонт и ограничился. Да, и еще черепашка. Последний штрих, проделанный пандареном со всей серьезностью, когда он вытащил из кармана жилета маленькую фигурку черепашки и тщательно прикрепил её к приборной доске.

— Черепахи, — сказал он тогда глубокомысленно, — Это символ путешествия и вечности. Мой далекий предок приплыл когда-то к берегам этого материка на черепахе. На огромной Черепахе покоится весь наш мир, как гласят записи, найденные археологами в сокровищницах титанов. Созидательное движение, дао гармонии и внутреннего равновесия — вот что такое путь черепахи.

На робкое замечание Лики о том, что черепахи, при всех своих достоинствах, все-таки не самые быстрые существа, Чао лишь отмахнулся.

— Суета и скорость — совсем не одно и то же, — сказал он. — У нас, у пандаренов, есть поговорка — успеваешь всюду тот, кто никуда не торопится. Кроме того, — хитро улыбаясь, добавил он, — Я могу тебе доказать, что даже самый стремительный дракон, хоть сам Смертокрыл, никогда не сможет догнать одну самую маленькую черепашку.

И он действительно, пустился в рассуждения, в которых Лика окончательно запуталась, но Чао каким-то образом оказался прав.

Пока телега громыхла по мостовой, Лика получила возможность получше разглядеть своих спутниц.

Леди Темперенс сумела разместиться так, что полог не касался её кроны, при этом её ствол, казалось, вписывался в интерьер самым естественным образом, словно это деревце находилось здесь всегда. Крокодильчик сидела на задних лапах, каким-то чудом сохраняя равновесие, при этом с интересом копаясь в травах и склянках, разложенных по сундукам. Её голубые глаза восторженно блестели.

— А вы в самом деле из Дарнасуса? — набралась смелости Лика, обращаясь к деревцу.

— Я прожила там много лет, — ответила целительница, и Лике показалось, что где-то в гуще листвы промелькнула улыбка, — Моя семья очень древнего известного рода, отец был Главным Смотрителем Оранжереи и особой, приближенной к Верховной Жрице. Ты никогда не была в Дарнасусе, Лика?

— Нет... — Лика вздохнула, — Только видела на картинках. Там очень красиво, наверное?

— Еще бы! — с жаром воскликнула Темперенс, так, что по листьям пробежала легкая волна. — Дарнасус — это совершенно уникальный город, такой красоты, как там, ты не увидишь ни в одном другом месте! Редчайшие виды деревьев, которым насчитывается более тысячи лет, эльфийские памятники архитектуры и искусства, поющие фонтаны, шедевральный храм Луны, неповторимая симфония естественной красоты природы и бессмертных творений калдорай... Ах, я так завидую тебе, что ты еще не видела всего этого! Дарнасус — настоящая северная столица цивилизации, Буреград по сравнению с ним — всего лишь большая деревня...

— Ну уж, и деревня! — вмешалась леди Крокки, — Здесь, во всяком случае, чувствуется цивилизация, жизнь бурлит, а вы там сидите в своих гнездах на дереве, посреди болота...

— Не болота, а озера!

— И климат у вас отвратительный...

— Да что вообще крокодилы понимают в климате?!

— Между прочим, у крокодилов очень развита метеочувствительность... Странно, что с

твоим образованием для тебя это новость!

— Мое образование включало в себя более насущные и эстетические предметы, чем зоология пресмыкающихся!

— Пф! Ботанику и уход за комнатными растениями?

Ли́ка беспомощно переводила взгляд с одной горячо спорящей целительницы на другую, вжавшись спиной в угол телеги.

— Чао! — шепнула она.

— Эмм? — пандарен обернулся к ней, перегнувшись через борт.

Проследив направление её взгляда он добродушно усмехнулся: — Не обращай внимания! Это у них постоянная история... Попылят-попылят, а через пять минут уже помирятся, вот увидишь!

Он подмигнул Лике. — Залезай ко мне сюда, погрейся на солнышке.

Ли́ка не заставила себя уговаривать и охотно перебралась в люльку.

Они уже подъезжали к выходу из города. Здесь движение было чуть более оживленное, чем на улицах, встречались пустые и груженные повозки,двигающиеся в обоих направлениях, верховые разъезды стражи, пешие и конные путники, спешившие по своим делам.

Внезапно монотонный шум дороги пререзал громкий сигнал, вроде гудка механоцикла.

Из-за очередного поворота вылетела раззолоченная карета, запряженная парой лошадей в богатой упряжи. Сидящий на козлах возница с покрасневшимся лицом, раздув щеки, трубил что есть мочи в блестящий рожок. На крыше кареты был установлен кристалл, переливавшийся красным и синим цветом. Лошади и пешеходы шарахались от кареты в стороны и Чао едва успел притормозить, как, грохоча и раскачиваясь из стороны в сторону, карета пронеслась у них перед самым носом, скрывшись за следующим поворотом. Ли́ка успела лишь заметить странную вывеску на ней, вроде высокого кубка, вокруг которого извивалась змея.

Чао пробормотал что-то на непонятном Лике языке.

— Что прости? — переспросила она.

— А? Нет, ничего, девочка... Просто этот Даннелор, по-видимому, считает, что в Буреграде, кроме него никто ездит... Олень! Друид, то есть, я имел в виду...

— Даннелор? А кто это? — спросила Ли́ка. И куда он так торопится?

— Хм... Известно куда... Туда же, куда и почти все буреградцы — фармить, — проворчал Чао, заводя мотор.

— Фармить?

— Зарабатывать золото, малышка, — пандарен извлек из лежавшей рядом сумки пучок каких-то широких листьев и отправил в пасть изрядную горсть. — Ммм... — Будешь? Золотой лотос, оригинальный, пандарийское производство, никаких франшиз... Нет? Ну, ладно.

— В Буреграде, — продолжил он уже мягче, — Все спешат заработать денег, и чем больше денег, тем больше спешка... А у Даннелора их больше, чем у многих. Да... А ведь я помню, когда он только-только приехал из Дарнасуса, так сказать, скромным провинциалом, без гроша за душой, будучи простым учителем первой помощи...

— Он — учитель первой помощи?! — поразила Ли́ка.

— Более того, когда-то он даже работал вместе со мной у брата Склифа, еще когда не было Атуина...

Чао замолчал, уставившись вдаль и жуя листья, а Ли́ка томилась в нетерпении, ожидая

продолжения.

— Так что же случилось? — не выдержав, снова подала голос она.

— А? Чао, вздрогнув, вышел из задумчивости. — Да ничего хорошего, — вздохнул он, — Вон, можешь полюбоваться... Он кивнул в сторону пачки газет, лежавших в люльке, рядом с Ликой.

Все еще не понимая, Лика взяла первую газету из стопки — «Вестник Буреграда».

— На развороте, там, где реклама, — подсказал Чао.

Лика развернула газету. Среди рекламных объявлений и полос о покупке-продаже и сдачу в аренду недвижимости, почти в самом центре располагалось крупное объявление, с портретом элегантно одетого эльфа с зеленым оттенком волос, сверкающего уверенной самодовольной улыбкой.

«Исцеление от тягостных недугов!» — гласило объявление — «Быстро, надежно, анонимно! Уникальные авторские методики! Лечение каджа-кольного синдрома на дому! Только сертифицированные топовые целители (с подтвержденными мифик-ачивами)! Ждем вас!»

Далее приводился адрес, судя по которому, насколько Лика уже разбиралась в географии Буреграда, офис Даннелора находился где-то в одном из самых престижных районов города — Квартале Магов.

— То есть, теперь он... — начала Лика.

— ...имеет хорошую клиентуру, постоянную практику и стабильный высокий доход, — закончил Чао. — Соответственно, круг его знакомств также сильно изменился, и мы с братом Склифом в него уже не входим. Зато, говорят, архиепископ к нему благоволит... Даже упоминал как-то в одной из своих проповедей, как пример ревностного социального служения. Ну да ладно.

Атуин уже выехал к тому времени за пределы города и теперь катился по дороге, которая уже отчасти была Лике знакома — когда-то она проходила по ней, получив свое первое послушание от экзарха Оккама.

Где-то в голубой выси шумели кроны деревьев Элвинского леса, раздавалось пение птиц, воздух был свеж и чист, солнце пригревало, и, казалось, в такой замечательный день просто не может случиться чего-то плохого.

Лика вспомнила предостережение брата Склифа и нахмурилась.

— Чао, — спросила она, — А кто эта старуха Донни, к которой нас вызвали? И почему братья так странно о ней отзывались?

— Аа... — пандарен помотал головой, — Есть тут одна старушка, живёт на отшибе, почти у самого североземского аббатства. Говорят, она вдова, правда, никто никогда не видел её мужа, а сама она не очень охотно общается с соседями. Так, или иначе, живёт совсем одна... Ну, как одна — с кошками!

Лика невольно улыбнулась. — Многие пожилые люди заводят себе питомцев, чтобы не чувствовать себя одинокими, — заметила она.

— Ну... Тут ведь всё дело в количестве питомцев, — пояснил Чао, — Я лично тоже не вижу ничего предосудительного в том, что люди заводят кошку, или кота, или обоих сразу. Но когда их количество переваливает за две дюжины, это уже, на мой взгляд, перебор.

— Две дюжины кошек? — поразила Лика.

— Именно, — кивнул пандарен. — И вся эта орава носится по всей округе, можешь себе представить... Некоторые соседи пробовали возмущаться — коты таскают цыплят, а иногда

и продукты, орут по ночам, и всё такое — но где там! Она и слышать никого не хочет, а чуть что — хватается за топор.

— Ого!

— Вот-вот. Души в своих кошках не чаёт, ест с ними и спит, разговаривает, нас вот вызывает иногда, если что-то с ними случается.

— С кошками?! — переспросила Лика.

— Ага, кивнул пандарен, перекладывая травинку из одного угла рта в другой. — Правда, сейчас это реже, так как теперь уже её тщательно спрашивают перед тем, как принять вызов.

Но ездим к ней, все-равно, частенько — поводы она находит постоянно...

— Но, если она так плохо себя чувствует, может быть её лучше было бы забрать в бараки и полечить? — непонимающе спросила Лика.

— Хе... Во-первых, никуда она не поедет, даже если с ней действительно что-то случится — она же не оставит своих ненаглядных кошечек. А во-вторых, здоровье у неё такое, о каком в её возрасте можно только мечтать. Всё дело в том, что дефицит общения, по-видимому, её кошки, все-таки, восполнить не могут, вот она и ищет повода, чтобы вызвать нас, привлечь внимание, сочувствие соседей и все такое... По большому счету, все, что ей надо — пожаловаться на судьбу, и чтобы её выслушали и посочувствовали. Вот и катаемся... Правда, братья особо не возражают — им больше нравится по пол-дня проводить в Гольденшире, чем мотаться по Буреграду, тем более, что старуха и яблочек с собой на дорогу всегда даст, и таверна тут неподалеку имеется. Так что для них это что-то вроде законного выходного.

Брат Склиф, правда, давно их раскусил, и даже пытался заставить укладываться в установленные сроки, но, после того, как те раз уехали, не дослушав Донни, она написала такую кучу жалоб, что, в итоге, ему пришлось махнуть на все лапой.

Лика слушала, не веря своим ушам. Она-то думала, что на этот раз едет в Голдшир с настоящей целительской миссией, а получалось, что ей предстоит очередное поручение из серии тех, что ей приходилось выполнять по просьбам крестьян. Вот уж, действительно, большая деревня...

Она вспомнила про целительниц и ей стало неловко, что она оставила их одних.

Вернувшись в телегу, она обнаружила, что, в полном соответствии с предсказанием пандарена, обе её новые знакомые уже не ругались, а вполне мирно и увлеченно беседовали, сидя рядом друг с дружкой и вместе листая какой-то яркий глянцевоый журнал.

С обложки журнала, сверкая ослепительной улыбкой, на неё глядела какая-то эльфийка с невообразимой копной волос и ярким макияжем.

— Крем для ухода за корой... — донеслось до неё.

— А для чешуи такой подойдёт, интересно?

— Я бы советовала тебе вот эту маску с флавоноидами... С экстрактом фьярнскаггла и магорозы...

— Ой, смотри, смотри, какой классный лак для когтей! Уиии!

— Вообще-то, тут написано — для корней!

— Ну... Туда тоже можно!

— Изумительный цвет у этой помады... Было бы мне, куда её наносить! Тебе вот хорошо с твоим ртом...

— Ага, а ты хоть представляешь, сколько мне её нужно?! А у тебя зато такая классная

крона, прям — ммм! Хочу себе такую!

— Ой, духи «Сурамарская чаровница»! Я помню, папа дарил маме такие... Правда, они стоят как пол-Буреграда...

Ли́ка смущенно кашлянула.

Крокодильчик выглянул из-за журнала. — Привет! А мы и не заметили, как ты исчезла!

— Хочешь полистать? — смущенно спросило деревце, протягивая ей журнал.

— Спасибо, — поблагодарила Ли́ка, принимая журнал. Она рассеянно развернула его, пробежавшись взглядом по причудливым прическам, изображенных на его страницах, и, внезапно, что-то вспомнив, спросила: — Девочки, а что такое дрянейская эпиляция?

Деревце и крокодил недоуменно переглянулись.

— Что-то, связанное с дренажами? — предположила Темперенс.

— Но точно не с крокодилами! — заметила Крокки.

Ли́ка вздохнула. Видимо, это так и останется для неё тайной.

Она хотела было спросить что-то еще, но, в этот момент Атуин резко затормозил, и она едва не упала, налетев на Крокки.

— Чао! — возмутилась Темперенс, — Ты не мог бы останавливать машину чуть более плавно?

— Вот именно! Не бревна везешь ведь! Ничего личного, подруга, — невинно добавила Крокки, взглянув на деревце.

Отдернув полог навеса, Ли́ка обнаружила, что Атуин остановился на перекрестке, между кузницей с одной стороны и постоялым двором с другой.

У входа в таверну толпились люди.

Чао, уже вылезший из седла, извиняясь, помог выбраться ей и Темперенс. Крокодильчик выпрыгнул сам и в нетерпении бил хвостом по земле.

Ты же говорил, что Донни живет где-то на отшибе? — вспомнила Ли́ка, — Почему мы остановились здесь?

— С вашего позволения, сестра, это я взял на себя смелость настоять на остановке, — подал голос рослый широкоплечий мужчина в металлической кирасе с королевской символикой.

Ли́ка узнала брата Дугхана, по совместительству выполнявшего роль шерифа Гольденшира.

Лицо его, обычно невозмутимое и несколько скучающее, сейчас выглядело взволнованным. Брови были нахмурены, губы сжаты в полоску, под глазами залегли темные круги.

Чао встревоженно поглядел в сторону скопления людей у крыльца. — Что случилось, Дугхан? — спросил он. — Нам дали вызов к Донни Антании...

— Идемте, она здесь, — отрывисто кивнул Дугхан, уже устремляясь широким шагом в сторону таверны. Чао, помедлив секунду, двинулся следом, за ним уже во весь опор мчался крокодильчик. Ли́ка оглянулась на Темперенс, которая тщательно поправляла крону.

— Идем, дорогая! — пропела она, и плавной невесомой походкой устремилась за провожатыми.

Люди расступались, освобождая им проход. Негромкий гул разговоров стихал, когда они проходили мимо. Ли́ке показалось, что в этом молчании таится некая невысказанная угроза, хотя и не могла понять, с чем она связана.

Скрипучие деревянные ступеньки лестницы привели их на второй этаж, где в одной из

гостевых комнат их встретили лысоватый мужчина средних лет в крестьянской одежде — Лика помнила его, это он давал ей поручение добывать плавники мурлоков, которое она отказалась выполнять; молодая золотоволосая женщина в белой блузке и длинной красной юбке и еще одна девушка с короткой стрижкой в зеленом платье, её она помнила смутно, кажется, помощница трактирщика. Все они выглядели взволнованными и в то же время подавленными.

— Мишель, Мелика, — пропыхтел Чао, — И ты здесь, Уильям! Что...

— Сюда, скорей! — перебила его женщина в белой блузке, которую, по-видимому, звали Мишель.

На вместительной двуспальной кровати слева от входа, под голубым балдахином лежала пожилая женщина. Её длинные, некогда рыжие, а теперь почти полностью седые волосы спутанными, давно нечесаными прядями рассыпались по подушкам. Лицо её, не лишенное следов былой красоты, сейчас выглядело бледным с желтоватым оттенком, словно было вылеплено из воска. Черты его заострились, впалые щёки и длинный нос усугубляли это впечатление. Затертая до дыр розовая кофта с засаленными обшлагами рукавов была измазана в крови, а сами рукава высоко закатаны. Худые жилистые руки, покоившиеся на одеяле, ниже локтей были обмотаны сероватыми обрывками грубой льняной ткани, сквозь которые проступали тёмно-красные пятна.

Женщина не смотрела на них, хотя её глаза были открыты — взгляд был устремлен куда-то поверх их голов, казалось, в некую, видимую только ей одной точку. Губы её слегка шевелились, словно она что-то бормотала себе под нос. В комнате пахло кошками.

— Донни... — охнул Чао. — Что здесь произошло?! — повернулся он к Дугхану.

— Судя по всему — пыталась покончить с собой, — глухо отвечал тот.

— Покончить с собой? — переспросил Чао, — Донни? Но почему... Вы уверены?!

— К сожалению — да, — кивнул головой шериф, — Уильям Пест её обнаружил...

— С вашего позволения, док, — вмешался в разговор лысоватый человек, которого называли Уильямом, — Это случилось около часа назад, может, даже чуть поболее... Я иногда навещаю к Донни — приношу ей молока, хлеба, ну и так, знаете, по мелочи, по-соседски, она ведь даже в лавку не приходит, а молоко у меня покупает, потому как ей для кошек завсегда требуется... А молоко у меня свежее, парное...

— Короче, Уильям! — попросил брат Дугхан.

— А! Ну, так я и говорю, прихожу, значит, сегодня к ней, в аккурат с утраца, стало быть, — заторопился Уильям, — И, что-то, значит, понимаю — не то что-то с Донни! Ну, не так чегой-то как обычно, значит, а что именно — не пойму! Смотрю, окна у дома, стало быть, заколочены, досками, значит! Я поближе подошел, гляжу — кошка сидит под самым окном, смотрит на меня и орёт — мяучит, значит! Я за ним — он отбегает и опять мяучит! Ну, я к дверям — а там, стало быть, замок и бумага висит, с печатью! Я подивился, ясное дело, читать стал, а кошка орёт, не унимается... Я уже было запустить в него хотел чем-нибудь, но, потом смекаю, что неспроста это — хозяйки то не видать нигде — а ну как он меня к ней зазывает! Погнался я за кошаком — он к сараю — я за ним, а там — Донни! Лежит прям у поленницы, вся в кровище, глаза закатила, а рядом топор валяется ейный! И кошки рядом расселись вокруг, на меня таращатся, значит, так что мне аж не по себе стало, чуть деру оттуда не дал! Но, думаю, надо глянуть хоть — дышит ли. Подхожу, смотрю — вроде шевелится, только крови столько вокруг, что не понять, откуда льёт! Стал смотреть — а у ней руки все порезаны-порублены, будто нарочно топором промахивалась...

Ну, я что под руками было намотал на локти ей и на плечах поволок, хорошо — кумовьев встретил, те помогли до таверны дотащить!

— Раны неглубокие, — подала голос Мишель, — Но их несколько и почти все они заделали вены — она потеряла очень много крови. Я сменила повязку и остановила кровотечение, но это всё, что я могла сделать, к сожалению...

Ли́ка тем временем подошла к постели. Донни никак не отреагировала на её появление, продолжая смотреть в ту же точку, Лике показалось, что взгляд её с каждой секундой всё более стекленеет. Она коснулась ладонью руки старухи — она была холодной и казалась безжизненной.

Протопав по деревянному полу, крокодилыч привстал на задних лапах, положив передние на кровать. Внезапно раздалось глухое ворчание, и, доселе незамеченный кот, свернувшийся в клубок на груди старухи, вздыбив шерсть на спине, сверкая глазами, зашипел на Крокки.

Та зашипела в ответ. В этот момент на кота и крокодила упала тень словно выросшего в один миг у кровати дерева. Темперенс простерла ветви над головой старухи Донни и, казалось, откуда-то в комнате повеяло лесной прохладой, зашептались листья, запахло дождём, точнее — так, как обычно пахнет в лесу после того, как дождь уже прошёл.

Ли́ка не сразу осознала, что слышит музыку, а, может — пение, доносившееся откуда-то из глубины кроны. Она не понимала языка, но ей казалось, что смысл был ясен без слов. Жизнь, пульсирующая, кипящая, переполняющая бытие, словно стекала с ветвей дерева и ручьями вливалась в распростертое на кровати тело.

Это длилось недолго, всего несколько секунд, но Лике они показались вечностью, и ей бы хотелось, чтобы эта музыка не кончалась никогда.

Темперенс погладила лоб женщины и отступила назад. Чао и окружившие его люди, напротив, придвинулись.

Донни Антаня еще несколько секунд оставалась неподвижной, потом глубоко вздохнула, её взгляд сместился вниз и встретился с глазами Ли́ки, ближе всех стоявшей к ней.

Несмотря на то, что лицо женщины потихоньку уже стало утрачивать бледность, взгляд её оставался пустым, ничего не выражающим. На какой-то миг Лике показалось, что в нём что-то промелькнуло. Глубокое отчаяние. Губы чуть искривились и снова шевельнулись. Ли́ка наклонилась ближе.

— За...чем? — еле слышно донеслось до неё. — Не хочу больше...

— Донни! — Уильям Пест тоже наклонился над ней. — Что же ты натворила?! Разве так можно?

— Потрясающе! — вполголоса бормотала за спиной Ли́ки Мишель. — В жизни не видела ничего подобного!

Чао хмурился. Он повернулся к брату Дугхану. — Вы узнали, что за бумага висела на дверях дома Донни?

— Да. Вот она, — и шериф протянул Чао намокший и порванный в нескольких местах лист пергамента.

«В соответствии с постановлением от... Сего года... Данная недвижимость объявляется частной собственностью... В соответствии с волеизволением хозяйки...»

Чао поднял глаза. — Что-то я не очень понимаю...

— Да что здесь понимать... — проворчал шериф. — Кто-то положил глаз на избушку

Донни Антании — расположение у неё, учитывая близость к Буреграду и аббатству очень выгодное, земля там на вес золота. Родственников у неё нет, детей — тоже. Видимо, кто-то решил этим воспользоваться.

— Ребята рассказывают, — снова вмешался Уильям, — Мелькал тут возле неё уже около недели один тип, раньше его тут не видели, из городских, весь из себя, в костюмчике и с галстуком.

— Да, я его тоже видела! — спохватилась доселе не принимавшая участия в разговоре девушка с короткой стрижкой, которую звали Мелика. Она вспыхнула, заметив, что все смотрят на неё.

— Я помогаю отцу в таверне, — пояснила она, — В первый раз он у нас появился недели две назад, помнится, расспрашивал, кто где живет, да с кем, мне он еще тогда чудноватым каким-то показался. Потом еще пару раз приходил обедать. Усядется в углу и сидит, сосёт одну кружку пива целый час.

— Донни Антания! — обратился брат Дугхан к лежавшей на постели, — Вы меня слышите?

Та не произнесла не звука, но взгляд её задержался на лице шерифа и, спустя несколько секунд, она кивнула.

— Вы слышали, о чем сейчас говорили Уильям и Мелика? Вам знаком тот человек, о котором они рассказывали?

Молчание. Снова утвердительный кивок.

— Этот человек вам угрожал? Запугивал вас?

Пауза. Лице показалось что по лицу старухи промелькнула горькая усмешка. Отрицательное качание головой.

— Вы подписывали какие-нибудь бумаги? — внезапно перебил шерифа Чао, подняв морду от мокрого пергамента.

На этот раз старуха молчала гораздо дольше. Наконец, когда Чао открыл рот, чтобы повторить вопрос, она разжала губы и чуть слышно прошептала: «Да».

Чао и шериф переглянулись.

— Но зачем? — воскликнула Крокки, от волнения привставшая на задние лапы.

Донни Антания прикрыла глаза.

— Обещал приглядывать за моими кошечками... — еле слышно проговорила она. — Говорил, что если подпишу эти бумаги, в моем доме будет построен для них приют... Мне хотелось, чтобы за домом приглядывали хорошие люди... Чтобы сохранилась память о Джеке... Мы с ним... Недолго... Всего одну неделю провели в нём... Он сам строил... А пожить так и не успел...

Губы Донни искривились снова и задрожали, казалось, она хотела произнести что-то ещё. В комнате стояла почти гробовая тишина.

— А деньги? — взволновано произнес Чао, — Он давал вам какие-нибудь деньги? Хоть сколько-то денег?

Старуха медленно кивнула, не открывая глаз.

— Приходил с помощником, чинили ограду... Оставили денег на плату лесорубам, сказали, надо ставить новую...

Чао всё больше мрачнел.

— Я не понимаю, — подала голос Темперенс, — Что бы там не подписала эта женщина, разве может это служить достаточным основанием для того, чтобы вот так

выселить её из её собственного дома?! Ведь она же пожилой человек, который может с легкостью ошибиться...

— Скорее, легко быть введенной в заблуждение, — вздохнул Чао. — Но, если сделка была оформлена в присутствии свидетелей, и получен задаток, согласно законодательству Буреграда, она вступает в силу с момента подписания договора... Боюсь, мы никогда не узнаем, что именно подписала Донни Антаня, но, судя по тому, что постановление о переходе права собственности сертифицировано королевской нотариальной службой, новый владелец её дома позаботился обо всех нюансах и прекрасно знает законы...

— Но кто этот владелец? — спросила Лика.

— Вот именно, кто? — прорычала Крокки.

Брат Дугхан и Уильям Пест обменялись взглядами.

— Может быть, это люди Сайленса? — неуверенно предположил шериф. — Он наезжает сюда со своим балаганом каждый месяц, и размещает его как-раз неподалеку от ее дома. Возможно, у них были на этой почве конфликты? Или Сайленс положил глаз на её избушку...

Чао покачал головой. — Если бы за этой историей стоял Новолуний, он бы не тратил время на расписки и уж тем более не обременял себя визитами к нотариусу. Донни Антаню мы бы вообще не нашли, будь она для него помехой. Да и дом её, если вдуматься, им абсолютно без надобности... Нет, тут что-то другое... Мне кажется, я почти догадался, когда Пест рассказывал свою историю, но потом меня сбили, и я потерял нить...

Чао наморщил лоб, уставившись в потолок, потом полез в карман и вытащил несколько мятых листьев лотоса, сунул их в пасть и засопел. — Нет, — мрачно покачал он головой после паузы, — Ничего не получается...

Темперенс вполголоса давала указания Мишель и Мелике, те таращили на неё глаза и все время кивали; Крокки металась из угла в угол, что-то злобно бормоча себе под нос и пугая Уильяма.

Чао с очередным вздохом сказал что-то брату Дугхану и потопал на лестницу. Лика подошла еще раз к кровати и робко взяла Донни за руку. Та была уже значительно теплее на ощупь. Неожиданно, старуха открыла глаза и посмотрела на неё.

Казалось, взгляд её тоже несколько потеплел, но глаза оставались безжизненными, пустыми.

— Дочка... — прошелестела старуха, — Береги себя... Хотела сжечь... Рука не поднялась...

Рыжий кот сверкнул на Лику зелеными глазами и снова свернулся в клубок на груди хозяйки.

Слабое подобие улыбки мелькнуло на её губах. — Персик... — пробормотала она, запустив пальцы в рыжеватую шерсть. Кот заурчал.

Когда Лика спустилась вниз, Чао заводил мотор. Стоявший рядом Уильям Пест оглядывал Атуина, взволнованно охал, и что-то спрашивал. Рядом толпилась стайка деревенской детворы.

Минутой спустя из таверны вышли Темперенс и Крокки, вызвав крики восторга у детей.

Следом за ними показался и брат Дугхан.

— ...вот ведь техника какая у вас, городских... — говорил тем временем Пест, цокая языком и покачивая головой.

Внезапно Чао замер и хлопнул себя лапой по лбу.

— Вот оно! — воскликнул он. — Городских! Когда Уильям рассказывал про того типа, я сразу это отметил, но потом позабыл! И, когда Дугхан про Сайленса говорил, мне всё казалось, что что-то не сходится... Конечно!

Глаза пандарена заблестели. Брат Дугхан пристально смотрел на него.

— Итак, кто-то из городских, интересующийся загородной недвижимостью, человек со средствами и связями, хорошо разбирающийся в законах и с сомнительными моральными устоями, имеющий штат сотрудников, которыми сам лично руководит...

— Ты думаешь... — медленно начал брат Дугхан.

— Я уверен...к сожалению... — ответил пандарен и сник.

— Да о ком вы, демоны вас раздери, говорите?! — взорвалась леди Крокки.

Брат Дугхан странно посмотрел на неё. — Судя по всему, о господине Баросе Алекстоне.

Чао кивнул. — О королевском архитекторе.

— Мне кажется, я что-то слышала о нем, — неуверенно проговорила Темперенс.

— Вполне возможно, леди, — отозвался Чао, почесывая подбородок. — Несколько лет тому назад с его именем был связан довольно крупный скандал, разразившийся из-за нарушений условий договора оплаты с подрядчиками, выигравшими тендер на проведение ремонтных работ в городе. Дело дошло до криминальных разборок, история была темная, кое-кто поплатился свободой, а кое-кто — жизнью, но Барос вышел сухим из воды, благодаря протекции леди Катарины и, по-видимому, неплохому откату, заработанному им на этом проекте.

— Да-да, — протянула Темперенс, что-то подобное я припоминаю, слухи докатились даже до Дарнасуса.

— Впоследствии, этот тип возглавил королевскую службу учета недвижимости, с его подачи была введена новая система расчета налогов по кадастровой стоимости, благодаря которой он увеличил доходы в казну, а также, по самым скромным подсчетам, свое состояние, как минимум, вчетверо.

Чао еще раз поднес к глазам рваный пергамент. — Здесь не указан собственник, — пробормотал он, — Использована общая формулировка, согласно которой, новым владельцем может считаться предъявитель подписанного договора.

— Где он живёт?! — прорычала Крокки.

Чао глянул на неё с испугом. Брат Дугхан вытаращил глаза.

— Где он живёт, я спрашиваю?! —

— Эмм... Леди Крокки, — начал Чао, мы не можем действовать вне правового поля. Нельзя просто так взять и вломиться в дом королевского архитектора...

— А выставлять на улицу одиноких старух, значит, можно?! — заорала Крокки.

Чао замотал головой. — Разумеется, мы имеем дело с аферой, но аферой профессиональной и исполненной в рамках закона. Нам надо посоветоваться с братом Склифом и тогда, вместе...

— К демонам вашего брата Склифа и ваши гребаные законы! Немедленно вези меня туда, где живет этот упырь!

— Леди Кро...

— Я сказала — ВЕЗИ!

Брат Чао поглядел в полыхающие синим пламенем глаза крокодилчика и молча полез на сиденье. Темперенс и Лика нырнули под навес телеги. Крокодилчик запрыгнул в люльку

спереди.

— ГОНИ!

Атуин взревел и понесся по дороге, оставив после себя облако дыма и пыли.

Дом Бароса Алекстона оказалось отыскать довольно просто. Его двухэтажный особняк располагался прямо напротив Собора Света, рядом с ратушей, являвшейся, по совместительству, его рабочим местом. Мраморные колонны величественной анфиладой выстраивались от ворот резной ограды, отгораживающей дом от улицы, до входной двери. Швейцар в ливрее находился около них, выглядя едва ли не важнее, чем буреградский архиепископ. За оградой виднелись клумбы и газоны с дорожками, посыпанными гравием.

Чао затормозил на противоположной стороне улицы, у Собора.

— Леди Кро, я еще раз взываю к вашему благоразумию, — расстроено начал он.

Но крокодилчик, уже не слушая его, устремился к воротам дома Бароса.

— Мне придется идти с ней, — вздохнула Темперенс, — Её нельзя отпускать туда одну.

Ли́ка встрети́лась глазами с Чао. Пандарен вздохнул. — Тебя я тоже не уговорю, да? — спросил он без особой надежды в голосе.

Ли́ка упрямо мотнула головой и побежала следом за крокодилком и деревом.

Когда Ли́ка приблизилась к воротам, Крокки яростно ругалась с швейцаром, требуя, чтобы тот немедленно открыл их. Темперенс, стоя рядом, тщетно пыталась её увещевать. Швейцар ошалело внимал потоку ругательств, изливавшихся на него из уст крокодила, и только испуганно бормотал в ответ: «Не могу знать-с! Не велено-с!», стараясь держаться при этом подальше от решетки.

В это время дверь в дом отворилась, и, навстречу им троим выбежала средних лет женщина, взволнованно заламывая руки, унизанные браслетами и перстнями.

За её спиной развивалась накидка из какого-то дорогого меха, одежда, насколько могла судить Ли́ка, носила названия известных буреградских брендов.

— Ах, Оскар, что же вы медлите — пропустите скорее докторов! — воскликнула она.

Ли́ка переглянулась с Темперенс — меньше всего они могли ожидать как-раз такого приёма.

— Скорее, прошу вас, доктор, мы вас ждём! — продолжала между тем дама, обращаясь к Ли́ке и еще больше усиливая её внутренний диссонанс. — Я увидела вашу машину из окна — спасибо, что приехали так быстро!

По-прежнему ничего не понимая, она проследовала за дамой в дом, Темперанс скользила рядом, Крокки, задержавшаяся на минуту, чтобы рявкнуть на швейцара, семенила за ними сзади.

Внутреннее убранство дома утопало в роскоши — помимо уменьшенных копий мраморных колонн, здесь были всевозможные статуи, вазы, ковры, ворс которых доходил Ли́ке почти до колен (крокодилчика в нем вообще не было видно), картины на стенах, и хрустальные люстры.

Всё это Ли́ка успела лишь окинуть беглым взглядом, потому что встречавшая их мадам Алекстон (как предположительно называла ее про себя Ли́ка) говорила, не умолкая на ходу.

— Вы представляете, доктор, это длится уже третий день... До этого он недели две... ну, сами понимаете... У него это бывает раз в два-три месяца, и ваши специалисты нам всегда помогают...

Но чтобы такое! Такое — в первый раз, потому я и решила вызвать экстренно...

— А...Что именно в первый раз? — набралась храбрости спросить Ли́ка.

Мадам Алекстон остановилась и поднесла ладони к вискам.

— Ах, это ужасно, у меня сразу начинает разыгрываться жуткая мигрень... Даже говорить об этом!

Вы понимаете, доктор.... Он... Немного не в себе....

Но Лика всё еще ничего не понимала.

— Ему плохо? — спросила она наугад.

— Ах, доктор... Это мне — плохо! А он... он ловит белочек!

— Белочек? — переспросила Лика, чуть не ойкнув оттого, что Кроки наступила ей лапой на ногу.

— Да! — навзрыд воскликнула женщина, поднеся к глазам тонкий платок, и всхлипывая. — И еще пытается их целовать!

За палисандровой дверью на втором этаже оказалась просторная комната, служившая, по-видимому, рабочим кабинетом. У окна стоял письменный стол из черного дерева с золотыми чернильницами на нём и дорогим пергаментом. Рядом — пюпитры с крепящимися на них эскизами чертежей, разбросанные по полу чертежные принадлежности и пустые бутылки.

Шкафы вдоль стен были заставлены книгами, статуэтками, рулонами пергамента, а также бутылками разных размеров, форм и цветов.

В углу виднелся комод, на котором стоял металлический ящик, среднего размера.

Почти в центре комнаты располагался небольшой кожаный диван черного цвета, на котором возлежал грузный мужчина, одетый в розовую шелковую рубашку и халат пурпурного цвета.

На вид ему было около пятидесяти лет, но, возможно, он выглядел старше из-за наметившейся лысины, недельной щетины и набрякших мешков под глазами.

Халат был распахнут и из-под него выпирал свисающий живот а также виднелись вычурные розовые панталоны, доходившие до колен.

Руки выглядели дряблыми, в данный момент они крепко сжимали подлокотники дивана. Лике почему-то бросились в глаза ухоженные ногти, побелевшие от напряжения.

Человек, казалось, не обращал внимания на вошедших, уставившись куда-то в угол, он что-то бормотал себе под нос, потом начинал что-то собирать с дивана и снова вцеплялся в подлокотники.

— Видите?! — мадам Алекстон всхлипнула и приложила платок к глазам. — Я его никогда таким раньше не видела!

— Успокойтесь, пожалуйста! — обратилась к ней Темперенс, — И не могли бы вы оставить нас ненадолго одних?

— Да... Конечно, конечно! Мне нужно прийти в себя... — с этими словами дама удалилась, прикрыв за собой дверь.

Не успел щелкнуть замок, как Кроки уже стрелой неслась к диванчику.

— Это ты выселил старуху Донни из её дома?! Ты отжал у неё избушку?! Отвечай!

Барос поднял голову и уставился на крокодила мутным бессмысленным взглядом.

Кроки сверлила его яростным взглядом голубых глаз в ответ.

Королевский архитектор моргнул и взор его стал несколько проясняться.

— Бе... — белочка? — неуверенно произнёс он и протянул руку к крокодильчику.

— КРОКУЕЛОЧКА! — рявкнула Кроки ему в лицо, щелкнув челюстями прямо пере, его носом.

Королевский архитектор побледнел и раскрыл рот, словно собираясь сказать что-то еще, беспорядочно завозил руками по дивану и, внезапно, потеряв сознание, рухнул с него на пол.

— Крокки! — воскликнула Темперенс, всплеснув ветвями. — Ну разве так можно?! Мы же, все-таки, целители! Что ты с ним сделала?

Крокодильчик гневно зафырчала. — По-твоему, надо было предложить ему выпить кофе, или что там принято у вас в Дарнасусе употреблять по утрам в благородных кругах? Не велика ли честь для этого упыря?

Но Темперенс, не слушая её, уже склонилась над распростертым телом Бароса.

— Обморок... — сказала она озабоченно. — А еще очень высокий пульс...

— Ну, так приведи его в чувство! — огрызнулась Крокки, — Мне нужно узнать, где он держит бумаги и расписки...

Лица растерянно переводила взгляд с одной целительницы на другую.

Темперенс что-то напевала над Баросом, Крокки носилась по всей комнате, опрокидывая все, что только могла и роясь во всех ящиках и на всех полках, до которых могла дотянуться.

— Лица! — обратилась она к ней, — Ты не могла бы пока посидеть с ним вместо Темпи? Мне бы не помешала чья-то помощь, и, ничего личного, но этот кто-то должен быть чуть повыше!

Лица закивала и приблизилась к дивану, рядом с которым лежал королевский архитектор. Темперенс вздохнула. — Я погрузила его в легкий сон, после которого ему станет легче. Наверное, мне лучше помочь Крокки, пока она не разнесла весь дом... Надеюсь, мы успеем покинуть его до прихода стражи...

При звуке ее голоса Барос издал легкий стон и приоткрыл глаза.

— Кро... — пробормотал он и лицо его исказилось гримасой страха, — Кроко... крокодилочка...

— Всё хорошо! — ласково успокоило его деревце, склонившись над ним и приветливо помахивая ветками, — Всё будет хорошо!

Архитектор поглядел на неё, икнул, и с глухим стуком уронил голову на пол, снова потеряв сознание.

— Наверное, действительно, лучше тебе за ним присмотреть, — прошептала Темперенс.

Пока Лица придерживала голову архитектора руками, Темперенс аккуратно просматривала содержимое верхних полок шкафов, а Крокки прыгала рядом и нетерпеливо подгоняла её.

— Хватит миндальничать! Ты еще ему пыль тут с полок протри и книжечки расставь в алфавитном порядке!

— Меня учили всегда поддерживать порядок! — невозмутимо отвечало деревце.

— Простите, — подала голос Лица, — Но разве не разумнее держать ценные документы в сейфе? Ну, то есть, я имею в виду, что вон тот железный ящик на комодке очень даже похож на сейф.

Крокки подпрыгнула на месте. — Чего же ты раньше молчала?!

— А разве вы его не заметили?

— Издеваешься? С моим ростом я могла заметить только ножки от этого дурацкого комода! А это зацикленное на порядке дерево обратило бы на него внимание, только если бы он криво стоял, или был бы чем-то испачкан...

Темперенс попробовала приподнять сейф, но он оказался слишком тяжел.

— Заперто! — констатировала она, подергав ручку.

— Естественно! — фыркнула Крокки, — Если люди приобретают сейф, то вряд ли для того, чтобы держать его открытым...

— Нужен ключ, — проговорила Темперенс...

Крокодильчик закатила глаза. — Да ты сегодня просто в ударе! Лика, посмотри, нет ли ключа у господина архитектора!

Лика чувствовала себя крайне неловко от того, что ей предстояло сделать, но воспоминание о прощальном взгляде Донни Антании внезапно придало ей уверенности и сил.

В карманах халата было пусто, зато на шее обнаружился шнурок с крохотным металлическим ключиком.

— Уиии! — в восторге завопила Крокки.

Но радость оказалась преждевременной — ключ был слишком мал.

— Может, сбросить его из окна? — предположил крокодильчик.

— Архитектора?! — ужаснулось деревце.

— Сейф!

Лика лихорадочно кусала губы. Вот-вот в комнату может вернуться мадам Алекстон и вряд ли они смогут объяснить ей, что именно тут происходит... О возможных последствиях она старалась не думать, но образ гневно рычащего брата Склифа становился в её воображении всё реалистичнее. Теперь она уже почти жалела, что не прислушалась к рассудительным доводам Чао.

Внезапно, взгляд её упал на разбросанные по комнате инструменты для черчения.

А что, если...

Темперенс и Крокки не сводили глаз с гномки, стоявшей на комодe и орудующей циркулем и рейсфедером в замке металлического ящика.

— Кажется... есть! — радостно воскликнула она.

Дверца сейфа со щелчком распахнулась, едва не сбив Лику с ног.

Крокки подскочила к сейфу, стараясь допрыгнуть до него.

— Ну, что там?!

— Бумаги! — радостно выдохнула Лика, вытаскивая из недр ящика увесистую связку пожелтевших бумажных корешков, писем, обрывков пергамента и свитков.

Самый верхний из них выглядел более новым. Темперенс развернула его.

«Я, Донни Антания...» — прочитала она.

— Она!! Эта та самая расписка! — перебила её Крокки, — Давай её сюда! И остальные бумаги — тоже!

Прежде чем Лика успела вымолвить хоть слово, расписка старухи Донни исчезла в пасти крокодила.

— Нет! — воскликнула Темперенс, перехватив веткой пачку документов.

— Исчезновение одной расписки Барос еще сможет как-то объяснить, но если мы уничтожим все, неприятностей нам не избежать. Кто знает, может быть здесь есть документы государственной важности?

— Тогда ему следовало бы хранить их получше! — проворчала Крокки, но чувствовалось, что жажда мщения в ней уже поухнула.

Темперенс положила пачку бумаг обратно в сейф, а Лика захлопнула дверцу,

убедившись в том, что замок срабатывает автоматически.

Крокки тем временем подобралась поближе к Баросу, по прежнему лежавшему на полу (Лика подложила ему подушку под голову).

— Запомни, Барос! — рявкнула она ему в ухо, — Если я услышу, что ты, или твои гуманоиды приблизились к Донни Антании ближе, чем на сто метров, или вздумали еще кого-нибудь лишить единственного жилища, в следующий раз я приду к тебе со своими друзьями из кратера Ун-Горо! И сегодняшней визит покажется тебе милыми посиделками!

Неизвестно, слышал ли её архитектор, но по лицу его промелькнула судорога.

— Нужно положить его обратно на диван! — вмещалась Темперенс, расставлявшая тем временем по местам опрокинутую крокодильчиком мебель и предметы.

Крокки фыркнула, но помогла Лике забросить сначала ноги, а потом и остальную часть тела Бароса на то место, где он лежал на момент их появления.

Архитектор не издал ни звука, лишь сопел и причмокивал.

Покинув комнату, они спустились по лестнице на первый этаж, где их встретила хозяйка, расположившаяся на софе и прикладывающая к вискам лёд.

— Ах...Что вы скажете, доктор? — обратилась она к Лике. — Может быть, ему требуются какие-то снадобья? Или уход? Вы только скажите, я всё оплачу!

— Н-нет-нет, ничего не надо, — отчаянно импровизировала Лика, стараясь не заливать краской слишком сильно и торопливо пробираясь к выходу, — Просто не беспокойте его какое-то время — ему надо восстановить силы!

Темперенс согласно кивала, Крокки уже выскочила на улицу, застав швейцара врасплох.

— Ах, благодарю вас! — донеслось им вслед.

— Да! Мы сделали это! — радостно закричала Лика, как только они отошли на несколько шагов от металлической решетки. — Уиии! — поддержала её Крокки.

— Чао! У нас получилось! Ты слышишь, Чао! - Лика остановилась в замешательстве.

Рядом с Атуином стояла роскошная позолоченная карета с уже знакомой ей символикой — та самая, которая подрезала их на выезде из города. Рослый эльф в белом халате и уложенными в стильную причёску зелеными волосами, размахивая руками ругался с пандареном.

Чао выслушивал его, опустив голову, время от времени пытаясь что-то вставить, но без особого успеха.

За спиной эльфа, у самой кареты неподвижно стояли двое массивных древней, многозначительно поскрипывая.

Подойдя ближе, Лика стала слышать, что говорил эльф.

— ...возмутительно! Вы думаете, я позволю вам вот так просто перехватывать у меня мои заказы и переманивать элитную клиентуру?! Что вы себе там возомнили с вашим братцем волком? Среди моих пациентов есть весьма и весьма значительные люди, с положением, понимаешь, Чао? Я уверен, его высокопреосвященство понятия не имеет о вашем маленьком бизнесе, а это нехорошо, ой как нехорошо! Стяжательство — это ведь большой грех, разве не так, Чао? Вы же со Склифом такие все из себя бессеребренники, вечно мне пыль в глаза пускали! А только правда вон она где — всё дело в цене! Поздравляю, милый мой медведь, только поздноато вы решили за бизнес взяться! Имей в виду, если вы не вернете мне гонорар за этот вызов, плюс компенсацию за то, что вторглись на мою территорию, я засужу вас! Я не оставлю от ваших бараков и следа! А лично ты и твоя сестрица, кажется, вообще не имеют официального разрешения на работу в Буреграде, и это

уже попахивает депортацией, разве нет?

При последних словах эльфа на невозмутимой до этого момента морде Чао промелькнула легкая тень беспокойства, но эльф это заметил.

— Ага, дорогой, испугался! И это очень разумно и правильно — в вашем Пандостане ведь прорва рабочих мест и замечательные условия, не так ли? Самое время обдумать перспективы...

— Ах, господин Даннелор! — перебил его чей-то музыкальный голос.

Эльф оборвался на полуслове и обернул свое раскрасневшееся, некрасивое от злости лицо с пылающими под прической ушами навстречу говорившей.

— Какая приятная неожиданность встретить вас здесь, в такой дали от родного Дарнасуса, — продолжала щебетать между тем Темперанс. — Как поживаете? Вы, кажется, знакомы с господином Чао, моим добрым коллегой?

— Ле... Леди Де Шаниель... — лицо Даннелора вместо красного стало становиться зелёным, что, накладываясь на естественный синеватый оттенок кожи придавало лицу совершенно невероятное сочетание, — Кк-какая неожиданность встретить Вас здесь...

— Ах, вы правы, последний раз, кажется, мы виделись с вами на вечере, посвященном возвращению лорда Малфуриона, вы тогда еще носили такой необычный парик... Даже леди Тиранда сочла его забавным!

Эльф растерянно шевелил губами и вымученно попытался рассмеяться в ответ: — Леди... Да... Ха-ха-ха!

— Ой, я, кажется, помешала вашему разговору? Вы наверняка обсуждаете здесь что-то важное для организации медицинской помощи в Буреграде?

— Что? Ах, нет... То есть — да! То есть, простите леди Темперенс, я только хотел выразить глубокую признательность вашему коллеге, за то, что мы делаем общие деньги... В смысле — общее дело! Я хочу сказать, для меня честь работать вместе с вами! Конечно, я, если бы знал заранее — никогда, то есть, ваши пациенты — это ваш священный гоно... То есть — долг! Я... Если угодно...

Он окончательно запутался, побагровел, по лицу его катились крупные капли пота, смешанные с зеленой краской.

— С вашего позволения, я, пожалуй, откланяюсь! Господин Чао, сердечно рад был вас видеть! Обращайтесь в любое время! Леди Де Шаниэль, тысячу поклонов вашим батюшке и матушке! — уже более связно бормотал он, пятясь задом в сторону кареты. Древни стояли на вытяжку, таращась на Темперенс.

— Мальчики, чего стоим, — хлопнула та в ладоши, — Помогите господину Даннелору взобраться в карету!

Древни разом кинулись к эльфу, подхватив его своими мощными, бугрящимися узлами ветками и закинули внутрь кареты с такой стремительностью, что изнутри раздался треск и приглушенный вскрик.

— Была рада встрече! — улыбаясь помахала ему вслед веткой Темперенс. — Пенёк паршивый, — добавила она, когда карета покатила прочь.

Неделю спустя Лика стояла в кабинете брата Склифа. Когда она вошла, ворген грыз мундштук огромной трубки, пуская кольца дыма и барабанил лапой по столу. Глянув на неё исподлобья, он выдержал минутную паузу.

— Кхм... — прорычал он наконец, и вышел из-за стола. Приблизился к Лике и пристально посмотрел ей в глаза. Лика уже не обмирала от страха, как раньше, но гадала про

себя, что было на уме у брата Склифа.

Тот подошел к окну, заложил лапы за спину, и, не оборачиваясь, произнес:

— Меня навещала мадам Алекстон...

Лица затаила дыхание. А она-то уже надеялась, что пронесёт! Увы...

— Я не знаю, и не хочу знать, что вы там учудили, но...

Ворген развернулся, в глазах его горели желтые огоньки. Запустив лапу в ящик стола он вытащил кожаный мешочек и бросил его со звоном на стол.

— Мадам искренне признательна вам за великолепную работу, и просила назначить тебя их семейным целителем. Мне пришлось объяснить ей, что это невозможно в силу твоих должностных обязанностей. Господин Барос также весьма признателен, и даже выразил готовность бесплатно провести перепланировку наших барачков. С его слов, он полностью излечился от своего...хм... недуга...

И, да, чуть не забыл — тебе тут еще и из Гольденшира гостинец передали — вчера братья ездили, привезли...

И, пока Лица хватала от неожиданности ртом воздух, брат Склиф, усмехаясь, извлек из-под стола и водрузил на него корзину с красными пузатыми яблоками.

Глава 5. Ночная смена

Ли́ка рассеянно пробежала глазами затейливую вязь строчек пожелтевших страниц старого пыльного фолианта. Она перечитывала страницу уже третий или четвертый раз, и никак не могла сосредоточиться, смысл витиевато изложенного текста безнадежно ускользал от неё.

«Такожде надлежит пещись со тщанием о поддержании настроя благодатного, всячески возогревая в себе оный и обновляя непрестанно, дабы молитва наша была усердна и дух бодр...»

Она почувствовала, что её веки начинают тяжелеть, буквы расплывались перед глазами, она словно проваливалась куда-то, на дно колодца, от которого веяло сыростью и затхлостью.

«Такожде... надлежит...» — пыталась она сконцентрироваться, но руническая вязь уже исчезла, вместо неё простиралось поле, залитое солнцем, по которому она когда-то любила бегать в детстве с двоюродными братьями и сестрами, только трава была не зеленой, а желтой, совсем сухой...

Чьё-то сдержанное покашливание вернуло её в реальность. Она тряхнула головой и чихнула, подняв облако пыли с разворота книги, лежавшей перед ней на столе.

Подняв голову, она встретилась взглядом с нахмурившимся отцом Оккамом, взиравшем на неё с высоты своего роста, скрестив руки на груди.

— Ваше попечительство, — пробормотала она, отчаянно стараясь выглядеть бодрой.

Судя по выражению лица экзарха, это удавалось ей не слишком удачно.

Покачав головой, дренией протянул руку, и перевернул обложку фолианта, чтобы видеть название.

— «Сад Благодестия» — прочитал он вслух.

Затем он снова перевел взгляд на гномку.

— Дитя моё, — обратился он к ней, — Эту книгу тебе следует изучать с особым рвением, ибо в ней описаны основы твоего духовного пути...

— Я... я изучаю... — пискнула Ли́ка, краснея и пряча глаза.

Отец Оккам покачал головой. — Изучать мало, нужно чувствовать поэзию, сокрытую в глубинах строк, ибо только когда сердце твое станет звучать ей в унисон, ты сможешь постичь смысл написанного...

Он вздохнул. — Мне кажется, я совершил ошибку, дав тебе послушание у брата Склифа...

— Все нет! — горячо запротестовала Ли́ка и осеклась, заметив, как недоуменно вздернулись брови экзарха. — Простите, ваше попечительство... Я хотела сказать, что... что мне очень нравится проходить послушание там...

По лицу отца Оккама промелькнула тень улыбки.

— Ты удивительное дитя, — заметил он. — Многие другие, кого я отправлял на служение в Бараки уже на следующий день просились в любое другое место. Ты же продержалась уже почти месяц! И брат Склиф неплохо о тебе отзывается, что, безусловно, не может не радовать. Однако, я не могу допустить, чтобы послушание там становилось помехой для учебы здесь, в стенах школы. Ты не высыпaeшьсeя, и выглядишь усталой.

Ли́ка промолчала. Ей совсем не хотелось признаваться экзарху в том, что накануне она в очередной раз читала братьев Прибамбацких почти до середины ночи. Книгу ей дала Мирта из личной библиотеки брата Склифа, который, как оказалось, был тоже любителем этого жанра.

Экзарх нахмурился. — Надеюсь, тебя не ставят в ночные смены? — спросил он обеспокоенно.

— Н-нет.. — Ли́ка не сразу поняла, о чем идет речь. — Я всегда дежурю в дневное время, свободное от учебы.

— Это хорошо, — кивнул отец Оккам. — И всё же, мне придется поговорить с братом Склифом, чтобы тебе сократили часы.

Покачав головой, экзарх удалился из библиотеки Собора, шурша одеяниями.

Ли́ка непроизвольно прислушивалась к звуку его шагов, размышляя о сказанном. Странно, но за все время, что она провела в Бараках, она ни разу не задумывалась о том, что происходит в них в ночное время...

Атуин, постукивая мотором, катил по мощеной мостовой Старого Квартала. Чао меланхолично пожевывал травинку, уставившись на дорогу почти немигающим взглядом, так, что со стороны можно было предположить, что он дремлет с открытыми глазами (Ли́ка подозревала, что так оно и было на самом деле). Они притормозили около длинного двухэтажного дома, вытянувшегося вдоль переулка. Здание чем-то напоминало Бараки Исцеления, только выглядело более ветхим и неухоженным. Дверей было несколько, напротив ближайшей к ним, прямо на тротуаре играли в пыли несколько чумазных малышей-пандаренов.

Завидя Атуина, они подошли поближе и остановились в нескольких шагах, с любопытством разглядывая необычную конструкцию.

Ли́ка еще не научилась определять на глаз возраст различных рас, но ей показалось, что они были совсем еще маленькими... пандарятами? Медвежатами? Пандамедведятами? «Надо будет уточнить у Чао, как они их называют», — подумала она.

Самый старший из них сосал лапу, наблюдая исподлобья, как пандарен и гномка доставали сумки из телеги.

— А я вас знаю! — объявил он Чао. — Вы к нам уже приезжали, когда у меня болел живот!

Чао заморгал и наморщил нос. — Надеюсь, ты теперь больше не ешь немых яблок? — спросил он, шутливо грозя лапой карапузу.

— Не-а! — теперь я их мою! Вон там! — доверительно сообщил тот, кивнув в сторону водосточной трубы, под которой еще оставалась небольшая лужица.

Ли́ка прыснула, а Чао, нахмурившись, открыл было рот, чтобы прочитать краткую мораль об основах гигиены, когда из подъезда выскочила (точнее сказать — выкатилась) круглая, как меховой мячик пандаренша с растрепанными волосами, в халате в горошек и фартуке, сбившемся набок.

— Ох, наконец-то! — затараторила она, проворно семеня к ним, — Я уже вся издергалась! Пожалуйста, побыстрее! Чао вздохнул. — Что случи...

— Доктор, умоляю, поговорите с ним! Я так измучилась! Так больше не может продолжаться! Надо что-то делать... Может, вы его заберете? Или сделаете что-нибудь, я не знаю...

Она неожиданно разрыдалась, и Ли́ка, наконец, увидела синевато-черный ободок вокруг

левого глаза пандаренки, который поначалу приняла за специфический окрас шерсти.

Чао растерянно глянул на Лику, потом на пандаренку, и мягко коснулся лапой её плеча. — Успоко...

— Да чтоб ему пусто было! Сил моих больше нет, глаза бы на него не смотрели! — выкрикнула она сквозь приглушенные рыдания, размазывая лапой слезы по шерсти.

Лику растерянно хлопала глазами, переводя взгляд с пандаренки на Чао, который, вздыхая, кивал головой, уже не пытаясь вставить слово и, подхватив сумки, топтался, переминаясь с лапы на лапу.

Пандаренка, не переставая причитать, толкнула дверь, со скрипом провернувшуюся на петлях, и, сопровождаемая Чао, стала подниматься по лестнице. Лику последовала за ними, провожаемая взглядами столпившейся пандаренской детворы.

Лестница привела их на второй этаж, на лестничной площадке которого располагались три двери, одна из которых была приоткрыта. За нею обнаружился узкий коридор, ведущий мимо крохотной кухонки в немногим больших размеров комнату. Проходя мимо кухни, Лику заметила там пожилую пандаренку, дремавшую в углу с трубкой в зубах.

В комнате бросались в глаза беспорядок и теснота, подчеркивающая убогость обстановки. Двое лохматых медвежат возились на полу, играя не то кубиками, не то мячиками.

Из угла в угол комнаты тянулись бельевые веревки, с развешанной на них одеждой.

Чуть поодаль от двери, на вытертой и полинялой циновке сидел весьма тучный пандарен в сером штопаном халате, уткнувший морду в лапы, и раскачивающийся из стороны в сторону.

Чао, окинув взглядом обстановку, покачал головой, кивнул Лику в сторону пандарена и вполголоса заговорил с сопровождающей их пандареншей, о чем-то ее расспрашивая.

Лику в замешательстве остановилась в двух шагах от сидящего перед ней медведя.

— Эмм... — начала она. — С вами все в порядке?

— Да где ж в порядке, где ж в порядке-то! — запричитала за её спиной круглая пандаренка. — Вы же видите, какой он!

При звуках ее голоса пандарен отнял морду от лап, и уставился на Лику мутным взглядом, налившихся кровью глаз. Казалось, ему трудно было сфокусироваться. — Зараза, — невнятно промычал он. — Что, простите? — переспросила Лику от неожиданности.

— Зараза! — чуть внятней отозвался пандарен, обдав Лику волной запаха перегара, — X-хозенское от-тродье...

При этом он сделал попытку приподняться, но, не рассчитав усилия, неожиданно чуть не свалился, восстановив равновесие в самый последний момент, словно большая плющевая неваляшка.

Лику, не удержавшись, прыснула; при всей серьезности обстановки это выглядело забавным.

Пандарен снова оказался на ногах, уставившись на улыбающуюся Лику, он нахмурился и вытянул вперед лапу, пытаясь ухватить ее то ли за плечо, то ли за ухо. У Лику не было ни малейшего намерения выяснять это, поэтому она чуть отпрянула назад, слегка стукнув при этом пандарена по лапе рукой.

В глазах медведя загорелся мрачный зеленый огонек. Каким-то неуловим движением он запустил лапу в складки циновки и вытащил оттуда внушительных размеров столовый нож

для разделки рыбы.

Ли́ка словно парализованная наблюдала за тем, как нож медленно описывает блестящую параболу, приближаясь к её лицу. Впоследствии она не могла объяснить себе, почему она не пошевелилась, ни издавала ни звука; испытывала ли она страх, или какие-то другие эмоции — все было как в тумане, она помнила только эту сверкающую дугу, врезающуюся ей в память на всю оставшуюся жизнь.

Где-то за спиной она услышала истошный визг, краем глаза она увидела, как пандаренка подхватывает на руки медвежат, кажется, что-то где-то упало; наверное, она зажмурилась.

Что-то большое, мягкое врезалось в неё сбоку, толкнуло её, так, что она отлетела, больно ударившись при падении. Эта боль словно вывела ее из оцепенения, она вскрикнула, вскочила на ноги и загородилась сумкой. Однако, секунду назад угрожавший ей нож теперь валялся на полу в двух шагах от неё, а его лохматый владелец что-то мычал из-под Чао, оседлавшего его сверху, и прижимавшего ему голову лапой. Такого сурового выражения морды Ли́ка у него еще ни разу не видела.

— Вызывай стражу, девочка, — пропыхтел он. — По этому мешку с сивухой она давно плачет! Только поторопись, надолго меня может не хватить...

Ли́ка испуганно кивнула и выскочила в коридор. Никого. Исчезла даже старуха из кухни. Гномка сбежала вниз по ступенькам, во двор, где играла ребятня. Они и сейчас еще были там.

— А вы уже вылечили дядю Сюэня? — поинтересовался у неё карапуз, узнавший Чао.

— Д-да... — выдохнула Ли́ка, в растерянности оглядываясь по сторонам. — А... где тут можно найти стражников?

— Там, за углом, — махнул лапой маленький пандарен. — Там продают пиво и там часто бывают стражники. У них настоящие мечи!

И, безо всякого перехода, поинтересовался: — Что, дядя Сюэнь опять дерется?

— Так и ты это видел? — ахнула Ли́ка. — Карапуз серьезно кивнул. — Конечно! Тетя Суоми с малышами всегда у нас прячутся! Они рядом с нами живут.

Ли́ка, не веря своим ушам, повернула за угол. Место, в котором продавали пиво, оказалось таверной самого низкого пошиба, но рядом с ней действительно находился пост стражи.

Двое стражников, сняв шлемы, расположились за бочонком у входа в неё, с пенными кружками в руках.

Ли́ка опрометью бросилась к ним.

— Пожалуйста, — торопливо дыша, обратилась она к ним, — Там драка! На нас напал пандарен!

Стражники переглянулись. — На кого это на вас? — ухмыльнулся тот, что был повыше, с рыжеватыми длинными усами. — И вообще, что гномы забыли в пандаренском квартале?

— Там Чао! Он не гном, он тоже пандарен! А у того — нож! — скороговоркой объясняла Ли́ка.

Второй стражник лениво зевнул. — Ну, пандарены сами между собой разберутся... Связываться с ними — себе дороже, поди разбери, кто из них хмелевар, а кто — с ветром танцует. Иди домой, малышка.

— Но они дерутся! У того, другого — нож! А Чао без оружия...

— Вот что, малявка, — перебил её рыжеусый, — Ты, вроде, как я погляжу, на

пандаренку не похожа, а потому не морочь нам голову! Если у пандаренов очередные семейные разборки, они сами к нам обратятся, когда потребуется, ясно тебе? А сейчас брысь отсюда, ты отвлекаешь нас от наших прямых служебных обязанностей! — и, отхлебнув из кружки, он с довольным видом подмигнул напарнику, отирая с усов хлопья пены.

— Но ведь...

— Брысь! — прикрикнул стражник, для пущего эффекта выпучив глаза.

Лица топнула ногой. Она почувствовала ярость оттого, что в этот момент Чао подвергается опасности, а она ничем не может ему помочь! Точнее, может, но эти двое не желают ее слушать!

Внезапная мысль осенила её, и, прежде чем Лица успела взвесить последствия, она, подпрыгнув, толкнула бочку, на которой стояли кружки с пивом, метнулась вперед, подхватила с земли упавшие шлемы стражников и опрометью кинулась прочь под негодующие вопли служителей порядка и веселое улюлюканье зевак.

— Стой! Ах ты, дрянь мелкая! — несло ей вслед.

Оглянувшись на бегу, Лица отметила, что стражники погнались за ней, и припустила изо всех сил, надеясь, что она успеет добежать до Чао. На ее счастье, стражники были не настолько проворны, в своих металлических кирасах и с мечами на поясах. Добежав до входа в дом, где несколько минут назад резвились малыши, она перевела дух и, убедившись, что стражники её видят, нырнула в подъезд.

На лестничной площадке второго этажа двери выходящих на неё квартир были приоткрыты. Из-за каждой выглядывали испуганные морды пандаренок и любопытные мордашки их детей.

Лица успела заметить краем глаза среди них растрепанную Суоми, что встречала их у подъезда.

Дверь в квартиру, куда вызывали их с Чао оставалась открытой, оттуда доносились звуки потасовки. Топот стражников уже раздавался на лестнице, и она шмыгнула в коридор.

В комнате царил еще больший (насколько это было возможно) беспорядок; лохматый пандарен, размахивая ножом, преграждал Чао выход, стараясь достать его неуклюжими выпадами, от которых тот с легкостью уворачивался; в очередной раз промахнувшись, пандарен потерял равновесие и пошатнулся; Чао воспользовался этим и неожиданно бросился ему в ноги кувырком, дебошир перелетел через него, растянувшись и выронив нож, отлетевший куда-то в угол, Чао снова плюхнулся на пандарена сверху, тяжело дыша. Тот заворочался, пытаясь его скинуть, но в этот момент в комнату ворвались запыхавшиеся и разъяренные стражники. Рыжеусый подлетел к Лице и схватил ее за шиворот. — Ну, мелочь! — выдохнул он, зло глядя на Лику. Второй стражник, отдуваясь, остался в дверях.

— Я не собираюсь уезжать! — запальчиво выкрикнула Лица, брыкая в воздухе ногами, — Я хотела, чтобы вы вмешались в драку! Вот!

Чао слез с притихшего пандарена и оглядел стражников. — Вообще-то, офицер, это я её послал, — проговорил он, неуверенно обращаясь к тому, что держал Лику. — У наст тут произошел небольшой инци...

— Сюэньчик!!

Пухлая пандаренша стремительно протискивалась в комнату мимо стоявшего в дверях стражника.

— Всё в поря... — начало было Чао, но та, не слушая его, отпихнула его в сторону и кинулась к лежащему на полу и кашляющему пандарену.

— Сюэньчик, что с тобой?! Ты живой?! Что он с тобой сделал?! — тормозила она его, — Скажи мне что-нибудь, слышишь!

Лица от изумления даже перестала брыкаться, повиснув в руке стражника и открыв рот.

— Да ведь вы сами... — ошарашенно проговорила она.

— Что сами? Что сами?! Моему мужу была нужна помощь, а вы его чуть не убили! Этот медведь его чуть не задушил! Целители, называется...

Чао растерянно заморгал.

— Таак... — зловеще протянул стражник с рыжими усами и слегка кивнул своему напарнику, — Ну-ка, Берт...

Стражник, которого звали Бертом, шагнул к Чао и ухватил его за лапу.

— Да вы что! — возмущилась Лица, которую, наконец-то поставили на пол, — Это же он, Сюэнь, то есть, напал на нас с ножом!

— Каким еще ножом?! У него и ножа то никакого нет! — запальчиво огрызнулась пандаренша.

Сюэнь, смирно сидевший на полу, при этих словах поднял голову и согласно закивал.

— То есть, вы подтверждаете, мадам, что эти двое ворвались в вашу квартиру и напали на вас? — поинтересовался Берт, извлекая откуда-то из-под кирасы моток веревки.

— Вот именно! — шмыгая носом, кивнула пандаренша, кинув на остолбеневшую Лику косою взгляд.

— Именем короля, вы оба — арестованы! — объявил рыжеусый стражник.

— Но...как же?! — Лица едва не поперхнулась, — Вы... Мы... — она не могла подобрать слов, лишь разевая рот и хватая им воздух.

Чао лишь вздохнул и покачал головой. — Спокойно, детка, — обратился он к гномке, поворачиваясь спиной к Берту и подставляя ему лапы, на которые тот намотал веревку. — Это недоразумение должно будет скоро разрешиться...

— Ты тоже! — рявкнул рыжеусый, подталкивая Лику в спину. Прежде чем та успела сообразить, он обвязал ее вторым концом веревки, так, что они с Чао оказались связанными вместе.

— Не бойсь, Том, — усмехнулся стражник, которого звали Бертом, — Больше она от нас не сбежит!

С пылающими, как факел ушами, Лица спускалась с лестницы, провожаемая взглядами пандаренов, под невнятный гул голосов.

— Куда они нас поведут, Чао? — шепнула она.

Пандарен снова вздохнул. — Боюсь, малышка, что явно не в таверну... К моему большому сожалению, поскольку мы так и не успели пообедать...

Высящиеся стены древнего форта нависали над мостовой, бросая тень на караул стражников, вытянувшихся во фронт перед массивными деревянными дверями, перекрывавшими вход в крепость. Ведший Лику стражник, которого звали Томом, предъявил офицеру патрульной службы свой жетон, после чего тот посторонился, сделав знак помощникам, чтобы те отворили ворота.

— Опять гномы, — покачал он головой, — А пандарен что натворил? С пивом перебрал?

— Типа того, — пробурчал Том, — Похоже, работает в одной банде с этой малявкой. Капитан разберется...

Офицер хмыкнул, провожая глазами негодующую гномку и невозмутимого пандарена.

— Понаехали, понимаешь... — сквозь зубы пробормотал он им вслед и сплюнул.

Вопреки ожиданиям Лики, из полутемного караульного помещения их повели не вверх, а куда-то вниз по сырým осклизлым, крошащимся от старости ступенькам. В воздухе стоял запах плесени, факелы, укрепленные в стенах больше чадили, чем освещали коридор.

В конце его обнаружилась еще одна караулка, в которой за грубо сколоченном деревянным столом сидело несколько стражников, перекидывавшихся в кости. Один из них, с черной повязкой на глазу и лицом, покрытым шрамами, прищурясь, поднялся им навстречу.

— Том, ты, что ли? — окликнул он. — Кого еще ты нам припёр?

— Здоров, Телвотер. У нас тут гномка... И пандарен! Эта белобрысая обвиняется в нападении на стражу и воровстве, а громила в вооруженном разбое...

— Позвольте, офицер, — вмешался Чао, — Если уж вы вменяете мне разбой, то, по крайней мере, я был безоружным...

— Будешь говорить, когда тебя спросят! — рявкнул одноглазый. И, снова обращаясь к рыжеусому, спросил: — Обыскивали?

— Не до того было, — пожал плечами тот.

Одноглазый кивнул и махнул рукой другим стражникам, сидевшим за столой. С явной неохотой двое из них поднялись и, подойдя к Чао, ощупали его головы до пят, вывернув карманы.

— Вот это было у него при себе, — прибавил стражник, которого звали Бертом, кладя на стол сумку с медикаментами, которую носил Чао.

Лица на секунду задумалась, что сказала бы мама, если бы видела её в этот момент, когда двое стражников подвергли её аналогичному досмотру, правда, более поверхностному.

Телвотер тем временем перебирал на столе связки трав, нюхая пучки, рылся в бинтах и пытался просмотреть склянки на свет.

— Хмм... — пробурчал он.

— Это просто лекарства, мы же целители! — не выдержала Лица.

— Помолчи! — вскинулся тот, — Еще успеешь высказаться, когда придет капитан!

— Так пусть приходит! — огрызнулась Лица, — Мы не воры и не грабители, мы — целители!

— Целиители... — протянул Телвотер и засмеялся отрывистым лающим смехом.

— Что смешного? — рассердилась Лица, не обращая внимания на отчаянно строящего ей гримасы Чао. — Я, например, учусь в Школе Престижа, при Соборе Света, а Чао — работает в Бараках Исцеления...

— Ну, а документики у вас соответствующие имеются? — поинтересовался одноглазый, усмехаясь и склоняя голову набок.

— Конечно! — выпалила Лица и, внезапно, осеклась, вспомнив, что её сумка со свитками и свидетельством, подписанным экзархом Оккамой осталась в комнате у буйного Сюэня.

Телвотер, видимо, по-своему истолковав её паузу, усмехнулся, и потёр руки.

— Ну те-с, довольно... У тебя, гость столицы, я полагаю, документов тоже никаких? Разрешение на проживание и работу, э? Да ты еще и нелегал...

И, повернувшись к стражникам, скомандовал: — Увести!

— Начальник, а эту куда девать? — подал голос кто-то из стражи.

— В камеру, разумеется, куда же еще! — огрызнулся одноглазый, — Туда же, куда и

остальных мелкозадых...

И вдруг, подобравшись, резко прынул в сторону стражников. — А ну, стоять!

Подскочив к одному из тех, что обыскивали Чао и Лику, он вытянул руку ладонью вверх.

— Сдать! Немедля!

Стражник засопел, и, опустив глаза вытащил из-за пазухи кристалл, светившийся желтым цветом.

Телвотер выхватил его у него из рук и, оскалившись, покачал головой. — С ними туда же на гауптвахту захотел? — поинтересовался он.

Стражник молчал, потупившись.

«Это же наш кристалл», — промелькнуло в голове у Лики. «Значит, он был у Чао...»

В это время стражники открыли решетчатую дверь в глубине караулки, и один из них подтолкнул Лику в направлении коридора, в котором уже скрылся пандарен.

Здесь было еще темнее, факелы располагались реже, освещая покрытую белесоватым налётом каменную кладку стен и темные проёмы проходов по бокам коридора, в глубине которых виднелись прутья металлических решеток. Воздух был спертый и отдавал плесенью.

Стражник, ведущий Лику, дернул её за веревку и свернул в левый проход, Чао в сопровождении двух других проследовал дальше по коридору.

Ключ провернулся в замке, лязгнул засов, и металлическая дверь захлопнулась за Ликой.

Камера, в которой она оказалась, была достаточно просторной для того, чтобы углы её, до которых не достигал свет факелов, висевших у двери по ту сторону решетки, скрывались в темноте.

В полумраке были различимы низкорослые фигуры, расположившиеся на полу на кучах тряпья. Небольшая группка в центре камеры образовала кружок на полу, бросая игральные кости.

Появление Лики заставило их оторваться от своего занятия, несколько фигур поднялись с пола и приблизились к ней. С изумлением, граничащим с отвращением, она опознала в них гномов. Бритые наголо, с неухоженными бородами, торчавшими неровными клоками и каким-то диким блеском в глазах, заключенные гномы обступили её полукругом.

— Кого это к нам подселили? — хриплым голосом осведомился гном с крупным шишковатым носом и странного вида татуировкой на шее.

— Никак, бурреганка, — словно нараспев протянул второй, похожий на хорька, с каким-то нездоровым блеском в глазах.

Лица машинально попятилась и уткнулась стеной в холодный металл прутьев решетки.

— Смотри-ка! — хохотнул первый, — Ей, кажется, не нравятся наши манеры! Видали, ребята?

И он разразился булькающими смешками, от которых у Лики почему-то пробежал холодок по спине.

Второй, хищно улыбаясь приблизился к Лике и, наклонив голову, взгляделся в её лицо.

— Ишь, белобрыся, — ухмыльнулся он, — Ну, подойди-ка, поздоровайся с соплеменниками!

— 3-здравствуйте, — робко пролепетала Лица, затравленно переводя взгляд с одного гнома на другого.

Кривые усмешки на грубых скалящихся лицах отнюдь не прибавили её уверенности.

В этот момент она искренне раскаивалась в том, что поддавалась сиюминутному порыву, когда решила спровоцировать стражников, как и в том, что была недовольна послушаниями, которые давал ей экзарх Оккам и вообще в том, что решила приехать в Буреград.

— Да что ты там жмешься! Выйди сюда, покажись, мы ведь не кусаемся! — просипел носатый и цапнул её за руку.

Ли́ка резко выдернула запястье из его пятерни, чем вызвала вспышку хохота, а носатый, криво скалясь, ухватил её за плечо и сильно дёрнул. Она едва не потеряла равновесие, но ухватилась другой рукой за прутья решетки и удержалась. Носатый надвинулся на неё, так что она ощущала гнилостный запах из его рта и почувствовала тошноту. Упершись обеими руками в его грудь, она толкнула его, что было сил и отскочила в сторону, натолкнувшись при этом на кого-то.

Гномы разразились хохотом.

— Румпель, кажется, ты ей не нравишься! — выкрикнул кто-то. — Носом не вышел! — отозвался другой.

Гном которого называли Румпелем, сплюнул и ощерился улыбкой, в которой не хватало нескольких зубов. — Ничего! — проговорил он, не сводя с Ли́ки глаз, — Нам просто нужно познакомиться поближе, узнать друг друга получше...

Ли́ка почувствовала, что внутри у неё всё похолодело. Ей хотелось закричать, но она была уверена, что на её крики никто не придёт — стражники далеко, да и вряд ли им будет дело до её криков. Она впервые в жизни оказывалась в ситуации, когда она была совершенно одна среди враждебно настроенных незнакомцев и абсолютно беспомощна.

Именно это ощущение беспомощности её пугало. Она затравленно огляделась по сторонам, шаря по полу взглядом, в надежде найти хоть что-то, что могло бы служить оружием...

Кто-то подтолкнул её сзади в спину. Ли́ка сжала кулаки и взглянула ухмыляющемуся гному в глаза, исполненная решимости, по крайней мере, лишить его еще хоть одного зуба.

— Отвали, Румпель! — раздался вдруг чей-то голос за её спиной.

От неожиданности, Ли́ка вздрогнула. Румпель, тоже не ожидавший вмешательства, скривился и сплюнул сквозь зубы.

— Кто это там раскомандовался? — угрожающе поинтересовался он.

— Это я тебе говорю, — гном оттеснил Ли́ку в сторону и встал перед Румпелем, глядя на него снизу-вверх, — Отвали от неё, понял?

Ли́ка изумленно уставилась на него. Коротыш даже по гномским стандартам, бритоголовый гном стоял перед возвышающимся перед ним Румпелем, превосходившим его в размере плеч почти в полтора раза.

Однако Румпель как-то сразу съёжился, словно сдулся и даже отступил на шаг назад.

— Ты, это, Штепсель, — процедил он, — Краёв не потерял? Какого болта ты за неё вписываешься?

Коротышка хрустнул пальцами. — А тебе что-то не нравится? Хочешь поспорить?

Спорить Румпелю явно не хотелось, поэтому он, что-то неразборчиво проворчав под нос, сплюнул еще раз и отошел. Штепсель обвёл глазами остальных. — Бурреганку не трогать, — сказал он, — Кто не понял, тому объясню лично.

Гномы, что-то бормоча, снова разбрелись по камере, игроки вернулись в свой круг, остальные — на свои лежанки.

Штепсель повернулся к Ли́ке, и та, наконец, вспомнила его. Именно его она видела на

площади в Квартале Дворфов в день, когда там была драка. Тогда он был скручен веревками и его взвалили на лошадь, словно тюк.

Гном, по всей видимости, тоже помнил их встречу, потому как хитро подмигнул Лике голубым глазом.

— Вот уж не думал, что повстречаюсь с тобой в таком местечке! Ты как тут оказалась, подруга?

Лика вздохнула. — Долго рассказывать! — призналась она, ощутив внезапно сильнейшую усталость.

Штепсель, очевидно, заметил это, и подхватив её под локоть потащил в сторону.

— Вот, садись, — кивнул он ей на покрытый тряпьем топчан в углу.

— Спасибо, — Лика присела и вдруг взвизгнула и подскочила. — Что-то пробежало по моим ногам!

— А... Так это — крысы, — махнул рукой Штепсель. — Их тут полно!

— Ох... — Лика почувствовала, что вот-вот расплачется, — Всё как-то так глупо получилось...

Штепсель хмыкнул. — Это Буреград, подруга. Привыкай!

— Я не могу привыкнуть, — устало призналась Лика, — У нас в Гномбурге всё было совсем по-другому... Тут все какие-то злые, ожесточенные... А я... Я просто хотела стать целительницей. А теперь вот оказалась здесь, и Чао тоже!

При воспоминании о Чао ей стало еще горше, так как она чувствовала себя виноватой в том, что произошло. Она вкратце рассказала Штепселю историю их ареста.

— Да, не повезло тебе, — подытожил гном. — Надо же было додуматься, утащить у меднолобых их шапки! — и он расхохотался, хлопая себя кулаками по бокам.

— Думаю, — добавил он, посерьезнев, — Ты тут ненадолго. Завтра придет начальник стражи, свяжется с твоим начальством и вас отпустят, в крайнем случае, под залог...

— А ты? — настала очередь Лики проявить любопытство, — Ты тут из-за той драки, да?

— Ну, и из-за той драки тоже, — уклончиво отвечал Штепсель, — Но надолго не задержусь...

Он усмехнулся. — У меня тоже есть кое-какие друзья по ту сторону решетки.

В это время в коридоре раздались торопливые шаги, послышались голоса и заиграли отблески факелов.

Двое стражников и какая-то незнакомая женщина приблизились и остановились перед решеткой, один из стражей начал возиться с замком, остальные вглядывались в камеру через прутья.

— Бурреганка! — крикнул стражник. — Сестра Лика! — позвала женщина.

— Хех! Похоже, твои друзья порасторопней моих, — ухмыльнулся Штепсель.

— Я тут! — отозвалась Лика и сердце её взволнованно забилося.

Металлическая дверь с лязгом отворилась. — Выходите, сестра! — позвал стражник.

Лика вскочила на ноги и заколебалась. — Удачи, подруга! — подмигнул ей гном.

— Спасибо... Спасибо вам! — смущенно сказала Лика.

— А, ерунда, — махнул рукой Штепсель. — Еще увидимся, надеюсь, в более приятной обстановке!

Лика заторопилась к освещенному светом факелов выходу, чувствуя на себе взгляды

ГНОМОВ.

— Следуйте за нами, сестра! — сказал ей стражник. — С тобой все в порядке? — взволнованно спросила женщина, — Надо же мне было отлучиться в этот самый момент! У Телвотера последние мозги отшибло, ему бы пивом торговать, а не гарнизоном командовать! Как можно было так ошибиться...

Лица почувствовала, как её переполняет чувство облегчения и восторга, наконец-то все начинало становиться на свои места.

Пройдя по коридору, по которому её недавно вели, она вновь очутилась в уже знакомой ей караулке, и тут её эйфория разом улетучилась. У деревянного стола в центре комнаты стоял брат Склиф в своём человеческом облике.

Рядом с ним с суровым выражением лица стоял офицер стражи, в сверкающей кирасе с эмблемой льва, перед ними вытянулся в струнку Телволтер, чуть поодаль переминались с ноги на ногу Том, Берт и еще несколько стражников, из тех, что были ранее в караулке.

Лицо офицера показалось Лике смутно знакомым. При виде её он нахмурился.

— Так это та самая сестра, которая любит лезть в драки до прибытия стражи, — прокомментировал он появление гномки. — Помнится мне, она и в прошлый раз вела себя агрессивно по отношению к моим людям, — он усмехнулся.

Брат Склиф кинул на Лику взор, не предвещавший ничего хорошего.

В это время снова заскрипела решетчатая дверь и в караулку ввалились еще двое стражников, в сопровождении Чао, растирившего лапы, в местах, где они были скручены веревками.

— Чао! — ахнула женщина, которая забирала Лику из камеры.

— Сестра Лилиан, — чопорно поклонился пандарен.

Лике представилась возможность разглядеть женщину получше, чем в слабом свете факелов в подземелье. Она выглядела молодо, но в уголках глаз притаились морщины. Густые каштановые волосы были собраны в безыскусный пучок, одета она была в простую белую блузу и синюю юбку до пят.

— Итак, Телвотер, — обратился офицер к тюремщику, — Можете вы мне объяснить, какого демона вы упрячиваете за решетку наших городских целителей?!

— Ваш-блаародие, — оправдываясь, залебезил Телвотер, — Я выдал предписание о помещении под стражу, основываясь на рапорте патрульных капралов, задержание производили они! К тому же, у подозреваемых не было при себе никаких документов...

— Почему не известили меня сразу? Почему не связались с руководителем целительской службы? — чеканил офицер, недовольно постукивая кулаком по столу в такт словам.

— Виноват-с, капитан! Имел основания сомневаться в правдивости показаний подозреваемых...

— Официальный рапорт мне на стол к утру! С-саргерас знает, что такое... А если руководство школы узнает, что вы задержали и поместили в камеру одну из их учениц?! Из-за вас мне пришлось бы отчитываться перед архиепископом!

Телвотер выглядел совершенно подавленным, на его лбу выступили крупные капли пота.

— А вы?! — капитан повернулся к Лике и Чао. — Что за муха вас укусила, сестра, зачем вам понадобилось похищать обмундирование капралов, находящихся при исполнении своих служебных обязанностей?!

— Вообще-то, — вспыхнула Лика, — Они пили пиво, а не исполняли никакие обязанности! А я просила их пойти со мной, потому что на Чао напал пандарен, и я испугалась... А они лишь посмеялись надо мной и не хотели меня слушать!

— Это правда?! — капитан развернулся к понурившимся Тому и Берту, поглядел на них, прищурившись и велел: — Продолжайте!

Лика рассказала про то, как она опрокинула бочку, схватила шлемы и побежала обратно к Чао, а также о том, что случилось после. Капитан слушал её, покачивая головой. Телвотер разводил руками, как бы говоря «Вот видите, я тут совсем не при чём!», Том и Берт сопели, глядя в пол.

— Хороша история... — протянул капитан.

— Я полагаю, Сэмюэльсон, — вмешался доселе молчавший брат Склиф, — Что каждая из сторон сделает необходимые выводы и проведёт... профилактическую работу с персоналом.

Он слегка поклонился капитану, а тот кивнул в ответ.

— От лица городской стражи, приношу извинения за доставленные неудобства.

— От лица городской целительской службы выражаю благодарность, капитан, за проявленное содействие. А также прошу извинить моих сотрудников за поведение, выходящее за рамки служебных обязанностей.

Брат Склиф снова отвесил легкий полупоклон и обратился к пандарену:

— Чао! Атуин ждет у ворот.

Пандарен кивнул и обратился к Телвотеру:

— Не могли бы вы вернуть нам вещи?

— Конечно, конечно, — закивал головой тюремщик, — Сейчас все принесут!

Он сделал знак стражнику, который скрылся в коридоре и через минуту появился вновь, таща в руках сумку Чао.

Брат Склиф протянул руку Телвотеру, вытянув ладонь вверх.

— Кристалл, пожалуйста, — напомнил он.

— А? Да-да, конечно! — Телвотер покрылся красно-бордовыми пятнами, когда, под пристальным взглядом капитана Сэмюэльсона и брата Склифа полез за пазуху и извлек кристалл, светившийся синим цветом.

— Гауптвахтой пахнет, а? — вполголоса шепнул ему брат Склиф, усмехнувшись.

Телвотер слегка позеленел.

— Ну, а теперь, когда с формальностями, полагаю, покончено... — проговорил ворген, берясь за цилиндр, лежавший на столе.

— Прощу прощения, коллеги... — девушка, которую Чао назвал сестрой Лилиан, смутилась.

— Дело в том, что... я бы хотела попросить вас о помощи... Точнее сказать — небольшой консультации...

Брат Склиф приподнял брови, Чао вопросительно поглядел на Лилиан.

— Понимаете, — заметно волнуясь проговорила девушка, — есть один заключенный, я бы хотела, чтобы вы его посмотрели...

Телвотер закатил глаза. — Лилиан, только не говори, что ты опять про этого кобольда! Еще не хватало забивать головы господам из целительской службы всякими кляузниками...

— Помолчите, Телвотер! — одернул его Сэмюэльсон, — Вы уже, по-моему, достаточно наговорили на сегодня.

Тюремщик замолчал, подавленно покачивая головой, всем своим видом излучая участие и сочувствие.

— Продолжайте, сестра Лилиан, — подбодрил её ворген.

— Да, это кобольд, — покраснев, с вызовом подтвердила девушка, — Но он такой же заключенный, как и все, и, следовательно, имеет такие же права...

— Да какие, в бездну, права! — не выдержал вновь Телвотер, — Он же всю королевскую канцелярию скоро завалит своими жалобами!

— Телвотер, — произнес капитан ледяным тоном, — Если вы еще раз позволите себе перебить сестру Лилиан, я отправлю вас на гауптвахту сию же самую минуту! Вам ясно?!

Телвотер окончательно стушевавшийся, молча кивнул.

— Извольте продолжать, сестра, — буркнул Сэмуэльсон.

— Да, он часто жалуется, — призналась Лилиан, — По его мнению, у него имеется почти полный перечень известных заболеваний, и неизвестных в том числе, и он утверждает, что я не имею достаточной компетенции для оказания ему квалифицированной помощи...

— Иными словами, — подытожил ворген, — Вы хотите, чтобы мы выступили в качестве, так сказать, независимых экспертов?

— Ну... да, — кивнула Лилиан. — На мой взгляд, ничего особенного в его состоянии нет, тем более такого, что требовало бы специализированных условий, но, поскольку он настаивает и постоянно пишет жалобы... Я просто хотела бы заручиться вашим заключением, так как, если с ним действительно что-нибудь произойдет, это может иметь весьма неприятные последствия.

— Кобольдская диаспора... — кивнул Чао, почесывая голову лапой, — Эти растрезвонят на все королевства, о притеснении их прав и угнетении нацменьшинств вследствие политики Буреграда... Выглядеть будет очень нетолерантно.

При этих словах пандарена капитан Сэмуэльсон поморщился, а Телвотер скривился, словно разом проглотил целый лимон.

— Что ж, леди, — вздохнул брат Склиф, — Разумеется, мы готовы оказать вам всяческое содействие. Брат Чао осмотрит вашего подопечного...

— И я! Я тоже хотела бы помочь! — пискнула Лика, для которой прогулка по казематам казалась гораздо более привлекательной альтернативой, нежели объяснения наедине с братом Склифом.

Ворген нахмурился, но Чао опередил его. — Мне кажется, присутствие при осмотре выпускницы школы ПРИСТИЖА сделает заключение более достоверным. Да и свежий взгляд не помешает.

— Она далеко не выпускница, а только учащаяся, — проворчал ворген, — И нечего её выгораживать, Чао! Впрочем, если она считает осмотр заключенных в тюрьме более безопасным, чем мое общество, будь по-твоему. Только имей в виду — второй раз вытаскивать вас оттуда я не собираюсь, пускай хоть его высокопреосвященство за ней лично приходит!

— Не беспокойтесь, шеф, — улыбнулся Чао, — Я за ней прослежу!

— Мои люди проводят их в камеры и потом до ваших бараков, — добавил Сэмуэльсон, — За безопасность ваших сотрудников, господин Склиф, я вам лично ручаюсь.

Ворген кивнул. — Постарайтесь не задерживаться, — сказал он, надевая цилиндр и беря в руки трость. — Мирта, между прочим, там чуть с ума не сошла.

Чао озабоченно покивал.

— Идёмте, госпожа! — сказал он, обращаясь к сестре Лилиан.

Ли́ка задержала на мгновение дыхание, когда они снова перешагнули границу между караулкой и коридором, уводившим во тьму подземелья. На секунду ее снова коснулся страх, что она может остаться здесь навсегда, но вид слегка косолапящего Чао и уверенно движущейся Лилиан несколько подбодрил её. Двое стражников несли масляные светильники, дававшие куда больше света, чем дымные факелы.

Проходя мимо коридора, ведущего к камере гномов, ей захотелось заглянуть к ним, поблагодарить еще раз Штепсе́ля и, возможно, чем-нибудь помочь ему, но она не представляла, чем именно, да и спутники её следовали далее прямо по коридору.

Проходя мимо одной из камер, Ли́ка вздрогнула.

Прильнув к стальным прутьям решетки за ней следило несколько пар глубоко посаженных хитрых маленьких глазок гиеноподобных гуманоидов с оскаленными клыкастыми пастями и топорщащимися ёжиками щетинистых грив волос. Она слышала про них, когда проходила послушание в Гольденшире — о свирепости этих существ, живущих в стаях на Диком Западе и терроризировавших тамошнее население ходили мрачные легенды. В гномбургской энциклопедии эта раса называлась гноллами.

Гноллы облепили решетку, пожирая глазами гномку и её спутников, жадно принохиваясь.

— Гномка! — прохрипел один из них, с крупными чёрными пятнами на морде, и хищно оскалился.

— Свежее мясо! — хохотнул другой, тощий, с оборванным ухом и нездоровым блеском в глазах.

Остальные гноллы разразились твякающими смешками, толкаясь и отпихивая друг друга от решетки.

Ли́ка предпочла держаться подальше от камеры.

— Лилиан! — прорычал вдруг чей-то голос из-за спин гноллов.

Те разом смолкли, передние ряды их раздвинулись, пропуская вперёд массивного гнолла, превосходившего соплеменников размерами на голову, возвышавшегося над ними, словно исполин.

Мускулистый торс был покрыт татуировками, шерсть на шее свисала длинными лохматыми пучками, пожелтевшие клыки размером с ликино предплечье выдавались из-под отвисшей нижней губы.

Фыркнув, гнолл приблизил свою морду к прутьям и втянул ноздрями воздух.

— Лилиан, — прорычал он снова.

— Хоггер? — сестра Лилиан остановилась, оглянувшись.

— Нам нужно свежее мясо, Лилиан, — гнолл ощерился в хищной ухмылке. — Мы хотим мяса!

Лилиан вздрогнула и продолжила путь. Лающий хохот гнолла несся им вслед.

Они миновали еще несколько проходов и свернули направо. Круг света, излучаемый светильниками выхватил из темноты стальные прутья решетки.

— Ай, кто это? — раздался откуда-то из глубины камеры надтреснутый старческий голос. — Почему бы вам не оставить уже в покое старого Фикса? Ему не так уж долго осталось в этом сыром и промозглом бункере, так дайте бедному старому кобольду спокойно умереть, не беспокоя его бесконечными проверками!

— Господин Фикс, это я, Лилиан! — позвала его сестра.

Стражники занялись замком, в это время в ореоле света светильников показалась сутулая фигура, закутанная в нечто, напоминавшее потертое и дырявое матерчатое одеяло, сшитое из разных лоскутов. Длинный торчащий из складок одеяла нос, пара блестящих глаз-бусинок, мелкие острые зубы — Лика видела перед собой кобольда, с которыми она уже была знакома не только по картинкам энциклопедии, но и благодаря практике, проходимой в Гольденшире.

— Господин Фикс, эти господа — мои коллеги из городской службы целителей, а также выпускница школы ПРИСТИЖа при кафедральном Соборе Света, — обратилась к нему Лилиан, — Если вы не возражаете, они осмотрят вас и проконсультируют...

— Проконсультируют, — скрипучим голосом передразнил её кобольд, — Чего стоят эти консультации, когда даже последнему гноллу ясно, что в моем случае необходимо полноценное обследование в условиях стационара! Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понимать, что сочетание болезней, имеющихся у меня с рождения, полученных во время детства и юности, проведенных на рудниках и приобретенных тут, в этих абсолютно невыносимых условиях неминуемо приведут меня к гибели! Впрочем, кому есть какое дело до старого кобольда...

Он закашлялся.

— Послушайте, Фикс, — в голосе сестры Лилиан зазвенел металл, — Вы хотите, чтобы вас осмотрели специалисты, или я могу поблагодарить их за уделенное время и проводить на выход?

— О какой такой благодарности может идти речь, если они даже не выслушали меня?! — возмутился кобольд, — Имейте в виду, я отказываюсь подписывать какие-бы то ни было бумаги...

— Фикс, да, или нет?

— А у меня есть выбор?

— Позвольте, сестра, — вмешался Чао, — Мы, наверное, приступим...

Кобольд насторожился. — Пандарен? Почему пандарен? О, паучьи коконы, вы бы еще подослали ко мне огра!

— А при чем тут огры? — искренне удивился Чао, — Какое они имеют отношение к моей расе?

— Ровно никакого, молодой пандарен, равно как и вы — к медицине! Или вы всерьез полагаете, что я доверюсь специалисту с далекого материка, аборигены которого славятся исключительным пристрастием к хмельным напиткам, а болезни лечат уколами игловок?! Да вы хоть представляете, где у кобольдов, скажем, находится сердце?

— Слева? — предположил Чао.

— Слева, молодой пандарен, находится дверь в которую я вас сейчас попрошу выйти! — кобольд гневно затряс носом.

— Ну, коли вы так желаете... — пожал плечами Чао, — Идем, Лика! — сказал он, обращаясь к гномке.

— Что значит — идём, позвольте? — встрепенулся Фикс, — а как же, простите, мой осмотр?!

— Вы же не захотели, чтобы я его проводил, — терпеливо заметил Чао.

— Я не захотел, чтобы его проводил дилетант, вроде вас, но, как меня тут заверяли минуту назад, здесь есть выпускница аккредитованного учебного заведения, доверия к которому у меня таки имеется чуть больше, чем к вашему народному знахарству!

Чао вопросительно поглядел на Лилиан, та закатила глаза и кивнула. — Будет быстрее и проще если с ним не спорить, — вздохнула она.

— Да какие же тут споры, разве я так многого прошу? — не унимался Фикс, — Если старому кобольду приспичило пожить еще немного, исключительно ради того, чтобы иметь возможность обнять свою бедную жену и брошенных на произвол судьбы без кормильца малюток-детей, это, по-вашему, предмет спора?

— Иди уже, — шепнул Чао, вытаскивая из сумки пучок травы и отправляя его в пасть.

Лица перешагнула через порог камеры, стражники последовали было за ней, но Фикс категорически этому воспротивился. — У меня очень слабый иммунитет, — объяснил он, — А ваши люди не имеют привычки одевать маски и одевать сменную обувь, таскаясь по всему Буреграду. Они непременно занесут инфекцию!

— Можно подумать, в ваших шахтах всё стерильно, — возмутилась Лица.

— Дитя моё, — страдальчески воскликнул кобольд, извлекая из-за пазухи огарок свечи и зажигая его от огня факела, — Если бы вы могли себе представить, сколько сил и здоровья отняли у меня эти проклятые рудники!

Он снова закашлялся, бросил быстрый взгляд на стражников и Лилиан, негромко беседующую с Чао, цепко ухватил маленькой костлявой ручонкой ладонь Лики и засеменил в глубины камеры, увлекая её за собой.

К удивлению Лики, камера оказалась гораздо ухоженней, чем та, в которой она сидела с гномами.

Топчан в углу был застелен еще одним одеялом, рядом располагалась тумбочка, на которой лежали очки, какая-то книга и миска, и даже на каменном полу лежал потрепанный коврик.

Фикс установил огарок свечи в миску и повернулся к гномке.

— Вы знаете, — перешел он на доверительный шепот, — Ваше лицо мне почему-то сразу внушило доверие! У меня старшая дочка как-раз примерно вашего возраста, я вам скажу, она такая умница, такая умница...

— Фикс! У вас десять минут! — крикнула им Лилиан, — Не давай ему слишком много болтать, дорогая! — это уже относилось к Лике.

— Болтать... — прошептал кобольд, и его морщинистое лицо исказилось в гримасе, а на маленькие глазки навернулись слёзы. — Вы видите, какое тут отношение к больным?! Как по-вашему, есть ли у меня хоть малейшие шансы выжить в этом резервационном режиме?

— Простите, — Лику разбирали одновременно жалость и любопытство, — Но... почему вы здесь оказались?

— Вы не поверите, но по какому-то чудовищному недоразумению! — покачал головой кобольд, — Всё, что у меня есть в жизни — это моя дорогая жена и детишки, семеро прекрасных, любящих сердечек! И если пожилой кобольд, отдавший лучшие годы на труды во имя процветание Гольденшира, на склоне лет и из накопленных за всю его жизнь средств приобретает небольшой свечной заводик, это преступление, как по-вашему? И, если исключительно ради прокорма семьи, пытается хоть как-то свести концы с концами, разве не может королевская налоговая служба иметь небольшое снисхождение к некоторым погрешностям в его счетах?

Он покачал головой и схватился за грудь, мучительно скривившись, дыхание его стало тяжелым и свистящим, губы приобрели синюшный оттенок.

— Что с вами? Вам плохо? — взволнованно спросила Лика.

Кобольд затряс головой и помахал рукой, опираясь на тумбочку, медленно опустился на кровать, тяжело дыша, струйка крови сбегала из уголка его рта.

— Всё... всё образуется, — просипел он, не выпуская руку гномки. Лика, немало взволнованная, оглянулась назад, колеблясь, не позвать ли Чао и Лилиан, но Фикс заговорил снова.

— Проклятые рудники... Вы знаете, это астма, а у меня еще больное сердце, врожденный порок...

— Я могу оказать вам помощь! Сейчас, погодите... — она уже хотела возложить руки на голову кобольда, но тот замотал головой.

— Не стоит тратить ваши внутренние ресурсы, дорогая моя! Поверьте, я вам очень признателен! Вы — единственное существо, которому есть дело до того, что происходит со старым Фиксом... Но всё это будет бесполезно, если я и далее останусь здесь, это я вам говорю со всей ответственностью. Я много повидал и хорошо знаю свою болезнь — таких как я было много на наших рудниках, и многих из них уже нет. Да, старый Фикс многое повидал...

Он вздохнул и Лика обратила внимание на золотой зуб, сверкнувший у него во рту.

— Вы видите, сестра Лилиан, конечно, по-своему, приятная в общении девушка, но она слишком самоуверенна! И никогда не признает, что в чём-то может быть неправа, особенно, если это касается старого, выжившего по её мнению из ума, кобольда... А я знаю, что мои дни сочтены, если я не сменю этот ужасный климат! Вы — молодой специалист, к вам они, может быть прислушаются, но есть более простой и надежный способ!

Кобольд перешел на лихорадочный шепот, глаза его блестели, словно у него был жар.

— Меня могут выпустить под залог, но мне нужен поручитель... Нет-нет, не подумайте, что я прошу об этом вас — я бы никогда не посмел! Но есть человек, который имеет кое-какое отношение к моему бизнесу и мог бы ссудить мне необходимую сумму и предоставить необходимые гарантии — нужно лишь передать ему крохотную записочку — всего несколько слов...

Прежде чем Лика успела что-либо возразить, Фикс сунул ей в ладонь маленький кусочек бумаги, свернутый в трубочку.

— Спрячьте его у себя, если хотите — можете прочитать, или выкинуть, но, ради моей семьи и оставленных детей, прошу — передайте его адресату! Вы — добрая душа, я это сразу понял, более того, вы — моя единственная надежда!

Кобольд смотрел на неё такими умоляющими глазами, что Лика просто не могла сказать ему нет. Она машинально сжала записку в кулаке, но все еще колебалась.

— Лика! Время! — позвал её Чао.

Фикс снова закашлялся и сплюнул сгусток крови на пол. — Умоляю... — прохрипел он.

Лика решила. — Ладно! — прошептала она и, развернувшись, направилась в сторону выхода из камеры.

— Ну, сестра, что скажете? — поинтересовалась у неё Лилиан, когда они шли по коридору в обратном направлении.

— Честно говоря, мне показалось, что у него не все благополучно со здоровьем, — осторожно заметила Лика.

Лилиан вздохнула. — Конечно же, задыхался, кашлял и плевался кровью?

— Д-да... — удивилась Лика, — Но... разве это не симптомы болезни?

Лилиан устало покачала головой. — Эти симптомы появляются и исчезают всякий раз, когда ему это удобно... У него в самом деле есть некоторые проблемы с легкими, но не настолько тяжелые, как он пытается представить.

— Но ведь он кашляет кровью! — возмутилась Лика.

Сестра Лилиан пожала плечами. — Именно это и странно. Если бы это было действительно так, он бы сейчас уже едва ли мог бы общаться с нами. Но эти приступы возникают лишь в чьем то присутствии и потом также бесследно исчезают. Мне кажется, он нарочно прикусывает губу, чтобы было чем плевать...

Лика задумалась. С одной стороны, рассуждения сестры Лилиан выглядели обоснованными, с другой — она вспоминала лицо кобольда, когда он говорил про детей, и ей не верилось, что он был неискренен. Она решила пока ничего не говорить про записку.

— Возможно, он немного преувеличивает, — сказала она вслух, — Но мне кажется, что подземелья для него не самое лучшее место.

— Поговорю с Телвотером, — вздохнула Лилиан. — Посмотрим, что можно сделать.

Когда они вышли на улицу, в небе уже горели первые звёзды.

Чао запрокинул морду вверх и рассмеялся.

— Чему ты веселишься? — удивилась Лика.

— Знаешь, — сказал пандарен, — Ты удивительная гномка. За неполный месяц пребывания в Буреграде ты умудрилась дважды ввязаться в драку с участием стражи, побывать в тюрьме, получить обвинение в вооруженном мятеже, нападении на стражу, воровстве, хищении казенного имущества, участии в разбойном нападении... Знаешь, мне иногда кажется, что это не тебе, а брату Склифу дали послушание.

Лика фыркнула и тут же посерьезнела.

— Что мы ему скажем? — взволнованно спросила она.

Чао пожал плечами. — Он и так уже все знает, — сказал он, заводя мотор Атуина.

— Но откуда? Как он узнал, что мы — в тюрьме и так быстро? — поразились Лика.

Чао усмехнулся. Во-первых, кое-кто из тех пандаренов, что жили в том доме знакомы со мной, — сказал он, — Думаю, что именно они отогнали нашу машину и предупредили Мирту, а та, в свою очередь, брата Склифа. И потом, ты забываешь про кристалл! С его помощью достаточно легко узнать наше текущее местоположение. Геопозиционирование называется. И вот еще что, — Чао хитро подмигнул ей, — Думаю, экзарху Оккаму необязательно знать обо всех этих твоих приключениях...

«Да уж», — подумала Лика, глядя на звездный небосвод, — «Вряд ли он одобрит дежурство в ночную смену».

Атуин взревел и с тархтением понесся по мостовой.

Глава 6. Загадки Квартала Магов

— Мии-ирта! Ну, Мии-ирта же....

Пушистая пандаренка проворно орудовала ножом, отсекая от длинной моркови, лежавшей на разделочной доске, яркие оранжевые кружочки, делая вид, что не замечает стоявшую рядом гномку, виновато взиравшую на неё снизу-вверх.

Ли́ка взволнованно теребила пальцами на своем левом запястье бусины браслета, подаренного ей старым шаманом в первый день своего пребывания в Буреграде. Сейчас она чувствовала себя совсем как дома, в те казавшиеся такими далекими времена, когда она, провинясь, просила в очередной раз прощения перед родителями за свои проделки.

Она уже добрую четверть часа пыталась заговорить с пандаренкой, но та демонстративно занималась своими делами, полностью игнорируя её присутствие. От этого было только хуже.

— Мии-ирта, — повторила она уже, наверное, в тридцатый раз, — Ну, пожалуйста, поговори со мною! Ну, накричи на меня, поругай, ну, хочешь — стукни меня чем-нибудь, только не молчи, прошу тебя!

Вжик-вжик-вжик — стучал нож по доске.

— Ну, Ми-ирта, — повторила Ли́ка, чувствуя, как глаза начинают наполняться слезами. Ей было и обидно, и стыдно одновременно. — Ну, я ведь извинилась! Я понимаю, что вела себя неправильно... Наверное... Но ведь я хотела, как лучше! Я думала...

Панг! — это Мирта с размаху всадила нож в разделочную доску.

— Ты думала?! В самом деле? И о чём только, хотела бы я знать?! И чем?

— Я... — Ли́ка смешалась, не зная, радоваться ли ей тому, что Мирта, наконец, заговорила, или же прятаться — настолько разгневанной выглядела в эту минуту обычно улыбчивая и добродушная сестра Чао.

— Ты! Напасть на королевскую стражу — это ж каким местом нужно было додуматься до такого! — подбоченившись, воскликнула Мирта.

Ли́ка покаянно вздохнула. — Тем самым... На которое ищут приключений... — пробормотала она.

— Это счастье ещё, что Лейшень вовремя понял, что происходит и прибежал сюда! — продолжала бушевать Мирта, — Хорошо, что я в это время сидела! «Твой кузен с какой-то бурреганкой арестованы за нападение на стражу!» — хорошенькие новости, нечего сказать!

— Но, Мирта, ведь всё же было не так! — в отчаянии воскликнула Ли́ка, — Этот Сюэни первым бросился на нас, Чао сам велел мне привести стражу, а я никак не могла их уговорить — они просто смеялись надо мной!

— У Чао мозгов меньше, чем в скорлупе орехов, которыми кидаются хозены! Нашел кого и куда посылать! У вас же был с собой кристалл — вы могли связаться с нами и вызвать помощь!

— Он... он, наверное, не подумал... — призналась Ли́ка, — А я вообще в тот момент так испугалась, что забыла про него. Да я и пользоваться им не умею!

— Испугалась... — проворчала Мирта уже менее эмоционально, — А тюрьмы, значит, не испугалась? Ты хоть понимаешь, что с вами могло бы там случиться всё, что угодно?!

— Понимаю, — призналась Ли́ка, шмыгая носом и машинально утирая его рукавом.

Мирта также машинально сунула ей полотенце.

Рука гномки столкнулась с лапой пандаренки, Лика робко подняла взгляд и посмотрела в глаза Мирте.

— Я... Я больше не буду... — пролепетала она, глядя на насупившуюся морду пушистой медведицы.

Та открыла было рот, собираясь сказать что-то ещё, но, склонив голову набок, неожиданно прыснула.

Лика, глядя на неё, почувствовала, как тяжесть отлегает от сердца и губы расплываются в улыбке.

Секунду спустя, обе уже смеялись.

— Мии-ирта... — на этот раз радостно протянула Лика, обнимая пандаренку и зарываясь лицом в мягкий мех, — Я так тебя люблю!

— По-хорошему, надо было бы оставить тебя без десерта, — усмехнулась та, — Но с такой закоренелой рецидивистки станется взломать кухню и выкрасть его.

— Вот ещё! — фыркнула Лика, — Зачем взламывать-то? Ты же все-равно её не запираешь.

— Десерт? Кто тут говорил о десерте? — просунул на кухню голову Чао.

Мирта погрозила ему полотенцем. — С тобой, кузен, я еще отдельно поговорю! Будет тебе десерт! Неделю на овощной диете будешь сидеть.

— Ужас какой, — весело сказал Чао. — Лика, ты, кстати, уже была у брата Склифа?

— Ох, нет... — радостное настроение сразу улетучилось. Лика в смятении поглядела на Мирту. — Теперь он меня точно съест, да?

Чао пожал плечами. — Если бы он каждый раз съедал кого-то, кто делал глупости... Мирте бы не пришлось целыми днями стоять у плиты, а оставшихся буреградцев можно было бы пересчитать по пальцам.

Мирта покачала головой. — Тебя бы он, в таком случае, съел бы в числе первых, — заметила она, — Не слушай его, Лика. Если уж с кого спрашивать по всей строгости, то точно не с тебя. Иди, не бойся!

«Как будто не она сама дулась на меня всего несколько минут назад!» — подумала Лика, направляясь по коридору в сторону рабочего кабинета воргена.

Около уже хорошо знакомой ей массивной деревянной двери, она остановилась, стараясь унять внезапно появившуюся дрожь в коленях. Взявшись вспотевшей ладонью за медную ручку, она вспомнила, что надо было бы постучать, как вдруг услышала голоса, раздававшиеся из-за двери.

Лика заколебалась. Наличие у брата Склифа посетителя, с одной стороны, давало ей основание уйти также незаметно, как пришла, тем самым оттянув еще немного неизбежные объяснения, с другой — присутствие третьего лица давало некоторые шансы на то, что разговор будет формальным, или вообще не состоится. Пока гномка размышляла, она невольно прислушивалась к обрывкам фраз, долетавших до неё через дверь. Некоторые из них заставили ее насторожиться.

Голос посетителя был негромкий, как бы с придыханием. Он, казалось, взвешивал каждое слово перед тем, как его произнести. Ворген, напротив, отвечал резко, отрывисто и довольно громко:

— Я уже сказал тебе, что больше не желаю иметь с этим ничего общего! — услышала Лика.

— А я снова повторю тебе, что ты не сможешь остаться в стороне, — свистящим шепотом возражал посетитель, — Слишком многое поставлено на карту...

— Плевал я на все ваши карты и партии! Я больше не играю в эти игры! С меня хватит!

— Подумай, Аргуин... Ведь в глубине души ты прекрасно знаешь, что я прав... Нас слишком многое связывает... Ты нам нужен.

— Нас больше НИЧЕГО не связывает, что бы ты там себе не думал по этому поводу! Не желаю иметь ничего общего ни с тобой, ни со всеми твоими покровителями! Катитесь в Бездну!

— Ты горячишься... брат Склиф... — почти прошипел его собеседник, — Не потому ли, что... не слишком уверен в своих словах? Нравится сидеть в этой конуре и играть в благотворительность? Рассчитываешь таким образом всё забыть? Думаешь, став адептом ордена, ты и сам когда-нибудь в это поверишь? А как же... — тут его голос стал совсем едва слышным.

— Убирайся! — рявкнул ворген, так что Лика вздрогнула, — Немедленно! И духу твоего чтобы тут больше не было!

— Хорошо... Я уже уйду, тем более, что там за твоей дверью стоит посетительница и наш разговор уже больше не является конфиденциальным. Но хочу напомнить тебе кое-что.

Послышался звук, как если бы чем-то стукнули по столу.

— Советую тебе поразмыслить над тем что тут написано и тем, что я тебе сказал. Очень советую! И не прощаюсь.

Лика едва успела отскочить от двери, так внезапно она распахнулась. В дверном проеме маячил силуэт человека, одетого в темный плащ с капюшоном. Лика успела разглядеть прядь каштановых волос, мелькнувшую под ним и на секунду встретиться взглядом с парой карих внимательных глаз. Рыжеватая борода и усы с нитками седины — вот и всё, что она успела разглядеть. Незнакомец, словно бы посторонился, пропуская её, прижимаясь к дверному косяку, и в следующий миг буквально исчез в коридоре, словно растворившись в тенях.

Лика робко притворила за собой дверь. Брат Склиф стоял, повернувшись к ней спиной, опершись лапами на подоконник. Даже от того места, где находилась Лика, она слышала, как скрипят его зубы, стискивающие мундштук трубки.

Она робко кашлянула. Брат Склиф вздохнул. — Неужели ты действительно полагаешь, что я недостаточно осведомлен о твоём присутствии здесь? — поинтересовался он, с кривой усмешкой, поворачиваясь к гномке мордой.

Лика вздрогнула. Она не могла бы сформулировать, что именно её напугало, но это был не тот страх, который она испытывала в момент своей первой встречи с воргеном, и не тот, с которым она шла на встречу, ожидая заслуженной головной боли, а другой. Ворген выглядел... усталым.

Что-то неуловимо изменилось в выражении глаз. Что-то, что передалось ей безотчетным чувством беспокойства, ощущением некоей нависшей угрозы.

Если брат Склиф и заметил её тревогу, то не подал вида. Он тяжело опустился в кожаное кресло, положил трубку на стол и, открыв верхний ящик, смёл туда какие-то бумаги, лежавшие сверху на столешнице. Один из листков, закружившись, упал на пол в паре шагов от неё, и она уже наклонилась было, чтобы поднять его, но ворген опередил её, стремительно метнувшись из-за стола и выхватив лист буквально из-под её носа.

Лика успела заметить ровные ряды строчек, выполненных причудливым почерком с завитушками. Ей показалось, что брат Склиф при этом выглядел чуточку смущенным.

— Итак, — заговорил он, откинувшись в кресле, — Вы выполнили просьбу сестры Лилиан?

— Д-да, — Лика не сразу поняла, о чем идет речь.

— Кобольд, — напомнил ей брат Склиф, — Как он?

— Он...он неважно себя чувствует... Я сказала сестре Лилиан, что было бы лучше для него сменить обстановку... — Лика гадала про себя, удастся ли избежать разговора о причинах, по которым они с Чао оказались в королевской тюрьме.

— Ну, а остальные заключенные? Окружение, условия? — брат Склиф испытующе глянул на неё поверх очков, которые уже водрузил на свой нос.

— Если честно, просто ужасно, — призналась Лика. Она опустила голову. — Мне... мне правда, жаль...

— Дитя моё, — тихо произнёс ворген, — У всякого поступка есть последствия. Помни об этом на будущее.

Лика подняла глаза. Брат Склиф пристально смотрел на неё; кажется, он улыбался уголками губ, но взгляд оставался задумчивым и печальным.

Стук в дверь прервал возникшую паузу. — Входи, Чао, — вздохнул ворген. — Твоя подопечная цела и невредима, как видишь, я даже ни кусочка от неё еще не откусил.

Чао укоризненно покосился на него. — Тебе следовало бы обновить репертуар дежурных шуточек, — заметил он. — Повторяешься, не говоря уж о том, что добрая их половина бородаты, как дворфийские присяжные.

Ворген махнул лапой. — Ладно, что там у тебя, гость с востока? Или ты пришел только для того, чтобы поделиться со мной этой блистательной метафорой? Но я вижу письмо в левом кармане твоего жилета, и оно определенно пахнет...

Брат Склиф принял хался и нахмурился. — Что за... Сирень и крыжовник?! Seriously?! Кто-то еще пользуется этой туалетной водой?

Чао пожал плечами, передавая Склифу небольшой свиток. — Это было в нашем почтовом ящике, — сказал он. — Положили совсем недавно — Мирта проверяла почту с утра, и его еще не было... А аромат, кстати, сейчас очень модный. Мирта говорит, очень популярен среди магичек...

— Не сомнева.... ААПЧХИ! — оглушительно чихнул ворген. — О, проклятье! АА ПЧХИ!

Брат Склиф издал приглушенное рычание, бросился к шкафу, стоящему в углу кабинета. — АА-ПЧХИ!

— Что с ним такое? — прошептала Лика, глядя на Чао широко раскрытыми глазами.

— Я совсем забыл... — протянул Чао, — У него же аллергия на сирень.

— Именно! — прорычал из угла ворген. Он переменял облик на человеческий, и теперь, запрокинув голову, закапывал в нос какую-то жидкость из маленького флакончика с янтарного цвета жидкостью. — Что в этом демоновом письме, чтоб ему сгореть?!

Чао развернул свиток.

Лика, выглядывавшая из-под плеча пандарена, обратила внимание, что письмо было не написано, а набрано вырезками из газет, наклеенными на пергамент.

— Эмм... — сказал Чао. — Похоже, это какое-то анонимное послание.

— Очередное, — вздохнул брат Склиф, подходя к ним и забирая письмо у Чао.

Лика обратила внимание, что нос и глаза его были красными и распухшими.

«ЕСЛИ РАССУДОК И ЖИЗНЬ ДОРОГИ ВАМ», — прочитал он вслух, — «ДЕРЖИТЕ

ПОДАЛЬШЕ ОТ ЗАБИТОГО ЯГНЕНКА. ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬ».

— Чепуха какая-то, — вырвалось у Лики.

Брат Склиф хмыкнул. — Да уж! Кто-то, кажется, перечитал детективных романов. Ну что за шаблонная безвкусица! Придумали бы уж что-нибудь пооригинальней!

— Но почему именно ягнёнок? — спросил Чао.

Склиф пожал плечами. — Возможно, очередной маркетинговый ход...

Однако, он выглядел несколько озадаченным, лицо его хмурилось.

Лица непонимающе переводила взгляд с одного на другого. — Но что... что все это значит? — пискнула она.

В это время из коридора донесся пронзительный писк кристалла.

— Чао, останешься сегодня здесь, — велел брат Склиф. — Лица, поедешь с братьями, присматривай там за ними.

— Квартал Магов... — проговорил Чао, взглядываясь в кристалл, который извлёк из-за пазухи. Пандарен нахмурился. — Странно...

Он перебросил кристалл воргену. Тот сощурился. — Печальный отшельник?!

— Это ведь совсем рядом, — сказал Чао. — Код жёлтый...

— Совпадение? — странно усмехнулся Склиф, изогнув бровь

Пандарен пожал плечами. — Кто знает? — сказал он.

Лица почувствовала, что окончательно перестает понимать что-либо, но, едва она раскрыла рот, брат Склиф бросил на неё сердитый взгляд.

— Ты еще здесь? У тебя вызов, сестра!

Так ничего и не спросив, раздосадованная и заинтригованная гномка выбежала во двор, где её взгляду предстала еще одна картина.

Братья-близнецы стояли в нескольких метрах от входа в бараки, по всей видимости, беседуя о чем-то, с другой, весьма необычной парой.

Высокий дрений, с бородой, заплетенной в ухоженные косички и полная приземистая дворфиха с не менее искусно заплетенными косами, оба в белых одеяниях, оживленно жестикулируя, что-то громко объясняли братьям. Дрений держал в руках посох, а дворфийка — раскрытую книгу, в которую она периодически тыкала пальцем.

Близнецы, казалось, внимательно их слушали, время от времени подталкивая друг-друга локтями за спинами.

Подойдя поближе, Лица прислушалась.

— ...и приобщитесь вместе с нами радости! — оживлённо говорила дворфийка, посверкивая глазами.

— Ну, я даже не знаю, — серьёзно отвечал Билли, морща лоб, — Боюсь, мы с братом большие лентяи...

— Бестолковые и тёмные дворфы, — сокрушенно кивал головой Вилли в тон ему.

— Это ничего! — с жаром отвечала дворфиха, — Все мы, собирающиеся на собрания, немощны и неумелы, убоги и, как говорится в Великой Лекции, подобны членистоногим, извергнутым из пучины морской!

— Но милость Светоносного не оставляет нас, — поддержал её дрений, ласково глядя на подошедшую гномку, — Он принимает нас такими, какие мы есть, и ведёт с собой, постоянно спотыкающихся и падающих, неспособных выйти из луж пороков, не ведающих спасительных Тактик.

Лица недоуменно уставилась на пришельцев.

— Вот вы, сестра, — одобрительно улыбаясь, обратился к ней дреней, — Хотели бы узнать больше о путях совершенства, о постижении тайн могущества, о великих духовных путешествиях, каждый виток пути которых — шаг к новому уровню познания себя? Найти ключи, которые позволят вам открыть эти пути?

Ли́ка растерянно заморгала, но братья не замедлили прийти ей на помощь.

— Конечно, хотела бы, что за вопрос! Кто же откажется от такой возможности! — воскликнул Билли.

— Конечно, — поддакнул Вилли, — Если не ей, то кому же еще?!

— Замечательно! — просиял дреней. — Приходите к нам на наши собрания!

— Мы всех угощаем печеньками и напитками, — прибавила дворфика, — От нас никто не уходит голодными!

— Простите, но кто вы такие? — вырвалось у Ли́ки.

— Замечательный вопрос! — обрадовался дреней, а дворфийка захлопала в ладоши.

— Мы — адвентисты Светоносного Сергия, покровителя страждущих, — доверительно поделился дреней с Ли́кой, — Каждые выходные мы собираемся вместе, читаем Великую Лекцию и ждём...

— Чего?

— Пришествия Светоносного Сергия! — прошептала дворфика и прикрыла глаза, шепча про себя что-то вроде: «выбери меня, выбери меня!»

Ли́ка непонимающе глядела на неё.

— А зачем? — спросила она.

— Светоносный Сергий ведёт нас за собой, — объяснил дреней, — К духовным вершинам, достичь которых могут лишь избранные!

Ли́ка недоуменно нахмурилась. — Но разве, — заметила она, — Успехи на поприще духовных подвигов достигаются не собственными усилиями и стараниями? Так я читала в «Саде Благодетеля»...

Дворфийка испуганно замахала на неё руками. — Что ты, что ты сестра! Это — ложное представление, которое внушает неокрепшим в вере новичкам злокозненная Алекса! Гони от себя прочь такие мысли!

— Именно об этом и говорится в Великой Лекции, — прибавил дреней, — Как раз между мест, где написано: «не стой в огне» и: «не забудь заказать пиццу»!

Кристалл, который Ли́ка держала в руках вновь взорвался серией пульсирующих всплеск желтого цвета и противным писком.

— Извините, но нам пора, — обратилась она к паре адвентистов, — У нас... срочное дело!

— Приходите к нам, сестра! — улыбнулся ей на прощание дреней. — Не забудьте — у нас есть печеньки! — крикнула им вслед дворфийка.

— У нас вызов в Квартал Магов! — сообщила Ли́ка братьям.

— Да в курсе мы, — махнул рукой Билли.

— Тебя только и ждали, пока соберешься, — кивнул Вилли, извлекая из штанов яблоко и с хрустом откусывая от него.

— Так чего же вы тут лясы точили с ними? — возмутилась Ли́ка.

— Ну, когда еще поразвлекься удастся, — зевнул Билли, — А тут, считай, бесплатное представление.

— Между прочим, — заметила Ли́ка, — Отец Оккам говорит, что всякая вера, если она

искренняя, достойна уважения...

— А отец Билли говорит, — возразил Вилли, — что по этим фрикам Приют Безумных плачет!

— Воистину, сын мой! — согласился Билли, усаживаясь за руль и заводя мотор Атуина, — Ну, понеслась?

Лица подставляла лицо свежему ветерку, высунувшись из кузова почти наполовину. Светило солнце, птицы чирикали с ветвей деревьев, и, казалось, что день ей улыбается. Ей было легко оттого, что позади остался неприятный разговор с братом Склифом, что Мирта на неё больше не дует, и вообще, весь недавно пережитый тюремный кошмар казался чем-то нереальным, словно дурным сном, в который просто не верилось в такой яркий и солнечный день.

Они пересекли очередной мост, въехали под арку, и оказались в тенистом зеленом квартале, где до этого Лике еще бывать не доводилось.

Из энциклопедии и по рассказам братьев она знала, что где-то здесь располагалась Академия Магов, студентов которой она иногда встречала на улицах, а также мастерские по пошиву одежды на заказ, элитные косметические салоны и кварталы знати.

Вынырнув из очередного поворота, они оказались на просторной площади, окруженной газонами и деревьями. В центре площади, подобно ратуше, высилась башня Академии, по периферии маячили вывески бутиков, виднелись зонтики шатров летних кафе, между которыми бродили вездесущие торговцы сувенирами, магическими амулетами, горячей кукурузой и прочей популярной у туристов мелочью.

Билли аккуратно припарковался неподалеку от двухэтажного здания, рядом со входом в которое также располагались столики, некоторые из которых были заняты посетителями. Вывеска на фасаде гласила: «Одинокий отшельник».

Толстенький человечек в синем долгополом балахоне, и торчащими в разные стороны, точно иглы дикобраза волосами катился им навстречу, подпрыгивая, словно мячик.

— Сюда! — махал он им рукой. Лицо его выглядело встревоженным, брови были чуть вздернуты, что придавало выражению лица несколько страдальческий и комический оттенок одновременно.

— Да видим, видим, Стив! — Билли на ходу чиркнул кресалом, зажигая сигарку.

Вилли помогал Лике, выгружая сумки.

— Ох, ребята, вы бы поторопились... — заметно нервничая, заговорил человечек, которого назвали Стивом. — Уж я, вы знаете, ко всему привыкший, но такие дела мне не нравятся, прямо вам скажу, совсем не нравятся!

— Да что случилось то? — поинтересовался Вилли, отбирая у Билли папиросу и затягиваясь ею.

Человечек только всплеснул руками. — Идёмте! Сами сейчас всё увидите...

Лица едва поспежала за проворно семенящим Стивом и размеренно шагавшими дворфами.

В таверне царил легкий полумрак, так, что после яркого дневного света Лица почти ничего не могла разглядеть.

Здесь тоже было несколько столов, за которыми кто-то сидел, в воздухе парили клубы сизоватого дыма, пахло чем-то приторно-сладковатым и, почему-то, этот запах вызывал у Лицы отвращение, словно был чем-то противоестественным.

От одной из стен, в самом дальнем углу столы были отставлены в сторону, а на их

месте, на сдвинутых лавках в причудливых позах располагались три женщины.

Приглядевшись, Лика поняла, что одна из них лежала, по-видимому, без сознания — её голова была запрокинута назад, правая рука безвольно свисала на пол, а левая была небрежно откинута в сторону. Её тёмные волосы, сбившись, частично закрывали ей лицо, так что в первый миг Лика испугалась, что она не дышит, но потом она заметила едва заметное вздымание груди.

Другая девушка, с хвостом волос, схваченными в торчащий пучок, сидевшая у изголовья, поджав ноги и обхватив руками колени, что-то нараспев говорила, покачиваясь из стороны в сторону; внезапно она запрокидывала голову назад и начинала смеяться каким-то странным, булькающим смехом, при этом совершая руками причудливые пассы и выкрикивая непонятные слова.

Третья, выглядевшая самой молодой, с коротко стриженными волосами, прижималась спиной к стене и смотрела на них затравленным взглядом расширившихся зрачков. Руками она сжимала деревянный кубок, который выставила перед собой, словно оружие.

— Та-ак, девчата... — протянул Билли, — И что тут у нас за вечеринка?

— Эти барышни отдыхали на террасе, — скороговоркой заговорил трактирщик, — Они немного выпивали, всё, как обычно...

— Что именно пили? — перебил его Билли.

— Леди Джейни и Лисана пили сидр, а леди Сюзанна, как обычно, заказала «Далараг Нуар», она пьёт исключительно его.

— Это которая? — бросил через плечо Вилли, склонившийся над лежащей без сознания девушкой.

— Как-раз та, которую вы сейчас осматриваете... — кивнул Стив.

В этот момент девушка, прижимавшаяся к стене, издала пронзительный визг, от которого у Лики заложило уши, что-то треснуло наверху, посыпалась щепка и мелкая крошка древесины. Другая девица, не перестававшая всё это время хохотать, захлопала в ладоши.

— Астральные вибрации! — выкрикнула она, — Это работает! Работает!!

Лика, как зачарованная, смотрела за тем, как из колеблющейся энергетической субстанции, возникшей над их головами в виде грозового облака вырывались всполохи ослепительно белого света. В воздухе стоял резкий запах озона.

Билли вздрогнул и бросился к хохочущей девице и обхватил, прижав её руки к телу. Та не сопротивлялась, лишь продолжала истерически смеяться. Молния, вылетевшая из облака, обуглила столешницу, около которой только что стоял дворф, сразу взявшуюся голубоватым пламенем. Лика взвизгнула. Люди, стоявшие рядом, бросились врассыпную, натыкаясь друг на друга, и проталкиваясь к выходу. Ещё одна молния с гудением пронеслась над их головами. Третья ударила в деревянный пол. Черный дым начал валить со всех сторон. Билли, крича, взвалил на себя девицу и поволок её к выходу. — Долбаная магия! — крикнул он, — Нужно уходить, пока она тут всё не разнесла!

Вилли, тем временем, перебросил, точно мешок через спину ту, которая лежала без чувств.

— Хватай барахло и беги к выходу! — заорал он Лике.

— А как же она? — прокричала Лика в ответ, кивая на забившуюся в угол оставшуюся третью девушку.

— Не твоя забота! За ней кто-нибудь вернется! — рявкнул Вилли.

Но Лика упрямо мотнула головой и, прикрыв нос верхним вырезом платья, подбежала к

девушке.

— Нам нужно уходить отсюда! — прокричала она ей. Та лишь смотрела на неё невидящим взором и мелко дрожала, губы её шевелились в беззвучном крике.

Где-то в воздухе прогудела еще одна молния, Лика уже не видела грозового облака из-за дыма, скопившегося под стропилами, она чувствовала, как с каждой секундой он всё сильнее разъедает её глаза, повсюду на стенах и потолке плясали язычки пламени.

— Идемте же! — крикнула она и схватила девицу за руку. Та резко отпрянула и снова завизжала, с надрывом. Лика закашлялась — она глотнула дыма, и чувствовала, что начинает задыхаться.

Откуда-то из-за её спины вырос Билли, схватил её на руки и потащил.

— Стой! — закричала Лика, — Мы не можем её бросить! — Вилли займется ею! — проорал дворф.

Вилли действительно, уже был рядом с девицей, протягивая к ней руки, не то уговаривая её, не то пытаясь схватить половчее. Девица истошно закричала, но, на этот раз, в её крике различались слова, она что-то произнесла, и фиолетовая вспышка озарила на миг стены пылающей таверны.

Последнее, что Лика видела перед тем, как потерять сознание, был растерянный кролик в зеленой рубашке на месте дворфа.

Когда она открыла глаза, первое, что она увидела, было испуганное лицо трактирщика, взиравшее на неё сверху вниз. — С вами всё в порядке, сестра? — участливо спросил он.

— Кажется... кажется, да... — пробормотала Лика, приподнимаясь на локтях и оглядываясь по сторонам. — Где мы?

Она лежала на мягкой зеленой траве, но вместо неба над головой простирался переливающийся всеми цветами радуги купол, словно половинка огромного мыльного пузыря. По ту сторону виднелись размытые фигуры людей. Рядом с ней на траве, повёрнутая набок, лежала темноволосая девушка, леди Сюзанна. Чуть поодаль, в той же позе, что и в трактире, обхватив руками колени, сидела вторая. Она уже не смеялась в голос, но продолжала вполголоса хихикать, что-то бормоча себе под нос.

Третья лежала рядом с ней ничком, плечи её сотрясались, по-видимому, от рыданий.

— Вилли, Вилли! — донеслось до Лики. Она повернула голову, и увидела Билли, сидящего на земле на коленях, и сжимавшего в руках серого кролика, морщившего нос и в панике озиравшегося по сторонам.

— Что... Что произошло? — выдохнула Лика, отчаянно трясая головой.

— Всё в порядке, сестра! — проговорил чей-то голос сзади. Она подняла голову и увидела человека, стоящего за её спиной. У него были длинные черные волосы, аккуратная окладистая ухоженная бородка, внимательный взгляд глубоко посаженных черных глаз, в которых светился ум, и приятный глубокий голос. Одет он был в темную долгополую тунику, чем-то напоминавшую одеяния братьев и синюю накидку. Заметив, что Лика смотрит на него, он слегка поклонился ей.

— Это господин Джардет вытащил вас с леди Лисаной из моей таверны... Из моей бывшей таверны! — добавил толстяк, горестно вздыхая.

— Ерунда, Стив! — пробасил стоящий рядом с Джардетом высокий мужчина в красных одеяниях с седой бородкой и белым венчиком волос вокруг гладкого темени. Он держал жезл в правой руке, которым совершал некие загадочные движения в воздухе. — Пожар почти потушен! Кроме того, я уверен, что твоя страховка покрывает подобные инциденты.

Ведь не в первый же раз, в конце концов!

Ли́ка во все глаза смотрела на огромного зеленого водяного гуманоида, которого услужливая память тут же классифицировала, как водного элементалю.

До этого она только раз встречала подобное существо, когда ехала в поезде, но то был совсем другой тип.

Элементаль, подобно скульптуре из бассейна, изливал поток воды на дымящуюся в нескольких метрах таверну.

Из состояния транса её вывел голос дворфа.

— Малин, дружище, — взволнованно взмолился Билли, — Это что ж такое! Казгоротовы портки, у меня теперь вместо брата — ушастый грызун!

— Не так уж сильно он и изменился, — хмыкнул седовласый маг.

— Да не бузи ты! — успокоил он Билли, сжавшего кулаки и побагровевшего, — Дай мне пару минут, сейчас всё исправим...

Малин провел посохом над головой, и взмахнул им, как бы ставя точку на невидимом полотне.

— Вот, — сказал он удовлетворенно, — Теперь магические способности ваших подопечных полностью блокированы, а все, что происходит под куполом будет скрыто от лишних любопытных глаз... Можете приступать к оказанию помощи...

— Малин! Мой брат!!

— Ах, извини, чуть не забыл, — спохватился Малин, — Видишь ли, очень опасно пытаться оказывать какое-либо давление на чародейку в состоянии аффекта. Я думал, вы, в силу своих профессиональных обязанностей, знакомы с данным постулатом!

Билли искоса глянул на покрасневшую Лику.

— Эм... Как же его там... — маг беззвучно зашевелил губами, нахмутив брови, потом простер жезл в направлении кролика и повелительно скомандовал: — Антропоморфус ортодоксалис дворфикус эст!

Голубоватая вспышка сорвалась с кончика жезла, кролика окутало облачко синего дыма и, секундой спустя, на траве сидел голый по пояс дворф, с стеблем травинки во рту.

— Вилли! — кинулся к нему брат, — Как ты себя чувствуешь?!

— Ээ... Нормально... А почему ты спрашиваешь?! — с подозрением уставился на него Вилли, и, выплюнув травинку и оглядев себя спросил, — А где моя рубашка?

— Он что, ничего не помнит? — оторопело взглянул на мага Билли.

— Ретроградная амнезия, — рассеянно отозвался Малин, — События, предшествовавшие метаморфозе, обычно стираются из памяти, в пределах от нескольких минут до часов. Иногда дней. В исключительных случаях — лет.

— Лет?!

— Ну да, в литературе описаны случаи. Вы вообще где-нибудь учились, ребята?

— Кто этот занудный старикан? — осведомился Вилли, натягивая поданную ему Ликой рубашку.

— Вилли, это — Малин, ты же с ним знаком, — взволнованно произнес Билли, — профессор Академии Магии...

— Замдекана факультета общего управления стихий, — не без гордости сказал Малин.

— А... Да... Кажется, я вас узнаю.... Извините, профессор — поклонился Вилли.

И, обращаясь к Билли, спросил: — А что такое я должен помнить? И, кстати, как мы тут оказались?

— Я тебе потом объясню... — уклончиво пробормотал брат.

Тем временем, Джардет, склонившийся над лежащей без сознания девушкой тревожно окликнул их.

— У меня вызывает серьезное опасение состояние леди Сюзанны, — проговорил он.

Лица подошла ближе и опустилась на колени перед распростертым на земле телом.

Билли приподнял пальцами веки девушки и покачал головой. Зрачки были совсем узкие, почти точечные. Грудная клетка почти не двигалась, губы начинали приобретать едва заметный фиолетовый оттенок.

Вилли, похлопал девушку по щекам, но это не дало никакого эффекта.

— Сумка! — вспомнил Билли.

— Здесь! — услужливо подсказал Стив, протягивая местами обуглившуюся сумку дворфу, — Господин Джардет и об этом позаботился.

Билли перевернул сумку, вывалив её содержимое прямо на траву, Вилли рылся среди связок трав и склянок, откупоривая то одну, то другую и поднося её к носу Сюзанны.

Реакции по-прежнему не было, а губы стали заметно синее.

— Кажется, она перестает дышать, — заметил вполголоса Джардет.

— Вижу! — огрызнулся Билли, отбрасывая в сторону очередной флакон. — Ну-ка, давай, Вилли!

Они разом перевернули тело девушки на спину, Билли склонился над головой и, набрав воздуха в грудь прильнул к посиневшим губам Сюзанны, выдыхая его в них. Поднял голову, снова набрал воздуха и снова прильнул к губам. Грудь девушки поднималась и опускалась в такт его выдохам.

После нескольких таких циклов его сменил брат. — Я могу хоть что-то сделать? — шепнула Лица дворфу. — Боюсь, что пока нет, — вздохнул тот, — В её кровь проник яд, который останавливает её легкие, и всё, что мы можем — это поддерживать их, пока её организм не очистится от него. Но мы не знаем, как долго это может продлиться, и если...

— Если — что? — спросил подошедший Джардет, — Если доза была слишком велика, то, скорее всего, наши усилия будут напрасными, — мрачно сказал Билли. — Мы не сможем обеспечивать её легкие воздухом также эффективно, как это делают они сами, и, рано, или поздно...

— Сколько же времени у нас есть? — спросила Лица.

Билли покачал головой. — Боюсь, совсем немного.

— Может быть, юная целительница сможет распознать яд и вывести его? — спросил Джардет.

— Я... я не знаю, как это делается... Нас этому еще не учили, — беспомощно призналась Лица, готовая расплакаться от чувства собственного бессилия. — Но я... я попробую!

— Лучше не стоит, — покачал головой Билли, — Мы не знаем, что это за яд, возможно, это какая-то магическая отравка, и есть вероятность того, что, при неосторожном вмешательстве ты можешь тоже получить дозу...

Лица упрямо мотнула головой. — Пусть так, но я все-равно должна попытаться!

Вилли, устало дыша, поднялся с колен. Билли снова заменил его.

— Сердце перестает биться, — озабоченно проговорил он. Братья обменялись взглядами.

Вилли занял место около груди девушки, навалившись на неё переплетенными кистями

обеих рук, с усилием нанося серии коротких толчков в область сердца в промежутках между выдохами, совершавшихся Билли.

Лица, больше не могла ждать. Она закрыла глаза и опустила ладони на холодный лоб девушки.

Ощущение холода наполнило её. Она пыталась сконцентрироваться, направляя свою внутреннюю энергию в собственные ладони и, от них — к телу под ними, как учили в Школе, но у неё ничего не получалось. Она чувствовала, как силы пульсирующими толчками покидают её, и будто рассеиваются в пустоте. Словно сквозь ватное одеяло она услышала слова брата Оккама: «...только когда сердце твое станет звучать ей в унисон, ты сможешь постичь смысл...».

Она призвала все свои остатки сил и направила их от себя, пытаясь растопить лёд под её пальцами...

Внезапно, она почувствовала, как какая-то сила тащит её вверх, ей стало трудно дышать, она закашлялась, а когда в голове прояснилось, она обнаружила, что лежит на боку на траве, а Билли держит её за воротник платья.

— Что... Что ты сделал... — прохрипела Лица, — Я... у меня могло получиться!

— Ты чуть сама не перестала дышать! — зло огрызнулся дворф. — По-твоему, это ей поможет?!

— Кажется, всё... — проговорил Вилли. Он замер над девушкой, словно изваяние. Губы Сюзанны были совсем синими, кожа мраморной, грудь больше не поднималась.

— Нет! — крикнула Лица, — Нет!!

Словно эхом ей откликнулась магичка, сидящая на траве — она снова начала безумно хохотать, выкрикивая какие-то несвязные слова. Джардет опустился на землю рядом с ней и что-то начал говорить. Малин печально покачал головой.

— Да что же это делается! — запричитал трактирщик, размазывая кулаком со следами копоты слезы по перепачканному лицу, — Ведь всего несколько минут назад они сидели, как ни в чем не бывало, живы и здоровы, пили вино, сидр и курили кальян... — Как же это так-то?! Что же это, а?!

Вилли уже медленно поднимался на ноги и вдруг замер.

— Кальян?! — проговорил он.

Они с Билли переглянулись. — Ты думаешь... — начал Билли.

— Это единственный шанс, если так, но, по крайней мере, он у нас есть, — ответил Вилли.

— Что... — начала было Лица.

— Флакон! С бесцветной жидкостью! Стекланный, в виде кристалла! Живо!

Лица бросилась к валявшейся сумке и рассыпанным медикаментам. Словно в замедленном сне, трясущимися руками она искала флакон.

Братья продолжали свои нехитрые сочетанные действия. — ЖИВЕЙ ЖЕ! — заорал Билли.

Лица в отчаянии разгребала бинты, травы и склянки руками. Она задела рукой за что-то острое и поранила ладонь. Охнув, она вытащила из травы обломанный флакон в виде половины кристалла. Жидкости оставалось совсем чуть, на доньшке.

Зажав остатки флакона в окровавленной ладони, гномка ринулась к братьям. Билли выхватил его у неё из рук и вылил остатки в рот девушки, голова которой бессильно покоилась на руках его брата. Лица затаила дыхание.

— Давай! — прорычал Билли. И дворфы, оба красные и мокрые от пота, продолжили вдыхать воздух в неподвижное тело и массировать остановившееся сердце.

Ли́ка закрыла глаза. Она чувствовала, что силы снова покидают её, кровь струилась из рассеченной ладони, и она даже не пыталась остановить её. Ей хотелось лечь здесь же, рядом, закрыв глаза и никогда не просыпаться. Ощущение бессмысленности происходящего навалилось на неё давящим парализующим ужасом. Девушка умерла. Они больше ничего не могут сделать. Всё бесполезно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

И, внезапно, вскрикнул трактирщик. Ли́ка открыла глаза.

— Получилось! Сила Света, у них получилось! — воскликнул Стив.

Ли́ка поначалу ничего не заметила. Однако дворфы больше не массировали сердце и не вдували воздух в легкие девушки.

Едва заметное движение грудной клетки. Шевеление губ. Вздох.

— Сработало! — прохрипел Билли. Вилли, отдуваясь, стоя на коленях, лишь молча кивнул.

Малин склонился над девушкой. — Леди Сюзанна! — окликнул он, — Вы меня слышите?

Он повёл рукой в воздухе и в его ладони появился кубок, наполненный водой. Несколько капель упало на лицо Сюзанны. Губы уже начинали розоветь. Издав легкий стон, девушка открыла глаза.

Ли́ка не верила своим глазам. — Ведь она же уже не дышала! — прошептала она.

Дворфы наперебой затягивались папиросным дымом.

— Это чудо! — вздохнул старый маг.

Джардет лишь молча качал головой, в глазах его горело не то восхищение, не то изумление.

Трактирщик плюхнулся на траву рядом с Сюзанной. — Как вы себя чувствуете, госпожа? — взволнованно произнёс он.

Девушка повернула голову на звук его голоса и слабо улыбнулась. — Стив? — прошептала она удивленно. Она облизнула пересохшие потрескавшиеся губы. — Что со мной? — слабо произнесла она, пытаясь приподняться. — Лежите, лежите! — успокоил её Стив. — Вам вредно сейчас двигаться!

При этом он вопросительно покосился на дворфов. — Скоро оклемается! — махнул рукой Билли.

— Дайте ей воды, — посоветовал Вилли.

Джардет взял кубок из рук мага и наклонился над Сюзанной. — Глотните, госпожа, — сказал он, поддерживая голову девушки и поднося кубок к её губам, — Вам станет лучше...

Билли, тем временем, остановился перед продолжающей хихикать магичкой. — Как, говоришь, её зовут, Стив? — окликнул он трактирщика.

— Это леди Джейни Аншип, — услужливо подсказал Стив, — А та, что в печали — леди Лисана.

— Студентки Академии, — с грустью сказал Малин.

Билли стал прямо напротив леди Джейни, наклонившись к ней и упершись руками в свои колени, пытаясь заглянуть её в глаза. — Леди Джейни! — позвал он.

При звуке своего имени, девушка подняла голову, и уставилась на дворфа, смеясь. Билли какое-то время пристально смотрел ей в глаза, потом, внезапно, коротко размахнулся и

отвесил девушке звучную пощёчину.

Ли́ка и Стив синхронно ахнули. Малин покачал головой. Джардет понимающе кивнул.

— Джейни! — повторил дворф.

Девушка разом, словно оборвавшись, прекратила смех. Потирая щеку, она смотрела на дворфа, и взгляд её начал потихоньку проясняться.

— Вот и ладушки, — удовлетворенно сказал Билли. — Что там с третьей, брат?

— Кажется, уснула, — прошептал Вилли, держа руку на запястье девушки с короткой стрижкой светлых волос, — Пульс хороший, дыхание ровное... Думаю, сон пойдет ей на пользу!

— Постой-ка, это же ведь та самая, которая тебя...

— Что?

— Н-ничего... — Билли приобнял Вилли за плечи отводя его в сторону от спящей Лисаны. — Скажи лучше, как ты догадался про демоново колено?

Вилли пожал плечами. — Ты бы и сам про него подумал, будь дело лет пять назад. Если бы Стив не упомянул про кальян...

Трактирщик, услышав, что говорят о нем, довольно приосанился.

— Но откуда он взялся? — мрачно сплюнул Билли, — Я думал, после королевского декрета, в Буреграде с ним было покончено. По крайней мере, это — первый случай за несколько лет.

— Прошу прощения, — озабоченно сказал маг, — Но мне кажется, у юной целительницы вся рука в крови!

Ли́ка совсем забыла про свою ладонь. Кровь уже остановилась, но рукав и часть подола её платья были залиты ею. Подошедший с бинтами Вилли покачал головой. — Нужно промыть, — сказал он.

Ли́ка улыбнулась, вспоминая, как когда-то она сама выступала с подобной инициативой, когда дворф получил удар бутылкой по голове. Вилли, по-видимому, тоже это вспомнил, так как усмехнулся, поливая ладонь водой. Рана оказалась довольно глубокой.

— И когда только успела, — вздохнул Вилли.

— Когда искала флакон, — пояснила гномка, — Вилли, а что это был за яд?

— Это особая трава, которую добавляют в курительные смеси, — отозвался дворф, — Одно время, в Буреграде её было полно — завезли откуда-то. Особенно этим увлекалась молодежь — знаешь, любители острых ощущений и веселого настроения. Потом её запретили, после нескольких случаев с летальным исходом. И вот сейчас опять появилась... Брат Склиф будет в ярости.

— Брат Склиф? — удивилась Ли́ка, — Но почему?

— У него к этому делу особое отношение, — буркнул дворф, — Долго рассказывать, но он ненавидит такие вещи.

— Какие такие? — не поняла Ли́ка.

— Изменяющие сознание и волю личности, — проговорил подошедший Джардет. Он выглядел усталым и озабоченным. — Значит, это, всё-таки, был демонов корень? Он озабоченно покачал головой.

— Ой, — пискнула Ли́ка, — Мы ведь так и не поблагодарили вас за помощь!

— Пустяки, — махнул головой Джардет, — Это было несложно.

— Ничего себе! — воскликнул Стив, — Да вы вынесли на себе двух женщин и еще сумку из объятый огнём таверны! Еще чуть-чуть и обрушились бы балки!

— Мы вам весьма признательны — проговорил Билли, кланяясь.

Вилли, нахмурившись, смотрел в одну точку и шевелил губами. — Пожар? Точно! Мы были в таверне, и она загорелась... А что произошло потом?

— Тебя по голове ударила балка, — вмешался Билли. — И я тебя вытащил.

— А, по-моему, ты нёс гномку... — нерешительно пробормотал Вилли.

— На вас, молодой дворф, было наложено заклятье метаморфозы, — объявил Малин, не обращая внимание на отчаянные гримасы Билли, — Какое-то время вы были кроликом. Неудивительно, что часть событий попросту стерлась из вашей памяти.

— Кроликом! — ахнул Вилли. — И ты мне не сказал! — с упреком обратился он к брату.

— Я боялся нанести тебе психологическую травму, — пробурчал тот, — Ты ведь у нас такой ранимый!

— То-то я думаю, — задумчиво пробормотал Вилли, — Откуда у меня во рту этот привкус одуванчиков...

— Но почему начался пожар? — спросила Лика, — Всё так быстро произошло!

— Девушки были под кайфом, — сказал Билли, — Это уже взрывоопасная ситуация сама по себе. А если ты еще и девушка-маг...

— Контроль за ментальной энергией, безусловно, утрачивается во время пребывания под воздействием психоактивных веществ, что может приводить к непредсказуемым последствиям, — согласился Малин.

— Ну а я что только что сказал? — возмутился дворф.

— Но, позвольте, — вдруг опешил трактирщик, по-видимому, только начавший понимать суть происходящего, — Вы хотите сказать, что в моём кальяне оказался этот самый... демонов корень?

— Необязательно, — пожал плечами Билли, — Они могли принести его с собой. Вопрос в том, где они его взяли...

— И мы знаем, кому можно этот вопрос задать, — проговорил Джардет.

Все одновременно посмотрели в сторону девушек.

Джейни и Сюзанна сидели, держась за руки, рядом со спящей Лисаной, обе выглядели изможденными.

— Итак, дамы, — обратился к ним Малин, — Можете ли вы прояснить кое-что?

Джейни покачала головой. — Я... почти ничего не помню... Всё как в тумане... Мы собирались, кажется, устроить пикник на траве... Потом...

— Мы решили пойти в таверну, потому что ночью шёл дождь, и трава была еще сырой... — прошептала Сюзанна.

— Мы заказали напитки и кальян, — продолжала вспоминать Джейни, — Дальше... Дальше всё куда-то проваливается...

— Кажется, к нам кто-то подходил... — наморщив лоб, произнесла Сюзанна, — Кто-то необычный...

Девушка нахмурилась, кусая губы, пытаясь вспомнить.

— Гном в красном балахоне и черной накидке, — сказал вдруг Джардет, — С рыжими лохматыми бровями и козлиной бородкой...

— Точно! Был такой! — вспомнил Стив, — Я еще подумал, чего ему нужно, крутился среди столов, но ничего не заказывал...

— Возможно... — прошептала Сюзанна, и глаза её наполнились слезами, — Мне очень

жаль, но я правда ничего не помню...

— Ты этого гнома раньше видел, Стив? — спросил Билли.

Трактирщик нахмурился. — Точно не поручусь, но такое чувство, что лицо знакомое. Впрочем, тут кого только не бывает — всех разве упомнишь!

— Я знаю, откуда он, — мрачно проговорил Джардет.

— Вы? — Лика взглянула на человека с удивлением. — Откуда? И...кто вы вообще такой?

Джардет вздохнул. — Пожалуй, мне есть что рассказать вам, но, полагаю, лучше сделать это чуть позже. Дамам явно необходим отдых, а нам всем — чем-нибудь подкрепиться.

— Золотые слова, — согласился Билли, — Только где теперь? Таверна-то сгорела!

— Есть еще одно заведение, неподалеку отсюда, — проговорил Джардет, как бы взвешивая слова, — Правда, его репутация... Оставляет желать лучшего.

— Если его не надо тушить, и там нет магичек, швыряющихся в посетителей молниями и огненными шарами, то лично для меня это самая лучшая репутация! — сообщил Билли.

— А если там еще есть пиво, то я готов признать эту харчевню лучшим заведением Буреграда! — поддержал его брат.

Джардет посмотрел на них и как-то странно усмехнулся.

— Так я могу снимать купол? — подал голос Малин.

— Валяйте, — махнул рукой Билли, — Наша работа тут закончена!

Маг кивнул, поднимая жезл и очерчивая им снова круг над головой, что-то говоря при этом.

Радужное сияние начало мерцать и постепенно угасать, словно рассеиваясь.

Несколько любопытных зевак, остановившихся неподалеку, глазели на компанию, появившуюся на траве. Рядом с еще дымящимися остатками таверны стояли бармен, официанты и пара стражников, при виде которых Лик стало почему-то не по себе.

Стив поспешил к ним, ахая и причитая на ходу.

Малин тем временем что-то объяснял еще нескольким мужчинам и женщинам, одетых в форму Академии. Принесли одеяло, на которое бережно переложили спящую Лисану и унесли в Башню. Сюзанна и Джейни в окружении студентов тоже направились в направлении Академии.

Перед уходом Сюзанна подошла к дворфам и Лике. — Спасибо вам! — обратилась она к ним тихо, — Малин рассказал мне, что вы сделали для меня.

— Не стоит благодарности, мадам, — махнул рукой Вилли, — Это наша работа!

— Как честные дворфы, мы, после всего произошедшего, готовы жениться! — добавил Билли, глядя снизу-вверх на девушку.

Магичка улыбнулась, наклонилась и поцеловала в щеку сначала одного, потом другого дворфа, обняла Лику.

— Спасибо! — поблагодарила он еще раз, помахав им на прощание.

— Какая девушка... — вздохнул Билли.

— А мне больше понравилась та, с короткой стрижечкой, — мечтательно сказал Вилли, — Жаль, она спала и не могла нас тоже поблагодарить!

— На твоём месте, брат, я бы держался от неё подальше, — усмехнулся Билли, — Хотя, конечно, если тебе понравились одуванчики...

— Бррр, нет! — Вилли передернуло, — Что ты там говорил насчет подходящего местечка, Джардет? Далеко оно?

— Вовсе нет, — отвечал человек, задумчиво глядя вслед уходящим девушкам, — В паре минутах ходьбы.

— Так веди! Или, точнее сказать — показывай дорогу! — Билли подобрал с земли сумку, сгребая туда рассыпанные Ликой медикаменты. — Можем подъехать на Атуине.

— Не стоит, — отозвался Джардет, — Там слишком узкие переулки, не развернуться, и ставить чоппер тоже негде.

Они снова миновали арку и направились по переулку, уводящему, по ощущениям Лики, в сторону моря.

— А почему вы сказали, что эта таверна пользуется дурной репутацией? — не удержалась она от вопроса.

— Сейчас сами всё поймёте, — вздохнул Джардет, — Мы уже пришли.

И он протянул руку, указывая на неприметную вывеску, почти скрытую между двумя фасадами выпирающих домов — «Забитый ягнёнок».

Сначала Лика не поняла, почему название кажется её знакомым, но, секундой спустя, её словно пронзила мысль о записке, которую утром принёс Чао.

«Держитесь подальше», — было сказано в ней.

Но как это могло быть связано с тем, что произошло потом?

— Всё в порядке, сестра? — Джардет наклонился к ней, — Вы выглядите немного бледной. Это сказывается усталость, или же это я излишне мистифицировал вас?

— Да нет, всё в порядке! — Лике не хотелось признаваться ни в собственной слабости, ни вдаваться в подробности относительно записки.

— Хорошо, — Джардет кивнул, — Тогда прощу!

Таверна оказалась тесноватой и темноватой, с низкими потолками, почернелыми от копоти стенами, на которых крепились потускневшие, давно нечищенные бра.

Окон, как ни странно, не было. За грубо сколоченными столами было пусто, только в дальнем углу, где почти не было света, сидел посетитель, закутавшийся в плащ, рядом с шеренгой пустых пивных кружек.

Трактирщик, угрюмого вида рослый человек, с густыми черными волосами, тронутыми сединой, заплетенными в косы, приблизился к ним в ожидании заказа.

— Что будем пить? — спросил Джардет, — Лично я рекомендовал бы попробовать здешний ламбик — он действительно недурен, и хорошо сочетается с фирменным блюдом.

— Ламбик подойдёт — одобрил Билли. Вилли утвердительно кивнул.

— Сестра? — вопросительно обратился к Лике Джардет.

— Она не пьёт крепкий алкоголь, — вмешался Вилли.

— Когда-то же надо начинать, — рассудительно заметил его брат.

— Скажи это брату Склифу! А еще лучше — отцу Оккаму! — усмехнулся Вилли.

— Мне можно просто воды, — поспешно вставила Лика, — Если у вас нету сока луноягоды...

Судя по выражению лица трактирщика, сока у них не было. И не бывало.

— Можно попробовать сидр, — заметил Джардет, — Практически, тот же сок.

И, обращаясь к трактирщику, добавил: — Три ламбика, один сидр, и твое фирменное блюдо, Даррел.

Также молча приняв заказ, трактирщик слегка кивнул и удалился, так и не проронив ни слова.

Минуту спустя он поставил перед ними кружки с пивом и сидром.

— Итак, — заговорил Билли, — Ты говорил, что что-то знаешь про того гнома...

— Тише, — Джардет понизил голос, так, что дворфам и лике пришлось наклониться к нему, — Дело в том, что если это тот самый гном, в чем я лично не сомневаюсь, он может находиться где-то поблизости...

Лица дворфов выражали крайнюю заинтересованность, Лика мимолетно подумала, что в этот момент они напоминали маленьких гномов, которым рассказывали захватывающую историю.

— Гнома, о котором идёт речь, зовут Шпакль Шиповникс, он частый посетитель этого заведения... — продолжал вполголоса рассказывать Джардет. — Он и раньше бывал замешан в разного рода темных делишках, так что я не удивлюсь, если и сейчас он причастен к появлению этой заразы в Буреграде. Но, в любом случае, он — всего лишь мелкий прохвост, распространитель, работающий на кого-то...

Джардет отхлебнул пива и незаметно огляделся по сторонам.

— Когда сегодня утром я посещал по своим делам Академию, я заметил, как он крутится возле таверны, и, почему-то, это показалось мне странным. Я решил пропустить стаканчик портера, а заодно понаблюдать за ним. Когда я вошел, этот проныра тёрся как раз возле столика с девушками, но потом он заметил меня и словно догадался, что я за ним наблюдаю, поскольку тут же исчез.

Джардет нахмурился. — Мне всё это показалось несколько странным, но не более. Я как-раз допивал свой портер, когда начались, как я теперь понимаю, первые симптомы. Девицы начали шуметь, громко разговаривать, кажется, кто-то даже сделал им замечание. Потом Джейни начала смеяться, Лисана поначалу тоже смеялась, они начали состязаться в искусстве, но тут, внезапно, Сюзанна потеряла сознание и упала, но все решили, что девица просто перебрала с алкоголем, и только когда Стив подошел к ним, он заподозрил что-то неладное...

— То есть, это Шпакль мог подбросить им что-то в кальян? — Лика пыталась что-то сообразить, ухватиться за мысль, ускользавшую от неё.

— Подбросить, а может, предложить, или продать, — Джардет пожал плечами, — К сожалению, девушки ничего не помнят.

— А откуда ты-то знаешь этого Шпакля? — поинтересовался Билли, допивая остатки ламбика, и со стуком ставя кружку на стол, подзывая трактирщика.

Джардет криво усмехнулся. — По роду занятий, — ответил он коротко.

— И чем занимаешься? — прямо спросил его Вилли, также опрокидывая кружку.

Лике захотелось пнуть его под столом ногой, так как вопрос прозвучал явно бестактно.

Джардет помедлил с ответом.

Трактирщик принес поднос с тремя новыми полными кружками и блюдо с дымящимся мясом.

— Пахнет здорово! — обрадовался Билли. Вилли подцепил вилкой кусок прямо с блюда, и, заработав челюстями издал довольное мычание. — Это просто обалденно!

Лика попробовала кусочек. Мясо было довольно нежным на вкус и имело необычный привкус, возможно, из-за большого количества разнообразных специй.

Джардет сделал маленький глоток из своей (все еще первой) кружки.

— Чем занимаюсь, — повторил он задумчиво. Поднял глаза на дворфов и сказал: — Темными искусствами.

Билли наморщил лоб, не переставая жевать. — Это, типа, демоны, некромантия и

всякое там колдовство с дренажками?

— С суккубами, — поправил его брат, — Они называются суккубы!

И, заметно оживившись, обратился к Джардету: — А ты их призывать умеешь?

Джардет едва заметно усмехнулся. — Приходится иногда, — сказал он. — В целом же, путь темного искусства несколько сложнее в понимании, чем те стереотипы, которые вы сейчас озвучили, но... Подавляющее большинство воспринимает их именно таким образом.

Билли замотал головой. — Слушай, приятель, — сказал он, — Если ты думаешь, что мы впервые в жизни видим чернокнижника, то глубоко ошибаешься. Встречали мы вашего брата, попадались всякие, большей частью, конечно, двинутые крепко на голову, но ты, вроде, производишь впечатление нормального мужика...

— Благодарю за столь лестную характеристику, — с едва заметным оттенком иронии поклонился Джардет.

— Так что там с гномом-то? — напомнил Вилли.

Джардет пожал плечами. — Мы не особо знакомы... Но я обращался к нему пару раз, когда мне были необходимы кое-какие... ингредиенты для моей работы.

— И где ты его находил? — поинтересовался Билли, отправляя в рот кусок мяса, размером с кулак.

— Здесь, на этом же самом месте... — отвечал Джардет. И вдруг усмехнулся: — Собственно, вот и наглядное тому подтверждение...

Лица проследила за направлением его взгляда и увидела, что в дальнем углу зала, том самом, где сидел одинокий любитель пива, к последнему присоединился гном в красном балахоне. Со своего места она не могла разглядеть их лиц, но видно было, что гном что-то говорил посетителю.

Впрочем, возможно, он просил его рассчитаться, потому что, буквально сразу, посетитель бросил на стол несколько монет и нетвердой походкой двинулся к выходу. Проходя мимо их стола, он задел краем плаща за спинку стула Джардета и Лица на пару секунд увидела его лицо. Она едва не вскрикнула, готовая поклясться, что именно его видела сегодня утром в кабинете брата Склифа.

Джардет заметил её реакцию, но, видимо, истолковал её по-своему. — Здесь бывают самые разные люди, сестра, — сказал он извиняющимся тоном, — Некоторые выглядят довольно странно, и именно это я, собственно, и имел в виду, когда говорил о репутации. Но, если, абстрагироваться от окружения и мрачноватой атмосферы — кухня и напитки вполне неплохи.

— Атт-тличные нап-питьки, — подтвердил Вилли, стуча кружкой по столу и подзывая снова трактирщика.

— Ба! — хихикнул Билли, — Да тебя, братишка, никак, развезло от каких-то пары пинт!

— Ик... Ищо чего... — отвечал ему брат, — Чтобы меня развезти, надобна ёмкость побольше!

Чернокнижник нахмурился. — Вообще-то, — заметил он, — Здешние напитки, действительно, крепковаты...

— Ты точно справишься? — в третий раз озабоченно спросил Джардет, загружая с помощью трактирщика второго бесчувственного дворфа в кузов Атуина.

— Не волнуйтесь, — вздохнула Лица, заводя мотор, — Я ведь, всё-таки, его собирала. И чоппером управлять умею.

Джардет покачал головой. — Мне, право, неловко, что всё так получилось.

— Да ладно, — махнула рукой Лика, — Вы здесь не при чём. Тем более, вы их предупреждали. Кто виноват, что братья не знают меры!

Джардет покивал, но лицо его было обеспокоенным. — Надеюсь, у вас не будет проблем из-за этого, — сказал он.

— Надеюсь, — пробормотала Лика без особой уверенности в голосе.

«Пожалуй, лучше бы им было обоим превратиться в кроликов», — про себя подумала она.

— Ну, рад был знакомству... — грустно улыбнулся мужчина.

— Взаимно! Спасибо вам за помощь, — поблагодарила Лика, надевая шлем.

Атуин зарокотал, и, выпустив облако дыма, покатил по мостовой.

Глава 7. Сюрпризы Торгового Квартала

Ли́ка резко затормозила, остановив Атуин в нескольких метрах от входа в Бараки, от души надеясь, что встряска хотя бы отчасти отрезвит и пробудит спящих в кузове дворфов. Тем не менее, двухголосый храп продолжал сотрясать тент, натянутый над телегой.

Откуда-то из тени деревьев вынырнул Чао, по-видимому, разбуженный шумом мотора.

Увидев гномку, сидящую на месте водителя, он лишь вопросительно-удивлённо приподнял брови, а, подойдя поближе и откинув полог, сокрушенно покачал головой.

— «Печальный отшельник»? — понимающе спросил он.

— «Забитый ягнёнок», — вздохнула Ли́ка.

Чао привычным жестом запустил лапу за пазуху и отправил в пасть пучок своей излюбленной травы.

— Слушай, Чао, — волнуясь, заговорила Ли́ка, — Они, правда, не виноваты! Просто столько всего произошло, и мы чуть не сгорели, а Вилли превратили в кролика, а потом они спасли девушку, и устали очень — прямо мокрые были насквозь! А в той таверне напитки были, действительно, очень крепкие. Может, не будем пока ничего говорить брату Склифу? А если будет вызов, мы с тобой быстренько съездим, а?

— Видишь ли, дитя, — вздохнул пандарен, — Я-то лично против твоего плана ничего не имею, но...

— Правда? Вот и здорово! Спасибо, Чао.... - начала было Ли́ка обрадованно, но осеклась, заметив странное выражение морды медведя, с которым он смотрел куда-то за её спину.

С нехорошим предчувствием обернувшись, гномка встретила взглядом с братом Склифом, собственной персоной, внимательно слушавшего их разговор с заинтересованным выражением лица, скрестив руки на груди.

«Странно», — промелькнула рассеянная мысль в голове Ли́ки, — «Он до сих пор не переменял обличье, а ведь терпеть не может находиться в человеческом облике, когда один».

Чао кашлянул, чтобы прервать неловкую паузу, но брат Склиф опередил его.

— Сестра Ли́ка, — сказал он, — Прошу вас подняться в мой кабинет. Чао, будь добр, приведи этих усталых спасителей в чувство.

Ли́ка испытала странное чувство, оказавшись второй раз за этот день в кабинете воргена.

Тут почти ничего не изменилось со времени ее утреннего визита, только в воздухе, несмотря на широко распахнутое окно, стоял легкий аромат сирени.

Брат Склиф не стал садиться, а прошел к окну, заложил руки за спину и повернулся к Ли́ке.

— Итак, — резюмировал он, — Одного моего сотрудника ты едва не обрекаешь на тюремный срок, двух других привозишь в стельку пьяных и едва не сгоревших... Скажи, я чем-то провинился перед братом Оккамом, или прогневал архиепископа, что они решили направить тебя ко мне?

— Я не знаю, — призналась Ли́ка, — Честное слово, это происходит как-то само-собой! Понимаете...

Но брат Склиф остановил её, подняв руку. — Расскажи мне всё по порядку, — попросил он.

Он выслушал её внимательно и почти не перебивал, лишь изредка задавая уточняющие вопросы.

По мере повествования гномки, ворген всё больше мрачнел. — Демонов корень... — проговорил он и глаза его загорелись каким-то диким, звериным блеском.

Лица прервалась, почувствовав себя неуютно, но брат Склиф, похоже, даже не обратил на это внимания, будучи поглощенным своими мыслями.

— Как, ты сказала, зовут этого человека? — спросил он.

— Которого? — не поняла Лица.

— Ну, того, кто вытащил вас из огня, — терпеливо пояснил ворген.

— А! Это... Господин Джарет! — сообщила Лица, — Трактирщик его знает, — прибавила она зачем-то.

— Это он предложил вам позавтракать в «Ягнёнке»?

— Честно говоря, я уже не совсем точно помню, — призналась Лица, — Всё было как во сне, когда я сейчас пытаюсь вспоминать... Кажется, Билли сказал, что неплохо было бы подкрепиться...

Брат Склиф хмыкнул. — У братьев это всегда актуальная тема. Но я бы предпочёл, чтобы впредь вы были более осмотрительны в выборе мест для отдыха. Я ведь просил тебя приглядывать за ними!

Лица вздохнула. — Но что я могла сделать?

Ворген оставил её вопрос без ответа, продолжая, нахмурившись, смотреть в одну точку, рассеянно набивая трубку табаком.

В кабинете повисла тишина, брат Склиф словно забыл про Лику, размышляя о чем-то своем, пуская дым.

Гномка кашлянула. — Я могу идти?

Ворген, не поднимая головы, кивнул. — Ступайте, сестра...

Уже взявшись за ручку двери, Лица вспомнила кое-что еще, что хотела сказать, и обернулась.

— Эм... Господин Склиф?

Ворген поморщился. — Сестра, мы не на светском рауте...

— Извините... — Лица смутилась, — Я... Я просто вспомнила, что забыла упомянуть еще об одном...

Брат Склиф посмотрел на неё вопросительно: — Братья учинили драку в трактире? Приставали к официанткам? Горланили дворфийские частушки? Я поговорю с ними позже, сейчас мне нужно заняться другими делами.

— Нет-нет, — Лица замотала головой, — Дело не в них... Просто... Сегодня утром я столкнулась с вашим гостем здесь, в дверях...

Брат Склиф слегка потемнел лицом.

— И?

— И... Мне показалось, что я видела его в той таверне... В «Забитом ягнёнке», — выдохнула Лица.

Брат Склиф покачал головой. — Ты весьма наблюдательная гномка, — заметил он, — Но и очень впечатлительная. Я не думаю, что ты могла видеть его там.

Ворген помолчал, взвешивая фразу. — Но если ты действительно когда-нибудь его

встретишь, — продолжил он, глядя Лике прямо в глаза, — Сделай вид, что никогда его не видела, и держись от него подальше! Ты поняла?

Лика кивнула. Ворген вздохнул. — Ступай, — сказал он, — Отдохни, пока есть время.

Выйдя в просторный холл Бараков, Лика замерла в изумлении.

За длинным обеденным столом сидели оба брата дворфа, насупившиеся, с помятыми лицами и избегающие смотреть друг на друга.

Перед каждым из них высилась глиняная кружка, наполненная до краёв белой густой массой.

Мирта, скрестив лапы на груди, наблюдала за ними, сдвинув брови и грозно посверкивая глазами. В сторонке, прислонившись к дверному косяку, с отсутствующим видом стоял Чао, посасывая травинку, прикрыв глаза.

— Пейте немедленно, вы оба! Прямо сейчас и до дна! — прорычала пандаренка.

— Мирта, — простонал Вилли, — Пожалуйста, не шуми так! Голова сейчас, того гляди, расколется...

Билли промычал что-то в знак солидарности.

— Сомневаюсь, чтобы ваши дворфийские черепа могло хоть что-то расколоть! — заметила Мирта, — Но, думаю, это пошло бы вам на пользу — может быть, хоть так из них бы вышло немного дури! Пейте, не заставляйте меня вас поить самой!

Вилли скривился и, со страдальческой миной поднёс кружку к губам.

— Правду говорят, что самые изощренные пытки придумали на вашей с Чао родине, — буркнул он и едва не поперхнулся, получив увесистый подзатыльник медвежьей лапой.

Билли поспешно глотал содержимое кружки, делая при этом страшные глаза.

— Вот так! А теперь оба — марш на кухню, вас ждёт по ведру картошки каждого.

— Мирта, — взмолился Билли, — Я даже думать о еде не могу!

— Не волнуйся, — усмехнулась пандаренка, — Есть её тебе и не придётся. Достаточно будет только почистить.

— Чао, — патетически воззвал к медведю Вилли, — Ты, вроде, рассказывал, что пандарены — гордый свободолюбивый народ, боролись против рабства, с какими-то там угнетателями-мугу...

— Во-первых, могу, а не мугу, — заметил Чао, не открывая глаз, — А, во-вторых, одно дело — бороться с Императором Грома в Престоле Гроз, и совсем другое — перечить женщине на её кухне. В наших летописях содержатся немало имен героев, победивших Лэй Шэня, но нет ни одного упоминания о муже, одержавшего верх в споре с женой.

— У меня, кстати, еще лук не чищен, — заметила Мирта, буравя взором безмятежного Чао, — Можешь вспомнить еще какую-нибудь грустную притчу, пока будешь им заниматься.

— Я могу помочь! — пискнула Лика.

Мирта обернулась к гномке. — И ты тут, — всплеснула руками она, — Надеюсь, у тебя-то хоть хватило ума не пить ту же дрянь, что и эти герои таверн?

— Нет-нет, что ты! — отчаянно замотала головой гномка, — Только совсем немного сидра!

— Лика просто молодец, она отлично справилась, — добавил Чао.

Мирта кинула на него сердитый взгляд и уже открыла рот для очередной язвительной тирады, как дверь за спиной Лики скрипнула, и в холле появился брат Склиф.

Ворген выглядел озабоченным.

— Чао, — сказал он, — Сколько у нас осталось запасов удавника?

Пандарен нахмурил лоб. — Точно сказать не могу, — отвечал он, почесывая лапой затылок, — Но точно должны быть запасы травы и немного настоя. Он ведь плохо хранится, сам знаешь...

— Когда ты последний раз проводил инвентаризацию? — перебил его Склиф.

— А? Инвентаризацию? Эм... Ну... Недавно... — Чао еще сильнее нахмурился, дела вид, что усиленно вспоминает.

— Займись этим, — коротко бросил ворген.

— Ну... Конечно...

— Прямо СЕЙЧАС! — мягко сказал брат Склиф.

— Эм... Ну, ладно! — Чао растерянно поморгал и направился по коридору в сторону диспетчерской.

— А вы, двое, — ворген повернулся к старательно бодрящимся дворфам, — Берите ноги в руки и мчите в торговый квартал! Мне нужна вся трава, которую вы сможете там скупить. Ясно?

— Да, шеф! — с готовностью отрапортовал Билли, — Уже едем, шеф!

Вилли согласно кивал, слегка морщась.

— А я? — спохватилась Лика, — Я тоже хочу поехать!

Брат Склиф бросил на неё короткий взгляд. — От тебя было бы больше пользы на кухне, помогла бы Мирте с готовкой...

— Я и сама справлюсь, — вмешалась пандаренка, — А дворфам сейчас вообще лучше не садиться за руль!

— Будь по-вашему, — устало махнул рукой ворген.

Лика с усмешкой поглядывала на жмущихся друг к другу братьев, еле помещавшихся в одной люльке — Атуин решено было оставить в Бараках на случай вызова. Дворфы жевали какие-то листья, данные им на прощание Чао и на поворотах до Лики доносился легкий аромат мяты.

— Останови здесь, — сказал Билли, когда они проезжали мимо парикмахерского салона, — Дальше мы все-равно не проедем — там сейчас не протолкнуться.

Припарковав чоппер на углу улицы, они свернули в переулок, ведущий в сторону торговой площади. Как и в первый день, когда Лика тут оказалась, здесь было полно народу. Люди, гномы, пандарены, дворфы, эльфы — вся эта многоликая масса, казалось, сливалась здесь в один огромный организм, живущий какой-то своей жизнью. Мимо гномки мелькали белые туники клириков, сверкающие доспехи воинов, синие форменные одеяния студентов Магической Академии, а иногда лапы и морды всевозможных охотничьих питомцев.

Она старалась держаться между двумя дворфами, чтобы не потеряться в этом бушующем водовороте тел. Братья держали курс в самую его гущу — к высокому зданию с колоннами, на фасаде которого висела вывеска: «Аукционный дом Буреграда».

У входа в здание располагались спонтанные торговые ряды, где можно было найти товар на любой вкус и кошелёк, горластые продавцы изо всех сил старались перекричать друг друга, привлекая к себе клиентов.

— Доспехи, тканевые, кожаные, латные, ручная работа на заказ!

— Камни, камни разные! Зеленые, синие, красные! Для всех кому очень хочется топ-статами заморочиться!

— Зелья и настои! Пролонгированного действия! Один раз выпил — весь день под баффом!

— Питомцы домашние! Есть няшные и страшные!

Лица чуть не налетела на человека, стоящего с плакатом в руках.

«Продам чоппер!» — было выведено на плакате.

— Почём продаешь? — спросил какой-то дворф, в расшитом золотыми и серебряными нитями кафтане.

— Чоппер не мой, — сказал продавец угрюмо. — Я только объявление держу. Все вопросы к Фитчу!

— Лица! — окликнул гномку Вилли, — Не отставай! Держись рядом!

«Фитч», — подумала Лица. Имя показалось ей знакомым, но она не могла вспомнить, откуда.

Тем временем, оба дворфа наседали с двух сторон на маленького плотного торговца, на импровизированном прилавке которого, состоящего из нескольких ящиков, покрытых тряпьем, лежали разбросанные связки трав.

— Удавник, — внушительно басил Билли, крутя перед носом продавца пучком пожухлой травы, — Нам он нужен, дружище!

— Сейчас. Здесь. Весь. — чеканил Вилли, буравя толстячка взглядом.

— Да говорю же вам, не найдёте! — продавец досадливо дернул плечом. — Я бы вам его с радостью продал, тем более, что у меня его валялся целый мешок, не знал, куда девать — только место занимал! А буквально на днях продал за бесценок, один алхимик скупил оптом всю партию за копейки...

— Алхимик, говоришь, — насупился Билли.

— А, может, и не алхимик! Я что, лицензию спрашивать должен, что ли? Для чего еще-то этот сорняк годится...

Дворфы переглянулись.

— Ну, а другие? — спросил Вилли, — Другие продавцы, кроме тебя?

— Походите, поспрашивайте, — пожал плечами торговец, — Только он ко мне уже не первому подходил, это точно могу сказать.

Однако, и у других продавцов их ждало то же разочарование. Одни при упоминании названия травы пожимали плечами — им оно ни о чем не говорило, другие перестали ею торговать уже давно, за отсутствием спроса. Но были и третьи, которые в один голос, словно сговорившись, утверждали, что буквально недавно продали все остатки старого товара.

Дойдя до конца ряда, Лица почувствовала, что ноги её уже начали ныть.

— И что теперь? — устало спросила она дворфов.

— Хм. Ничего не поделаешь, — вздохнул Вилли, — Придется идти к перекупщикам.

— К перекупщикам? — не поняла Лица.

— Ну, к аукционистам, — пояснил Вилли, — Они скупают товар по оптовым ценам у крупных поставщиков и выставляют на торги на перепродажу.

— Вот оно что... — Лица задумалась. — Так, может, это перекупщики и скупили все запасы этой травы?

— Вряд ли, — отозвался Билли, почесывая кончик носа, — Трава-то дешевая, стоит копейки, да и спросом, как видишь, особенным не пользовалась. До недавнего времени. И это-то и странно.

— Кстати, — Лица вспомнила, что хотела спросить, — А для чего она вдруг так срочно понадобилась брату Склифу? Почему он именно сейчас о ней вспомнил?

— Ты что, — поразился Вилли, — Правда не поняла? Из-за твоего рассказа, конечно!

— Моего рассказа?! — Лика почувствовала, что теряет мысль.

— Ну да, — Вилли хмыкнул, — Ты же рассказала ему про девиц?

— Д-да...

— Девицы отравились, — пояснил Билли, в нетерпении глядя на недоумевающее выражение лица гномки, — Чем?

— Н-ну, этим... Как его, демоновым коленом?

— Именно, — кивнул Вилли, — Теперь дошло?

— Нет... — Лика почувствовала себя совсем обескураженной.

Билли хлопнул себя ладонью по колену. — Да она, по ходу, не знает, для чего используется удавник!

Лика вспыхнула. — Вообще-то, мы еще не проходили травологию! — сердито заметила она.

— Ну, не проходили — не беда, — утешил её Вилли, — Но, вообще-то, такие вещи лучше знать, конечно. Была бы ты с нами пять лет тому назад, на всю жизнь запомнила бы.

— В то время этого демонова корня было полно, как грязи, — кивнул Билли, — Молодежь им всюю увлекалась. Потом появились проблемы. С ним ведь как — чуть увеличишь дозу, или там, очистка не очень — и привет! Леди Сюзанну помнишь? Вот примерно такая же картина, только тогда еще не знали, что с этим делать. Потом, говорят, один шаман додумался, что сок листьев удавника работает, как противоядие. Вроде как блокирует действие корня, хотя, если без него принимать — то чистый яд! Ну, потом и наши соборные алхимики подключились — научились настои делать, результат ты видела. Достаточно нескольких капель.

— То есть, — Лика начала понимать, — Получается, без этой травы у нас нет противоядия?

Дворфы покивали головами.

— Чао сказал, осталось немного настоя, — напомнил Вилли, — Но, раз брат Склифф послал нас за травой, значит, он подозревает, что этого может не хватить.

Билли задумчиво провел рукой по подбородку. — При покойном короле проблему решили быстро, — заметил он, — Эдикт предписывал страже казнить на месте всякого, пойманного с дурманом на руках. Но после того, как нынешний правящий молодой монарх вообще отменил смертную казнь...

Дворф вздохнул и покачал головой.

— Ладно, — сказал Вилли, — Не будем о политике. Надо идти к Фитчу.

«Фитч, Фитч... Почему это имя все время вертится у неё в голове?»

— Кто этот Фитч? — спросила Лика дворфов, пока они пробирались обратно вдоль торговых рядов.

— Самый крупный перекупщик, — отозвался Билли, — По сути, именно он заведует торгами. Если кто и может нам помочь в этой ситуации, то только он.

Они вернулись ко входу в здание. Пара пандаренов в черных фраках с каменными мордами замерла у мраморных колонн, не удостоив дворфов и гномку даже взглядом.

Холл, в который они вошли, впечатлял своими размерами. На полах были постелены ковры, на которых стройными рядами располагались шеренги стульев, лавок и кресел, образующие отдельные зоны. В дальнем конце холла виднелся подиум, на котором располагалось несколько деревянных кафедр. В данный момент зал был пуст, видимо, время торгов еще не наступило, или же, наоборот, уже закончилось.

Сияя ослепительной улыбкой ярко покрашенных губ, к ним приблизилась стройная светловолосая дреныка на высоких каблуках, в изящном деловом костюме.

— Добрый день! — заговорила она приятным мелодичным голосом, — Меня зовут Анджела, и я — ваш персональный менеджер! Скажите, как я могу к вам обращаться?

Дворфы переглянулись. Лика, открыв рот, во все глаза смотрела на вырез блузы дреныки. «Какой же у неё... размер!» — пронеслось у неё в голове.

— Эмм... Доброго дня, мадмуазель! — Билли с преувеличенной вежливостью отвесил изысканный поклон, — Моё имя — Уильям, а это — мой брат Вилли...

— Эй! — возмутился Вилли, — Это меня зовут Вильям, а он — просто Билли!

— Я вас слышала, — улыбнулась дреныка еще ослепительней, — Вы бы хотели сделать ставки, или выставить товар на продажу? Возможно, вас интересует курс акций королевского банка?

— Эм... Акции? — Билли, как замороженный наблюдал за колыханием бюста дреныки. Вилли, сглотнув слюну, кивнул головой, также не отрывая от взгляда от выреза блузы.

— У нас есть специальные предложения по стартовым пакетам, включающие в себя базовый семинар, регистрационный взнос участника, юридические услуги по оформлению счета, индивидуальную кредитную программу, а также набор страховых услуг — голос Анджелы, казалось, утопал в бархатных переливах и томных интонациях.

— Услуг... — эхом отозвался Вилли и издал сдавленный вздох.

— Вообще-то, — подала голос Лика, отчасти раздосадованная тем, что про неё, казалось, и вовсе забыли, — Мы пришли сюда, чтобы купить травы...

Дреныка, прервавшись, недоуменно вскинула тонкие брови.

— Травы? Простите?

— Ну, удавник... — Лика в досаде ткнула локтем ближайшего к ней дворфа, — Ау, ребята!

— Эмм, да, — первым опомнился Билли, — Мы бы хотели видеть господина Фитча!

Дреныка с сомнением покачала головой. — Господин Фитч очень занят... Он принимает только по предварительной записи!

— Но у нас срочное дело! — упорствовала Лика, — Нам необходимо его видеть!

В руках дреныки, словно из воздуха, появился изящный блокнот золотистого цвета. — Я могу записать вас на ближайшую дату. Это будет... В следующем месяце! Понедельник в полдень, вас устроит?

— Возможно, — подал голос Вилли, — Господин Фитч сможет выкроить для нас пару минут, если вы скажете ему, что мы здесь по поручению господина Склифа? Мы представляем муниципальную службу целительской помощи Буреграда...

При слове «муниципальную» лицо дреныки затуманилось.

— Я уточню, что можно сделать, — с явным сомнением в голосе произнесла она. — Вы можете пока подождать здесь — Анджела указала на кожаные кресла, стоящие неподалеку от входа, — Присаживайтесь, выпейте воды!

Лика окинула взглядом внушительных размеров бочку с краником, стоявшую напротив кресел. К ней, с помощью металлической цепочки, крепилась деревянная кружка.

Билли плюхнулся в кресло, схватив со стоящего рядом столика первую попавшуюся газету. Вилли попытался налить воды в кружку, но бочка оказалась пуста.

— Тьфу, — с досады выругался дворф.

Лика вздохнула. — Кстати, — спросила она, — А почему у вас, действительно,

одинаковые имена?

Билли махнул рукой. — Дело давнее, — пробурчал он, — Когда-то в приюте нас по ошибке приняли за одного ребенка, когда регистрировали, и записали под одним именем. С тех пор, так и живём...

«Записали... под именем...» — эти слова словно укололи Лику, ей показалось, что что-то вот-вот должно сложиться, хотя и не могла понять, что именно.

Цоканье каблуков, возвестившее о возвращении Анджелы, сбило её с мысли.

— Я прошу прощения, — дренейка улыбалась им, как родным, — Но, к сожалению, господин Фитч не сможет уделить вам время в данную минуту, так как очень занят. Я могу еще что-то сделать для вас?

— Проклятье, — проворчал Билли, — А что еще вы можете, в таком случае, сделать?!

— Я могу записать вас на ближайшее приемное время...

— В следующем месяце?! — Вилли сплюнул на пол.

— Прошу прощения, но господин Фитч...

Что-то щелкнуло в голове у Лики. Она полезла за пазуху и вытащила оттуда крохотный кусочек бумаги, свернутый в трубочку и скрепленный воском с отпечатком перстня.

Мелкими, но четкими буквами на нем было выведено: «Господину Руперту Фитчу, аукционный дом Буреграда».

Вот оно! Лика совсем забыла про поручение кобольда, она лишь взглянула на записку в тот вечер перед сном, а с утра у неё было слишком много впечатлений.

Анджела уже начала удаляться по коридору, когда Лика нагнала её, провожаемая недоуменными взглядами дворфов.

— Извините, — обратилась она к дренейке, — Вы не могли бы передать господину Фитчу, что у меня есть для него письмо?

— Вы можете оставить вашу корреспонденцию в нашем почтовом ящике! — безмятежно улыбнулась дренейка, глядя на гномку сверху вниз, — Мы регулярно её просматриваем, и обязательно с вами свяжемся! Ваше мнение очень важно для нас...

— Нет! — Лика почувствовала, что её начинает выводить из себя эта Анджела, — Это... это личное! Скажите ему, — продолжила она, охваченная внезапным порывом вдохновения, — Что это от господина Фикса! Он должен помнить!

Про себя Лика вовсе не была уверена, что господин Фитч может помнить какого-то сомнительного кобольда со скандальным характером, к тому же, сидящего в данный момент в городской тюрьме. Но, похоже, это был их единственный шанс.

Анджела, по-видимому, придерживалась такого же мнения, судя по откровенно недоверчивому взгляду. — Пожалуйста, — сказала Лика, — Это крайне важно! От этого зависит судьба человека, — добавила она, мысленно извиняясь перед кобольдом за вольность трактовки.

Анджела поджала губы, но, пожав плечами, двинулась по коридору в сторону массивной двери, обитой красным бархатом и скрылась за ней.

— Ты чего опять затеяла, подруга? — недоуменно спросил её подошедший Билли.

— Надеюсь, эта девица не стражу пошла вызывать? — уточнил Вилли.

— Слушайте, вы! — вспыхнула Лика, — Вы...вы вообще помолчали бы! Сами-то только и знаете, что хлестать эль по тавернам, да пялиться на... дренеек!

Билли ухмыльнулся, подтолкнув брата локтем. — Слыхал? Вот она, школа брата Склифа!

— Угу... Это она еще у Мирты стажировку не прошла, — пробурчал Вилли.

Лица сердито трянула чёлкой. — Вас самих к отцу Оккаму бы!

В это время дверь в кабинет отворилась, и дрениейка, дробно стуча каблуками, выбежала к Лике.

— Господин Фитч вас сейчас примет! — сообщила она.

— Правда? — вытаращил глаза Билли, — Вот здорово!

— Извините, — дрениейка улыбнулась ещё шире, — Но речь только о госпоже бурреганке.

— Эмм... Что за дискриминация?! — возмутился Билли, — Мы, вообще-то, вместе! Это она — с нами!

— К сожалению, так распорядился господин Фитч, — отвечала дрениейка, невозмутимо улыбаясь.

— Ладно, — Лица кинула на дворфов сердитый взгляд, — Подождите меня здесь, пожалуйста.

Под недовольное бурчание дворфов Лица проследовала за Анджелой в кабинет, на котором висела мраморная табличка с золотыми буквами: «Руперт Б. Фитч».

Кабинет оказался светлым и просторным. Из окна открывался вид на набережную, за каналом виднелись шпили Собора Света. Около окна, за обширным, покрытым зеленым сукном столом, сидел невысокого роста худощавый человек с рубашке, и брюках с подтяжками. Из-под высокого с глубокими залысынами лба на Лику смотрела пара внимательных глубоко посаженных темных глаз. При виде Лицы, человек заулыбался, приподнялся из-за стола и протянул ей руку. Лике пришлось приподняться на цыпочках, чтобы пожать её.

— Сестра! — у человека был приятный звучный голос, богатый глубокими обертонами, — Искренне рад приветствовать вас у себя! Прошу вас, садитесь!

И он указал ей на кресло, стоявшее напротив стола.

— Анджела, голубушка, соблаговолите подать нам чаю, — распорядился он, кивая дрениейке.

Та почти бесшумно исчезла за дверью, плотно притворив её за собой.

Фитч снова улыбнулся, соединив кончики пальцев домиком.

— Итак, любезная сестра...

— Лица, — пискнула Лица, и кашлянув, повторила уже громче, — Меня зовут Лица.

— Замечательно! — Фитч, казалось, был просто очарован её именем. Он откинулся на спинку кресла и разглядывал гномку с каким-то искренним любопытством, словно неведомую зверушку.

— Итак, сестра Лица, мне сказали, что у вас есть для меня некое послание? — Фитч слегка наклонил голову и изогнул бровь.

— Да, — Лица извлекла из кармана записку и подала её аукционисту.

Тот принял её, осмотрел печать, покачал головой и распечатал записку.

Пробежал глазами, слегка нахмурился, потом рассмеялся.

— Так-так... Я вижу, моему клиенту пришлось несколько туго и, видимо, крупно повезло, что ему посчастливилось встретить вас. А ведь я предупреждал его... С налоговой инспекцией шутить не стоит — эти джентльмены, к сожалению, начисто лишены чувства юмора!

Он покрутил записку в руках и небрежно бросил её на стол.

— Вы...вы поможете ему? — спросила Лика. Ей было немного совестно перед кобольдом, что она совсем позабыла про его просьбу и теперь ей хотелось загладить это чувство вины.

— Непременно, моя дорогая сестра, непременно! — Фитч еще приветливее улыбнулся. — Вы не поверите, чего можно добиться при наличии средств и связей. Безусловно, у господина Фикса есть необходимый ресурс для приведения в действие механизма по его делу... Вы правильно сделали, что помогли ему и обратились прямо ко мне! Кстати, — Фитч выглядел заинтересованным, — Каким образом вы с ним познакомились?

Лика покраснела.

— О, прошу прощения, если мой вопрос оказался бестактным, — спохватился Фитч, — Безусловно, я допустил непростительный промах...

— Нет-нет, ничего такого, — поспешила вставить Лика, — Я просто случайно оказалась в тюрьме... В качестве консультанта, — добавила она, заметив, как вздернулись брови Фитча, краснея еще больше и надеясь, что аукционист этого не заметит.

— А! — произнёс Фитч, — Понятно! Теперь всё встало на свои места! — и, покачав головой, добавил, — У вас очень самоотверженная работа, сестра!

Лика смутилась, но в это время в кабинет снова зашла Анджела, неся в руках поднос с двумя чашками чая. Лика обратила внимание, что чашки были сделаны из тонкого стекла, что было чрезвычайной редкостью.

Аукционист принял в руки чашку, сделал маленький глоток и вздохнул.

— Попробуйте этот чай, сестра, прошу вас! Только не спешите, насладитесь сначала запахом, и пейте маленькими глоточками... Это настоящий оригинальный зеленый лист из далёкого Пандостана... Боюсь, вы даже приблизительно не представляете, сколько он стоит!

— Спасибо, — поблагодарила Лика, отхлебывая из чашки напиток, который по запаху напоминал траву, которой мама поила её в детстве, когда у неё был кашель, а на вкус был еще более горьким.

— Очень вкусно, — сказала она из вежливости и, набрав в грудь воздуха, решилась. — Господин Фитч, раз уж мы заговорили о травах... Не могли бы вы помочь нам?

— Всё, что в моих силах, сестра, всё, что в моих силах! — живо откликнулся аукционист, отставляя чашку и устремляя на Лику взгляд, полный энтузиазма.

— Видите ли... Дело в том, что нам для работы сейчас... в данный момент... очень нужен удавник! — запинаясь, выпалила Лика. — Мы обошли всех торговцев травами и нигде не могли найти его... Братья... Мои коллеги сказали, что только вы можете нам помочь.

Фитч не спеша взял со стола продолговатый футляр из белого блестящего материала, открыл его с негромким щелчком и, вынув оттуда очки, осмотрев их, водрузил себе на нос.

— Удавник? Вы сказали — удавник? Интересное название... Сейчас сверюсь с нашей базой данных.

С этими словами аукционист взял в руки небольшое зеркало, которое лежало перед ним.

Лика обратила внимание, что передняя его поверхность была тёмной и матовой. С тыльной стороны зеркало было инкрустировано крупным сверкающим камнем, напоминающим надкусанное с одной стороны яблоко.

Фитч провел рукой над матовой поверхностью и, внезапно, она вспыхнула ровным белым светом.

Ли́ка заметила, что на поверхности зеркала, словно на листе пергамента, появились столбики цифр и колонки строк.

Фитч, казалось, небрежно водил рукой над ними, что-то бормоча себе под нос.

— Удавник, удавник, — бормотал он, — Ну-с, что тут у нас?

Лицо его выглядело удивленным, потом он нахмурился, поцокал языком и накрыл зеркало ладонью. Сияние погасло.

— Видите ли, сестра, — заговорил он, — Мне весьма жаль, но, вынужден сообщить вам, что в данное время отсутствуют выставленные на продажу открытые лоты по данной категории... Правда, есть несколько закрытых лотов.

— Что это значит? — спросила Ли́ка.

— Это значит, что у них отсутствует сумма выкупа, и право приобретения получит покупатель, предложивший наибольшую цену за период торга.

— Так, может быть, — нерешительно начала Ли́ка, — Мы могли бы назначить свою цену?

— Не поймите меня неправильно, — заговорил Фитч проникновенно, — Но, боюсь, ваши финансовые возможности не позволят вам сделать это...

— Но ведь продавцы говорили, что эта трава стоит копейки! — возмутилась Ли́ка, — Еще недавно она пылилась в мешках, никому не нужная!

Фитч сокрушенно развел руками. — Увы! Так нередко бывает в бизнесе, сестра! Что-то обесценивается, а что-то — растет в цене.

— И... сколько же стоит сейчас эта трава? — спросила Ли́ка.

Аукционист усмехнулся. — На данный момент активной является ставка в тысячу золотых за один так называемый стак. Это, к слову, вполне сопоставимо со стоимостью чая, о котором я вам недавно говорил. И, кстати, за последний час несколько закрытых лотов были отменены продавцами, с колоссальными штрафами и комиссионными, заметьте!

Ли́ка ахнула. Тысяча золотых! Да вся их деревня в Гномбурге, наверное, стоила меньше.

— Что же нам делать? — беспомощно спросила она.

Аукционист печально развел руками. — Боюсь, я ничем не могу вам помочь, — вздохнул он.

— Может быть, вы могли бы сказать нам, кто выставил эти лоты? — внезапно озарила Ли́ку идея, — Мы бы переговорили с ними и, возможно, могли бы договориться...

— Я очень сожалею, сестра, — Фитч казался крайне расстроенным, — Но, при всем моем глубочайшем желании, я не могу раскрыть вам имена наших поставщиков. Это коммерческая тайна, и мы не имеем права разглашать её. Поверьте, клиенты будут крайне недовольны, если вы придете к ним по нашим данным. Они ни за что не станут с вами разговаривать, уж поверьте.

Ли́ка почувствовала, что силы покидают её. Она все время словно билась головой о стену.

— Что ж... Спасибо, что уделили время, — только и могла сказать она.

— Аукционист встревоженно нахмурился. — Поверьте, сестра, — проговорил он, — Мне крайне жаль, что я ничем не смог быть вам полезен, и мне бы хотелось хоть как-то компенсировать вам ваше время, а также отблагодарить вас за участие в судьбе моего клиента. Одну минуту!

С этими словами Фитч поднялся с места и направился к двери в дальнем конце кабинета, на которую Ли́ка до сих пор не обратила внимание.

Проследив взглядом, как аукционист скрылся за дверью, Лика снова посмотрела на зеркало. Матовая поверхность оставалась темной. Внезапно, поддавшись сиюминутному импульсу, гномка протянула руку и коснулась ею холодной гладкой поверхности. По всей видимости, это был огромный особым образом ограненный кристалл, чем-то напоминавший те, которыми пользовались в целительской службе. В ту же секунду поверхность кристалла озарилось ярким белым светом, так, что Лика тут же отпрянула. Однако, ничего более не происходило, и она подалась чуть вперед, чтобы разглядеть появившиеся в глубине кристалла строки. Это было что-то вроде таблицы, с колонками цифр и строками с наименованиями, по-видимому, товаров.

В левой колонке несколько строк подряд занимало название «удавник». С колотящимся сердцем Лика вглядывалась в таблицу, стараясь понять, что в ней к чему относится. Следующей колонкой шла, вероятно цена, потом еще колонки с какими-то цифрами и коэффициентами, и, наконец, в последнем столбце мелькали имена и аббревиатуры.

Все позиции напротив удавника занимала одна и та же аббревиатура: «КСБ».

Кристалл погас, Лика откинулась на спинку стула и схватила со стола чашку с остывшим чаем, которую поднесла ко рту, чтобы унять охватившее её возбуждение.

— Я рад, что вам понравился чай, сестра! — словно возникший из воздуха Фитч, улыбаясь, склонился перед ней. — Позвольте в качестве упоминаемой мною компенсации преподнести вам этот скромный сувенир на память!

С этими словами он протянул ей изящную сумочку из выделанной кожи белого цвета. Россыпь сверкающих синих кристаллов образовывала причудливый узор в виде кружащихся снежинок.

— Наш фирменный логотип, — улыбнулся аукционист, — Ограниченный выпуск, официальный старт продаж откроется только в следующем месяце...

— Спасибо, — прошептала гномка, не в силах отвести глаз от прелестной вещицы.

— Она как-раз в тон цвету ваших волос! — подмигнул аукционист, — Должен отметить, эта прическа вам изумительно идёт... Ну, а теперь, прошу меня извинить, — Фитч сокрушенно развел руками, — Бизнес требует постоянного внимания, увы!

Он коснулся рукой серебряного колокольчика, стоявшего на столе.

— Анджела, дорогуша, — обратился он к вошедшей дреныке, — Будь любезна, проводи сестру Лику и её спутников. Еще раз благодарю вас, сестра! Был счастлив познакомиться с вами!

— Ого! Классная сумка! — присвистнул Вилли, когда Лика, сопровождаемая Анджелой, вернулась к дворфам.

— Что... Что ты такое ей сказала? — спросил Билли, провожая взглядом удаляющуюся по коридору, покачивающую бедрами дреныку, — Как тебе удалось добиться приёма?!

— Секрет, — отрезала гномка и, видя недоверчиво-настороженные лица дворфов, вздохнув, многозначительно добавила: — Я, вообще-то, учусь в школе ПРИСТИЖа, под протекцией архиепископства...

— Ааа, — протянул Вилли, — Ну, конечно...

— Жрать охота, — вздохнул Билли, — Может, заскочим на минутку куда-нибудь?

— Ты же недавно кричал, что даже смотреть на еду не можешь! — напомнила Лика.

— Так это когда было! — махнул рукой дворф.

Время, действительно, было уже обеденным. Братья остановились около палатки, где бойкий торговец в заляпанном жиром фартуке лихо обжаривал в пузатом чану в кипящем

масле подозрительные фрагменты чьих-то тушек. Лика прошла немного вдоль рядов, разглядывая выставленную на продажу мелочь.

Внезапно, она остановилась. В нескольких метрах от неё возвышался красный шатёр, натянутый на перекрученных тросах. Золотые и серебряные руны покрывали его сплошной вязью, перемежаясь рисунками цветов и сплетенных друг с другом клыкастых змеев.

За прилавком, представлявшим собой расстеленную на полу циновку, дремала пожилая пандаренша с длинной трубкой в зубах.

Лике показалось, что она уже где-то видела её раньше, только не могла вспомнить, где именно.

На циновке лежали трубки всевозможных форм и размеров, пучки каких-то прутиков, обмазанных густой бурой массой и причудливой формы медные сосуды, опутанные трубками. Далее следовали мешочки и коробочки, разложенные, судя по всему, в определенном порядке.

Но не они привлекли её внимание; буквально в паре шагов от шатра, спиной к Лике стояла необычная пара: рослый эльф с обнаженным, бугрящимся мышцами торсом, покрытым татуировками, с волосами, завитыми в две тяжелые косы, и приземистый пандарен в пёстром халате.

Их собеседник стоял к Лике в пол-оборота, широкополая шляпа почти скрывала его лицо, но профиль словно высветился у неё в мозгу. Она готова была поклясться, что именно его видела сегодня уже дважды: в таверне и в кабинете брата Склифа.

В этот момент кто-то с силой дёрнул её за плечо. Она повернулась, и лишь успела заметить, как какой-то оборванец скрывается в толпе с её сумочкой в руках.

— Стой! — крикнула она, бросаясь за ним, — Стой!

Продираться через толпу было трудно, но похитителю тоже приходилось работать локтями и Лика могла бы, протянув руки, ухватить его за шиворот, если бы они у неё были чуть подлинней.

Вор метнулся в щель между двумя палатками, Лика нырнула за ним.

Оттуда она выскочила на относительно пустое пространство, как-раз вовремя, чтобы заметить, как оборванец сворачивает в ближайший переулок.

Не раздумывая, он кинулась за ним, охваченная азартом погони и гневом от потери только что полученного дорогого подарка.

Переулок был узким и кривым, повернув за угол она обнаружила, что кончается он мусорными баками и тупиком.

Вор, оперевшись руками на бак, стоял здесь же, пыхтя и отдуваясь.

Завидев гномку, он ухмыльнулся: — Быстро бегаешь, мелконогая!

Он был невысокого роста, очень худой, одежда была грязная и порвана во многих местах. На вид он выглядел совсем молодо, но заросшее щетиной лицо и нечесаная грязная шевелюра значительно старили его.

Лика разглядывала его, тоже тяжело дыша. Ей пришло в голову, что она не совсем хорошо представляет, что делать дальше.

Словно угадав её мысли, воришка ухмыльнулся. — Ну, — сказал он, — И что теперь?

— Отдай сумку! — потребовала Лика.

Оборванец осклабился: — А ты мне что взамен?

— Это моя вещь, — с нажимом сказала Лика, — Отдай по-хорошему, или у тебя будут неприятности!

Вор расхохотался, открыв щербатый рот. — Это какие же, например?

— Я... У меня есть знакомые в городской страже! — пригрозила Лика, — Капитан Сэмюэльсон, слышал про такого?!

Оборванец продолжал смеяться. — Капитан королевской стражи, конечно! А чего уж тогда не главный военачальник?

Лика разозлилась. В этом городе даже последний бродяга не воспринимает её всерьез и позволяет себе глумиться над ней!

Она бросилась к вору и схватила сумку. Тот не ожидал от неё такой прыти, но сумку из рук не выпустил, тняя её на себя, а другой рукой отталкивая Лику, норовя вцепиться растопыренной пятерней ей в лицо.

В этот момент чьи-то руки перехватили её и оттащили от соперника. Двое рослых мужчин в кожаных жилетах с заклепками держали их с оборванцем за ворота.

— Что за драка... — укоризненно протянул тот, что держал Лику, с лицом, покрытым оспинами.

— Кажется, малыш Хмырь нашел себе подружку, — добавил второй, с крупной серьгой в ухе, криво ухмыляясь, толкая оборванца на баки и вырывая у него сумку из рук.

— Она не подружка! — огрызнулся тот, отряхиваясь.

— Ну, конечно, — хохотнул рябой, — Просто сделала тебе небольшой подарок, да, Хмырь?

— Ребята, — взволнованно заговорил оборванец, которого назвали Хмырем, — Я по чесноку эту тринечку слутал, давайте по-понятиям как-то...

— Заткнись, Хмырь, — мягко посоветовал тот, что с серьгой, — У тебя же все-равно нет вкуса — зачем тебе такая дорогая вещь, тем более — дамская?

— Это моя сумка, — прошептала Лика, дергая воротник своей туники, стараясь высвободить его из кулака рябого.

«Пират», с серьгой, как мысленно окрестила его гномка повернулся к ней с нехорошей улыбкой.

— Ой, кто это у нас? Никак, сестра братства, соборный клирик?! Однако, недешевые ныне аксессуары у служителей света! Может, пожертвуете малость, для бездомных нуждающихся?

Он ухмыльнулся и подмигнул рябому: — Проверь-ка карманы сестры, Ряба!

«Его и в самом деле так зовут!» — мысленно удивилась Лика.

Волосатая лапа скользнула вдоль ворота её туники, и, прежде чем Лика успела отдать себе отчет, она вцепилась в неё зубами.

Раздался вскрик, Рябой оттолкнул гномку, и схватился за укушенное запястье.

— Кипучая бездна! Эта мелкая тля меня укусила! — промычал он.

Лика кинулась к свалке и подобрала булыжник, валяющийся около бака. Хмырь наблюдал за ней округлившимися глазами.

«Пират» хохотнул и сплюнул. — Малышка кусается! — усмехнулся он и сделал шаг к ней.

Камень, пущенный Ликой, оказался тяжеловат для неё, и громила уклонился от него, с некоторой ленцой. Лика нагнулась за металлическим обручем от бочки, но человек перехватил её руку и резко вздёрнул вверх. Плечо пронзила острая боль.

— Попробуй только ещё чем-нибудь кинуть в меня, дрянь! — прошипел «Пират», наклоняясь к ней и замахаясь, — И это будет последнее, что ты сделаешь в своей короткой

жизни...

Что-то просвистело в воздухе и между гномкой и бандитом в остатки остова бочки врезалось, мелко подрагивая, широкое лезвие ножа с короткой рукояткой.

«Пират» отпрянул и выпустил Лику.

— Ну, я попробовал, — послышался чей-то резкий, знакомый Лике голос.

«Пират» и Лика одновременно обернулись.

В нескольких метрах от них стоял Штепсель. Засунув руки за пояс, он что-то пережевывал, не отрывая взгляда от громилы.

Тот прищурился, окинув взглядом гнома с головы до ног, и кривая улыбка расплылась по его лицу. — Так вот чья это подружка! — воскликнул он, делая шаг по направлению к гному. — Только не мелковат ли ты для неё, приятель?

Рябой хмыкнул, глядя на гнома, потом покосился на торчащий из бочки нож и проговорил: — Ты бы поосторожней с ним, Джей... Эти карлики умеют кидать свои демоновы зубочистки!

— Даа... Очень опасные противники, — ухмыльнулся Джей.

Он сделал еще шаг и вдруг неуловимым движением выхватил из-за пояса нож и метнул его в гнома.

Лика вскрикнула, но Штепсель, не меняя выражения лица, чуть прынул в сторону, и нож пролетел мимо него. В ту же секунду Джей кинулся на гнома. Штепсель не двинулся с места и, лишь в последний момент, когда руки человека уже готовы были сомкнуться на его шее, пригнулся и, как показалось Лике, кувыркнулся между ног громилы. Раздался сдавленный вскрик, и Джей, держась обеими руками за промежность, рухнул на землю, как подкошенный.

Глаза Рябого округлились, он сплюнул и выхватил широкий тесак, но не спешил бросаться к Штепселю.

— Что, страшновато стало? — усмехнулся гном.

Рябой коротко выругался, и двинулся к нему, глядя настороженно и держа клинок на уровне головы гнома. Тот спокойно наблюдал за его перемещениями, сложив руки на груди.

Внезапно он оживился и махнул рукой кому-то за спиной Рябого. — Давай! — крикнул он.

Рябой обернулся, как ужаленный.

Штепсель подпрыгнул и лягнул ногой кисть бандита. Тесак вылетел из его руки и упал в грязь. Рябой развернулся, но тут же рухнул на колени, получив очередной пинок под ноги. На пару секунд его лицо оказалось на уровне лица гнома.

— А теперь и ты выглядишь не таким уж высоким, — заметил Штепсель и коротким ударом в челюсть опрокинул Рябого на землю.

Тем временем, Джей, кривясь, поднялся с земли, глядя на Штепселя со смесью ненависти и уважения.

— Валите отсюда, — коротко сказал гном.

Джей молча отошел от него и поднял валяющийся на земле нож. Штепсель спокойно наблюдал за ним.

«Пират» подошел к Рябому, сидевшему, прислонившись к мусорному баку и толкнул его носком сапога. — Вставай, Ряба, — злобно буркнул он, косясь на гнома, — Похоже, надо и впрямь валить... Кажется, сюда бегут меднолобые...

Рябой, пошатываясь, встал, наградив Штепселя злобным взглядом, тоже подобрал свой

тесак и оба человека скрылись в доселе незамеченной Ликой щели между домами.

«Словно крысы», — подумала она.

Коротышка повернулся к ней.

— Это что, традиция теперь такая? — спросил он. — Ты что, не можешь и дня провести, чтобы где-нибудь во что-нибудь не влипнуть?

Лица пожалала плечами; она все-еще не пришла в себя от только что пережитого и смотрела на Штепселя во все глаза.

— Но... Ты ведь был в тюрьме, — прошептала она.

— Ты тоже! — усмехнулся гном, — И, помнится, я тебе говорил, что у меня тоже есть друзья. Хоть и не такие быстрые, как твои.

— Штепсель! — подал голос Хмырь, — Надо сматываться! — он показывал пальцем в сторону поворота переулка, из-за которого доносился топот. Он быстро наклонился и подхватил с земли валяющуюся сумку.

— Отдай ей! — буркнул гном.

— Что?! — Лица переводила взгляд с одного на другого, — Так вы... Вы — заодно?!

Хмырь растерянно завис с сумкой в руке.

— Отдай! — рявкнул Штепсель, не глядя на Лику.

Хмырь пожал плечами и кинул Лике сумку.

В этот момент из-за поворота выскочили Билли и Вилли в сопровождении двоих стражников.

— Лица! — крикнул Билли, стремительно бросаясь к гномке.

Вилли, держа в руках ремень с тяжелой металлической бляхой, набычившись, двинулся в сторону Штепселя и Хмыря.

— Полегче, приятель, — невозмутимо предупредил гном, не сводя с дворфа глаз.

— Штепсель! — проговорил один из стражников.

— И та самая бурреганка, — вздохнул второй.

В этот момент Лица пожалела, что рядом с ней не было Чао, с его неизменным спокойствием и рассудительностью.

— Всё в порядке, — заговорила она, — Со мной всё нормально, Штепсель тут совершенно не при чём — он, наоборот, помог мне...

Стражник недоверчиво хмыкнул. — Помог? Он может помочь разве что избавиться кому-то от лишнего кошелька...

— В самом деле, — Лица старалась, чтобы голос звучал уверенно, — Я... я заблудилась! И случайно свернула в этот переулок. Тут на меня напала пара каких-то бродяг, и, если бы не этот гно... То есть, бурреганец и его друг, мне бы пришлось туго.

Хмырь при этих словах вытаращил глаза, но промолчал.

Билли не сводил с Лицы недоверчивого взгляда.

— Но нам сказа... — начал было Вилли, но Лица тут же перебила его.

— Прошу вас, капрал, — обратилась она к стражнику, — Извините нас за это досадное недоразумение! Спасибо, что так быстро прибыли на помощь, я непременно поблагодарю капитана Сэмуэльсона при случае.

Стражники недоуменно переглянулись.

— Ну, раз всё в порядке, — протянул второй, явно польщенный тем, что его назвали капралом.

— Погодите-ка, — вмешался первый, — А что за бродяги напали на вас? Вы можете их

описать? Куда они побежали?

— Это матросы, — подал голос Хмырь, — С нордскольской шхуны, они обычно болтаются в порту, ожидая рейса...

— Ты что, знаком с ними? — прищурился стражник.

Хмырь пожал плечами с равнодушным видом. — Бывало, встречал в тавернах.

— Имена?

— Одного зовут Джем, — сказал Хмырь, — У второго кличка — Ряба, а как его по документам звать, я не спрашивал.

— Проверим... — проворчал стражник, — А тебе советую впредь выбирать знакомства более осмотрительно, если не хочешь неприятностей! Тебя, Штепсель, это касается в первую очередь — ты, вроде, только с нар слез?

— Непременно! Спасибо за совет! Хорошего вечера, господа, — насмешливо поклонился Штепсель и, толкнув локтем в бок Хмыря, запрыгнул на бак, ухватился за карниз дома, подтянулся и исчез на крыше.

Хмырь развел руками и, пятясь, отступил в сторону узкого простенка между домами, скользнул туда и растворился в тенях.

— Где чоппер? — спросила Лика.

— Там же, где мы его и оставили, — мотнул головой Вилли.

— Лика, — добавил он, когда они отошли от стражников на некоторое расстояние, — Ты ничего не хочешь нам рассказать?!

— Мы услышали твой крик, и побежали за тобой, — добавил Билли, но, видимо, свернули не в тот переулок, зато встретили патруль.

Лика открыла рот и вздохнула. — Долго объяснять, — пробормотала она неохотно.

— Ну, знаешь, — начал Билли, но его перебил пронзительный писк кристалла, раздавшийся из его кармана.

— Началось, — вздохнул Вилли, — А я-то надеялся на таверну...

— Будет тебе таверна, — бросил Билли, взглядываясь в кристалл и мрачняя, — Код фиолетовый! Это Чао!

— Чао? — в удивлении переспросила Лика, — С ним что-то случилось?!

— Хуже... Он вызывает на себя! Массовое происшествие в Старом Городе! Ему нужна помощь...

— Бежим к чопперу, — Вилли на ходу продевал ремень обратно в штаны.

— Я поведу! — заявила Лика.

Они бегом пересекли площадь, свернули в другой переулок и были у чоппера спустя всего несколько минут.

— «Та самая бурреганка»? — вспомнив, насмешливо передразнил стражника Билли, — Ты становишься популярной, Лика!

— Если хоть слово скажете брату Склифу, я заключу с Миртой союз, и будете неделю питаться одним кефиром, — предупредила Лика, надевая шлем.

Мотор взревел и чоппер, подпрыгивая на камнях, понесся по мостовой.

Глава 8. Свет во тьме

Брат Склиф слегка пригубил медный кубок, до краев наполненный рубинового цвета вином и откинулся на спинку грубого деревянного стула.

— Приятный вкус, — заметил он, глядя поверх кубка на своего собеседника, — Фруктовые нотки и послевкусие жареного миндаля...

Отец Оккам улыбнулся, также поднеся свой кубок к губам. — Его высокопреосвященство весьма щепетилен в выборе поставщика. Поверь, это лучшее фруктовое вино не только в Буреграде, но и во всех восточных королевствах.

Ворген недоверчиво приподнял бровь, взял со стола запотевшую бутылку из темного стекла и осторожно повертел её в руках.

— Акцизная марка синдорай? — с удивлением проговорил он, искоса взглянув на дреныя. — Поставщик буреградского архиепископства с юридическим адресом в Луносвете!

Отец Оккам лишь наклонил голову и лукаво усмехнулся. — Пути Света неисповедимы... — проговорил он.

Ворген фыркнул. — И ты, конечно же, как экзарх, имеешь неограниченный доступ к соборным погребам.

— Разумеется, — дреныя продолжал улыбаться, — Но, в основном, к архивам и большей части складских помещений. К винному погребу мой доступ, увы, весьма ограничен. Собственно, эта бутылка — подарок его высокопреосвященства на мою хиротонию.

Брат Склиф покачал головой. — И ты распечатал такой эксклюзив... Сколько у него лет выдержки? Десять?

— Двенадцать, — заметил отец Оккам, отщипывая виноградину от кисти, лежащей на широком блюде. — Один из лучших урожаев тех лет.

— Да... — задумчиво проговорил ворген, и глаза его затуманились. Он сделал еще один глоток. — Тех лет... — повторил он.

Отец Оккам наблюдал за ним внимательным взглядом темных блестящих глаз.

— Тебя что-то беспокоит, Аргуин? — тихо спросил он.

Ворген сделал неопределенный жест рукой. — Меня всегда что-то беспокоит, — вздохнул он, — Ты же знаешь, Оккам...

— Знаю, — кивнул дреныя, — И потому спрашиваю. Ты редкий гость у меня, брат Склиф, но, при всей нашей дружбе, я не поверю, что ты зашёл навестить меня просто так.

— Знал бы, что у тебя стоит бутылка оригинального синдорайского фруктового вина, зашел бы раньше, — усмехнулся брат Склиф.

Дреныя терпеливо кивнул. — Рад, что тебе понравилось.

Они помолчали. Лучи закатного солнца золотили кубки в их руках, образуя прямоугольник света на столе и полу тесной кельи отца Оккама. Ворген, казалось, рассеянно наблюдал за игрой пылинок, дреныя не спеша потягивал вино, не сводя с глаз со своего гостя.

Брат Склиф кинул взгляд на узкий деревянный топчан в углу кельи, служивший её насельнику кроватью. — Жестковато, а? — сказал он, кивая на него головой, — Не скучаешь по шатратским опочивальням?

Отец Оккам пожал плечами. — Служение духу требует некоторой аскезы, как ты и сам

знаешь. Да и для спины, кстати говоря, намного полезней.

— Да... — ворген отставил кубок, поднялся со стула и приблизился к топчану. — Как ты вообще тут помещаешься, — фыркнул он, растягиваясь на лежанке. — И этот бульжник ты называешь подушкой?!

— Вообще-то, это — полено, — рассеянно проговорил дрений, — Но, обычно, я кладу на него ноги. Улучшает кровоток и способствует профилактике отёков.

Ворген прикрыл глаза. — Знаешь, — сказал он, помолчав, — У пандаренов существует забавная традиция... У них есть такие особые методики, когда к просвещенному монаху приходят те, кто нуждается в совете, он их укладывает на специальную циновку, и они рассказывают ему о своих проблемах, а он слушает...

— Просто слушает?

— Да. А потом даёт свой совет.

— И что, это помогает?

Ворген пожал плечами. — На мой взгляд, не особо. Но у них там своя атмосфера, особый менталитет.

Он рывком поднялся с топчана, одернул одеяния и, подойдя к окну, вздохнул полной грудью.

— Закуривай уже свою трубку, — подал голос дрений.

Брат Склиф посмотрел на него вопросительно. — Ты это серьёзно?

Отец Оккам едва заметно улыбнулся. — Я же вижу, что тебе сейчас это требуется...

— Я не об этом. Ты ведь и сам раньше...

Дрений покачал головой. — Ничего. Я перестал дымить с тех пор, как стал экзархом и переехал сюда, и за всё это время ни разу не испытывал потребности в табаке, впрочем, как и отвращения к табачному дыму. Так что открытое окно к твоим услугам.

Ворген хмыкнул и достал из кармана короткую резную трубку, наполовину набитую табаком.

— Что ж, — проговорил он, чиркая кресалом, — Пожалуй, воспользуюсь твоим предложением...

На какое-то время в келье снова повисла тишина; ворген выпускал клубы дыма за окно, посапывая трубкой, дрений безмолвно застыл над своим кубком, словно медитируя.

Наконец, брат Склиф вздохнул.

— Рассказывай, — промолвил отец Оккам.

— Спайс вернулся, — коротко сообщил ворген.

Дрений нахмурился. — Ты уверен?

Брат Склиф кивнул головой. — Мои ребята сегодня попали на тяжелое отравление. Квартал Магов, «Печальный отшельник». По описанию — клиника серьезной передозировки, но пострадавшие — выпускницы Академии Магии.

Отец Оккам удивленно поднял брови. — На них это не слишком похоже...

— И я так подумал, — кивнул головой брат Склиф, — И еще, если я правильно понял, у всех троих наблюдалась частичная амнезия различной степени выраженности, что вообще не типично для спайсов.

Дрений склонил голову в знак согласия. — Удалось выяснить источник?

Ворген передернул плечами. — Там видели одного типа, который давно замешан в подобных делишках — мелкий пройдоха из «Забитого ягнёнка», ясное дело, он всего лишь на побегушках, однако, след ведёт туда.

— Да, заведение весьма сомнительное, — согласился отец Оккам, почесывая бороду, — Ты уже сообщил Сэмуэльсону?

Ворген покачал головой. — Думаю, он уже в курсе. Но сомневаюсь, что обыск в «Ягненке» что-то даст. Меня смущает другое — это всё выглядит как-то странно...

Ворген помедлил, подбирая слова. — Не могу объяснить, — вздохнул он, — Я это чувствую, интуитивно... Это — не случайность.

— Что ты имеешь в виду? — не понял дрены.

— Слишком... драматичное начало... — проговорил брат Склиф. — Передозировка, отравление... Если бы это произошло пять лет назад, и мы имели дело с каким-нибудь иссохшим эльфом, я бы это понял. Но вот так, среди бела дня, в таверне и выпускницы академии?

Отец Оккам снова запустил руку в бороду. — Возможно, объявился кто-то новый, технология не отработана, очистка дрянная... Хотя, ты прав, здесь есть что-то не совсем обычное. Я могу быть чем-то полезен?

Брат Склиф кивнул. — У нас проблема с настоем удавника. За годы мы постепенно расслабились, и текущих запасов, как выяснилось, совсем мало. Я послал братьев за травой, но изготовление снадобья займет какое-то время.

— Я поговорю с архиепископом, — кивнул отец Оккам, — Думаю, тут мы сможем помочь.

Ворген кивнул головой. — Это всё.

— Ты больше ничего не хочешь рассказать? — спросил отец Оккам, внимательно глядя на него.

Брат Склиф прикрыл глаза. — Не сейчас, Оккам... Я в порядке, спасибо.

Дрены испытующе глядел на воргена еще какое-то время и кивнул головой. — Хорошо. Но ты знаешь, где меня найти, если тебе потребуется помощь, или совет.

— Вот только циновка у тебя неважная, — криво усмехнулся брат Склиф.

Отец Оккам махнул рукой, наполняя кубки остатками из бутылки. — Зато вино неплохое! Кстати, как там дела у нашей воспитанницы?

— Ты про свою гномку?

— Её зовут Лика, — напомнил дрены.

— Поверь, я помню, — проворчал ворген, — Признайся, ты ведь подослал её ко мне специально, чтобы жизнь не казалась мне слишком легкой...

Отец Оккам улыбнулся. — Твоё здоровье, — заметил он, поднимая кубок.

Брат Склиф открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент пронзительный писк кристалла, раздавшийся из его кармана, оборвал его на полуслове.

— Проклятье! — выругался он, выхватывая кристалл и вглядываясь в него, — Фиолетовый код! Чао вызывает помощь!

Отец Оккам поднялся с места, но брат Склиф уже был в дверях кельи.

— Прости, Оккам, — бросил он, — Это срочное! Саргерас подери эти расстояния, мне просто кровь из горла необходим штатный маг с порталами!

Последние слова доносились до дрены уже с лестницы.

— Да благословит тебя Свет, брат, — пробормотал вслед воргену отец Оккам.

Лика с наслаждением выжимала педаль газа до упора, мчась в подпрыгивающем на ухабах чоппере и наблюдая краем глаза, как дворфы в люльке подсакивают и цепляются

друг за друга.

К сожалению, ширина улиц и их заполненность не позволяли проделывать этот трюк постоянно, и ей то и дело приходилось сбавлять обороты, чтобы не врезаться в очередную повозку, или пешехода. Тем не менее, спешка была обоснована — со слов братьев, фиолетовый код использовался в исключительных случаях, связанных с большим количеством пострадавших, или же непосредственной опасностью для самого целителя.

Ли́ка, скрепя сердце, всё же, надеялась на первое, но тревога за Чао не покидала её на протяжении всей поездки. Наконец, они выехали на каменный мост через речной канал, отделявший торговый квартал от Старого Города, и далее по обе стороны от мостовой замелькали старинные постройки, черепичные крыши и развесистые деревья, чьи саженцы, вероятно, были посажены еще при отце покойного короля.

Здесь тоже не было возможности разогнаться, из-за отсутствия дороги как таковой — каменная брусчатка лежала лишь кое-где, улицы были кривыми, дома нависали над ними с обеих сторон; редкие пешеходы с недоумением провожали взглядами гномку в шлеме, управляющую чоппером, вихлявшим из стороны в сторону из-за выбоин и рытвин на земле.

— Давай поменяемся, — пропыхтел Билли, — Тут дальше все-равно надо будет объяснять, куда поворачивать, и где проехать — будет быстрее, если я поведу.

Они не проехали и пары сотен метров (из-за постоянных поворотов и переулков Ли́ке сложно было оценить расстояние), как наткнулись на Атуина, припаркованного напротив таверны, на вывеске которой была изображена ухмыляющаяся голова свиньи, почему-то дующая в свисток.

— Не удивлюсь, если Чао облюбовал это заведение в качестве места для отдыха, — проворчал Вилли.

— Видимо, отсюда его и дёрнули, — согласился брат.

Судя по данным кристалла, место вызова находилось где-то совсем неподалеку.

— Это не жилой дом, — бормотал Вилли, вглядываясь внутрь пылающих фиолетовым светом граней, — Где-то на улице...

Они свернули в очередной переулок и, неожиданно, уперлись в длинную каменную стену, покрытую разноцветными рисунками. Ли́ка помнила это место. Именно здесь она встретила шамана, указавшего ей дорогу к Собору Света в день ее приезда в Буреград.

— Гляньте-ка, — воскликнул Билли, — Кажется, нам туда!

В сотне метров от них виднелось скопление народа, однако, понять, что именно там творилось, было пока затруднительно. По мере приближения, можно было видеть, что толпа образует широкий полукруг, внутри которого что-то происходило.

Большей частью, толпа состояла из молодежи самых разных рас. Здесь были уже знакомые Ли́ке ночные эльфы, в темных очках и с волосами, закрученными в косы, щеголявшие своими рельефными торсами, эльфы в штопаных балахонах с цветками в длинных волосах, и тонкими бородками, дреinei самых разных оттенков кожи, с татуировками на плечах и массивными цепями на шеях, человеческая молодежь в кожаных куртках с металлическими заклепками и шипованных браслетах; были также и бритоголовые гномы, сбившиеся в отдельную кучку, и пара непомерно толстых дворфов, еще совсем юных, с пробивающимся пушком бород, стоявших около огромной бочки.

Все эти детали Ли́ка выхватывала взглядом, словно фрагменты мозаики, продираясь вслед за братьями сквозь толпу. Толпа расступалась неохотно, и дворфам приходилось пускаться в ход локти и кулаки. Ли́ка старалась не отставать.

Протиснувшись, наконец, через плотное кольцо, Лика с дворфами очутились на некоем подобии площади, огороженной стеной с одной стороны и деревьями с другой, так, что получалось что-то вроде естественного амфитеатра. На поросших травой каменных плитах лежали в разных позах несколько тел, принадлежавших, насколько сумела заметить Лика, разным расам.

Те из представителей присутствующих рас, которые были на ногах, стаскивали своих сородичей в один ряд, под руководством пожилого дрenea, по-видимому, руководящего процессом, оживленно жестикулирующего и указывающего подручным кого и куда класть.

Чао был здесь, он находился спиной к ним, склонившись над одним из тел. Плечи пандарена размеренно поднимались и опускались.

— Что происходит, Чао? — окликнул его Вилли.

Пандарен обернулся и Лика ужаснулась выражению его морды — осунувшееся, затравленное. Он смотрел и словно не узнавал их.

Билли приглушенно выругался.

— Не успеваю, — голос Чао был сдавленный, севший, — Вы привезли настой?

Вилли покачал головой. — Весь выкуплен! Весь, чтоб его!

Билли тем временем уже склонился над телом, которым занимался Чао.

Лика не отставала от него. При виде неподвижно лежащей дрeneйки с заострившимися чертами лица и иссиня-черными губами ей стало не по себе.

— Она... Она дышит? — спросила она, первое, что пришло ей в голову.

Билли, не отвечая, прикрыв глаза, приложил ухо к груди дрeneйки.

— Займись остальными! — бросил он Лике коротко.

— Живее! — заорал он, видя, что гномка по-прежнему стоит на месте, глядя на него во все глаза, — Она не одна тут умирает, и мы не можем устраивать здесь консилиумы над каждым!

Вилли уже переговаривался о чем-то со старым дрeneем, попутно массируя грудь распростертого перед ним ночного эльфа. Лике показалось, что хлипкая грудная клетка эльфа вот-вот сломается под массивными кулаками дворфа.

Она перевела взгляд на ближайшего к ней пострадавшего — это был человек, совсем молодой, еще подросток. Он явно дышал, но поверхностно и редко, рот его был полуоткрыт, зрачки глаз закатились так, что были видны только белки, время от времени по его телу пробегала судорога.

Лика нависла над ним и застыла, не зная, что ей делать.

Она пыталась сосредоточиться на том, что говорилось на уроках целительства, на кончиках своих пальцев, почувствовать покалывание в них, и, как учил отец Оккам, пустить к ним тепло своего сердца, но вид закатившихся глаз и судорожно впивавшихся в землю пальцев лишал её концентрации, мысли её путались в панике, руки дрожали, и она никак не могла вспомнить начало молитвы исцеления.

Внезапно, подросток захрипел и задёргался, вены на его шее стали явственно набухать, лицо побагровело, на лбу выступили крупные капли пота.

Лика почувствовала, как что-то внутри неё обрывается, она окончательно потеряла голову.

Не отдавая себе отчета в том, что делает, она уперлась обеими руками в грудь паренька, по примеру того, как это делали дворфы, и стала давить на неё короткими резкими толчками.

Руки скользили и срывались, а человек уже не хрипел, а только вздрагивал всем телом, всё реже с каждым разом, и все больше темнея лицом. Ладони Лики скользили от пота, и она не могла понять, чей он — её, или умирающего.

Внезапно, чьи то руки подхватили её и оттащили в сторону.

Она закашлялась, чувствуя, что еще немного и её может стошнить.

Седобородый дрений нагнулся над подростком и, ухватившись за него, рывком перевернул его на бок, раздвинул пальцами ему рот и надавил на язык. Несколько секунд ничего не происходило, потом тело подростка содрогнулось, он поперхнулся и судорожно вдохнул.

Дрений придерживал ему голову, наблюдая за тем, как лицо его постепенно приобретает нормальную окраску.

— Держи так! — скомандовал он ближайшему эльфу, с раскрытым ртом наблюдавшим за ним. — Следи, чтобы он не перевернулся на спину!

— Ты в порядке, сестра? — дрений обернулся к ней, и Лика ахнула, узнав его морщинистое лицо.

— Это вы? — пробормотала она.

Тот недоуменно нахмурился, но тут же лицо его прояснилось и он грустно усмехнулся: — Алоха...

— Пых! — крикнул Билли, — Сколько всего?!

— Около двадцати! — отозвался дрений, — Из них четверо — в тяжелом состоянии, и примерно половина без антидота тоже будут на грани срыва!

Лика оглядела лежащих. Около каждого из пострадавших было не менее двух помощников. Чао склонился над дрениейкой, Вилли продолжал массировать грудь эльфа, Билли вдвухал воздух в рот эльфийки субтильного телосложения.

«Кто же четвертый», — подумала Лика, и взгляд ее упал на того самого паренька, которого она недавно пыталась спасти. Судя по тому, как, хмурясь, смотрел на него дрений, именно он входил в число тех, чье состояние было охарактеризовано, как тяжелое.

Несмотря на явное улучшение после помощи Пыха, сейчас его состояние снова ухудшалось — вздохи становились все реже, а лицо опять начинало терять светлость.

— Пых! Вот! — запыхавшийся юноша подбежал к дрениею, держа в руках что-то вроде котелка.

Лицо шамана слегка прояснилось.

— Спасибо, Терикс, — проговорил он, — Правда, этого все-равно мало...

— Что там у тебя? — подал голос Чао.

— Удавник, — коротко отвечал Пых, — Остатки старых запасов — заварил их прямо сейчас... Конечно, отвар далеко не то, что настой, но, хотя бы тем, кто сейчас еще в сознании, возможно, это поможет продержаться...

— Но ведь у них и так есть шанс! — заметил Билли, — А у этих четверых его точно нет!

Вилли согласно покивал головой, не сводя глаз с шамана. Чао замер, словно изваяние.

Лика переводила взгляд с одного на другого.

— Я знаю, — вздохнул шаман, — Но, боюсь, крепости отвара будет недостаточно для того, чтобы вывести их из комы, тем более — всех... А с остальными даже малой дозы

может быть достаточно, чтобы поддержать их. Поверьте, я не первый раз с этим сталкиваюсь...

— То есть, — Лика не выдержала, — Остальные так и погибнут здесь?!

Нестройный гул покотился над толпой. Какой-то ночной эльф, стоявший на коленях рядом с Билли над безвольно распростершейся на земле эльфийкой, рванулся к дренею. — Отдай! — играя желваками, прохрипел он, кося глазом на котелок, — Я не позволю, чтобы она умерла!

Шаман потемнел лицом, и отступил на шаг назад, но за его спиной, словно из воздуха, вынырнуло еще двое эльфов. Один из них схватился рукой за ручку котелка и рванул на себя, так, что часть отвара плеснула на землю.

— Ты что творишь! — прорычал Терикс, выхватывая откуда-то из-за спины длинный узкий клинок с почерневшим лезвием.

В следующий миг всеобщее безумие, казалось, охватило толпу. Лика буквально вцепилась в лежащего рядом с ней подростка, который все реже втягивал ртом воздух; их едва не затоптали бросившиеся к Пыху люди, гномы и эльфы.

Чао метнулся в центр этой гущи, не выпуская из рук тельца дреныки, и толпа расступилась, словно в озеро бросили камень.

— Время! — Мы теряем время! — надрывался Пых. Его никто уже не слушал. Эльфы с хищно изогнутыми стальными глефами в руках и люди с обнаженными клинками разделились на две смешанные группы, между которыми, словно между двух огней находились Пых и Чао. Пых прижимал к груди котелок, его лицо было искажено гримасой, словно он вот-вот расплачется.

— Мы теряем время... — повторял он.

— Если она не выживет — не выживет никто! — запальчиво крикнул эльф.

— Тебе плевать на всех, кроме твоей подруги! — плюнул в ответ на землю человек, стоявший рядом с Териксом, — А то, что загнуты десять человек — тебе вообще до твоей эльфийской задницы, да?

— Да послушайте же вы! — взорвалась Лика, — Сейчас погибнут все! Неужели вы не понимаете?! Просто дайте нам сделать хоть что-то!

Она вскочила и, под действием неосознанного импульса, бросилась к Пыху, остановившись в шаге от шамана, и глядя на него снизу-вверх. Время словно замерло. Только в голове у неё, ударами крови в висках отсчитывались бесценные секунды.

Старый дреней поглядел ей в глаза и, чуть заметно кивнув, протянул котелок. Лика, бережно держа его на вытянутых руках, направилась к началу ряда сложенных друг за другом тел.

— Нет! — безумный эльф рванулся вперед, рывком взмывая в воздух и выполняя невысказанное по своей сложности сальто. Миг — и он уже оказался перед Ликой и, с искаженным от боли и гнева лицом, угрожающе взмахнул глефой.

Внезапно, лицо его исказилось еще больше, он вскрикнул и выронил глефу из рук.

В следующее мгновение он был отброшен в сторону чьей то могучей рукой. Точнее — лапой.

— Разойтись всем! Чао, двое из ларца — сюда! — прорычал знакомый Лике голос.

Брат Склиф в обличье воргена, стоявший на задних лапах, в наступающих сумерках и свете горевших костров смотрелся довольно грозно. Шерсть его вздыбилась, грозный оскал массивных клыков внушал трепет.

— Хвала Элуне, — пробормотал дрений.

Склиф бросил на него разъяренный взгляд. — Наару тебя тоже не забудут! — прорычал он.

— Что ты застыла?! — это уже относилось к Лике.

Ли́ка не могла позже припомнить, как ни старалась, детали этой ужасной ночи.

Лица, бледные лица с посиневшими губами и отсвечивающих неестественной голубизной закатившихся белков глаз.

Чао вслушивался в каждого из них, поддерживая их за головы, а Ли́ка вливала в бесчувственные рты чуть теплую жидкость, после того, как пандарен кивал ей.

После этого они передавали пострадавшего шаману, а сами шли к следующему.

Четверо оставшихся. Четыре жизни. Двое эльфов, дрениейка и подросток.

Ли́ка снова и снова пыталась мобилизоваться, но все её усилия оказывались напрасны. Паренек под её пальцами дышал все реже.

Братья попеременно массировали эльфов, еще двое помогали им.

Чао, сосредоточенно сжимал лапами голову дрениейки, глаза его были прикрыты.

Брат Склиф, переглянувшись с дрениеем, покачал головой.

Ли́ка почувствовала, что силы начинают покидать её. Все усилия были впустую. Даже брат Склиф ничего не мог поделать. Вот устало выпрямился один дворф, затем второй. Она с ужасом глядела на них, ощущая липкое ледяное предчувствие. Внезапно парень под её руками вздрогнул и затих.

Ликой овладело какое-то безумие. Какой во всем этом смысл?

Для чего вообще нужны целители, школы, знания, вот это вот всё?! Если люди все равно умирают, и ты не можешь сделать ничего, абсолютно ничего, и тогда все, чему её учили — ложь, все что говорил отец Оккам — бессмысленно! Люди все равно умирают...

Где же тот Свет, о котором столько говорилось?!

Она закрыла глаза, зажмурилась, ей захотелось исчезнуть, перенестись обратно в то время, когда она была так бесконечно далека от этого города и этой реальности, в тот светлый и уютный мир, где отец курил трубку по утрам, а мама готовила яичницу...

Свет. Свет пробивался сквозь зажмуренные глаза. Она решила, что потеряла сознание, но звучные голоса, раздававшиеся вокруг ней и крики, последовавшие за ними, убедили её в обратном.

Ли́ка открыла глаза.

— Крона кай крестор! — раздавалось вокруг.

Во все глаза гномка глядела на сияющую светом арку портала, на дюжину фигур в белых одеяниях соборных клириков, и на... отца Оккама, о чем-то быстро переговаривающегося с братом Склифом! Жрецы разделились на пары, обходя лежащих на земле и возлагая руки на каждого из них. Отец Оккам склонился над подростком, лежащим перед ней. На секунду его взгляд встретился со взглядом Лики. Дрений ничего не сказал, но в глазах его промелькнуло что-то сочувственное. Он возложил ладонь на лоб уже не дышавшего человека и незнакомые Лике, но мелодичные и торжественно звучащие слова, полились с его языка.

Ли́ка почти физически ощущала силу, исходящую от дрениея. Она чувствовала, как минуту назад охватившее её отчаяние спадает, тает, словно лед в горячей воде. Ей как будто стало легче дышать, и силы неожиданно вернулись к ней.

Паренек вдруг закашлялся и открыл глаза.

— Иллинэль! Ты меня слышишь, Иллинель?! — эльф, нападавший на Лику, стоял на

коленях перед эльфийкой и Билли, застывшего в изумлении, после того, как клирик, прочитавший над ней слово Света, провел рукой над лицом эльфийки, заморгавшей и открывшей глаза.

— Разойтись! — сквозь толпу прокладывали себе дорогу несколько стражников, во главе с капитаном.

Толпа пришла в движение, стремительно редая, только вокруг шамана, Чао и отца Оккама еще оставалась небольшая группка сочувствующих участников.

Словно во сне, Лика приблизилась к ним.

Чао по-прежнему держал на руках дренейку, на его морде застыло упрямо-отчаянное выражение. Пых, ссутулившись, что-то бормотал, оперевшись на узкий вытянутый барабан, стоявший перед ним, рассеянно постукивая по нему пальцами.

Отец Оккам, закрыв глаза, держал ладони на голове дренейки, губы его беззвучно шевелились, лицо было бледно, по вискам стекали капли пота.

Еще двое клириков по обе стороны от него, поддерживали его за плечи, читая вполголоса молитвы.

Лика получила возможность получше рассмотреть дренейку — она была совсем юная, наверное, сверстница тому подростку.

Лицо её сейчас было иссиня-бледным, губы казались совсем черными, она не шевелилась, и, судя по безвольно висящему на руках пандарена телу, последняя искра жизни уже оставила её.

Однако, Чао продолжал смотреть на Оккама с какой-то непоколебимой надеждой в глазах, поддерживая тщедушное тельце с неожиданной для медведя бережностью и нежностью.

Лика осторожно приблизилась к ним, ей хотелось внести хоть какую-то лепту в происходящее.

Отец Оккам словно таял на глазах. Пот уже стекал ручьями по его лицу, на шее бешено пульсировала вена, а руки, покоящиеся на бескровном челе дренейки начинали мелко подрагивать.

Не выдержав, Лика приподнялась на цыпочки и отерла пот со лба наставника рукавом платья. Кожа дрены была горячей, почти обжигающей. Повинуясь спонтанному наитию, Лика положила ладонь на его лоб и попыталась направить часть своих сил отцу Оккаму.

На секунду ей показалось, что она падает в бездонную пропасть, увлекаемую мощным потоком бесконечного водопада, низвергающегося откуда-то из недр небес.

У неё закружилась голова и потемнело в ушах, чьи то руки подхватили её и оттащили в сторону.

— Сестра, разве так можно... — словно сквозь ватное одеяло донесся до неё шелестящий шепот клирика.

Старый шаман вскрикнул, барабанный ритм сбился. Отец Оккам выпрямился, лицо его, словно вылепленное из воска, страшно смотрелось в отблесках огней костров. Внезапно две темно бордовые струи крови хлынули из его носа, заливая одеяние, он закашлялся, и рухнул, как подкошенный, разметав угли костра.

Двое поддерживающих его клириков осели на землю.

Остальные бросились к Оккаму и подхватили его; кто-то возлагал руки на его голову, другой вливал в рот капли снадобий, третий прижимал к носу дрены пропитанные раствором бинты.

Чао, пошатнувшись, упал на колени и аккуратно положил дренайку на землю.

Шаман Пых склонился над ней и, неверяще, покачал головой.

Лицо девочки постепенно начинало светлеть. Грудная клетка шевельнулась, веки едва заметно затрепетали.

— Она здесь! — прошептал шаман, в изумлении переводя взгляд на пандарена, — Но ведь я видел, как её дух уже шествовал по Тропе...

Чао молча кивнул.

Вынырнувший из темноты брат Склиф, вызвав панику у столпившихся над Оккамом, склонился над ним. Экзарх приоткрыл глаза и по лицу его промелькнула слабая усмешка. — Кажется, теперь моя очередь рассказывать о проблемах? — слабо проговорил он.

Но ворген не оценил шутки — грозно рыкнув, он поднялся на задние лапы, втягивая трепещущими ноздрями воздух.

— Что здесь произошло? — знакомый голос капитана Сэмуэльсона раздался за спиной Лики.

Стражники взяли в кольцо площадку, на которой оставались наиболее тяжело пострадавшие с некоторыми из их окружения, Лика с дворфами и пандареном, а также клирики с отцом Оккамом и братом Склифом.

Лика еще раз убедилась, что подросток, которого она безуспешно пыталась спасти, уже полностью пришел в себя. Он сидел на траве, держась рукой за горло, и затравленно озирался по сторонам, явно не вполне понимая, что происходит.

— Как ты себя чувствуешь? Что произошло с тобой? — Лика встряхнула его за плечи.

Паренек перевел на неё полубессмысленный отсутствующий взгляд. — Я... Я не помню...

— Что вы тут делали? — Лика продолжала тормошить его, словно боясь, что если она потеряет с ним контакт, он снова потеряет сознание.

— Да как обычно! — вмешался в разговор другой человек, одетый также, как и подросток, но выглядевший более старшим, — Обычная тусовка, музыка, пиво, покатушки...

— А это что? — Лика кивнула на валяющиеся в стороне медные сосуды с кожаными трубками, в рассыпанных тлеющих углях.

— Шишка — кальян, то есть, — пожал плечами человек, — Молодежь баловалась...

И неожиданно смолк, уставившись за плечо гномки.

Ворген опустил на четвереньки рядом с вытаращившим на него в панике глаза подростком.

— Где? — выдохнул он, гипнотизируя мальчишку взглядом полыхающих зеленых глаз.

— Ч-что? — пролепетал тот, поджимая колени и отодвигаясь.

— Где ты взял спайс? — прорычал ворген, нависая над перепуганным подростком.

— Гном какой-то продал! — выкрикнул тот, — Я на толкучке его встретил вчера, где табак покупал, предложил спайса крутого немного отсыпать по дешевке... Рыжий такой...

— Потише, Склиф, ты его сейчас до повторного обморока доведешь! — вмешался Сэмуэльсон, подходя к ним.

Ворген, казалось, не слышал его; прижав уши, он оглядывался по сторонам, глубоко вдыхая воздух.

Внезапно, сорвавшись с места, он двумя прыжками достиг стены, перемахнул через неё одним рывком и исчез из виду.

Сэмуэльсон проводил его взглядом и покачал головой.

— Как тебя зовут? — обратился он к подростку.

— Кевин, — отозвался тот, глядя исподлобья на возвышающегося перед ним капитана, с королевскими гербами на блестящих латах.

— Запиши, — махнул рукой Сэмуэльсон вытянувшемуся перед ним стражнику, — Имя, адрес! И проводи его потом в караулку — нужно будет записать показания.

— Его же только что вытянули с того света, — вмешался друг подростка, — Он на ногах-то едва держится!

— И этого тоже! — кивнул стражнику Сэмуэльсон, — Всех, кто принимал участие в этом сборище.

— Лика! — окликнул гномку один из клириков, — Подойди!

Лика приблизилась к отцу Оккаму, нетвердо стоявшему на ногах, поддерживаемого клириками.

Дрней выглядел осунувшимся, щёки ввалились, под глазами залегли темные круги.

— Нам пора уходить, — обратился он к ней, — Портал скоро закроется...

— Да уж, желающим просьба поторопиться, — пропыхтел коротышка, которого Лика поначалу приняла за дворфа — маленький толстенький человечек с видимым усилием водил перед собой руками, от которых к сияющей арке портала тянулись едва заметные переливающиеся нити.

— Чао! — отец Оккам повернулся к пандарену, — Это ваше!

И он протянул ему знакомый Лике кристалл. — Брат Склиф обронил его, когда был в гостях, — добавил он, видя удивленное выражение морды пандарена.

Один из клириков, повинувшись кивку головы экзарха, аккуратно принял на руки дрнейку, доверчиво смотревшую на него огромными зелеными глазами.

— Вы забираете Элю? — Пых встревоженно поглядел на экзарха.

— Её дух едва не покинул её тело навсегда, — ответил Оккам, — Потребуется еще какое-то время для наблюдения, поэтому ей лучше пока побыть у нас, в Соборе. Скажи родителям, чтобы знали, где её искать.

Шаман хотел добавить что-то еще, но заметил, что к ним приближается капитан стражи и, ограничившись кивком головы, отступил в тень деревьев.

— Лика! — отец Оккам поискал её глазами и слегка нахмурился, увидев гномку. — Следуй за нами, дитя. На сегодня с тебя хватит практики.

Он повернулся к порталу, шагнул в него и исчез в радужных переливах.

За ним последовал клирик, держащий на руках дрнейку, которую назвали Элей, и парами потянулись остальные клирики.

Лика колебалась. С одной стороны, у неё было четкое указание экзарха, которое, как послушница, она обязана была беспрекословно выполнять, да и перспектива оказаться через миг в Соборе, где её ждал какой-никакой ужин и постель выглядела довольно манящей.

С другой... Она огляделась. Братья дворфы о чем-то переговаривались друг с другом, Чао отвечал на вопросы Сэмуэльсона, стражники собирали в одном месте всех, кого удалось задержать: среди них был и эльф, угрожавший Чао и Лике, теперь держащий за руку эльфику и что-то горячо ей наговаривавший. Старого дрнея-шамана нигде не было видно.

— Ну, ты идешь, наконец?! — рассерженно буркнул ей маг, — Я не могу тут до утра торчать, и запасы маны у меня не безграничные!

Лика отступила на шаг и помотала головой.

Толстячок пожал плечами, что-то проворчал себе под нос и, разведя руки в стороны, шагнул в арку портала. Сияние вспыхнуло, обволакивая его переливающимися всеми цветами

радуги пузырём, и исчезло вместе с магом. На улице сразу стало темно.

Ли́ка поёжилась. От речного канала ощути́мо веяло сыростью, хотя они и находились на приличном расстоянии от него, но её легкий хитон не слишком хорошо защищал от холода. Она подошла к Чао и Сэмуэльсону.

Последний, при виде гномки сморщился, словно откусил лимон. — И, конечно же, эта сестра, — процедил он, — Наверное, мне проще выделить для вас пару стражников для постоянного сопровождения — это сэкономит моим людям время.

— Простите, капитан, — Чао вздохнул, — Но, боюсь, дело тут не в сестре, а в росте криминальной активности в городе. И это, действительно, тревожит.

— Капитан, задержано одиннадцать участников сборища, часть из них — без документов! — отрапортовал явившийся стражник.

— Что вы собираетесь с ними делать? — любопытно спросил Чао.

Сэмуэльсон искоса взглянул на него. — Оформим в соответствии с протоколом, установим личности, соберем показания и отпустим по домам... если не возникнет других вопросов. Вас, господин пандарен, и ваших коллег, формально, мы тоже должны допросить, но, принимая во внимание обстоятельства...

— Мы предоставим вам письменный отчет, — понимающе кивнул пандарен. — Но нам самим бы тоже было нелишне узнать кое-что от пострадавших.

Капитан устало вздохнул. — Пусть брат Склиф приложит официальный запрос, это позволит мне дать вам интересующую информацию. Он устало потер висок. — Вы правы, господин пандарен, в последнее время в Буреграде и впрямь стало беспокойно. Доброй вам ночи, и... — он взглянул на Лику, — Берегите себя!

Кивнув на прощание, капитан удалился в сопровождении стражников по направлению к ожидавшим его задержанным.

— Вот зараза! — Билли сплюнул на землю в сердцах, — Ну кто, гномий болт, его за язык тянул?!

— Да, — пробурчал Вилли угрюмо, — Именно доброй ночи нам только и не хватало.

— А... что такое? — Ли́ка недоуменно переводила взгляд с одного дворфа на другого, — Что он такого сказал? Просто пожелал...

— Вот именно! — ожесточенно перебил её Билли, — Просто пожелал доброй ночи! Теперь — всё, хана!

— У братьев есть такая примета, — сказал Чао, едва заметно улыбаясь, — Что пожелание доброй ночи, или доброго дня приводит к непременным вызовам и напряженной работе...

— Именно! И каким вызовам! — подтвердил Вилли, — Прошлый раз, когда донна Антаня пожелала доброй ночи, мы в Бараки только под утро вернулись!

Ли́ка растерянно покачала головой. У неё было и без того слишком много впечатлений, чтобы удивляться.

— Итак, — подвел итог Чао, — Нам есть, что обсудить... Жаль, Сэмуэльсон увел наших пациентов до того, как мы успели собрать хоть какой-то анамнез.

— У этой публики все-равно ничего не вытянешь, — махнул рукой Вилли, — Сомневаюсь, что и у капитана это получится...

— Возможно, я смогу быть вам в чем-то полезен, — вмешался в разговор голос откуда-то над их головами.

Дрней-шаман повис на ветке дерева и, спрыгнул. — Есть, что обсудить, — повторил он

слова пандарена, подходя к ним.

— Пых, — усмехнулся Чао, — А я-то еще думаю, куда это ты вдруг подевался...

Шаман пожал плечами. — Не люблю связываться с медноголовыми, — пояснил он. — У нас с ними слишком разная ментальность.

— Короче, — перебил их Билли, — Если нашему Атуину еще никто не приделал, так сказать, колёса, предлагаю вернуться к нему. Тем более, что ты его оставил как-раз рядом с таверной, так кажется, Чао?

— Именно, — подтвердил пандарен.

Атуин отыскался на том же самом месте, где его оставляли, и даже со стандартным, вопреки прогнозам Билли, набором колёс.

Двери таверны со странным названием «Свинья и свисток» (Лику задумалась на минуту, откуда оно могло взяться) были гостеприимно распахнуты.

Зал был полон, и им пришлось взобраться на второй этаж и расположиться на террасе, чтобы поместиться всей компанией за одним столом.

Дожидаюсь, пока официантка примет заказ, Пых неторопливо набивал трубку, поглядывая на дворфов, Лику и пандарена оценивающим взглядом светлых глаз.

Дворфы выжидающе уставились на него; Чао, пошарив по карманам, раздобыл очередной пучок травы, который незамедлительно отправился в его пасть.

— Ну?! — не выдержал Билли, подаваясь вперёд, — Выкладывай уже, что за вечеринку вы там устроили, и что, демоны вас заберите, пошло не так?! Ведь это был спайс, будь я гном!

— Извини, Лику, — добавил он смущенно, обернувшись.

Дреней выпустил к потолку облачко голубоватого дыма. — Спайс, — подтвердил он, затаившись, — Но я понял это слишком поздно. Обычно ребята не балуются всякой там дурью, кальяны — это скорее, новая мода — пускать красивый разноцветный дым. Смысл тусовки — в музыке, в чувстве ритма, зове Рока. А всё остальное — так, аранжировка.

— Кто принёс табак? — задал вопрос Чао.

Дреней пожал плечами. — Трудно сказать, кто именно принёс спайс, если ты это имеешь в виду, — ответил он. — Народу было много, и кто из них где покупал траву — как узнаешь?

— Но ведь ты догадался сразу? — заметил Вилли.

Пых кивнул. — Когда имеешь дело с молодежью, всегда держишь ухо остро, и многие вещи хранишь в памяти. Что-то подобное уже происходило лет пять тому назад, вот с тех пор остались кое-какие знания и запасы.

— И много запасов? — хищно насторожился Билли.

Пых неопределенно помахал рукой: — Так, кое-что по сусекам... Откровенно говоря, маловато. Впрочем, — добавил он, глядя на погрузневшие лица дворфов, — Есть одно местечко на примете, где, возможно, найдутся еще запасы. Была у меня одна знакомая Сова...

Принесли напитки, и Чао заставил Лику выпить залпом целую кружку сока луноягоды и сразу же заказал еще.

Дреней размешивал в кружке с кипятком какие-то травы из своих запасов. — Вот что странно, — сказал он, — На моей памяти таких тяжелых случаев — раз-два и обчелся, а ведь было время, когда этого спайса было полно на каждом углу. Обычно он действует мягко, и чтобы до такого дошло — нужно было скурить его мешок. Странный состав!

— Демоново колено это, — пробурчал Вилли, я сразу еще с утра почувствовал.

— Что-то еще там есть, — задумчиво сказал Чао, — Такое, что усиливает действие... Или же с чем-то взаимодействует. Чем там у вас молодежь еще баловалась?

— Пиво, в основном, — вздохнул дрений.

— А девицы из «Отшельника», кстати, угощались вином, — заметил Билли.

— Но какой смысл торговать смесью, которая убивает, — проговорил Чао, хмурясь, — Ведь никакой выгоды, если только...

— Если только — что? — спросил Вилли, опрокидывая остатки содержимого кружки в рот.

— Если только именно такая цель и не ставится, — закончил дрений, внимательно глядя на пандарена.

Дворфы переглянулись.

— Хочешь сказать, — протянул Билли, кто-то сознательно травит жителей города?

Чао помотал головой. — Не знаю... Но всё это слишком странно... и опасно. Пых, ты должен знать всех, кто постоянно там у вас бывает — может, были какие-то новые лица?

Дрений задумался. — Всех, конечно, не упомнить, — сказал он, наконец, — Но, мне кажется, лица все были старые... Правда, на каком-то этапе мне показалось, что мельтешил на периферии один странный тип в плаще, я уж подумал, не из тайной стражи ли, но это было в суматохе, да и, может, это кто из наших был. А потом уж появились и вы, а за вами — стража.

— А как насчет рыжего гнома? — поинтересовался Билли.

— Кого не видел, того не видел — врать не буду, — отвечал Пых.

После третьей кружки сока, Лике казалось, что она вот-вот лопнет.

Извинившись, она покинула столик и, уточнив у официантки расположение необходимого ей места, спустилась вниз и вышла во внутренний двор таверны. На улицы уже спустились глубокие сумерки, в небе были видны звезды и ярко светила луна, которой чуть-чуть не хватало до полноты. Лика вдохнула с наслаждением свежий ночной воздух, показавшийся ей изумительным, после душного и спертого прокуренного воздуха таверны. Покосившаяся кабинка стояла в самой глубине двора. Собираясь проследовать к ней по протоптанной тропинке, Лика увидела, как дверца кабинки отворилась и закрылась — маленькая фигурка, выскользнувшая из неё, хорошо была видна в лунном свете, в то время как Лика еще скрывалась в тени дома. Невысокий рост выдавал в незнакомце гнома, а когда под черным плащом мелькнула алая подкладка, сердце Лики учащенно заколотилось — определенно, она уже видела этого гнома сегодня утром в таверне квартала магов.

Гном огляделся, и, не заметив отпрянувшую назад Лику, слегка свистнул. Ответом ему был короткий, словно оборвавшийся свист откуда-то из глубины двора, где виднелись приземистые строения подсобок.

Гном шустро посеменял в том направлении, и, кажется, юркнул в щель между двумя постройками.

Лика последовала за ним, крадучись и пригибаясь, мысленно ругая выдававшее её в темноте белое платье. Достигнув дровяного сарая, она услышала негромкие голоса, доносившиеся до неё.

...порядок, — говорил чуть визгливый, скрипучий голос, принадлежавший, по всей видимости, гному, — Сандал и Урсула распространили партию, как было условлено, пандаренский квартал сегодня ждет потеха!

— Что с дворфами? — перебил его свистящий шёпот, от которого у Лики почему-то

побежали мурашки по спине, — Каковы шансы?

— С ними сложнее, — заискивающе отвечал гном, — Но кое-что удалось сделать, можно сказать, нам повезло. Очень похоже, что честным дворфам не стоит доверять некоторым своим друзьям, и чья-то жадность может оказаться для кого-то роковой!

Гном захихикал, вызвав недовольный шик собеседника.

— Прошу прощения, ваша скрытность, — торопливо зашептал гном, — Самое главное, что в замке тоже нашелся спрос! Так что, кое-кто из роялистов, возможно, изменит свои взгляды! Радикально, так сказать!

И, не удержавшись, он снова захихикал.

— Довольно! — прошипел голос, — Ты хорошо поработал, Шпакль. Но ты засветился. Возьми это!

Ли́ка услышала звяканье кошелька с монетами.

— Благодарю, ва...

— И исчезни на какое-то время! Когда понадобится, я дам знать. А теперь ступай, и постарайся не попасться никому на глаза.

Ли́ка вдруг осознала, что её присутствие может быть раскрыто в ближайший момент, и, пятясь, едва не упав, отскочила в сторону кабинки туалета, шмыгнула в приоткрытую дверь, и, стараясь не хлопнуть, притворила за собой дверцу. Сквозь щели в двери она видела, как на тропинку выскочил гном, и, набросив капюшон, поспешил в сторону таверны.

Следующие несколько секунд показались ей вечностью — ей казалось, что обладатель шипящего голоса где-то рядом, следит за ней. Словно в подтверждение её слов, фигура, закутанная в плащ внезапно выросла перед дверцей, заслонив её обзор. Ли́ке казалось, её сердце стучит так, что его слышно за несколько шагов. Дверца дернулась, но Ли́ка крепко держала её изнутри, не надеясь на хлипкую задвижку.

Ей показалось, она расслышала смешок, а затем, серая тень, заслонявшая щели, исчезла.

— Ли́икааа! — донеслось до неё.

Гномка перевела дух. Всё-таки, иногда очень здорово иметь такого опекуна, как пандарен.

Она выждала еще чуть, и, когда увидела приближающегося по тропинке к кабинке Чао, выскочила наружу.

Пандарен укоризненно посмотрел на неё. — Куда ты запропастилась? — проговорил он, — У нас снова срочный вызов!

Ли́ка едва поспевала за ним.

Атуин уже стрекотал мотором, Билли, нахлобучив шлем, сидел за рулем.

— Чао! — крикнул он, — Мы уехали к твоим соотечественникам! Присмотри за гномкой и проводи её в Собор!

Ли́ка, раскрыв рот, смотрела вслед рокочущему Атуину, исчезающему за поворотом в клубах дыма.

Чао тронул её за рукав.

Ли́ка вскинулась. — По какому праву, интересно, он решает за меня, что мне делать и куда идти?! — возмутилась она. — Они мне не наставники, и даже не братья ордена, если уж на то пошло, — продолжала она, не давая Чао вставить слово, — Это брат Склиф может мне указывать, но никак не парочка из ларца!

Чао вздохнул и молча показал лапой куда-то за спину Ли́ке.

Гномка обернулась.

— Это был мой приказ, дитя, — сказал ей ворген, глядя в глаза.

— Брат Склиф, — пробормотала растерянная Лика, — Но... Откуда вы...

Она осеклась. Ворген внимательно следил за ней.

— Ты слишком устала на сегодня, — сказал он, — И пользы от тебя будет немного.

Тебе нужно как следует отдохнуть.

Лика закусила губу и отрицательно замотала головой.

— Чао, — сказал брат Склиф устало, — Проводи сестру Лику в Собор. Пандарен нерешительно кивнул и приобнял Лику за плечи, подталкивая её в сторону припаркованного чоппера.

Внезапно карман его жилета вспыхнул алым и взорвался пронзительной трелью.

Чао вытащил кристалл, взгляделся в него и ахнул, передавая его воргену. Лицо брата Склифа нахмурилось еще больше. — Проклятье, — выругался он, — Тебе придется взять её с собой. Но смотри в оба! И при первой же возможности отправь её в Собор, пусть Сэмуэльсон выделит провожатых!

С этими словами, ворген в образе человека, метнулся в переулок, и через несколько мгновений, огромная серая тень пронеслась мимо них.

— Запрыгивай! — скомандовал Чао, заводя мотор чоппера.

— Чао! — взмолилась Лика, томимая нехорошим предчувствием, — Да что там стряслось?!

— Нападение, — коротко отвечал пандарен, запихивая в рот пучок травы, — Есть жертвы.

— Нападение?! Где, на кого? — Лика ничего не могла понять.

Чао надавил на газ. — Буреградская тюрьма атакована!

Чоппер взревел и понесся по разбитой мостовой Старого Города.

Глава 9. Пределы возможного

Стены каземата были покрыты густым слоем копоти от вечно чадящих факелов. Отблески огня отражались в пустых, ничего не выражавших зрачках, смотревших на него сквозь прорези бесформенного колпака, полностью скрывавшего верхнюю часть тела стоявшего перед ним человека.

Где-то на периферии зрения, в клубящихся тьмой углах залы угадывались такие же бесформенные очертания фигур, чьё злое молчание пугало сильнее всяких угроз.

Треск горячей смолы, звуки падающих капель и тяжелое дыхание человека, стоящего за спиной.

Он не мог пошевелить головой из-за туго стягивающего лоб кожаного ремня. Железные браслеты давили на запястья, деревянные колодки впились в раздутые из-за отеков, покрытые густой сетью синих прожилок голени.

Во рту стояла горечь, губы были сухими и потрескавшимися, но он боялся издать хотя бы звук.

Страх сдавливал его грудь сильнее колодок и кандалов. Он знал, что за его спиной притаилась его смерть.

Словно в подтверждение этих мыслей, повинаясь беззвучному приказу, деревянный стул, заскрипев, начал медленно поворачиваться вокруг собственной оси.

Сердце его, и без того бешено колотившееся, казалось, дало сбой. Он давился густым липким воздухом подземелья, изо всех сил противясь насильственному повороту его головы, избегая встречаться взглядом с тем, кто стоял за его спиной. Грубые металлические шипы впились в виски, разрывая кожу, но кресло неумолимо совершало свой поворот.

Он хотел зажмуриться, но веки вдруг стали словно прозрачными; яркий свет горящего факела бил ему в глаза, но даже сквозь него он видел эту жуткую, леденящую кровь улыбку.

Человек в грязно-сером плаще смотрел на него с издёвкой.

Пристальный взгляд светящихся умом и жестокостью глаз словно буравил его насквозь. В этом взгляде читался приговор и торжество сытого кота, играющего с пойманной мышью.

Он ненавидел эту проклятую ухмылку, это узкое вытянутое лицо, обрамленное длинными прядями каштановых волос, с аристократической рыжеватой бородкой и усами, тронутыми нитями седины. Ненавидел и боялся.

Лицо склонилось над ним, и дикий животный ужас свёл его внутренности, выжимая остатки воздуха из легких и заставляя сердце рваться прочь из груди. Он издал беззвучный вопль и вздрогнул всем телом, ощущая, как что-то острое проникает ему под ребра с левой стороны...

— Борлик! Да что с тобой?! — взволнованная супруга, приподнявшись на локте на подушках, с тревогой смотрела на него. — Ты опять кричал во сне!

Лорд Борлос Вишлок, королевский суперинтендант, тяжело дыша, приходил в себя, утирая капли пота со лба кружевным ночным колпаком.

— Ничего, дорогая, — отозвался он хрипло, — Просто приснился кошмар...

Розалия покачала головой, трясая папилютками. — Тебе не стоило пить на ночь столько красного вина! И этот пахучий сыр для тебя слишком тяжелая пища, ты же знаешь! Принести водички?

— Не надо... Я сам...

Кряхтя и отдуваясь, королевский суперинтендант спустил с кровати распухшие ноги, нащупал тапки, и, кое-как надев их, спустился по лестнице своего роскошного двухэтажного особняка в столовую.

Открыв дверцы шкафчика, он извлек с полки хрустальный графин и бокал, и, трясущейся рукой, наполнил его на две трети. Воровато оглянувшись, убрал графин на полку и, держа в руке бокал, вышел на террасу. Жадно вдыхая полной грудью ночной воздух, он почувствовал себя легче, давящая тяжесть за грудиной отступила. Он сделал долгий глоток из бокала и перевел дух.

«Силы Света, во что же я вляпался!» — пронеслось у него в голове.

«А он, всё-таки, хорош!», — мысленно признала Демизетта, невольно любуясь мускулистой спиной с едва заметным косым шрамом над левой лопаткой стоявшего у окна рыжеволосого мужчины атлетического телосложения, с обвязанным вокруг пояса полотенцем. Словно почувствовав её взгляд, он обернулся и сверкнул улыбкой из-под густых топорщащихся усов.

— Ещё вина? — промолвил он, беря в руки со стола бутылку и кубки.

— Почему нет? — улыбнулась в ответ она, откидываясь на подушки, — Я сейчас не прочь немного освежиться.

Массивная деревянная кровать скрипнула, принимая на себя вес севшего на неё мужчины.

— За знакомство! — подмигнул он, протягивая ей кубок, — Кстати, как тебя зовут, красавица?

Демизетта лукаво усмехнулась. — Ты всегда знакомишься таким образом?

Мужчина утвердительно кивнул, не сводя с неё искрящегося весельем взгляда ярко-голубых глаз, — Если, конечно, успеваю познакомиться, — признался он доверительно и рассмеялся, сделав глоток из кубка.

— Ты не очень-то галантен, — заметила Демизетта, приподняв бровь, и принимая кубок из руки мужчины.

Рыжеволосый развел руками. — Зато у меня немало других достоинств! — сообщил он, понизив голос.

— О да, — отозвалась Демизетта с чуть заметной долей иронии. — Кстати, о них...

Потянувшись, она скользнула с кровати, тряхнула головой, разметав блестящие черные волосы по плечам и с довольной улыбкой отметила про себя глубокий вздох за её спиной.

Подойдя к столу, она открыла сумку и вытащила оттуда небольшой металлический кувшинчик с узким горлышком и кожаной трубкой, крепящейся к нему, а также небольшой сверток.

Мужчина наблюдал за её действиями с некоторым недоумением и выраженным нетерпением во взгляде.

— Это что, одно из этих ваших женских снадобий? — спросил он, — Можешь не беспокоиться на этот счёт, я...

— Вовсе нет, — перебила она его, разворачивая сверток и насыпая пахнущую смолой и имбирём смесь через горлышко сосуда.

— Хм, пахнет недурно... Благовония? — мужчина приблизился к ней, приобняв за плечи.

— Почти... Она выскользнула из его объятий с многообещающей улыбкой, и, с помощью щипцов, извлекла из камина уголёк.

— Теперь ты, — сказала она, затянувшись сладковатым дымом.

— Мужчина покачал головой с недоверием.

— Давай же, — ноздри Демизетты трепетали, раздувшись, — Ты даже представить себе не можешь, насколько это... усиливает ощущения. Или, — она едва заметно усмехнулась, — Ты боишься, что не сумеешь справиться?

Мужчина хмыкнул и, поднеся трубку ко рту, шумно втянул воздух.

Демизетта внимательно следила за ним, улыбаясь.

— Ну, теперь мы можем продолжить наконец? — мужчина отставил в сторону кальян и протянул к ней руки. — Иди сюда! — позвал он.

Но Демизетта с сожалением покачала головой. — Не в этот раз, — сказала она, набрасывая на плечи платье.

Мужчина недоумённо нахмурился. — То есть как?! Что за...

Он попытался встать с кровати, но пошатнулся и вынужден был опереться руками о столик.

Демизетта подхватила падающую сумку.

— Прости, милый, — прошептала она на ухо человеку, — Боюсь, ты сегодня не в форме...

Коснувшись губами его виска, прошелестев одеянием, она выскользнула из комнаты, сбежала по ступенькам, покрытых истертым во многих местах ковром, незаметно влилась в общую залу, и, бросив на прощание деланно-застенчивый взгляд на понимающе прищурившуюся хозяйку гостиницы, исчезла в сумраке за дверью.

Где-то на втором этаже скрипнула оконная рама, и створка одного из окон чуть отворилась.

Главнокомандующий гарнизоном Буреграда, генерал Джонатан Маркус, провел слабеющими ладонями по стеклу и медленно сполз на пол. Голубые глаза потускнели и уставились на оставшуюся полуоткрытой дверь, поскрипывающую на сквозняке несмазанными петлями.

Ли́ка отчаянно держалась за бортики раскачивающейся люльки, каждый раз вжимаясь в неё, когда Чао закладывал очередной поворот. Она и не подозревала, что пандарены могут ездить с такой скоростью. Мелькающие в темноте фасады домов сливались в широкие смазанные полосы, редкие уличные фонари проносились мимо неё одинокими вспышками света.

Несмотря на тряску и быстроту езды, её всё-таки клонило в сон и тянуло свернуться калачиком на дне люльки, чтобы подремать хоть несколько минут.

Где-то вдалеке впереди она увидела зарево, которое поначалу приняла за отблеск пожара, но, подъехав ближе, поняла, что это — свет костров и факелов, собравшихся здесь стражников.

Чао описал резкую дугу и притормозил чоппер у ближайшего к ним отряда.

Незнакомый Лике офицер в сопровождении ошетилившихся алебардами солдат направился в их сторону.

Чао помахал в воздухе металлическим жетоном.

— Буреградская целительская служба, — представился он, подавая жетон офицеру.

Тот оглядел его с явным замешательством.

— Капитан Сэмюэльсон здесь? — спросил пандарен.

Офицер махнул рукой в сторону высящегося над ними массива тюремной крепости.

— Там, с начальством...

И, с сомнением оглядев гномку и пандарена, добавил: — Можете пройти, мои люди вас проводят.

Вход в крепость был оцеплен двойным кольцом солдат, однако, судя по всему, это были не обычные городские стражники, патрулирующие улицы, а действующие боевые подразделения. У самых врат Лика заметила несколько тел, прикрытых мешковиной, и вздрогнула, увидев торчащие из-под ткани мохнатые когтистые лапы.

Вид караулки, в которой она побывала всего лишь чуть более суток назад, вызвал у неё тошноту.

Столы были опрокинуты и свалены вдоль стен. Пятна крови на полу и кровавые брызги на стенах.

Тяжелый запах с металлическим привкусом в воздухе. На полу лежали люди, большей частью в доспехах стражников. Раны, которые Лика увидела, выглядели ужасно.

Рассеченное неведомым оружием лицо, с распоротой щекой и начисто срезанным ухом. Человек был бледен, но в сознании, все время норовя пощупать здоровой рукой кровоточащую рану. Другая рука висела бессильной плетью, по-видимому, сломанная в нескольких местах.

Двое стражников, тоже в крови и помятых доспехах, удерживали здоровую руку пострадавшего.

Другой, еще молодой, всё время кричал — грудь его была темно-алой от пропитанной кровью рубахи под кольчугой, вспоротой посередине груди.

Примерно та же картина наблюдалась у остальных раненых — кровь, неестественно вывернутые конечности, лохмотья ткани и кожи.

Всего в караулке было около десятка пострадавших.

Решетчатая дверь, ведущая в тюремный коридор, сейчас была поднята, из темноты прохода доносились голоса и шум.

Чао уже склонился над одним из раненых, лежавшим на боку, и лишь глухо постанывающим, прижав колени к животу.

На морде пандарена были написаны крайняя усталость и безысходность.

— Лика, — позвал он, — Мне понадобится твоя помощь...

Лика, устыдившись собственного замешательства, преодолевая тошноту и страх, приблизилась к нему и опустилась на липкий от крови и грязи пол.

— Попробуй облегчить ему боль, — сквозь сжатые зубы проговорил пандарен, — мне нужно осмотреть рану... Где Лилиан? — этот вопрос был адресован стражникам, находившимся на ногах.

— Она... — стражник замялся, — Она там, в коридоре...

Лика осторожно держала в ладонях голову человека, пока Чао, негромко беседуя с ним, пытался осмотреть живот пострадавшего. Когда ему удалось отвести колени, Лика едва не потеряла сознание, при виде зияющей раны на животе, в которой что-то пульсировало.

Чао сорвал крышку с какого-то флакона и начал выливать содержимое прямо на рану, отчего человек забился и закричал. Лика зажмурилась. Она совершенно не была готова к такому. Она не знала, что делать. Однако, то ли из-за усталости, то ли из-за чрезмерной

насыщенности этого дня на события, она поймала себя на том, что не испытывает прежней паники. Стоило осознать это, и в голове появилась ясность, и нужные слова всплыли в памяти сами собой.

Лица почувствовала, как волна тепла разливается под её ладонями, а кричащий и вырывающийся человек вдруг начинает успокаиваться.

Она открыла глаза и поразилась. Рана, минуту назад выглядевшая огромной, сейчас была значительно меньше. Пандарен стянул её края и теперь аккуратно орудовал необычной изогнутой иглой, накладывая на них короткие одиночные стежки. — Внутренние органы не задеты, — бормотал он про себя, — Будем надеяться, перитонит ему не грозит.

Человек издал негромкий стон, но дыхание его стало более спокойным, веки смежились — он засыпал.

— Хорошо сработано, — Чао взглянул на Лику и в его глубоких глазах промелькнуло одобрение. — Давай следующего!

Вопреки ожиданиям Лику, пандарен проигнорировал все еще громко стонущего парня с распоротой кольчугой на груди, перейдя к пострадавшему с отрезанным ухом.

— Вина! — прорычал Чао двум стражникам, поддерживавшим пострадавшего. — И побольше!

Ему подали кожаную флягу, которую он открыл и стал лить содержимое на рану, смывая кровь и грязь.

— Где его ухо? — спросил пандарен.

— Так... отрубили ж! — пояснил кто-то.

Чао кинул гневный взгляд на вжавшегося в угол стражника. — Дубина! Я спрашиваю, где его отрубленное ухо!

Стражники нервно переглянулись.

— Ищите, не стойте столбами! — рявкнул на них пандарен, — Лица...

Лица, кивнув, снова положила руки на голову раненому и закрыла глаза. Второй раз у неё получилось уже быстрее — знакомое ощущение покалывания в кончиках пальцев и струящееся тепло под ладонями.

Кровотечение остановилось, но Чао хмурился. Он заставил пострадавшего лечь, и попытался нащупать своей лапой пульс на его запястье.

В это время стражник подал ему окровавленную тряпицу, в которой было что-то завернуто. Чао развернул её и извлёк оттуда серый бесформенный комочек, ничем не напоминавший человеческое ухо.

Стражник нервно сглотнул и отскочил в сторону.

Пандарен аккуратно промыл отсеченный орган, и, приложив его к ране, тщательно зафиксировал повязкой.

— Если повезет, возможно, потом ему смогут помочь и сохранить ухо, — сказал он Лице.

— Я могла бы попро...

— Нет! — пандарен покачал головой, — Мы и так потеряли время, а эта рана не из самых опасных. Кроме того, нам нужно экономить твои силы.

— Да успокойся же ты, наконец! — это уже относилось к парню с разорванной кольчугой, стоны которого заглушали все остальные звуки.

Чао промыл остатками вина его рану, что заставило человека снова разразиться криками.

— Царапина, — пробурчал пандарен, — Кольчуга его спасла... Однако... — он вглядывался в лицо юноше, — У него сильный шок... Тут потребуется твоя помощь, но много силы не расходуешь, достаточно будет погрузить его в легкий сон.

Снова, как и в Старом Квартале, Лика помогала пандарену, переходя от одного пострадавшего к другому, поддерживая их своей энергией, стараясь облегчить боль и влить в них капельку своих сил. Чао бинтовал раны, накладывал лубки из обломков мебели на переломанные конечности, вливал в рты капли микстур и делился запасами травы.

Лика обратила внимание, что количество раненых не уменьшалось — из проема, ведущего в подвалы, появлялись стражники, выносящие новых пострадавших. Её начинало знобить, несмотря на близость факелов и духоту в караулке; руки и платье были вымазаны кровью, она чувствовала, что усталость накатывает на неё волнами.

За её спиной раздались голоса, показавшиеся ей знакомыми.

— ...по периметру оцепления вспышек боевой активности не зафиксировано, квартал взят в кольцо, выходы из города перекрыты...

Полуобернувшись, она увидела капитана Сэмюэльсона, облаченного в полный боевой доспех, с непокрытой головой, отчитывающегося перед высоким, коротко стриженным мужчиной средних лет, с хмурым, несколько болезненного вида лицом, серебристыми висками и властным взглядом серых глаз. Доспехи его отличались от кирас стражников — львиная голова выглядела более массивной, а наплечники были украшены искусной резьбой, придававшим им форму крыльев.

Человек рассеянно слушал доклад Сэмюэльсона, окидывая беглым взглядом раненых и Лику с Чао.

— Где начальник тюрьмы? — отрывисто спросил он. Голос у него был низкий, немного глуховатый.

— С вашего позволения, сэр, — вмешался один из стражников, — Он здесь, сэр...

В противоположном углу караулки находилась пара незамеченных ранее Ликой топчанов. Сейчас они были сдвинуты вместе и покрыты пропитанными кровью плащами. Теволтер лежал на импровизированном ложе, хрипло дыша. Нагрудник его был смят и деформирован так, что снять его естественным путем не представлялось возможным, глазная повязка была содрана и через всё лицо и пустую глазницу проходили две глубокие кровавые борозды.

Второй глаз выглядел заплывшим, кроме того, часть волос на голове тюремщика была срезана вместе со скальпом, и запекшиеся потоки крови покрывали лицо.

Сэмюэльсон с присвистом втянул воздух сквозь зубы. — Проклятые твари! — выругался он, — Теволтер!

Человек на топчанах издал невнятный стон, услышав своё имя; заплывший глаз заворочался в узкой щели, пытаясь разглядеть присутствующих. При виде капитана и его спутника тюремщик зашевелился, и попытался приподняться на локтях, но закашлялся и, выплюнув сгусток крови, откинулся назад на своё ложе. — Полковник Клэй, сэр — невнятно прохрипел он.

— Лежите, Теволтер, — распорядился тот, к кому он, по-видимому, обращался.

И, повернувшись к Сэмюэльсону, добавил: — Где штатные клирики? Почему ему до сих пор не оказана помощь?

— Где сестра Лилиан? — в свою очередь, поинтересовался капитан у стражников.

Ответом было молчание. — Да отвечайте же, Саргерас вас раздери! — взорвался

Сэмуэльсон.

Один из стражников, долговязый детина с лицом, покрытым оспинами, нервно откашлялся.

— Сэр... На неё напал сам Хоггер... Там... Там от неё...

Лицо юноши перекосилось, он зажмурился и выдохнул: — Мы побоялись её трогать, сэр...

Капитан побагровел. — Да что, демоны вас всех побери, с вами такое?! Вы стражники, или тряпки, в конце концов?! Сержант, возьмите себя в руки!

— Простите, сэр, — подал голос седоватый стражник, — Мы выносили в первую очередь тех, кто еще хотя бы дышал. Эти твари разодрали живьем Понкса и Гарфилда, там весь коридор в их остатках...

— Достаточно, — устало проронил человек, которого звали Клэем, — Сэмуэльсон, вы послали за соборными клириками, или, хотя бы, гарнизонным капелланом?

— Так точно, сэр! — кивнул капитан. Они должны быть здесь с минуты на минуту... Вот только....

— Да?

— Здесь есть сестра Ордена, и один из наших городских целителей, пандарен...

— Да хоть гоблин! Если он может помочь — пусть делает свою работу! — буркнул Клэй.

— Сестра, господин пандарен, прошу вас, — обратился к ним капитан.

Лица словно в тумане приблизились к хрипящему Теволтеру. Мысль о том, что сестра Лилиан, с которой она совсем недавно познакомилась, только что погибла ужасной смертью, почти парализовала её — мозг отказывался в это верить.

Чао, словно чувствуя её состояние, мягко поддерживал её под руку.

— Грудная клетка, должно быть, цела — словно издали доносились до неё слова пандарена, — Возможно, сломана пара рёбер, но без специального инструмента доспех не снять, хотя благодаря ему он ещё жив... На лице раны поверхностные, задели вскользь... Лица, ты могла бы...

Словно сомнабула, она возложила руки на голову Теволтера, и контакт возник почти мгновенно, словно сам собой. Она почувствовала, что очередная порция сил покидает её, и ноги становятся совсем ватными. Кажется, Чао оттеснил её от Теволтера, чьи-то заботливые руки усадили её на какой-то ящик.

— Пропустите! — невысокий человек в серой тунике протискивался между стражниками.

Она смутно помнила его по службам в Соборе — кажется, он проходил послушание где-то в городе.

— Брат Сарно! — Клэй кивнул ему делая жест рукой по направлению к топчану.

Человек, цокая языком и покачивая плешивой головой, склонился над Теволтером.

— Лица, — встревоженная морда пандарена склонилась над ней, — Ты можешь идти? Нам пора выбираться...

Лица кивнула, и опираясь на лапу пандарена, проследовала к выходу из караулки.

— Я оставлю тебя здесь, под присмотром, — торопливо проговорил Чао, — Подожди меня тут, я ненадолго...

— Куда ты? — слабо запротестовала Лица.

— Хочу убедиться, что в подвалах не осталось никого из раненых, — озабоченно сказал

пандарен, — В такой суете и панике стражники вполне могли что-то упустить, а счет времени может идти на секунды...

— Я пойду с тобой! — Лика разом забыла об усталости и упреждающе мотнула головой.

Пандарен не стал спорить, только вздохнул. — Возьми вот это, — сказал он, протягивая ей пучок травы, — Пожуй немного — это поможет восстановить немного сил.

Их никто не сопровождал, Чао нёс в лапе факел, Лика жалась как можно ближе к пандарену.

Они прошли довольно далеко по коридору, когда услышали глухие стоны, раздающиеся из глубины одной из камер. Чао качнул головой. — Этого-то я и опасался, — проговорил он.

Однако, пострадавший не оказался ни стражником, ни даже представителем одной из уже виденных до этого Ликой рас. На полу камеры лежал огромный человекоподобный монстр с бычьей головой, свирепо обнаживший зубы при виде пандарена и гномки, приблизившихся к нему.

— Один из узников... — пробормотал Чао, — Надо же, я и не предполагал, что в буреградской тюрьме содержится таурен...

— Почему мы не окажем ему помощь? — недоумевая, спросила Лика, когда Чао двинулся дальше по коридору.

— Его раны не самые тяжелые, — рассеянно отвечал пандарен, — И у этой расы невероятная выносливость. А для того, чтобы договориться с ним, нам понадобится целая вечность — они столько же упрямы, сколько живучи...

За следующим поворотом они, буквально, едва не наступили на распростертое тело гнолла, лежащего на полу. Несколько арбалетных болтов торчали из его туловища — видимо, королевская стража не только несла потери.

Здесь повсюду на полу была кровь, к обилию которой Лика уже начинала привыкать.

Чао повёл факелом по сторонам и в свете его отблесков мелькнуло что-то белое в углу.

У Лики замерло сердце. Сестра Лилиан лежала на полу у самой стены, навзничь, с повернутой набок головой. Когда Лика увидела рану на её груди, она поняла, что имел в виду долговязый стражник.

Лохмотья ткани, кожа, мышцы и сухожилия представляли собой одно сплошное кровавое месиво.

Застывшая поза и бледность кожи сестры в неровном свете факела выглядели неестественными, словно перед ними лежала восковая кукла.

Лика закрыла глаза. Она уже пожалела, что пришла сюда. Лучше бы сестра осталась в её памяти такой, какой она её запомнила — живой и красивой.

Однако, Чао, казалось, не разделял её чувств — укрепив факел в металлическом обруче на стене, он склонился над телом девушки, зачем-то обнюхивая его.

Встревоженная им крыса метнулась прочь, задев Лику по ногам и заставив её вскрикнуть.

Чао не обратил на это ровно никакого внимания.

— Лика! — сказал он неожиданно изменившимся голосом, — Помоги мне...

— Чао! — Лика испугалась, — Что с тобой?!

— Кажется, она ещё дышит... — промолвил пандарен.

Чао нёс на лапах безжизненное тело девушки, Лика торопливо семенила перед ним, освещая дорогу, поскользываясь и спотыкаясь.

Им уже оставалось пройти несколько шагов, как впереди раздались знакомые голоса.

— ...целители должны бродить по вашим катакомбам в одиночку, медные вы чайники? А если там внизу еще остались гноллы?!

— Там внизу остались одни лишь трупы, господин дворф, о чем ваших коллег поставили в известность, и если им приспичило проверить это — их право!

Ореол света факела выхватил из темноты кирасу капитана Сэмуэльсона и бритые головы братьев-дворфов.

Ли́ка почувствовала, что её охватывает волна облегчения — осознание того, что эти безбородые коротыши снова были рядом, внушало ей спокойствие и некоторую теплоту.

— Ли́ка! — Вилли первым кинулся к ней, — И ты, Чао! Что...

Дворф разглядел ношу пандарена и ахнул. — Сестра Лилиан!

Девушку уложили прямо на полу караулки, расстелив лишь пару плащей (так распорядился Чао), дворфы и пандарен склонились над ней вместе.

— Господин капеллан! — обратился Чао к брату Сарно, — Вы не могли бы оказать нам помощь...

Брат Сарно, подойдя, нахмурился и покачал головой.

— Боюсь, здесь уже ничего не поделать, — вздохнул он, — Вы же сами видите её состояние.

— Но я чувствую пульс, — упрямо возразил пандарен, — Он очень слабый, но он есть!

— Остаточная сердечная деятельность, — отвечал капеллан, слегка разводя руками, — Пытаться её реанимировать — это потенциальная потеря времени и сил, фактически, она мертва...

Билли плюнул на пол. — Потеря времени, говоришь, — процедил он, — А ну, давай, братишка!

Братья принесли с собой сумки из Атуина, которые Ли́ка заметила только сейчас.

В одной из них оказался огромный шприц и набор с тонкими длинными иглами.

Пока Вилли возился с иглой, пытаясь попасть ей в какое-то ему одному ведомое место под кожей на руке девушки, Билли закачивал в шприц раствор из одной из банок.

— Готово! — бросил он.

— Есть, — отозвался Вилли.

Присоединив шприц к игле, Вилли начал медленно давить на поршень шприца, постепенно перекачивая жидкость из него в тело Лилиан.

— Что они делают? — прошептала Ли́ка Чао, перебиравшему склянки в сумке.

— Она потеряла много крови, — пояснил пандарен, — Нужно восстановить объём кровопотери, чтобы сердцу было что качать...

Он покачал головой. — Но кровопотеря — не единственная проблема... Есть еще рана, и, возможно, яд...

— Я попробую помочь! — Ли́ка шагнула к братьям и распростертому перед ними телу девушки.

Чао поймал её за руку. — Ты уже еле держишься на ногах! Сейчас даже незначительное усилие способно свалить тебя, а здесь потребуется такое количество внутренних ресурсов, что и для отца Оккама это может оказаться непосильной задачей... К тому же, ты ведь слышала, что сказал брат Сарно.

Чао, наконец, вытащил из сумки нужный ему флакон, вскрыл его одним движением и вылил содержимое на заранее приготовленную льняную ткань.

Внимательно следя за действиями дворфов, он осторожно приложил повязку к ране на

грудь Лилиан.

Братья озабоченно переговаривались.

— Пульс пропадает, — бросил Вилли, — Билли, нож готов?

Билли кивнул, и вытащил из той же сумки устройство, более всего напоминавшее складной перочинный нож, размером с кинжал.

Пощёлкав лезвиями, дворф вытащил из его корпуса два длинных серебристых проводка с металлическими клеммами на концах.

Обе клеммы он закрепил на груди Лилиан чуть ниже повязки.

— Давай! — скомандовал Вилли, отпрядывая в сторону от тела девушки. Билли надавил на какой-то рычажок, и голубоватая вспышка, пробежав по проводкам, словно молния ударила в грудь сестры.

— Еще раз, — озабоченно сказал Вилли, пытаясь нащупать пульс на шее девушки.

Еще разряд, еще одна молния, и снова без эффекта.

Вилли начал было массировать грудь, но Билли остановил его, покачав головой.

Чао вздохнул.

В этот момент Лика решила. Обогнув пандарена, она опустилась на колени у головы Лилиан, и, закрыв глаза, обхватила её холодный лоб руками.

Она сразу почувствовала струящуюся энергию, стекавшую с кончиков её пальцев, но этого тепла было недостаточно, чтобы растопить лёд под её ладонями.

В её уме возник образ сестры Лилиан, когда она впервые увидела её из-за решетки камеры — именно из её уст прозвучали тогда первые слова поддержки, которые она слышала в этих стенах, не считая Штепселя.

Приток тепла усилился, и Лика почувствовала, как расход её сил сразу же возрос на порядок.

Где-то внутри неё мелькнул страх — что будет, если она отдаст все свои силы, сможет ли она вернуться сама в мир живых?

Однако, уже в следующий миг она подавила в себе этот страх гневом на то, что думает о расчете в этот момент.

«Жить. Лилиан должна жить!»

Лика зачерпнула остатки сил. На секунду перед её мысленным взором предстал отец Оккам.

«Только когда сердце твое станет звучать в унисон...», — слышала она.

«Лилиан, пожалуйста, живи...»

Вспышка света.

Звёздное небо. Пропасть под ногами. Бесконечный холодный простор.

Она почувствовала, что теряется в этой бесконечности, словно растворяется в ней.

И в тот момент, когда гномка уже начала забывать, кто она и откуда, до неё донесся далёкий отзвук музыки — точнее, ритм. Где-то на задворках её сознания промелькнул образ старого шамана.

И снова Свет. Ясный ровный свет, где-то далеко впереди, словно в конце тоннеля.

Вспышка. Запах горелой кожи. Стон.

Лика открыла глаза. Она всё еще стояла на коленях, руки её лежали на голове сестры Лилиан, но гномка почти не чувствовала их. До неё не могло дойти сразу, что было не так в окружающей её среде.

Почему дворфы смотрят на неё застывшими взглядами, почему стих гомон голосов?

Чьи-то мягкие лапы опустились на её плечи. Чао?

В наступившей тишине отчетливо и громко прозвучал стон. Сестра Лилиан открыла глаза.

Ли́ка не помнила, как она оказалась на улице. Свет луны серебрил стены древнего каземата, а отблески костров окрашивали их основание в багровый цвет.

Она стояла у входа в тюрьму, напротив неё взволнованно и торопливо наперебой затыгивались наспех свернутой папиросой дворфы.

Чувства постепенно возвращались к ней. Нахлынули запахи — дыма костров, табака дворфов, вонь от сваленных неподалеку тел гноллов.

Её затопшило. Она провела по лицу ладонью, испачканной в чужой крови. Вилли заглянул ей в лицо и, поколебавшись, протянул гномке папиросу.

Ли́ка машинально взяла её, и попробовала затянуться так, как это делали дворфы.

Поперхнувшись, закашлялась и выронила папиросу на землю.

Билли похлопал её по плечу. — Ты молодец, — сказал он, — Утёрла нос этому капеллану!

— «Остаточная деятельность!» — передразнил он брата Сарно.

Появился Чао, неся на лапах сестру Лилиан, в сопровождении капитана Сэмюэльсона. Девушка выглядела значительно лучше, кожа её порозовела, страшная рана была тщательно перебинтована.

Следом за ними показались несколько стражников, волочащих на импровизированных носилках из плащей чье-то огромное тело.

— Сестру Лилиан нам придется забрать к себе, — промолвил Чао, — Хотя её жизнь сейчас вне опасности, ей еще понадобится помощь и уход. Рядом с Собором это будет организовать намного проще.

— А это еще что за чучело? — осведомился Билли, кивая в сторону носилок.

— Это... Это тауренский вождь, — вздохнул Чао, — Его, по всей видимости, нам тоже придется пока временно приютить.

— Под вашу ответственность, господин пандарен! — вмешался Сэмюэльсон, — И не забудьте представить письменный акт принятия заключенного, за подписью брата Склифа!

— Одинова борода, — покачал головой Билли, — Пойду-ка я за Атуином. Капитан, распорядись, чтобы нас пропустили!

Самуэльсон нахмурился, явно раздраженный фамильярным оборотом дворфа, но поглядел на Чао, с каменным выражением морды, держащего сестру Лилиан, и промолчал. Потом он перевел взгляд на Лику и черты лица его разгладились.

— Вы сделали большую работу, сестра, — сказал он, — От лица королевской стражи Буреграда, выражаю вам благодарность, которая также будет направлена в официальном письменном виде в секретариат архиепископства.

Ли́ка почувствовала, как сердце её учащенно забилося. Несмотря на кошмар пережитой ночи, внутри неё что-то пело и ликовало — у неё получилось!

Она еще не до конца осознавала происшедшее, ей срочно требовался отдых, но ощущение радикальной перемены, произошедшей с ней не покидало её, и она не понимала, радуется ли это, или пугает.

— Капитан, — осмелев, произнесла она вслух, — Что, всё-таки, здесь произошло? Как гноллы сумели выбраться из камер?

Сэмуэльсон снова помрачнел.

— Вообще-то, — сказал он, поколебавшись, — Это конфиденциальная информация... Но, поскольку, завтра об этом все-равно будет говорить весь город, пожалуй, лучше, чтобы вы знали факты. Эти твари оказались на свободе не случайно — их выпустили из камер мятежники гномы, во время нападения.

— Нападения? — переспросил Чао.

— Гномы? — ахнула Лика.

Капитан мрачно кивнул. — Уличная банда под предводительством хорошо известного нам неформального главаря по кличке Штепсель. По всей видимости, атака была тщательно спланирована заранее, время было выбрано для гарнизона крайне неудобное — конец недели, да еще и во время пересменки. Кроме того, как вы могли и сами видеть, личный состав оказался полностью не готов к подобному сценарию, хотя подобная ситуация должна была тщательно отрабатываться на учебных тревогах. В сущности, Теволтер ещё дешево отделался, попав под раздачу — полковник Хаммонд Клэй в гневе будет пострашнее Хоггера...

Услышав снова это жуткое имя, Лика содрогнулась. В памяти всплыли гигантская фигура гнолла в окружении беснующихся тварей, жуткие клыки и когтистые лапы, и мерзкий пронзительный хохот. Внезапно, она догадалась, чем именно были нанесены такие страшные раны стражникам. Но Штепсель... Лика не могла поверить, что её соотечественник, которому она, к тому же уже дважды была обязана спасением, мог добровольно объединиться с этими монстрами против людей и помогать им...

Из размышлений её вывел звук мотора Атуина, приближающегося к ним. Рядом с машиной галопом мчался всадник в доспехах солдатского образца.

— Конный эскорт! — хохотнул Вилли, туша окурков.

Однако, всадник, обогнав притормаживающего Атуина, резко осадил взмыленного коня у тюремных ворот, и, соскользнув с него, стремительно бросился вниз по ступеням, даже не взглянув на стоящих капитана, со стражей, Лику и пандарена с дворфом.

Сэмуэльсон проводил его настороженным взглядом, и направился следом, кивнув целителям на прощание.

— Раз-два — взяли! — скомандовал Билли, берясь за носилки.

Общими усилиями четверых стражников и двух дворфов, им удалось закинуть глухо мычащего и ворочавшегося во сне таурена.

— И где ты, Чао, его только выискал на наши спины, — пыхтел Вилли.

— Лучше бы кота бездомного подобрал, — поддержал его брат, — Если уж так переживаешь о всякой больной живности.

Чао, бережно перекладывая Лилиан на некоторое оставшееся свободное место в телеге, лишь укоризненно глянул на дворфов.

— Лика, — обратился он к гномке, — Для тебя тут еще хватит места, заодно присмотришь за сестрой в дороге...

Приглушенные возбужденные голоса, раздавшиеся из каземата, заставили его оборваться на полуслове. Топот шагов, звон доспехов.

Дворфы вскинулись и подобрались поближе к Чао.

— Лика! В телегу, быстро! — скомандовал пандарен.

Но не успела Лика положить руку на борт Атуина, как в просвете дверей появилась широкоплечая фигура Хаммонда Клэя, в сопровождении капитана Сэмуэльсона, брата Сарно

и пары офицеров.

На остававшимся доселе почти бесстрастным лице полковника сейчас застыло изумление, смешанное с яростью. Капитан Сэмюэльсон был бледен, брат Сарно таращил глаза, казалось, не понимая, что вообще происходит вокруг.

— Вы! — палец кольчужной перчатки уперся в Лику и Чао, — Едете с нами! Немедленно!

— Но позвольте, полковник... — начал было Чао, однако, Клэй наградил его таким убийственным взглядом, что пандарен почел за лучшее закрыть пасть. Было в выражении лица стоящего перед ними военачальника что-то такое, что, казалось, физически давило на окружающих.

— Коней! — приказал полковник, — Живо!!

— А как же наш чоппер? — не выдержала Лика, — Мы не можем оставить его тут! У нас же вещи...

Полковник кивнул головой одному из сопровождающих их офицеров, и тот, сорвавшись с места, опрометью бросился в направлении, указываемом Ликой.

— По седлам! — скомандовал Хаммонд Клэй. Капитан Сэмюэльсон подхватил брата Сарно и усадил его впереди себя. Чао завел мотор, Лика обхватила руками теплые мягкие бока пандарена.

— Куда мы едем? — спросил пандарен. — За нами! — отвечал Сэмюэльсон.

Это была одна из самых странных поездок в жизни Лики. Чоппер тарахтел и подпрыгивал на камнях мостовой, то вырываясь вперед, то отставая от конной кавалькады, подстраиваясь под её темп. Гнедой скакун Клэя несся ровной стремительной рысью, по бокам от него скакали офицеры, а рыжий конь капитана Сэмюэльсона с двумя седоками замыкал арьергард.

Лика уже относительно неплохо ориентировалась в географии города, и могла видеть, что они направлялись в сторону торгового квартала, экономического сердца Буреграда. Ей оставалось только гадать, что могло произойти в тюрьме за время их отсутствия, и для чего полковник заставил их следовать за ним. Они не успели разместить и закрепить вещи, поэтому просто свалили их в люльку, так что ей пришлось ехать позади Чао, что лишало её возможности обсудить с ним происходящее. Впрочем, в такой спешке и темноте им все равно вряд ли удалось бы толком поговорить.

Слева мелькнул фасад парикмахерского салона, процессия пронеслась по темному переулку, заставив броситься врассыпную несколько бродячих котов, выехала на главную рыночную площадь города и остановилась у каменных ступеней, ведущих к высоким дверям, над которыми располагалась вывеска с огромной вырезанной из дерева розой, покрытой облупившейся золотой краской. Как следовало из названия, перед ними была таверна «Позолоченная роза».

У входа в здание находилось несколько стражников, и офицер, вытянувшись во фронт при виде полковника и капитана. Не обращая на них никакого внимания, Клэй взбежал по ступеням и рывком распахнул дверь. Капитан Сэмюэльсон, брат Сарно, Лика и Чао последовали за ним.

Они оказались в просторном зале, большая часть которого была заставлена деревянными столами, с перевернутыми на них сверху стульями. Обширная дубовая барная стойка, обитая полосками меди у стены, за которой высились полки, уставленные шеренгами кружек, бокалов и бутылок. Рядом со стойкой находилась женщина зрелых лет, с

ярко рыжими волосами, уложенными в стильное каре. На её плечи был наброшен линялый дорожный плащ, прямо поверх ночной рубашки. В руке она держала стакан, из которого в момент появления гостей она делала очередной глоток.

Двое стражников, расположившихся на стульях около стойки, синхронно подскочили и почтительно вытянулись при виде командиров.

— Господин полковник! — женщина бросилась им навстречу, и, остановившись на половине дороги, внезапно разрыдалась.

— Где? — коротко спросил Хаммонд Клэй.

— Наверху, сэр! — отозвался один из стражников, — Разрешите проводить?

— Нет! Оставайтесь здесь. Никого не выпускать, входы и выходы из таверны перекрыть до моих дальнейших распоряжений, — полковник, тяжело ступая, уже поднимался по лестнице.

— Чего вы замерли? — это уже адресовалось Лике, Чао и, очевидно, брату Сарно.

Капитан Сэмуэльсон, помедлив несколько секунд, двинулся за ними следом.

На втором этаже таверны располагались комнаты, по-видимому, сдаваемые внаём.

Одна из дверей была приоткрыта, рядом с ней дежурило еще двое стражей.

Не отвечая на их приветствия, Хаммонд Клэй проследовал прямо в комнату.

Изнутри она оказалась небольшой, но со вкусом обставленной. Незаправленная деревянная кровать с балдахинном у стены. Медная ванная в углу. Слегка покосившийся шкаф. Маленький столик у кровати.

Окно было приоткрыто, и занавески колыхались на сквозняке.

На полу у окна лежал ничком человек, высокого роста, крепко сложенный с огненно-рыжей копной густых волос. Голова его была повернута в сторону двери, и, казалось, он смотрел на вошедших с немым укором в застывших синих глазах.

Капитан Сэмуэльсон издал приглушенный вздох. Брат Сарно что-то шептал, перебирая пальцами. Чао сокрушенно покачал головой. И только Хаммонд Клэй, приблизившись к лежащему телу, опустился перед ним на колени, и затормошил его за плечи.

— Маркус! — голос полковника дрогнул.

— Что вы встали?! — рявкнул он на замерших целителей, — Для чего вас сюда привезли?!

Чао осторожно приблизился к ним, за ним последовала Лика и капеллан.

Склонившись над телом, пандарен обнюхивал лицо мужчины, одновременно ощупывая лапами руки и шею.

Клэй напряженно следил за ним.

— Мне жаль, полковник, — сказал Чао, выпрямившись, — Он мертв уже, по крайней мере, около двух часов.

— Этого не может быть! — полковник потемнел лицом, — Он был здоров как таурен! Сделайте же что-нибудь! Пусть вот она, — он указал на Лику, — Возложит на него руки; она же смогла спасти эту сестру из тюрьмы!

— Это невозможно, — покачал головой Чао, — В случае с сестрой Лилиан, та была еще жи...

— Молчать!! — рявкнул Клэй в бешенстве, — Здесь я решаю, что возможно, а что нет! Пусть делает, что приказано!

— Мне очень жаль полковник, — тихо отвечал пандарен, глядя человеку в глаза, — Но,

при всем сочувствии квашей утрате, даже архиепископ буреградский не сможет оживить остывший труп, не говоря уже об этой маленькой гномке, истратившей почти все свои силы на лечение королевских стражников...

Он поднялся с колен и отступил. Хаммонд Клэй еще несколько секунд буравил его взглядом, наконец, опустил глаза.

— А вы, капеллан? — глухо спросил он, — Вы тоже ничего не можете сделать?

— Увы, господин полковник, — капеллан поклонился, — Боюсь, в данном случае я вынужден согласиться с господином пандареном...

Хаммонд прикрыл глаза.

— Господин полковник, — капитан Сэмуэльсон, молчавший все это время, шагнул к нему.

— Вольно, Сэмуэльсон, — проговорил Клэй, не глядя на него. Он положил руку на лоб лежащего перед ним мужчины.

— Маркус... — повторил он снова. Провел рукой по лицу умершего и прикрыл ему глаза.

— Спи спокойно, старый товарищ, — прошептал он и поднялся на ноги.

Лицо его снова приняло прежнее спокойное выражение, только в уголках губ залегли жесткие прямые складки.

— Вы можете определить, от чего он умер? — обратился он к целителям.

— Я не учуюл запаха яда, — отвечал пандарен, — Но, полагаю, брат Сарно сможет установить это точнее.

Капеллан согласно кивнул и, приблизившись к телу, наклонился и, с кряхтением перевернул его на спину. Лица отвернулась.

— Следов яда я не ощущаю, — подал голос клирик через несколько секунд, — Судя по всему, и принимая во внимания, кхм, обстоятельства, возможно предположить сердечный приступ...

— Сердечный приступ?! — прогремел Клэй, — Да он мог сутки напролет рубиться на поле с орками, а после этого еще столько же кутить в трактирах с маркитантками!

— Собственно, именно подобный образ жизни и способствует, так сказать... — бормотал капеллан.

Чао поднял с кровати простыню, подошел к телу и накрыл его. Внезапно, он наклонился и что-то поднял с пола.

— Что там у вас, господин пандарен? — подал голос бдительный Сэмуэльсон.

Вместо ответа Чао протянул ему шелковый платок. Сэмуэльсон брезгливо взял двумя пальцами и повертел в руках.

— Ни инициалов, ни следов крови, — проворчал он, — Ничего необычного...

Чао кивнул, но Лица обратила внимание, что пандарен незаметно упрятал платок в один из карманов жилета.

— Значит, вы уверены? — спросил Клэй. Брат Сарно утвердительно кивнул головой.

Чао помедлил и пожал плечами. — Я ведь не профессиональный целитель, — сказал он, извиняющимся тоном, — Всё, что я могу заключить в данном случае — это то, что генерал мертв, и что я не слышу запаха яда. Боюсь, сестра Лица, которая находится еще только в начале своего профессионального пути, вряд ли сможет сказать больше, чем уважаемый брат Сарно...

Лица кивнула, не в силах отвести взгляд от бесформенно осевшей простыни у окна, из-

под которой торчали ноги.

— Перед тем, как мы покинем это помещение, — сказал полковник, — Запомните: никому не слова о том, что вы здесь видели. Вам ясно?

— Разумеется, господин полковник, — Чао смотрел на Клэя светлым взглядом, — Мы понимаем всю серьезность ситуации.

Они спускались по лестнице молча, только брат Сарно беспрестанно вздыхал и покачивал головой.

Заплаканная хозяйка таверны о чём-то вполголоса переговаривалась со стражниками, опираясь на барную стойку и по-прежнему держа в руке бокал. Рядом с ней стояла ополовиненная бутылка.

Капитан Сэмуэльсон подошел к ней и начал что-то негромко говорить ей.

— Прошу вас успокоиться, госпожа Аллисон, — донеслось до них.

Хаммонд взглядом приказал стражникам покинуть зал. Дождавшись, пока за ними закроется дверь, а тихо причитающая Аллисон скроется на кухне, он повернулся к Сэмуэльсону.

— Нужно перевести тело генерала во дворец, — выдохнул он, — Мы не можем допустить, чтобы это стало достоянием общественности...

Сэмуэльсон сдвинул шлем на затылок. — Лошади у нас есть, — проговорил он, — Только вот уже начинает светать... На улицах появятся люди. Нужна закрытая повозка, но где её взять в такую рань?

Лица уже открыла рот, чтобы предложить солдатам воспользоваться Атуином, но Чао опередил её.

— Прошу прощения, что вмешиваюсь в ваш разговор, — сказал он, — Но, насколько я понимаю, именно в это время в городе обычно ездит повозка, которая служит как раз для таких целей...

Полковник взглянул на Чао с подозрением, но лицо капитана, напротив, прояснилось.

— Именно, — сказал он, — Труповозы! Их как-раз подгоняли к крепости, когда мы уезжали.

Полковник скривился. — Генерал Джонатан Маркус, главнокомандующий гарнизоном Буреграда, кавалер королевских орденов, заслуженный ветеран и мой боевой товарищ будет ехать в какой-то вонючей телеге, в которой перевозят бродяг?!

— Но у нас нет другого выхода, — возразил Сэмуэльсон, — Пригнать сюда труповозку — самый быстрый и простой способ. К тому же, она наверняка не вызовет подозрений, так как никому и в голову не придёт, чьё тело может находиться в телеге.

— Чем раньше вы доставите тело генерала в Замок, тем быстрее сможете воздать ему необходимые почести, — заметил Чао.

Полковник сдался и безвольно махнул рукой. — Поступайте, как считаете нужным, капитан. Я полагаюсь на ваше решение.

— Господин пандарен, — обратился Сэмуэльсон к Чао, — Я отдаю себе отчет в том, что вы, разумеется, крайне утомлены, но вынужден обратиться к вам с еще одной просьбой. Ваше средство передвижения быстрее наших лошадей, так вот не могли бы вы...

Чао молча кивнул. — Конечно, капитан, — сказал он, — Это самое малое, что мы можем сделать для генерала.

— В таком случае, прошу вас поторопиться, — заговорил Клэй, — У нас мало времени, скоро здесь будет не протолкнуться от зевак, и придется стягивать сюда войска, чтобы

проложить через них дорогу. Ох, Маркус, Маркус, какая нелёгкая занесла тебя в эту таверну...

В каком-то смысле, Лике и Чао повезло. Им не пришлось возвращаться к крепости — телега, покрытая черной холстиной повстречалась им неподалеку от речного канала, примерно на середине пути.

Возница, седобородый дворф, дремавший на облучке, сжимая в руках вожжи, долго не мог взять в толк, чего от него требуется.

— Сначала в Старый город вызывают, потом срочно к тюрьме гонят, теперь вот в центр, — ворчал он.

— Тебе приплатят, дед, — утешил его пандарен.

Наконец, тот развернул лошадь, и провожаемый взглядом Чао, двинулся в сторону торговой площади.

Когда телега проезжала мимо Лики, холстина, прикрывавшая груз, съехала в сторону, и Лика невольно кинула взгляд на открывшееся взгляду тело.

Она едва не вскрикнула, узнав щуплое маленькое тельце, с темно-красной рваной раной на шее, лежавшее поперек телеги.

Рыжая борода и волосы, порванный в нескольких местах плащ с алой подкладкой и красный балахон. Невидящим взглядом на Лику смотрели стеклянные глаза гнома Шпакля из таверны «Забитый ягненок».

Чао заметил, как она изменилась в лице, но, проследив направление её взгляда, истолковал его по-своему.

— Ты совсем вымотана, — сказал он, — Нужно доставить тебя в Собор как можно скорей.

Он запустил лапу за пазуху, потом стал шарить по карманам в поисках травы, и вытащил наружу платок, подобранный им в таверне.

На пару секунд он задержал на нём взгляд, а затем снова аккуратно припрятал его обратно, но на этот раз Лика явственно ощутила тонкий аромат сирени и ещё чего-то сладкого, исходивший от платка.

Внезапно, она почувствовала, что ноги её подкашиваются.

Чао подхватил её и бережно уложил в люльку чоппера. Лика хотела возразить, что прекрасно справится сама, но веки её отяжелели и, секунду спустя, она уже погрузилась в сон.

Пандарен покачал косматой головой и уселся за руль. На затянутом темно-сизыми тучами небосклоне уже проступали багровые разводы рассвета.

Чоппер затрещал и понесся по мосту через канал, навстречу высящимся за ним шпилям Собора Света.

Глава 10. Утренние хлопоты

— И да воссияет Свет в сердцах ваших, всегда, ныне и присно-оо...

Экзарх Оккам перевёл дух, передавая партию хору.

Солнечные лучи падали на алтарь через высокое стрельчатое окно, ориентированное на восток, образуя на покрытой парчой поверхности золотистый полумесяц. Блики света играли на покрытых золотом кубках, вспыхивая разноцветными огнями в глубинах граней драгоценных камней, придавая службе какую-то неземную красоту и легкость.

Обычно он отдыхал душой именно в эти моменты, словно растворяясь в сиянии света, ощущая всем сердцем близость Наару, и исполняясь веры в то, что они действительно не забыли свой народ изгнанников-скитальцев.

Однако, сейчас экзарх ощущал только тяжесть служебного хитона, давящего на плечи, ноющую ломоту в пояснице и покалывание в ногах от долгого стояния.

Он устало потер рукой слезящиеся от дыма благовоний глаза. Ему удалось подремать всего пару часов, до начала ранней службы, а ночь отняла огромное количество сил.

Кроме того, на сердце словно лежал камень, он не мог отделаться от ощущения смутной, неясной тревоги, охватившей его после вчерашнего разговора с братом Склифом.

События, произошедшие позже, лишь укрепили это чувство и теперь его беспокойство перерастало в стойкое предчувствие опасности, источник которой он затруднялся определить, что лишь усиливало внутреннюю тревогу.

Служба подошла к концу, сослужащий ему брат Джошуа вышел на амвон, чтобы раздать благословения потянувшимся к нему немногочисленным молящимся.

Отец Оккам с облегчением стянул с себя тяжелые служебные одеяния, оставшись в легком подряснике, на который накинул свою обычную повседневную тунику.

За его спиной раздалось осторожное покашливание.

— Чего тебе, Томас? — дреней вопросительно посмотрел на молодого служку, уставившегося на него синими, как небо глазами.

— Ваше попечительство, — веснушчатый мальчишка широко улыбался щербатым ртом, — Вам просили передать, что архиепископ хочет вас видеть.

Отец Оккам вздохнул. — Хорошо, Томас, спасибо. Я немедленно отправлюсь к его высокопреосвященству.

Предстоящая встреча его отнюдь не порадовала. Едва ли предстоятель стал бы вызывать его с самого утра, чтобы сообщить что-то приятное.

Секретарь архиепископа встретил его понимающим взглядом и кивком головы предложил подождать в кресле. Странно, что в это время у его высокопреосвященства были еще посетители.

Попечительский совет? Встреча с меценатами? Высокопоставленное духовное чадо?

Время тянулось медленно, экзарх рассеянно наблюдал за тем, как секретарь перебирает бумаги на столе, делая на них какие-то быстрые пометки пером и сортируя их на несколько стопок.

Наконец, дверь, ведущая в личные покои архиепископа Бенедикта отворилась, и на пороге возник незнакомый экзарху высокий, изысканно одетый человек, с тонкими чертами лица, аккуратно завитыми волосами каштанового цвета и остроконечной рыжеватой

бородкой.

Мельком глянув на поднявшегося с кресла дренея, он едва заметно кивнул ему, снял с вешалки тёмно-серый плащ, и накинув его на плечи на ходу, стремительно удалился по коридору.

Оккам бросил вопросительный взгляд на секретаря, который, пожав плечами, чуть заметно развел руками и кивнул в сторону кабинета.

Экзарх постучал. — Благословите, Ваше Высокопреосвященство!

— Свет да осветит вас... Входите, отец экзарх!

Архиепископ Бенедикт в белых одеяниях, с прямой, как шпиль собора спиной, восседал на краешке высокого стула за широким столом из красного дерева.

Лицо его хмурилось, но было ли это выражение связано с появлением экзарха, или же являлось последствием разговора с предыдущим посетителем, оставалось для дренея неясным.

Внимательный взгляд глубоко посаженных тёмных глаз архиепископа задержался на фигуре экзарха.

— Ваше высокопреосвященство, — повторил Оккам, наклоня голову в поклоне.

Архиепископ кивнул, указывая бледной жилистой рукой на стул напротив.

Сведя тонкие пальцы домиком он пристально изучал дренея, глядя на него поверх них.

— Как вы себя чувствуете, отец Оккам? — осведомился архиепископ, чуть подавшись вперёд.

— Благодарю, ваше высокопреосвященство, — дреней кашлянул, — Благодарение Свету, вашими молитвами, моё здоровье по-прежнему крепко.

Владыка Бенедикт покивал головой. — Рад видеть, — заметил он, — Что служение Свету вдали от родных мест не умалило ни вашей физической крепости, ни ревности духа. Впрочем, — архиепископ улыбнулся уголками губ, — Сила Света действует повсеместно, и столь же неизменна, как и основы нашей веры.

Отец Оккам склонил голову в знак согласия, гадая про себя, что могла означать эта преамбула.

— И одним из краеугольных камней этой веры, отец экзарх, как вы и сами неустанно напоминаете об этом в своих блестящих проповедях, является послушание, — продолжал архиепископ, не сводя с дренея внимательного взгляда. — Именно послушание дает нам возможность познания пути, ведущего к состоянию полной свободы духа, свободы от власти демонов и порождений Бездны.

— Воистину так, — отец Оккам поднял взгляд и встретился глазами с архиепископом.

— Как ваш архипастырь и предстоятель буреградской церкви, я вынужден спросить вас, отец экзарх, что именно и для чего побудило вас, без моего ведома, самочинно увлечь дюжину клириков минувшей ночью, подвергая опасности не только самого себя, но и жизни вверенных вам служителей Света? — взгляд архиепископа сделался колючим, в голосе послышалась сталь.

Отец Оккам вздохнул.

— Прошу прощения, владыка, я, безусловно должен был известить вас и испросить вашего благословения, но, к моему глубокому сожалению, обстоятельства были таковы, что дело не терпело отлагательств. Брат Склиф...

— Брат Склиф! — архиепископ откинулся на спинку стула.

— Именно... — дреней чувствовал себя неловко, — По стечению обстоятельств, я

оказался в курсе произошедшего чрезвычайного происшествия в Старом Городе и, учитывая его массовость и потенциальный риск, взял на себя ответственность за принятие экстренного решения...

Архиепископ покачал головой. — Насколько я понимаю, — заметил он, — Речь идёт о массовом отравлении молодых горожан в одном из мест сборищ тех заблудших душ, которые забыли о путях Света.

Экзарх снова вздохнул. — На тот момент, ваше высокопреосвященство, мои мысли были более поглощены спасением их тел, нежели чем наставлением на истинный путь их душ.

— И это, разумеется, похвально, — мягко сказал архиепископ, — Безусловно, ваше рвение — это признак истинного служителя Света. Однако, всякое дело познается по плодам. Итогом вашего самочинного благодеяния стала спасенная девица, которую сейчас опекают наши сестры, да просветит её Свет. Но знаете ли вы, отец экзарх, что, буквально, сразу после вашего возвращения в Собор обратились за помощью из ставки командования? Что в городской тюрьме разразился не то бунт, не то вооруженный захват, в пандаренском квартале — вспышка пожара, в город были стянуты войска, а количество раненных королевских стражников и солдат оказалось сопоставимо с боевой операцией? Что сегодня я вынужден отчитываться перед полковником Хаммондом Клэем о причинах, по которым более половины штата кафедральных клириков оказались выведены из строя, с истощенными ресурсами, а я об этом узнаю последним! Вы знакомы с полковником Клэем, экзарх? Он вполне способен расценить непредоставление помощи в подобной ситуации, как саботаж, со всеми вытекающими последствиями, по закону военного времени. Вы поставили меня в крайне щекотливое, если не сказать — опасное положение, отец экзарх!

— Простите, ваше высокопреосвященство, — покрасневший дренией от волнения начал говорить с сильным акцентом, — Это целиком и полностью моя вина! Я готов лично предстать и отвечать перед ставкой...

Архиепископ взирал на поникшего экзарха со смесью сожаления и строгости во взгляде.

— Боюсь, от вашего предстояния будет мало пользы, — вздохнул он, — Однако, по трагическому для всех стечению обстоятельств, полковнику сейчас не до тюремного бунта. У города проблема посерьёзнее — этой ночью при загадочных обстоятельствах скоропостижно скончался главнокомандующий Буреграда, генерал Джонатан Маркус.

Отцу Оккаму это имя мало что говорило, однако высокий чин покойного не мог не вызвать у него удивлённо-недоверчивого возгласа.

Архиепископ кивнул. — Печальное известие и весьма тревожное. Генерал был опытейшим военачальником и надёжной опорой нашего молодого монарха, да осияет его Свет... Последствия его смерти для города и королевства могут быть... непредсказуемы. Вы меня понимаете, отец экзарх? Именно сейчас, как никогда, нам необходимо сплотиться, твердо держась основ нашей веры, и, в первую очередь — послушания. Вы понимаете, Оккам?

Дренией утвердительно кивнул. — Я приложу для этого все усилия, ваше высокопреосвященство!

Архиепископ пожевал губами. — Нам предстоит непростое время, отец Оккам, — сказал он, — Возможно, потребуется мобилизация всех наших ресурсов. Кстати, у меня для вас есть и приятная новость.

Он взял со стола свиток пергамента со сломанной печатью, развернул его и подал дрениею.

Отец Оккам пробежал глазами каллиграфические строки, выведенные, по-видимому, штатным канцелярским писцом.

— Благодарность за проявленное мужество и мастерство выпускницы школы? — с удивлением прочитал он вслух.

Архиепископ, слегка улыбаясь, кивнул.

— Гномка Лика... — экзарх нахмурился. — Она же должна была...

— Что? — вопросительно приподнял брови архиепископ.

— Н-нэт, ничего... — отец Оккам вздохнул и вымученно улыбнулся, — Я волнуюсь за неё, ваше высокопреосвященство. У городской службы целителей последнее время слишком большая нагрузка...

Архиепископ развел руками. — Насколько я помню, это была ваша идея, отец экзарх — посылать туда на послушания наших учащихся. Но вы, действительно, правы, городской службе необходимо усилить штат. Брату Склифу... понадобится помощь. Нужно рассмотреть возможности резерва.

Отец Оккам кашлянул. — Раз уж мы заговорили об этом, владыка, есть еще кое-что, о чем меня просил Аргуин.

— Да? — архиепископ едва заметно нахмурился.

— Этой ночью мы столкнулись с проблемой распространения в городе отравляющего дурмана, известного, как «демоново колено». Некая организация добавляет его в курительные смеси и распространяет по всему Буреграду. Единственным доступным антидотом является растение *Asphyxius Simplus*, в народе именуемый удавником. У городской службы острая проблема с ресурсами, и я обещал...

Показалось ему, или нет, что архиепископ кинул быстрый тревожный взгляд на входную дверь?

— Об этом не может быть и речи, — архиепископ отрицательно покачал головой, — Вы же сами только что сказали, экзарх, что данный ресурс является уникальным, а, следовательно, в условиях стремительно развивающейся эпидемии — стратегическим. Мы не можем распорядиться им без учёта возможных последствий, особенно сейчас.

— Но, владыка, наших запасов достаточно, чтобы...

— Это не обсуждается, отец экзарх, — архиепископ Бенедикт поднялся со стула, давая понять, что аудиенция подошла к концу.

— Да, ваше высокопреосвященство, — скрепя сердце, ответил Оккам, также поднимаясь и склоняя голову, чтобы принять благословение.

Архиепископ покачал головой. — Вижу, что в глубине души вы не согласны с моими словами. Однако, со временем вы поймёте, что задача предстоятеля — не только решать сиюминутные задачи, но и уметь видеть перспективу.

Шум, доносящийся из коридора оборвал архиепископа на полуслове. Голоса раздавались всё громче, и, поневоле прислушивающийся к ним экзарх, уловил возмущенный женский молодой голос, и знакомый ему срывающийся фальцет секретаря. Архиепископ нахмурился и протянул уже руку к звонку, стоящему на его столе, когда дверь в кабинет распахнулась, и на пороге появилось сразу несколько человек.

Невысокий, плотный брат ордена Кассий выглядел раскрасневшимся, и нервно утирал пот со лба.

Из-за его плеча выглядывал округлившимися глазами секретарь, а между ними находилась юная дреныка, доставленная непосредственно Оккамом в Собор этой ночью.

Дрнейка выглядела взъерошенной и возбужденной, яркие зеленые глаза её сверкали; засунув руки в карманы кожаного с металлическими заклепками жилета, он с вызовом уставилась на опешивших иерархов, в немом изумлении взиравших на эту картину.

Первым опомнился архиепископ.

— Что здесь происходит?! — спросил он.

— Вашвысокопресцесво... — низенький человечек отдувался и обильно потел, — Эта подопечная отказывается от лечения и опеки! Она требует, чтобы её немедленно отпустили, а, поскольку у нас нет никаких данных о её попечителях...

— Я сама себе попечительница! — перебила его дрнейка, мотнув головой с парой изящных рожек, — Я здорова и не собираюсь лежать в этой вашей палате и пить всякие дурацкие микстуры! Я свободная дрнейка в свободном городе, и протестую против того, чтобы меня тут удерживали!

Архиепископ, вздёрнув брови, взирал на дрнейку, как на неведомого удивительного зверька.

Секретарь, будучи еще более бледным, чем обычно, корчил Оккаму страшные рожи.

— Насколько я понимаю, — произнёс ледяным тоном архиепископ, — Это и есть та самая пострадавшая девица, которую вы, отец экзарх, этой ночью передали на попечение сёстрам?

— Эти ваши сёстры — глупые насадки! — вмешалась дрнейка, прежде чем Оккам успел открыть рот, — Они всё время толкуют про Наару, что они нас не забыли и повторяют одно и то же! Аркенон порос! Крона кай крестор!

— Элисия! — отец Оккам, наконец, пришёл в себя, — Как ты разговариваешь с владыкой!

— Меня зовут не Элисия! — отрезала дрнейка, — Это не моё имя, его придумали в приюте, когда меня туда отдали! Меня зовут Оппай!

Экзарх прикрыл на секунду глаза. «Только бы владыка не знал, что это означает на эредарском!» — мысленно взмолился он.

— Вашэ высокопреосвященство, — заговорил он, — Я приношу свои извинения за это юное дитя, и немедленно свяжусь с сёстрами приюта, для установления ответственных опекунов...

Архиепископ покивал. — Будьте так любезны, отец экзарх, — сказал он. — И в следующий раз прошу вас помнить, то, о чём мы с вами говорили.

Оккам почти силой вытолкнул из кабинета Элисию вместе с её провожатым и секретарем.

Дрнейка гордо вскинула голову и показала брату Кассию язык.

Ли́ка проснулась оттого, что яркий луч солнца бил ей прямо в глаза.

Она села на кровати, сонно жмурясь, и, потянувшись, с удивлением обнаружила, что находится не в своей привычной ученической келье, а в просторном помещении, с рядами одинаковых деревянных коек, и окнами, выходящими прямо в хорошо знакомый ей тенистый дворик. Кроме того, запах, стоявший в помещении также безошибочно подсказал ей, что где-то неподалеку находится кухня, на которой мог готовиться только борщ, и только одной единственной знакомой ей пандаренкой. Она соскочила с кровати, обнаружив свою тунику висящей на её спинке, выстиранной и выглаженной. Ли́ка охватила волна теплой благодарности к Мирте, успевшей с раннего утра позаботиться и о ней.

Слабый стон, раздавшийся с кровати напротив, привлёк её внимание.

Лилиан выглядела гораздо лучше, чем ночью, но все равно была очень бледна. Массивная повязка на её груди, выглядевшая неуклюжей, была темно бурой от крови. Лица подошла поближе и склонилась над пострадавшей.

— Сестра Лилиан! — позвала она, — Вы меня слышите?

Девушка открыла глаза, встретилась взглядом с гномкой и утвердительно дважды сомкнула веки.

— Пить... — еле слышно прошептала она.

— Сейчас, сейчас!

От волнения, Лица не сразу заметила стоявший рядом на деревянной тумбочке ковшик с водой. Она поднесла его к губам целительницы, одновременно поддерживая её за плечи и стараясь немного приподнять тяжелую для неё девушку.

Лилиан сделала глоток и тут же закашлялась, упав на подушки, едва не повалив вместе с собой маленькую гномку и расплескав при этом воду. На губах её появились пузыри розовой пены.

Лица ахнула и беспомощно застыла, не зная, что делать. К счастью, приступ кашля длился всего несколько секунд, потом целительница затихла, прикрыв глаза. Лица постояла еще немного, наблюдая за ней, чтобы убедиться, что она дышит. Скрипнула дверь и на пороге появилась Мирта, с тазом воды в руках, от которой шёл пар, и сверкающими белизной полотенцами, перекинутыми через плечо.

Увидев гномку, стоящую рядом с Лилиан, она чуть не выронила таз.

— Лица! — пандаренка поставила свою ношу на соседнюю тумбочку и, всё-таки, всплеснула лапами.

— Тебе нужно лежать и восстанавливать силы! Чао рассказал мне...

— Мирта! — перебила её Лица, бросаясь навстречу, обнимая её и зарываясь лицом в теплый мех пандаренки, — Так здорово, что ты здесь, и я — тоже.

— Конечно, я здесь, — фыркнула Мирта, — Где же мне еще, по-твоему быть? Кто-то же должен кормить вас и стирать ваши одеяния, пока вы заняты спасением жизней. Она лукаво усмехнулась, глядя лапой гномку по голове.

— Как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, со мной всё нормально, — гномка подозрительно шмыгнула носом, — Только голова немного кружится...

— Тебе надо поесть, — заметила Мирта, извлекая откуда-то из кармана передника ломоть ноздреватого хлеба с румяной корочкой, — Вот, это я сегодня утром пекла.

Лица впиалась зубами в хлеб, который показался ей самой вкусной едой, которую она когда-либо пробовала. Пандаренка покачала головой, улыбаясь, наблюдая за ней.

— Сейчас будем обедать, — сказала она, — Только закончу с перевязкой.

— Я помогу! — Лица поспешно проглотила кусок и спрятала остатки в карман.

Мирта кивнула, погружая одно из полотенец в воду и аккуратно отжимая его.

— Только не вздумай использовать свои силы, — предупредила она.

Вода в тазу оказалась не обычной, а отваром из каких-то листьев.

Наблюдая, как Мирта сначала смачивает им старую повязку, потом кладёт на неё влажное горячее полотенце, Лица с грустью подумала о том, что её сил хватает совсем ненадолго, и, очевидно, ей еще очень многому предстоит учиться.

Когда они снимали старые пропитанные кровью бинты, Лилиан снова застонала, но

пандаренка положила ей лапу на голову и принялась что-то приговаривать на своём языке, из которого Лика не понимала ни слова, но речь звучала размеренно и убаюкивающе, так что Лириан постепенно успокоилась и снова заснула.

Рана выглядела ужасно, но, хотя бы, уже не кровила.

Мирта покачала головой. — Нужен опытный целитель, — вздохнула она, — Если она не получит необходимой помощи ближайшее время, останутся шрамы и рубцы. Для девушки её возраста это беда.

— Отец Оккам, — начало было Лика, но Мирта махнула лапой.

— Соборные клирики, конечно, хороши, но здесь нужен особый специалист. Боюсь, в Буреграде таких не найти... Ладно, я уверена, брат Склиф сможет что-нибудь придумать.

— Что ж, — она подняла таз с остатками отвара и грязными бинтами, — Я отнесу это на кухню и возьму лекарства для нашего второго пациента. С ним должно быть попроще.

— Второго? — Лика недоуменно огляделась по сторонам.

— А таурена-то ты и не заметила, — рассмеялась Мирта, указывая лапой в сторону койки, на которой, как показалось Лике, лежала груда старых матрацев.

Присмотревшись, она обнаружила, что под кучей тряпья на кровати угадывались очертания огромного тела, а то, что она приняла за пару шерстяных одеял, оказалось косматой гривой огромной головы быка, частично выглядывающей из-под одеял.

— Он...спит? — понизив голос до шёпота спросила Лика.

Мирта кивнула. — Чао усыпил его еще в тюрьме, а потом ему дали снотворное, правда, я не уверена насколько ему хватит выбранной дозы. Мы ориентировались на порцию для мушана... Ну, я пошла.

Лика рассеянно кивнула, не сводя глаз с размеренно поднимающейся и опускающейся горы одеял на кровати.

Когда, спустя четверть часа, она вышла на крыльцо, её охватило ощущение удивительного покоя, словно она снова была дома. Ставший уже родным двор в сени густых деревьев, дворфы, расположившиеся в тени, чопперы, припаркованные неподалеку от крыльца...

Лика поискала взглядом Атуин, но его нигде не было видно. Тем временем, её появление не прошло незамеченным для братьев, которые приветствовали её радостными возгласами.

— Как самочувствие, сестричка? — Вилли заглянул ей в глаза с некоторой тревогой, — Вчера, когда Чао принёс тебя, ты была совсем никакая — я уж испугался, что что-то случилось!

— Что с ней будет! — усмехнулся брат, — Лика — кремень девчонка! Настоящая буреганка!

— Гномка, — сердито поправила его Лика, — Я — гномка! Слышать не хочу этих дурацких названий!

Буреградское толерантное наименование её расы неприятно напомнило ей о Штепселе, но сейчас ей не хотелось думать ни о нём, ни о Шпакле.

— Смотри-ка, — хмыкнул Билли, — Уже характер прорезывается! Вот что значит боевая школа!

— А где Чао? — спросила Лика, желая перевести разговор на другую тему.

Братья разом посерьёзтели. — Уехал в квартал к пандаренам, — нехотя буркнул Билли.

— Вызов? — Лика переводила взгляд с одного брата на другого.

— Не совсем, — Вилли вздохнул, — Понимаешь, когда мы приехали туда вчера, там творился какой-то хаос. Само-собой, не обошлось без спайса, но понять, кто там был под травой, а кто — нет, было попросту невозможно — все носятся, галдят чего-то на своём языке, дети путаются под ногами, короче — бардак!

Какой-то пандарен чуть на нас не набросился, ну, Билли пришлось двинуть ему разок для острастки, тот в рёв, другие набежали; стражи-то, как всегда, там днём с огнём не сыщешь, хорошо, Склиф появился вовремя.

— Брат Склиф? — Лика удивилась, — А я-то думала, он торопился к тюрьме, и еще удивлялась, почему его там не было видно...

Билли пожал плечами. — Короче, он что-то им там прорычал на ихнем, и они сразу притихли. Склиф велел нам ехать к вам, а сам опять куда-то исчез. Вроде как, искал кого-то.

Лика призадумалась. Получалось, что брат Склиф отсутствовал не только в тюрьме, но и в пандаренском квартале; что же, в таком случае, еще могло совершиться этой ночью, что потребовало непременно присутствия воргена?

— Ну вот, — продолжал между тем Вилли, — А утром выяснилось, что в пандаренском квартале ночью произошел пожар. Чао, как услышал, так сам не свой стал — завёл Атуин и уехал, никому ничего не сказав.

— Переживает за сородичей, — вздохнул Билли, — У них же там, почитай, каждый друг-другу родственником приходится в каком-нибудь колене.

Внимание Лики тем временем привлекла фигура дрены, появившаяся из-за угла дома. Дрений направлялся в их сторону, и, по мере приближения, Лика узнавала знакомые черты шамана, запомнившиеся ей еще со времени их первого знакомства: разноцветные косички бороды, кожаная куртка-безрукавка, перехваченные тесьмой длинные седоватые волосы, и обилие плетеных украшений на руках.

— Гляньте-ка, — усмехнулся Билли, — Давненько не видались, Пых! Какими судьбами? Шаман обменялся с дворфами рукопожатиями, склонил голову перед Ликой и на секунду задержал на её лице внимательный взгляд глубоких мерцающих глаз, цвет которых было трудно определить.

Ей показалось, что он чуть заметно подмигнул ей, словно намекая на что-то, известное только им обоим.

— Как прошла ночь? — спросил он.

— Замечательно! — Вилли сплюнул, — Стоило этому медноголовому пожелать нам доброй ночи, и нам не пришлось сомкнуть глаз до утра...

— Да, здорово нас помотали, — вздохнул Билли, — А теперь еще у нас в бараках этот тауренский вождь... Кстати, Лика, как он?

Лика неопределенно пожала плечами. — Он всё время спит, — сказала она, — Рань множественные, но Мирта говорит, что все они не опасные и жизненно важные органы не задеты. Всё, что ему пока нужно — это покой и сон.

— Ага, — проворчал Билли, — А еще, когда он проснется, потребует жратвы... И будет замечательно, если он не разнесёт половину барачков.

— Сочувствую вашему нелегкому труду, — произнёс дрений, — Собственно, если я могу быть чем-то полезен...

— Забери к себе таурена? — предложил Билли.

Пых усмехнулся. — Думаю, он неплохо бы вписался в нашу группу. Нам как раз не хватает хорошего ударника на больших барабанах... Но я имел в виду более скромные

задачи, например, такие, как эта.

С этими словами, шаман снял с плеча сумку и вытащил из неё несколько пучков трав, перехваченных жгутами.

— Вот, это — все запасы удавника, которые мне удалось достать, — сказал он, — С настоем, к сожалению, помочь не получилось.

— И за это спасибо! — покачал головой Вилли, принимая от Пыха пучки трав.

— Кстати... — шаман помедлил, — По поводу Элисии — той девочки-дренейки, которую забрал отец Оккам...

— Она, должно быть, в Соборе, — заметила Лика, — Там хорошие условия и очень добрые сёстры!

— Если честно, именно это-то меня и беспокоит, — вздохнул дрений, — Собственно, я собираюсь навестить её, а ещё я хотел бы повидаться с вашим Чао...

Билли махнул рукой. — Ищи его в пандаренском квартале! Но лично я бы не советовал тебе туда сейчас соваться.

Шаман покивал. — Что ж, я, пожалуй, пойду, — сказал он, — Нужно узнать, что там с Элисией. Она неплохая девочка... В глубине души.

С этими словами он улыбнулся и, развернувшись, зашагал в направлении, откуда появился.

— Что-то я не совсем понял, — пробормотал Билли, — Зачем ему понадобился Чао?

— Лика! — брат Склиф в своем человеческом обличье стоял на крыльце.

Лику поразила необычайная бледность его лица и глубоко залегшие иссиня-черные круги под глазами.

Когда она подошла ближе, ей бросилась в глаза некоторая несвойственная нервозность в облике воргена, проявляющаяся в морщинах, прорезывающих лоб, суточной небритости и горящем взгляде воспаленных глаз.

— Почему ты здесь? — ворген, нахмурившись, глядел на неё, — Ты должна была вернуться в Собор!

— Я...я не помню, как оказалась тут, — призналась гномка, — Я уснула в чоппере, когда мы возвращались с Чао.

Ей пришла на ум мысль рассказать воргену о гноме, и о подслушанном ей накануне разговоре, но Слиф выглядел настолько усталым, что она решила, что сейчас не самый удачный момент.

— Возвращайся в школу, — ворген потёр рукой переносицу, — На сегодня у тебя выходной, отдохни и приведи себя в порядок, кроме того, у тебя, кажется, есть еще занятия?

— Но ведь... — Лике стало обидно, что минувшей ночью она ездила и работала наравне со всеми, а теперь её отправляют в школу, как обычную ученицу. А ведь именно она спасла накануне сестру Лилиан!

— Чао уехал, шеф! — подал голос Билли, — Вообще-то, помощь нам бы не помешала...

— Будет вам помощь, — отрезал ворген, — По распоряжению его высокопреосвященства ректора, штат городской целительской службы будет усилен в ближайшее время. Сегодня ожидается прибытие бывшего капеллана, небезызвестного вам отца Зебория...

— Зеборий?! — ахнул Вилли.

Билли расхохотался. — Его высокопреосвященство и вправду очень о нас печётся!

Однако, под мрачным взглядом брата Склифа, тут же посерьёзnel. — То есть, я хотел

сказать — мужик-то он неплохой, — поправился он.

— Ли́ка, — ворген повернулся к гномке, — После обеда отправишься в Собор!

— Не обсуждается, — прибавил он, заметив, что гномка раскрыла рот.

Развернувшись, он исчез в глубине дома.

Вилли сочувственно похлопал гномку по плечу. — Он не в духе, — утешил он её, — Да и прав, в общем-то — тебе сейчас нужно восстановить силы, а не мотаться по вызовам. Завтра придёшь.

Ли́ка, набычившись, передернула плечами. Здесь все решали за неё, что ей лучше, а что — нет!

— Лично я бы на твоём месте был бы только рад, — вздохнул Билли, — Поесть и отдохнуть — с удовольствием бы поменялся!

— А кто такой этот отец Зебо... как его? — спросила Ли́ка.

— Зеборий! — Билли расплылся в широкой улыбке, — Настоящий капеллан, не то что этот рохля Сарно!

— Вы его знаете? — Ли́ка с любопытством уставилась на дворфов.

— Ну, а то! — Билли рассмеялся, хлопнув себя по колену. — Он же, как-никак, наполовину дворф!

— Наполовину?

— Ну да! — Билли усмехнулся, — По отцу. Тот еще, говорят, был охотник!

Вилли махнул рукой. — Болтать, известно, горазды! Хорошая у них семья была, так, по крайней мере, Зеборий сам мне рассказывал. Жили они в Дунь-Мороке, отец охотой промышлял, это да. А Зеборий получил образование в Сталеграде, и служил там же. Потом по программе развития дворфо-человеческих отношений был переведен в Буреград, служил при Соборе.

— Служил? — переспросила Ли́ка.

— Ну... дворф замялся, — Официально, он сейчас за штатом. Вроде как на покое, почетный целитель в Приюте Безумных.

— Конечно! — фыркнул Билли, — После того случая, архиепископ его за штат и вывел!

— Какого такого случая? — любопытствовала Ли́ка.

— Ээ... — Билли нерешительно поглядел на брата, и махнул рукой. — Все равно ведь узнает, — сказал он. Так уж лучше от нас...

Ли́ка, заинтригованная, переводила взгляд с одного брата на другого.

Вилли вздохнул. — Понимаешь, — начал он, — Мы тогда еще только начинали работать, молодые были. Вот, дают нам как-то вызов, в дворфийский квартал. Приезжаем, там дворфиха такая... — Вилли развёл руками, как бы обрисовывая размеры бочки средних размеров.

— Ну, спрашиваем у неё, что, значит, случилось. «Не у меня, — говорит, — у дочки хворь приключилась. Совсем плохо ей, значит». Смотрим: всё как полагается, дочка — копия мамы, разве что в обхвате еще пошире. «Поела, говорит, накануне, в гномском ресторанчике, живот вот прихватило, да так, что не разогнуться». Ну, у гномов известно чем кормят — ты уж, извини, Ли́ка, но фастфуд у них сомнительный, прямо скажем. Видим с брательником, лежит деваха, стонет, за живот держится, бледная вся, осмотреть не дается толком. А тут мамаша еще над душами стоит, да требует, чтобы мы, значит, дочку спасали незамедлительно.

— Я хотел её там и оставить, — заметил Билли, — И так бы оно, глядишь и лучше было

бы... Пожевала бы травки, а потом...

— Не перебивай! — возмутился Вилли, входя во вкус повествования, — Короче, почесали мы бороды (тогда они у нас еще были), да и поволокли её в Собор (бараков в те времена еще не построили). Приезжаем, а там нас как-раз отец Зеборий встречает. Как всегда, после кружечки.

Увидел нас с дворфкой и давай потешаться: «Что вы, говорит, остолопы, привезли мне. Её к сёстрам везти надо было, в повивальный корпус!»

Ли́ка непонимающе нахмурилась. — То есть, она...

Билли кивнул. — Как есть, на сносях была! Пока Зеборий над нами смеялся, у ней схватки в полную силу начались — пришлось ему самому роды и принимать прямо там. Ну, девчонка родила парня крепенького, Зеборий сестёр позвал, возится там, значит, а мы во дворик — покурить.

Стоим, языками чешем, как же он сразу углядел-то, и как мы пропустили такое дело. А тут как-раз мамаша подкатывает, вся в мыле, пыхтит, как паровоз. «Где, говорит, девочка моя ненаглядная, я ей покушать домашнего принесла». Ну, мы и говорим ей, что так, мол, и так — девочка ваша в положении, стало быть, оказалась — поздравляем с внуком. А та, как услышала, аж взбеленилась!

«Быть, говорит, такого не может, и всё тут! Я, дескать, свою кровинушку холила и лелеяла, она у меня только книжки читает, а вы на неё такой поклёп возводите!» Ну, мы переглянулись, плечами пожали, да и отправили её к отцу Зеборию.

— А он? — Ли́ка уже не знала, смеяться ей, или краснеть.

— А что он? Зеборий — мужик простой, открытым текстом ей сказал, что, значит, девочка ваша вовсе и не девочка уже давно, потому как маленькие дворфята сами по себе в животах не появляются, даже от гномской кухни!

— Ну, он это ей немного по-другому объяснял, — ухмыльнулся Билли, — В общем, выскочила она оттуда красная и злая вся. «Я, говорит, архиепископу буду жаловаться на вашу контору — забирали, мол, здорового ребёнка, а вернули с приплодом!»

Ли́ка недоумённо воззрилась на братьев.

— Да клянусь! — Билли стукнул себя кулаком в грудь, — Мы сначала сами не поверили — думали, на эмоциях, всё такое. Так нет же! Она такую петицию накатала — на четырёх листах! Нам брат Склиф зачитывал потом избранные места...

— Брат Склиф?

— Так нас она тоже обвиняла! — Вилли хмыкнул, доставая папиросу, — Потом-то нам не до смеха уже было — целую комиссию собирали, официальный разбор проводили, все дела. Нас, конечно, Склиф выгородил, а вот Зеборию досталось по полной.

— Но... За что же?! — Ли́ка непонимающе смотрела на дворфов.

Билли махнул рукой. — Официально — не нашёл подхода к матери пациентки, находившейся в тяжелой стрессовой ситуации, нарушение деонтологии и целительской этики. Ну, и у владыки Бенедикта на него зуб уже давно имелся, уж больно Зеборий на язык неводержан бывал, да и заложить любил за бороду. Вот и ушли его, так сказать, по собственному ходатайству...

Пока Ли́ка осмысливала услышанное, из бараков показалась Мирта, позвавшая их к столу.

Билли уже в нетерпении постукивал ложкой по столу, с вожделением глядя на большой чугунок, от которого исходил ароматный пар, когда хорошо знакомый писк кристалла

раздался из-за пазухи его жилета.

— Да чтоб тебя! — выругался он, глядя на светящийся тревожно-бордовым цветом кристалл, — Поесть ведь не дадут!

Вилли, сокрушенно вздохнув, с обреченным видом распихивал по карманам хлебные корки.

— Может, успеете всё-таки? — сочувствующе предложила Мирта.

Билли покосился на дверь в коридор, ведущего к кабинету брата Склифа.

— Извини Мирта... Мы бы с радостью, конечно, но тут красный код, и Склиф этого не одобрит.

— Далеко? — подал голос Вилли.

— Ремесленный квартал, — вздохнул брат, — Похоже, опять отравление...

Ворча и переговариваясь между собой, дворфы покинули кухню.

Ли́ка проводила их взглядом с оттенком сожаления — ей было всё-таки обидно, оттого, что её не берут с собой. Впрочем, поставленная перед ней Миртой миска аппетитно пахнущего борща заставила её отвлечься от внутренних переживаний.

Не успело за дверью смолкнуть тарахтенье чоппера, как снова послышался шум мотора, по звуку которого Ли́ка безошибочно определила Атуин.

И, действительно, минутой позже, в холл ввалился Чао, перепачканный машинным маслом и копотью, распространяя вокруг себя запах гари.

При виде брата, Мирта всплеснула лапами. Пандарен устало сбросил кожаный жилет и полез под раковину, отфыркиваясь и тряся головой; Мирта принесла в ковшике еще теплой воды и свежее полотенце. «Когда она только успевает их наглаживать?» — пронеслось в голове у Ли́ки.

— Ну, что там? — спросила пандаренка, тревожно глядя на Чао.

Тот вздохнул. — То же, что и с другими. Только табак был трубочный.

Мирта ахнула. — И... и сколько...

Чао покачал головой. — К счастью, то ли из-за другой текстуры и состава табака, то ли из-за особенностей физиологии нашей расы, воздействие спайса было не столь выраженным. Сначала наблюдалось возбуждение, агрессивность, необычное поведение — братья как-раз попали на эту фазу. Потом, как правило, крепкий глубокий сон. Возможно, всё бы и обошлось, если бы не злая случайность...

Чао помолчал. — Помнишь Сюэня? — спросил он Ли́ку.

— Того пандарена, который напал на нас с ножом? — Ли́ка передернула плечами, — Такое не сразу забывается!

— Ну, речь не о нём, а о его бабке Лю, которую ты могла видеть тогда у них. Она, несмотря на свой преклонный возраст, держит торговую палатку в торговом квартале, где торгует травами, которые сама же и выращивает, в том числе и табаком.

Ли́ка нахмурилась. — То есть...

Чао пожал плечами. — Случайность, или нет, но именно она, по-видимому, сама выкурила больше всех, и заснула с трубкой в зубах. Возможно, уголёк попал на пол, так, или иначе, с их комнатухи, по словам соседей и начался пожар...

Мирта в ужасе покачала головой.

Чао печально кивнул. — К счастью, его вовремя заметили, и сумели справиться до того, как огонь охватил весь дом, но несколько пандаренов получили ожоги, кое-кто наглотался дыма, а саму Лю едва успели вытащить из горячей кухни, с обгоревшей шерстью и без

сознания. Я хотел забрать её сюда, но семья воспротивилась. Впрочем, там есть свои целители, хотя и не совсем традиционные, в понимании вашей школы.

Вздыхнув в очередной раз, пандарен сел за стол и придвинул к себе миску с борщом, которую Мирта наполнила до краёв.

— А где Склиф? — спросил он, отламывая здоровенную краюху от каравая.

Мирта махнула лапой. — Звала уже два раза. Заперся в кабинете, надымил так, что наши туманы облаками покажутся.

— Хм, — Чао наморщил лоб, — Я так толком и не поговорил с ним с ночи....

Стук в дверь прервал его мысль. Прежде чем кто-либо успел ответить, дверь отворилась и на пороге появилась дренейка. Чем-то она напоминала Пыха, возможно, стилем одежды. Тот же кожаный жилет с металлическими цепочками и кольцами, те же цветные плетеные браслеты и кожаные ремешки на руках. Голые плечи были покрыты причудливыми татуировками, в виде эредарских рун и драконов.

Лику не сразу узнала её, чего нельзя было сказать о Чао, который при виде неожиданной гостьи, удивленно поднял брови.

— Алоха, — сказала дренейка, и уставилась на пандарена яркими зелёными глазами.

Чао склонил голову набок. — Если не ошибаюсь... — начал он.

— Я тебя помню! — перебила его зеленоглазая дренейка, — Это ведь ты меня звал во сне!

— Ты почти оставила этот мир, — серьезно сказал пандарен, — И уже перешла грань. Если бы не отец Оккам...

— Его я тоже помню! — тряхнула чёлкой дренейка, — Но именно ты был там со мною! И еще — Пых.

— Почему ты не в Соборе? — спросил Чао, — Ты потеряла много сил и тебе следовало бы...

— Там скучно! — не терпящим возражения тоном возразила ему дренейка, — И вообще, вся эта бесконечная болтовня про Наару и их Свет просто бесит!

Лику начинала раздражать эта вызывающая девица, постоянно перебивающая пандарена.

— Вообще-то, — заметила она, — Если бы не отец Оккам и не сила Света, ты бы сейчас вряд ли бы здесь стояла...

Дренейка наградила её полупрезрительным взглядом и проигнорировала её замечание.

Подойдя к пандарену, она остановилась, глядя ему в глаза снизу вверх, потом неожиданно приподнялась на цыпочки, обхватила за шею и чмокнула в нос.

Мирта расхохоталась, Чао, казалось, слегка опешил, а дренейка, развернувшись, крутанула рогами и выскочила за дверь, слегка покраснев.

— Ну, Чао, — Мирта продолжала смеяться, — Кажется, у тебя появились поклонница!

Пандарен озадаченно потёр нос. — Такое чувство, что я уже где-то видел этот взгляд, — рассеянно сказал он, — Ох и глазищи! Он нахмурился, пытаясь вспомнить, но в этот момент кристалл, лежавший около него на столе вспыхнул оранжевым и запищал.

Пандарен вздохнул и с сожалением поглядел на остатки борща в миске.

— Что там? — Лику умоляюще глядела на пандарена.

Чао взгляделся в кристалл и на его морде появилось озадаченное выражение.

— Замок... пробормотал он, переводя на Мирту недоумевающий взгляд.

У Лику перехватило дыхание.

— Чао, — просительно прошептала она, умильно глядя на него, — Можно, я с тобой? Я могу повести Атуина, а ты в это время подремлешь...

Мирта покачала головой. — Тебе же надо быть в Соборе! — напомнила она.

Чао махнул лапой. — Она все-равно сделает по-своему, — философски сказал он.

— Ура! Спасибо, Чао! — Лика обняла пандарена и метнулась во двор.

— И чего тебе не сидится только, — покачал головой пандарен, усаживаясь рядом.

Лика усмехнулась, застегивая ремень шлема.

Атуин зарычал и покатился по улице, прочь от барачков.

Ворген, стоявший у окна, провожал его взглядом, крепко сжимая челюстями мундштук трубки.

Глава 11. Дела придворные

Нефритовые фигурки, расставленные на расчерченной косыми ромбами доске, переливались мягким зеленоватым блеском в полусумраке алькова, освещаемого светящимися бутонами цветов. Стены комнаты были образованы древесными стволами и переплетением их ветвей, почти скрытых под ковром из вечнозеленых листьев, так что отыскать полог, служивший входом, можно было лишь по двум резным чашам, отмечавших его границы. Голубоватые сгустки тумана клубились над каждой из них, придавая царящей атмосфере некоторую загадочность.

Высокий осанистый мужчина в чёрном камзоле и белой тонкой рубашке с манжетами, украшенными сверкающими запонками, в задумчивости крутил в руках резную фигурку улыбающегося пандарена, стоя у высокого одноногого столика, на котором располагалась доска.

Наконец, отставив фигурку, он кинул взгляд за окно, из которого открывался вид на небольшой бассейн с фонтаном, окруженный цветочными клумбами. Цветы, высаженные на них, были подобраны таким образом, что каждая из клумб обозначала определенный час.

В данный момент, раскрывшиеся бутоны выделяли клумбу, соответствующую девяти часам утра.

Из груди мужчины вырвался вздох, он нервно сцепил руки перед собой, хрустнул пальцами и что-то пробормотал вполголоса.

Глубокие горизонтальные морщины прорезали его высокий выдающийся лоб, обрамленный длинными густыми седыми прядями, падавшими на плечи. Несмотря на седину, возраст человека было трудно определить — он был из той породы мужчин, которые с годами, казалось, не стареют, а лишь приобретают особую зрелость и шарм.

Постояв так около минуты, он проследовал в глубину алькова, где рядом с резной деревянной кроватью находился еще один столик с вазами, полными фруктов, и округлым предметом, покрытым платком.

Мужчина сдернул платок, под которым оказался хрустальный шар, покоящийся на медной подставке. Поверхность шара была темной, но, в глубине граней можно было разглядеть едва заметную клубящуюся белую дымку.

Человек снова вздохнул, не глядя взял из вазы апельсин и стал аккуратно очищать его от кожуры.

Внезапно, поверхность шара вспыхнула и озарилась ровным матовым светом, издавая при этом мелодичный звон.

Мужчина отложил наполовину очищенный фрукт в сторону и склонился над шаром, вцепившись измазанными соком ладонями в столешницу.

Белый туман в глубине шара начал сгущаться, меняя формы и цвета.

Постепенно можно было различить смутные очертания лица человека, частично скрытого капюшоном. Мужчина вглядывался в шар, почти касаясь лбом хрусталя.

— ...лорд... — донеслось до него. Звук был слабый, с шипящими помехами и странным эхом.

Раздраженно нахмурившись, человек ударил кулаком по шару, отчего изображение лица в нём подернулось рябью, а шипение перешло в гудение.

Яростно мотнув головой, мужчина еще раз стукнул по шару, потом схватил его в руки и несколько раз энергично встряхнул.

Изображение прояснилось, лицо человека выглядело теперь более отчетливо, так что можно было различить длинные волосы и бородку, не скрытые капюшоном.

— Вы слышите меня, милорд? — голос человека в капюшоне звучал громче, но оставался шипящим, словно с придыханием.

— Слышу. Говори! — коротко отозвался седоволосый мужчина.

— Всё идёт в соответствии с выработанным планом, милорд. Товар успешно распространен. Мы контролируем рынок. Операция «штурм» выполнена идеально. Цепной пёс львёнка больше не лает...

При этих словах седовласый не смог удержать приглушенного возгласа.

— Осталось всего несколько пунктов, — продолжал голос из хрустального шара, — Всё уже подготовлено, наш высокопоставленный друг позаботится об этом. По предварительным прогнозам — вас будут ждать уже через неделю.

Вспышка торжества на секунду промелькнула в глазах человека, держащего в руках шар.

— Хорошая работа, Коготь, — проговорил он, — Твои усилия не останутся не оцененными.

Человек в капюшоне склонил голову. — Моя жизнь принадлежит вам, милорд...

Шар начал медленно гаснуть, изображение в нём снова стало расплывчатым, белый туман заволакивал его, складываясь в надпись, тянущейся в глубине бегущей строкой:

«Благодарим вас за использование Далай-Рамского магического видеокристалла версии 7.0.1.555. Пожалуйста, оцените качество связи...»

Седовласый человек вернул шар на подставку и накинул на него платок.

Его знобило. Он снова подошел к окну и распахнул узорчатые створки, вдыхая полной грудью свежий пряный воздух, насыщенный запахами цветов и дождя.

— Милорд... — проговорил он и губы его исказились в горькой усмешке, — Король без королевства...

В дверь осторожно постучали. Седоволосый поднял голову и расправил плечи.

— Входи, Лирий, — проговорил он.

Высокий эльф с фиолетовым оттенком кожи, в расшитой золотыми нитями накидке, пригнувшись, вошёл в комнату, разведя в сторону покрытые цветами лианы полога.

Густые синие волосы были собраны в пучок на его затылке, а также спускались двумя тугими косами на его грудь. Длинные усы и бакенбарды, также синего цвета, были с любовью завиты и ухожены.

— Лорд Хенн, — эльф отвесил глубокий поклон.

Мужчина сдержанно кивнул в ответ.

Эльф огляделся по сторонам, задержав на секунду взгляд на доске с фигурками.

— Прошу простить мне столь ранний визит... Надеюсь, вы одни, милорд?

Увидев, как удивленно взметнулись вверх брови седоволосого мужчины, его собеседник смутился.

— Еще раз покорнейше прошу простить мне мою дерзость, но новости, которые достигли двора, таковы, что я осмелился побеспокоить вас, несмотря на ранний час, и не могут быть предназначены ничьим другим ушам...

— Пустяки, Лирий, — перебил его лорд Хенн, широким жестом приглашая его садиться в одно из тех тонких кресел, которые казались невесомо парящими в воздухе.

— Благодарю, лорд Хенн... — эльф замялся и с любопытством спросил: — Кстати, как вы узнали, что это я?

Лорд Хенн снисходительно усмехнулся. — А как вы, эльфы, распознаете музыку в шуме капель дождя, или порхания мотыльков над цветами?

Лирий понимающе кивнул, и посерьёзnel.

— Лорд Хенн, этим утром в Дарнасус пришла весьма печальная весть. Стало известно, что минувшей ночью скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг военачальник Альянса и главнокомандующий гарнизоном Буреграда генерал Джонатан Маркус.

Из груди Хенна вырвался стон. — Как такое возможно?! — воскликнул он.

Эльф развёл руками. — Информация очень скупа и, более того, секретна, хотя, конечно, через два часа об этом будут судачить за каждым прилавком террасы торговцев. Я подумал, что для вас будет важно узнать это одним из первых и из моих уст. Ведь вы, кажется, знали генерала лично?

— Да... — лорд отвернулся, — Нам доводилось встречаться, — повторил он глухо.

Лирий вздохнул. — Что же, не смею больше отнимать ваше время, лорд Хенн. Сожалею, что принёс дурные вести и соболезную вашей утрате.

— Спасибо, Лирий, — человек крепко сжал руку эльфа, — Я ценю твою тактичность. Могу я предложить тебе чего-нибудь выпить?

— Благодарю, милорд, — эльф покачал головой, — Слишком ранний час для меня.

Хенн усмехнулся. — Верно, всё не могу привыкнуть к тому, что по утрам здесь также темно, как и вечером.

Он подошёл к столику с фигурами, раздвинул ветки над ним и извлёк откуда-то из глубины листвы бутылку из зеленоватого стекла с узким горлышком. — С твоего позволения, Лирий...

— Милорд, — эльф снова поклонился. Он уже собирался уходить, но, видимо, не удержавшись, спросил: — Могу я полюбопытствовать, что это за композиция ювелирных украшений у вас на столике? Мне показалось, что это какая-то игра?

— Ты не ошибся, — лорд поманил эльфа рукой, — Доводилось ли тебе когда-нибудь бывать за Великим Южным Океаном, на пандарийском материке?

Эльф покачал головой. — Я никогда не покидал пределы Тельдрассиля, милорд...

Хенн улыбнулся. — Это очень необычный край, Лирий. Там живут удивительные, непохожие на нас народы, и у них многому можно поучиться... Эта игра называется Могу-Шах, её придумали пандарены, которые много веков воевали с расой, называемой могу, за свою свободу.

— И в чем же её суть? — синеволосый эльф с любопытством присматривался к фигуркам.

— Эта игра для двоих, — пояснил лорд Хенн, указывая на доску, — У каждого есть свои воины, пехотинцы, и фигуры, каждая из которых обладает особыми способностями. Цель игры — захватить императора противника.

Эльф покачал головой. — Любопытно, — заметил он, — Вы играете сам с собой, милорд?

Лорд Хенн развёл руками. — Это приучает думать не только за себя, но и просчитывать возможные варианты ходов противника.

— Очевидно, вы побеждаете, милорд, — с улыбкой заметил Лирий, — Если это возможно, я бы с удовольствием взял у вас пару уроков этой прелюбопытной игры.

— Всенепременно, мой добрый Лирий, — также улыбаясь, ответил Хенн. — Но у тебя не так много времени — через несколько дней я намереваюсь совершить небольшой круиз...

Эльф склонил голову. — Надеюсь, ваше плавание будет удачным, лорд Хенн.

— Я также надеюсь на это, — кивнул человек.

Когда лианы снова сомкнулись за уходящим друидом, лорд Хенн сделал долгий глоток прямо из горлышка бутылки. Он остановился перед доской, где одинокая статуэтка императора ютилась в углу противоположной стороны доски в окружении чужих фигур. С легкой усмешкой он протянул унизанную перстнями руку к императору и коротким щелчком сбил фигурку с доски.

Массивные мраморные колонны зала официальных делегаций высились над подиумом, теряясь в полумраке, царившем под сводами.

Обычно здесь хватало света, благодаря изобилию окон, расположенных таким образом, что солнечные лучи всегда попадали внутрь, отражаясь в тысячах фрагментах мозаик, оживляя их и раскрашивая стены и пол в яркие цвета.

Однако, сейчас окна были завешены черной креповой тканью и свет исходил лишь из факелов, установленных в креплениях стен и многочисленных восковых свечей в высоких медных канделябрах, окружавших саркофаг из красного дерева, занимавший большую часть подиума.

У самых ступеней, ведущих к гробнице, замерло двое караульных с офицерскими знаками на доспехах и обнаженными клинками в руках. Словно по невидимой команде, они синхронно склонили головы при виде юноши, облаченного в голубую мантию.

Его светло-русые волосы, перехваченные почти незаметным золотым обручем едва достигали плеч, голубые глаза смотрели на саркофаг печально и несколько отстраненно; в их уголках уже намечались морщины, странным образом дисгармонизировавшие с пухлыми, почти детскими губами и мягким подбородком. Двадцатидвухлетний монарх, король Буреграда, Антуан Принц взошёл по ступеням на постамент и замер над телом генерала Маркуса Джонатана, глядя на отражение огней свечей в начищенных до блеска доспехах.

Лицо генерала, при жизни немислимого без неизменной узнаваемой всеми улыбки, сейчас выглядело незнакомым, строгим и бесстрастным.

Антуан постоял еще немного, наконец, наклонился и коснулся губами холодного лба воина.

— Покойся с миром, старый друг, — прошептал он, — Где бы ты ни был сейчас, надеюсь, ты вместе с отцом, как и в этой жизни... Да хранит вас обоих Свет!

Король спустился по ступеням, кивнул вновь склонившим головы стражам, и двинулся в направлении выхода. В тени одной из колонн его поджидал человек в черном костюме, из-под которого виднелся белый накрахмаленный воротничок, к которому крепилась булавка с крупным чёрным ониксом. Человек был немолод, седые, некогда бывшие черными волосы, были собраны в длинный хвост. Лицо также хранило следы былой красоты, но густые сросшиеся брови и свирепо топорщащиеся усы несколько портили это впечатление, придавая лицу отчасти угрюмый и строгий вид.

— Мой король, — человек поклонился монарху.

— Граф Ремингтон, — король устало вздохнул, — Уже пора?

Граф слегка склонил голову. — Ваше величество, быть может, всё-таки перенести заседание Совета? При данных обстоятельствах это будет выглядеть вполне оправданным...

— Нет, Ремингтон, — король покачал головой, — Государственные дела превыше всего. У нас еще будет достаточно времени для траура.

Они прошли по аллее, усаженной кипарисами, за которыми виднелись сливы. За несколько шагов до входа в замок Антуан остановился. Закрыв глаза, король медленно вдохнул воздух полной грудью.

— Знаешь, Ремингтон, — помолчав, сказал он, — Я немного завидую Маркусу...

— Ваше величество! — граф возрился на короля с неподдельной тревогой, — Мы все сейчас глубоко расстроены случившимся и скорбим вместе с вами...

— Я знаю, граф, — король посмотрел на своего спутника с грустной улыбкой, — Но, после смерти отца я всё чаще задумываюсь о том, как непросто было ему управлять государством, и только сейчас начинаю понимать, сколько он значил для меня и для королевства... Мне очень его не хватает, — добавил он, уже тише.

— Антуан... — старый граф выглядел в этот момент беспомощным и странное выражение возникло на его суровом лице, — Я уверен, ваш отец гордился бы вами! Вы справитесь. И с этой потерей — тоже.

— Возможно, Ремингтон, — король сделал еще один глубокий вдох, — И спасибо тебе за поддержку.

Граф, казалось, хотел что-то сказать, но лишь сокрушенно покачал головой.

— Что ж, нас уже ждут! — голос короля обрел прежнюю твердость, — Пора!

И, не оборачиваясь, Антуан двинулся по аллее, к возвышавшейся в нескольких шагах от них арке, ведущей в замок.

— Его Величество, Антуан Принц!

Седобородый церемониймейстер распахнул двери, ведущие в зал советов, перед королём и следующим за ним графом.

Антуан едва заметно поморщился — он так и не привык к помпезности официальных приёмов.

Присутствующие в зале поспешно поднимались со своих кресел, склоняя головы в знак приветствия короля.

В центре овального по форме зала находился стол, повторяющий его очертания, за которым располагалось двенадцать кресел.

Самое высокое, напоминающее трон, предназначалось для правящего монарха. Далее располагались кресла королевского канцлера, суперинтенданта, главнокомандующих сухопутных и морских сил, представителей орденов и диаспор.

В данный момент, помимо королевского, пустовало еще два места.

Граф Ремингтон Риджвелл занял своё кресло канцлера.

Антуан приветствовал собравшихся кивком головы и подал знак садиться. Оглядев присутствующих, король нахмурился. — Где сэръ Маттиас? — он перевёл взгляд на графа Ремингтона.

Граф откашлялся. — Полагаю, его светлость тайный советник находится при исполнении своих обязанностей, — проговорил он, — Оповещение о собрании Совета было доставлено всем его членам в установленные сроки. Он не предупреждал о своём отсутствии, лорд Борлос?

Невысокий лысеющий человек с одутловатым лицом и мешками под глазами слегка

вздрогнул при обращении к нему.

— Что? Простите... Нет... Кажется, нет...

Король с легким раздражением махнул рукой. — В таком случае, начнем совет без него! — проговорил он, — Но, прежде чем мы перейдем к насущным делам, прошу всех почтить память нашего дорогого друга и верного слуги Альянса, лорда Джонатана Маркуса...

Послышался шум вновь отодвигаемых кресел, члены Совета поднимались со своих мест.

— Ваше преосвященство, отец Делавей, — обратился Антуан к темноволосому художавому человеку в белой сутане с черно-золотой накидке, — Прошу вас.

Епископ почтительно поклонился и начал нараспев читать краткую молитву. Король слушал, склонив голову, и повторял слова про себя, едва заметно шевеля губами.

По окончании, епископ снова поклонился монарху, тот кивнул и сел, приглашая других.

Король Антуан обвёл глазами присутствующих. — Нас постигла тяжёлая утрата, — проговорил он, — Генерал был нашей истинной опорой и опытным политиком. Его ценили все, от рядовых солдат до вождей наших союзных народов...

Высокий дренией в светло-зеленом камзоле согласно кивнул. — Наш народ скорбит вместе с Буреградом в эти минуты.

— Как и наш! — промолвила светловолосая эльфийка с кукольным лицом, устремив на короля лучистый взгляд небесно-голубых глаз.

— Как и наш! — с вызовом произнёс кряжистый дворф с длинной серебристого цвета бородой, заплетенной в несколько тугих кос. В отличие от дрениея и эльфийки, он был облачен в кольчугу, кольца которой издали звон, когда он положил перед собой на стол мускулистые руки.

— Эмиссар Талуун, леди Каледра, достопочтенный Митрас, — король задержал взгляд на каждом из говоривших, — Я благодарю вас за вашу поддержку и сочувствие.

— Как я уже сказал, эта утрата невосполнима. Тем не менее, нам необходимо назначить нового главнокомандующего, который заменит сэра Маркуса на его боевом посту. Сегодня с нами на Совете присутствует полковник Хаммонд Клэй, который временно исполняет обязанности главнокомандующего гарнизоном Буреграда. Я хотел бы предложить его кандидатуру в качестве претендента, и, если у Совета не будет возражений, утвердить его в этом звании.

Взгляды присутствующих обратились к массивной фигуре коротко стриженного мужчины с суровым лицом, серебристыми висками и военной осанкой.

— Сэр Хаммонд, — обратился к нему король. Полковник поднялся на ноги и склонил голову.

— Это большая честь для меня, ваше величество, — глухо сказал он, — Если Совету будет угодно...

— Если ни у кого нет возражений, — Антуан обвёл глазами членов Совета, — То приступим к голосованию.

Король первым поднял вверх руку в перчатке. — Поддерживаю!

— Поддерживаю, — эхом отозвался граф Ремингтон Риджвелл.

— Поддерживаю, — пробормотал королевский суперинтендант, лорд Борлос Вишлок.

— Поддерживаю! — энергично тряхнула челкой короткостриженная темноволосая молодая женщина, она же верховный адмирал леди Джес-Терет.

— Поддерживаю! — почти синхронно сказали лорд Девин Фардейл в доспехах и

накидке с символикой ордена Серебрянной Длани, и леди Элисон Диавей с диадемой в огненно-рыжих волосах и знаком Кирин-Тора на шее.

Послы союзных рас имели право лишь совещательного голоса, поэтому не участвовали в голосовании, однако согласно покивали головами.

— Единогласно! — резюмировал король, — Генерал Хаммонд Клэй, отныне вы — действующий главнокомандующий гарнизоном Буреграда! Поздравляем вас!

— Благодарю, милорд, — новоиспеченный генерал неловко поклонился, — Я постараюсь оправдать доверие Совета.

— Итак, — продолжил король после того, как Хаммонд Клэй вновь занял своё место за столом, — Перейдём к насущным вопросам. Как стало известно, минувшая ночь не только лишила нас главнокомандующего, но и послужила покровом для организованного нападения на городскую тюрьму. Что известно о нападавших на данный момент?

— Насколько я понимаю, — проговорил граф Ремингтон, — Этот вопрос находится непосредственно в ведении сэра Матиаса. Возможно, именно данные события и послужили причиной его отсутствия.

— Если позволите, — Хаммонд Клэй прочистил горло, — По предварительным данным, тюрьма была атакована отрядом городских головорезов, преимущественно из числа гномов...

— Мелкие крысы! — проворчал дворф.

— Городская стража, видимо, оказалась не готова к скоординированному нападению, и позволила мятежникам прорваться внутрь, — продолжал генерал, — Очевидно, заключенные были каким-то образом предупреждены о готовящемся захвате, так как первое, что сделали бунтовщики — сбили замки с камер. Освобожденные ими гноллы перешли на их сторону и проложили себе путь на свободу.

Король покачал головой. — Жертвы? — тихо спросил он.

— Точное количество уточняется, — вздохнул генерал, — Есть потери среди личного состава тюремной стражи и горожан, оказавшихся на пути гноллов.

— Но как этим тварям удалось выскользнуть из города? — спросил Девин Фардейл.

— Предположительно, они покинули Буреград по морю — в портовой гавани их ждали лодки, на которых легко достичь Западных Земель, где до сих пор полно стай их соплеменников.

— А теперь у них появится предводитель, способный объединить их в единую силу, — заключил граф Ремингтон, — Стая гноллов сбегает из тюрьмы и покидает город по морю, под носом у городской стражи и королевского флота...

При этих словах темноволосая женщина вспыхнула и, казалось, хотела что-то сказать, но сдержалась.

— Что с бунтовщиками-гномами? — дворф барабанил по столу короткими пальцами, — Они-то вряд ли отправились с гноллами в их стаи!

— Скорее всего, осели где-то в порту, — кивнул головой генерал, — В ближайшее время там будет проведена зачистка.

— Нужно провести её аккуратно и быстро, — заметил граф, — Нельзя, чтобы по городу поползли слухи. Это нападение, да еще смерть генерала...

— Не забудьте о массовых отравлениях, — подала голос леди Элисон.

Антуан нахмурился. — О каких отравлениях идёт речь?

— За последние дни в городе зафиксировано несколько необычных вспышек

отравлений жителей, — пояснила женщина, — В качестве субстрата используются различные курительные смеси, в том числе различные табаки. Установлено, что в большинстве случаев, отравляющим веществом служил корень растения, называемого Geni Daemonis, или демонов корень. Интоксикации протекают тяжело, огромное количество пострадавших. Массовые отравления имели место в Старом Квартале, Квартале Пандаренов и даже среди студенток Академии...

— А также в нашем квартале! — прорычал дворф.

Леди Элисон кивнула. — У меня, к сожалению, нет точной статистики, но масштабы бедствия достаточно велики, чтобы говорить об эпидемии.

Антуан сокрушенно покачал головой и обхватил её руками.

— Что за напасти... — проговорил он, — Что мы можем сделать в данной ситуации? У города есть необходимый резерв целителей?

Епископ Делавей покивал головой. — Архиепископ в курсе событий, — заметил он, — Наши клирики сделают все возможное.

— Хорошо, — король обвёл членов Совета печальным взглядом, — Кто-нибудь еще из членов Совета желает высказаться?

— С вашего позволения, милорд! — нахмурившийся дворф поднялся с места, зазвенев кольчугой. Коренастый и низкий, он вынужден был отступить на шаг назад, чтобы его было лучше видно из-за стола.

— Почтеннейший Митрас Железногор, — голос короля звучал несколько устало, — Совет слушает вас!

— Ваше величество, король Антуан, — дворф выглядел насупленным, — Я представляю дворфийскую общину Буреграда, которая, как всем хорошо известно, не жалеет сил и средств на благо и процветание нашего города. Мы всегда готовы поддержать правящего монарха и с пониманием относимся к таким вопросам, как предоставление займа по льготным процентам, или выполнение срочных заказов, в том числе оборонных...

— К чему вы клоните, досточтимый тан? — граф Ремингтон откинулся на спинку стула, разглядывая дворфа, нахмурился брови.

— С вашего позволения, господин канцлер, — дворф не отводил взгляда от короля, — Я, как вы изволили выразиться, клоню к тому, что последние изменения в системе налогообложения заставляют нас думать, что в Замке придерживаются иной точки зрения на наш вклад в экономику города!

При этих словах над столом раздался легкий гул. Король хотел что-то сказать, но граф опередил его, подавшись вперед и слегка привстав с места.

— Если я правильно понял вас, уважаемый Митрас, вы хотите сказать, что налоговая политика королевства несправедлива по отношению к дворфам?

— Не только несправедлива, но и полностью неприемлема, — отрезал тан, — Фактически, она обрекает наши гильдии на разорение!

Гул в зале усилился, члены Совета, покачивая головами, смотрели на пылающее лицо дворфа.

— Почтеннейший Митрас, — король поднял руку, призывая собравшихся к тишине, — Я отчасти понимаю ваше негодование, но уверен, что данные меры не являются исключительными в отношении именно вашего народа. Последние годы были весьма непростыми для королевства, и, к сожалению, всем нам приходится сейчас нести определенные обязательства ради общего будущего блага.

— Полагаю, лорд Борлос Вишлок может предоставить вам, уважаемый тан, финансовые отчеты и цифры, — добавил граф, — Не так ли, господин суперинтендант?

Последние слова он произнёс чуть громче, глядя в упор на человека, сидящего напротив, который, казалось, был так поглощён своими мыслями, что не сразу понял, что к нему обращаются.

— Да, разумеется, — спохватился он, поднимая голову, — Безусловно, я могу наглядно, так сказать, продемонстрировать господину тану графики, отражающие динамику роста инфляции и расчеты, которыми мы руководствовались...

— К демонам ваши графики! — дворф окончательно вышел из себя, — Мы не сможем вести бизнес в таких условиях — наши гильдии уже сейчас работают себе в убыток, королевская казна уже должна нам сумму, превышающую совокупность годового дохода наших цехов, а вы пытаетесь еще душить нас налогами! Помимо прочего, нам приходится вести чуть ли не войну с этими городскими бандами гномов, которые появились в результате вашей же недалёковидной миграционной политики, а теперь нас еще и травят! Этой ночью мой народ тоже нуждался в помощи, но мы не увидели её ни от клириков Собора, ни от королевской стражи! Если это и есть монаршее благоволение, то лучше избавьте нас от него совсем!

— Тан Митрас, вы забываетесь! — прогремел Хаммонд Клэй.

— В такой день, как сегодня... — качал головой епископ.

— Вы всё сказали, уважаемый тан? — ледяным тоном осведомился граф Ремингтон.

— Я всё сказал, господин канцлер! — дворф скрестил руки на груди и буравил его свирепым взглядом.

— Довольно, — подал голос король, — Уважаемый тан, — обратился он к дворфу, — Я понимаю, что сейчас в вас говорит гнев и боль, и, поверьте, искренне разделяю вашу скорбь. Но, как монарх и правитель, я не могу согласиться с вами в том, что положение буреградских дворфов должно иметь некие особые привилегии, в том числе — налоговые. Прошу вас, наберитесь терпения, и мы непременно вернемся к этому разговору позже.

Дворф выслушал слова короля с мрачным выражением лица, коротко поклонился, развернулся на каблуках, и, ни слова ни говоря, покинул зал, звеня кольчугой.

— Неслыханно, — пробормотал епископ.

— Подобное поведение можно рассматривать как измену, — прорычал Хаммонд Клэй.

Граф Ремингтон качал головой.

Король Антуан Принц обвёл присутствовавших усталым взглядом. От него не укрылось некоторое замешательство и быстрый обмен взглядами эльфийки и дренея.

— Если ни у кого из оставшихся членов Совета больше нет сообщений, — сказал он, — Сегодняшнее заседание Совета объявляется закрытым.

Лица нетерпеливо хмурились, ожидая, пока разъедутся две неповоротливые повозки, перегородившие им дорогу. Набережные каналов в эти часы были полны транспорта. Она задумалась о конструкции устройства, которое бы издавало громкие звуки, заранее предупреждавшие о приближении их кареты и заставлявшее бы пошевеливаться неторопливых горожан и их ездовых животных.

Из размышлений её вывели пронзительные возгласы разносчика газет:

— Вестник Буреграда, экстренный выпуск! Нападение на тюрьму! Загадочная смерть генерала Маркуса! Зверские убийства в городе!

Разбуженный криками пандарен сел в люльке, моргая и подслеповато шурясь.

— Лика, — обратился он к гномке, — Ты напрасно решила ехать через торговый квартал — там сейчас не протолкнуться. Лучше через ремесленный, это более длинный путь, но так будет быстрее.

Лика вздохнула. — Ты же вроде спал? — напомнила она пандарену.

Чао покрутил головой. — Поспишь тут, — зевнул он.

Горластый мальчишка-газетчик остановился как-раз напротив них и пандарен купил у него свежий выпуск.

— Удивительно, — пробормотал он, разворачивая газету и погружаясь в чтение, — Как быстро распространяются новости... Сверни вон в тот переулок! Да-да, а потом — налево... Хмм, — пандарен покачал головой и начал читать вслух:

«Беспрецедентный вооруженный налёт на городскую тюрьму произвёл в городе эффект взорвавшейся бомбы. Хорошо подготовленные налётчики сумели застать врасплох стражу и освободить своих сообщников. Для обеспечения прикрытия они также выпустили из заточения диких гноллов, которые учинили в подземелье кровавую резню. Нам не удалось получить комментарий коменданта Телвотера, по причине тяжести его состояния после полученных травм. Временно исполняющий обязанности главнокомандующего гарнизоном Буреграда, полковник Хаммонд Клэй также отказался дать официальный пресс-релиз, заявив лишь (цитата): «Ситуация под контролем!». Остаётся, однако, открытым вопрос о том, почему профессионально подготовленная городская стража, чьё обучение и содержание целиком обеспечивается за счёт средств налогоплательщиков, оказалась неготовой дать отпор уличной банде? До сих пор нет информации о задержанных подозреваемых, хотя ни для кого не секрет, представители какой диаспоры принимали непосредственное участие в налёте. Из соображений политкорректности редакция воздерживается от упоминаний об этнической составляющей криминального андеграунда Буреграда».

Лика, закусив губу, смотрела перед собой на дорогу.

Чао покосился на неё и перевернул страницу.

«Генерал Джонатан Маркус, главнокомандующий гарнизоном Буреграда был обнаружен этой ночью без сознания. Несмотря на усилия лучших королевских целителей, спасти его не удалось. По предварительному заключению экспертов, смерть генерала наступила в результате острого сердечного приступа. Временно исполняющим обязанности главнокомандующего гарнизоном назначен полковник Хаммонд Клэй, известный своей боевой славой и радикальностью взглядов. Известно также, что между полковником и генералом имелись серьезные разногласия относительно политики, проводимой в отношении национальных меньшинств Буреграда. Уже сейчас многие представители крупных диаспор подготавливают официальные коммюнике с указанием недопустимости отдельных высказываний полковника и несовместимости подобных взглядов с тем государственным постом, который он занимает в настоящее время.»

— Чао, — попросила Лика, — Давай лучше поговорим о чём-нибудь.

Пандарен пожал плечами и отложил газету. Порыв ветра подхватил её и наклеил на руль Атуина. Лика уже хотела смахнуть газету, когда взгляд её упал на колонку слева, с заголовком выведенным жирным шрифтом:

«Первые жертвы гноллов? Свирепые расправы над мирными горожанами!»

Лика едва не врезалась в дерево, чудом успев затормозить.

Чао покачал головой. — Ты, похоже, совсем не выспалась, — укоризненно заметил

он, — Не надо было мне пускать тебя за руль. Давай-ка поменяемся...

Ли́ка слабо возражала, но Чао не стал её слушать и мягко, но уверенно пересадил гномку на своё место.

Когда Атуин тронулся, Ли́ка снова развернула газету.

«Этой ночью в старом квартале был обнаружен труп бурреганца, с множественными резаными и рваными ранами. Мотив преступления не выяснен, однако, едва ли речь идет об ограблении, так как при жертве была найдена определенная сумма денег. Личность убитого установлена — это служащий популярного заведения «Забитый ягнёнок», известный как Шпакль Шиповник. Сотрудниками таверны покойный характеризовался как законопослушный горожанин, имевший только положительные отзывы за время работы. Таким образом, маловероятна связь его с криминальными структурами. Характер нанесенных ран лучше всего подходит под описание словом «бесчеловечный» — по мнению экспертов, они вполне могли быть нанесены когтистыми лапами, или клыками гноллов. Мы призываем наших читателей к предельной бдительности и осторожности на улицах Буреграда, особенно в темное время суток».

Ли́ка невидяще уставилась перед собой. Перед её глазами вновь встала картина минувшей ночи — мерно скрипящая повозка с покачивающимся на ней телом гнома с рассеченным горлом. Гноллы... Несмотря на то, что убитый гном не вызывал у неё ни малейшей симпатии, она испытывала жалость к нему. Но как гноллы могли оказаться в старом городе?

— Ли́ка, — голос пандарена вывел её из состояния задумчивости, — Ты же, вроде, хотела поговорить?

— Да... — гномка тряхнула головой, отгоняя от глаз жутковатую картину, стоявшую перед ними.

— Знаешь, Чао, — начала она неуверенно, — Наверное, мне следовало бы рассказать тебе кое-что...

Ли́ка вкратце пересказала пандарену события прошлого утра и вечера.

Чао слушал, не перебивая, лишь время от времени отправляя в пасть очередной пучок травы.

— Теперь понятно, почему ты так побледнела тогда у телеги, — сказал он, — Полагаю, об этом следует рассказать брату Склифу. Я бы тоже хотел обсудить с ним кое-что, однако за последние сутки я его почти не видел — он всё время где-то пропадает... Вся эта история с отравлениями его явно сильно тревожит, со вчерашнего утра он сам не свой... Не нравится мне всё это, — заключил пандарен, покачивая головой.

К этому времени Атуин уже выехал на площадь ремесленного квартала. Ли́ка помнила её по тому дню, когда здесь разразилась массовая драка. Тогда небо над площадью было затянуто дымом от работающих мастерских. Сейчас же, к удивлению гномки, она не видела ни одной струйки дыма над крышами, улицы были полупусты и тихи. Только на самой площади им встречались небольшие группы дворфов, сбивающихся в кучки и о чем-то толкующих между собой. Ли́ка обратила внимание, что рабочие костюмы и масляные фартуки сменились доспехами и оружием. Насупленные взгляды из-под кустистых бровей провожали Атуин, разговоры смолкали при их приближении.

Чао притормозил возле одной из мастерских, по-видимому, кузни.

— Хозяин, — окликнул он степенного дворфа, неспешно раскуривавшего короткую глиняную трубку, прислонясь к дверному косяку, — Что тут вас происходит? Почему работа

стоит?

Дворф важно развел руками: — Баста, господин пандарен! Хватит честным предпринимателям кормить паразитов!

И, видя недоумевающее выражение морды пандарена, прибавил: — Забастовка у нас, понимаешь!

Чао покачал головой, снова заводя Атуин.

— Что всё это значит? — спросила его Лика, когда они поехали дальше, — И против чего они бастуют?

Пандарен вздохнул. — Не знаю, Лика. Но ничем хорошим это не закончится...

— Надеюсь, у братьев всё в порядке, — пробормотала гномка, с тревогой глядя на очередное скопление дворфов возле одного из жилых особняков, выделявшийся своей вычурностью и убранством.

Словно в подтверждение её опасений, неподалёку от толпы обнаружился хорошо знакомый им обоим чоппер, но никого из близнецов вблизи него не наблюдалось.

— Может, нам стоит остановиться и поискать их? — спросила Лика.

Но Чао отрицательно качнул головой. — У нас вызов! — напомнил он, — Мы и так уже задержались. А братья здесь, всё-таки, среди своих соплеменников, им проще найти с ними общий язык. На крайний случай у них есть кристалл и фиолетовый код.

Наконец, они покинули ремесленный квартал, пересекли канал и оказались в старом городе. Дорога, по которой они ехали, вела в направлении высящейся над кварталом громаде Замка.

В этой части города Лике еще не доводилось бывать, и теперь она, раскрыв рот, смотрела на высокие многовековые деревья, растущие вдоль дороги, вымощенную тесаным камнем мостовую и посты стражи в начищенных сверкающих доспехах. Через несколько десятков метров дорога преграждалась натянутой цепью, около которой дежурил патруль и конный разъезд.

Чао остановил Атуин и подошёл к офицеру, вышедшему ему навстречу. После кратких, но выразительных переговоров, пандарен вернулся к Лике.

— У них нет информации о нашем вызове, — сказал он, отдуваясь, — Поэтому, машину придется оставить здесь, а нам дадут провожатого.

— Разве их не должны были предупредить? — удивилась Лика.

Пандарен пожал плечами. — Здесь довольно большая территория, — сказал он, — Скорее всего, нас вызвали к кому-нибудь из слуг, а ради такого вряд ли будут извещать все посты.

Идти оказалось довольно неблизко, к тому же, пришлось миновать еще несколько кордонов стражи, но Лика, впервые оказавшаяся так близко к замку, крутила головой, разглядывая фонтаны, статуи и совсем близкие зубцы крепостных стен.

Стражник, сопровождавший их, остановился у двухэтажного особняка, обнесенного кованой оградой. Им пришлось ждать, пока на звон колокола у ворот выйдет тучный дворецкий.

Следуя за ним по аккуратно выметенной дорожке они приблизились ко входу в дом, где на пороге их уже встречала почти такая же полная, как привратник, дама.

Под обильным слоем макияжа на лице проступали красные пятна.

— Наконец-то! — воскликнула она, гневно трясая серьгами с крупными камнями, — Где вы только были всё это время?! Хороша целительская служба, нечего сказать! Человек за это

время уже мог бы умереть несколько раз!

— Простите, мадам, — Чао сдержанно поклонился, — К сожалению, дорожная обстановка не могла нам позволить прибыть раньше...

— Ах, что вы такое говорите! — перебила его дама, — В нашем районе никогда не бывает никаких заторов! В конце концов, вы же видели, куда вас вызывают! Могли бы и как-то ускориться! Я непременно выскажу при встрече архиепископу всё, что думаю по этому поводу!

— Между прочим, — вспыхнула Лика, — Мы ехали к вам через весь город! А еще нам пришлось оставить машину и идти пешком, так как никто не предупредил стражу о нашем приезде!

Дама воззрилась на Лику так, словно на её глазах вдруг заговорила комнатная собачка. Подведённые густой черной краской брови взметнулись вверх, но, прежде, чем она открыла рот, Чао опередил её.

— Если вы не возражаете, мадам, — сказал он мягко, — Мы готовы приступить к осмотру пациента, во избежание дальнейшей потери времени... И, безусловно, готовы будем выслушать позднее все ваши замечания.

С этими словами он устремил на женщину простидушный и немного глуповатый взгляд, слегка склонив голову набок, чем-то напомнив Лике её любимую старую плюшевую игрушку медведя.

Дама, поколебавшись секунду, видимо, убедилась, что стоявший перед ней пандарен явно неспособен проникнуться патетикой ситуации и, нехотя посторонившись, пропустила их внутрь.

— Вот, возьмите! — она протянула им пару войлочных шлепанцев с помпонами.

Чао устоял на них в замешательстве.

— Оденьте это! — раздраженно пояснила дама, явно раздосадованная откровенной тупостью пандарена, — Вы же только что с улицы! Там полно инфекции! В конце концов, вы же, всё-таки, целители, неужели даже этого не понимаете?

Лика уже приготовилась заявить, что ни за что не станет одевать эти дурацкие тапки, но Чао снова оказался быстрее.

— Прощу прощения, мадам, — заговорил он, — Но, мне кажется, я слышал стон вашего супруга...

Глаза дамы испуганно округлились. Она встревоженно повернула голову и прислушалась.

— Борлик! — позвала она, — Борлик, ты меня слышишь?!

Не глядя сунув тапки в руки дворецкому, она устремилась к широкой лестнице, видневшейся в глубине зала.

Чао поправил ремень сумки, улыбнулся оторопевшему привратнику, и, слегка косолапя, последовал за ней. Лика, внутренне негодуя, открыла рот, чтобы возмутиться, но пандарен, глянув на неё сверху вниз, лишь приложил лапу ко рту и провел ею по губам.

Просторный кабинет на втором этаже, куда проследовали Лика и Чао, был слабо освещён.

Плотные гардины прикрывали окна, почти не пропуская солнечный свет. Несмотря на теплое время года, в углу комнаты топился камин, неподалеку от которого располагался массивный письменный стол, за которым в кресле сидел невысокий полноватый лысеющий человек с бросающимися в глаза отечными мешками под глазами. Он был по пояс раздет, и в

неярком свете горевших светильников, крупные капли пота блестели на его лице и груди. Человек опирался руками на столешницу, глубоко и шумно втягивая воздух.

— Борлик! — дама бросилась к нему, встревоженно заглядывая в лицо мужчине, — Борлик, котик, тебе совсем плохо?! Я вызвала целителей, не из замка, как ты и просил, но, может быть, лучше, всё-таки...

— Нет... — человек с трудом говорил, его мучила сильная одышка, — Всё... всё в порядке, Розалия... Дорогая, не нужно...

— Мадам, пожалуйста, отойдите... — Чао был уже рядом с женщиной и держал его обеими лапами за руку, сосредоточенно нахмурившись.

— Но...

— Пожалуйста, вон туда, мадам. И принесите нам воду, таз, два стула и полотенце.

Что-то неуловимо изменилось в облике пандарена; в голосе прозвучали мягкие, но властные интонации, так, что дама, не произнеся ни звука, закивала головой и отступила к двери.

— Лика! — пандарен уже ничуть не напоминал плюшевую игрушку, как несколько минут назад, — Окно настезь! Быстро!

Лика метнулась к ближайшему окну и, путаясь в тяжелых занавесках, кое-как смогла распахнуть наглухо закрытые створки.

Поток воздуха, ворвавшийся с улицы, заставил задрожать огни свечей и взметнуться пламя в камине. Пытаясь раздернуть пошире шторы, Лика не рассчитала сил и с грохотом обвалила карниз.

Чао, между тем, приложив ухо к спине мужчины, напряженно вслушивался. Мельком глянув на гномку он поманил её лапой.

— Скажи хозяйке, пусть нальёт в таз настолько горячей воды, насколько сможет выдержать рука не обжигаясь, — велел он, — И пусть поторопятся!

— Что... что с ним такое? — спросила Лика, — Может, я могу...

— Лика, я часто прошу тебя поторопиться? — вместо ответа спросил пандарен.

Почувствовав, как её уши начинают пылать, Лика бросилась из комнаты и на входе столкнулась с горничной, державшей в руках таз. К счастью, он был пустым, кувшины с водой держали еще одна служанка и сама мадам Розалия.

Поскольку пандарен не уточнил, какую именно воду ему требовалось, принесли и холодную, и горячую.

Чао поставил таз на пол и вылил туда кипяток, который разбавил холодной водой.

— Лорд Борлос, пожалуйста, поставьте сюда ноги, — распорядился он, — Так...

— Тяжело... дышать... — не то прохрипел, не то пробулькал мужчина, мокрый от пота.

Он закашлялся.

Пандарен, нахмурившись, покачал головой и, обернувшись, приказал: — Выйдите все из комнаты!

— Я останусь! — тоном, не терпящим возражений, заявила дама. Однако, уверенность в её голосе сейчас уже была лишена тех капризных интонаций, которые присутствовали при их встрече.

Чао махнул лапой. — Лика, — сказал он, — Сейчас мне может потребоваться твоя помощь. Приготовься, но будь осторожна.

Лика кивнула, не совсем понимая, что собирается делать пандарен и едва не вскрикнула, когда увидела блеснувший в его лапе нож.

В немом изумлении, близком к панике, она смотрела, как, словно в замедленном сне, Чао плавными взмахами наносит надрезы на запястьях лорда, из которых темно-вишневыми потоками хлынули струи крови.

За её спиной приглушенно вскрикнула леди Розалия.

Чао поддерживал лапами хрипящего Борлоса, Лика ошарашенно смотрела на заливающую пол, колени лорда и жилет Чао кровь, до неё не сразу дошло, что пандарен зовёт её.

— Лика!

Очнувшись, она положила дрожащие руки на голову лорда.

— Сейчас ему станет легче дышать, — донеслись до неё слова Чао, — Но он обессилел и потерял много крови — тебе нужно лишь немного помочь ему. Самую малость, слышишь!

Лика кивнула, закрывая глаза. Почему-то ей сразу представились горы. Сверкающие вершины, покрытые сияющей белизной, холодный свежий ветер, безграничный простор голубого неба и терпкий, с привкусом льда и снега воздух...

Холодно. Ей действительно было холодно. Она открыла глаза и обнаружила, что руки её совсем замёрзли. Солнце в небесах скрылось за тучи, и в комнате стало темней.

Лорд Борлос дышал уже глубже и медленней; Чао наматывал льняную ткань на его руки.

— Подай, пожалуйста, сумку, — как ни в чем не бывало, сказал он гномке.

— Лорд Борлос, — обратился к мужчине пандарен, — Постарайтесь сейчас сделать несколько глубоких вдохов, а потом задержите дыхание насколько сможете...

С не перестававшим удивлять Лику проворством своих медвежьих лап, Чао извлек из сумки небольшой сверток, в котором оказалось несколько прутиков, обмазанных какой-то бурой массой. Пододвинув поближе стоявший неподалеку подсвечник, пандарен закрепил в нем три прутика и зажег их от свечи.

Сладковатый дым начал наполнять комнату.

— Что это? Благовония?! — лорд Борлос откинулся на спинку кресла и, расплескав воду, вытащил ноги из таза.

— Дышите, дышите, лорд, — успокоил его Чао, — Это традиционный оригинальный пандаренский состав, за его происхождение я ручаюсь.

Борлос, глядя на пандарена со страхом, помотал головой.

— Борлик! Ты слышишь, что тебе говорит целитель! — вмешалась супруга, — Дыши немедленно!

Лорд покосился на супругу едва ли не с большим ужасом в глазах и покорно кивнул.

— Вот так... И не забывайте — три глубоких вдоха, потом — задержать дыхание... — приговаривал Чао, — Откройте рот...

Он быстро влил Борлосу несколько капель из какого-то флакона и снова взялся обеими лапами за руку лорда.

— Господин пандарен... — растрепанная леди Розалия смотрела на него испуганно, — Что с ним такое?!

Чао кашлянул. — В данный момент всё уже хорошо... У вашего супруга очень слабое сердце, мадам. Точнее сказать — уставшее... Такое бывает, когда люди много беспокоятся и нервничают. И тогда сердце начинает беспокоиться тоже. Вместо того, чтобы работать спокойно и размеренно, пускается вскачь, торопится, сбивается... Наконец, выбивается из сил и перестает справляться со своей работой. Нужно успокоить сердце, дать ему прийти в

себя, и тогда оно снова сможет выполнять свои обязанности.

— А... — Розалия обвела расширившимися глазами лужи крови на полу, таз и бинты на запястьях.

— Когда сердце не может справиться, приходится ему помогать, — пояснил пандарен, — Нужно было снизить нагрузку на него, чтобы оно не захлебнулось своей же кровью. Как вы себя чувствуете, лорд Борлос?

При этом вопросе пандарена человек в кресле вздрогнул и открыл глаза.

— Простите, — проговорил он, озираясь, — Похоже, я задремал...

Чао удовлетворенно покивал головой.

— Мне кажется, дышать стало намного легче, — продолжил лорд Борлос, склонив голову набок и прислушиваясь к себе, — Да... Чувство тяжести прошло и вот это... трепыхание в груди!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Пульс хороший, — кивнул пандарен, — Сейчас вам нужен отдых...

— Борлик, ты слышал, что сказал целитель! — всполошилась леди Розалия, — Тебе нельзя волноваться и нервничать!

— Я ему постоянно об этом говорю, — это уже относилось к Чао, — Но разве он меня когда-нибудь слушает! Все эти государственные дела, бессонные ночи, они когда-нибудь доведут его! Уже довели!

— Розалия, дорогая... — лорд Борлос слабо попытался протестовать.

— И слышать ничего не желаю! Ты уже три года обещаешь, что мы поедем на юг! Ты немедленно берешь отпуск, слышишь? В конце концов, я сама пойду к монарху...

Лица почувствовала усталость в ногах и присела в одно из кресел, принесенных ранее дворцом.

Она повертела головой, оглядывая высокие стеллажи с книгами, свертками и папками, коими были уставлены полки.

Ближе всего к ней были пухлые кожаные папки, перехваченные тесьмами и с аккуратно подписанными корешками.

«Налоговая ведомость сего года» — гласили надписи, — «Расчёт бюджета по продовольственному обеспечению», «Расходы на содержание двора», «Церковные дотации», «КСБ».

«КСБ» — эти буквы показались ей знакомыми, она точно их где-то видела, совсем недавно.

Лица нахмурилась, и в тот момент, когда память почти выдала ей ответ, её отвлек очередной возглас леди Розалии.

— Господин пандарен, обязательно скажите ему, что в его состоянии нельзя пить вина! Он каждый день достает из погреба новую бутылку, я уже хотела приглашать господина Даннелора, но он ведь ни в какую! Вот и архиепископ в своих проповедях говорит...

— Ну, откровенно говоря, в небольших дозах хорошее вино оказывает положительное влияние на сосуды... — робко начал Чао, чем заслужил исполненный горячей благодарности взгляд лорда.

Лице даже показалось, что, впервые за все время их пребывания здесь, в его глазах промелькнуло что-то живое, человеческое.

— Ах нет, господин пандарен, возможно, у вас в Панда... Пандаринии, кажется? Возможно, там, откуда вы родом, так принято, но я вас уверяю, Борлику это совершенно

противопоказано! И потом, у него ведь дурная наследственность!

— Розалия! — королевский суперинтендант страдальчески протянул к ней обмотанные бинтами руки, — Прошу тебя...

Чао сочувственно покосился на лорда и поднялся. — Что же, наше присутствие лорду Борлосу больше не требуется; чем скорее он сможет лечь, тем будет лучше.

— Да! Конечно! — леди Розалия согласно кивала, — Только я ведь еще не сказала вам самого главного — он курит тайком от меня!

Почтительно вытянувшийся дворецкий распахнул перед ними дверь.

— Господин пандарен, — супруга лорда Борлоса торопливо спускалась к ним по лестнице, Господин пандарен... Вот!

Она протянула Чао увесистый кожаный мешочек с вышитой монограммой.

Чао отрицательно помотал головой и даже убрал лапы за спину. — Это лишнее, леди Вишлок...

— Глупости! И слушать не желаю! — непререкаемо заявила супруга лорда и решительно впихнула пандарену мешочек за пазуху, — Вы это заслужили!

Чао вздохнул.

— Я обязательно упомяну о вас в разговоре с архиепископом! — донеслось им вслед, когда они возвращались по дорожке.

— Чао, — сказала Лика, — Почему ты сразу не дал мне попробовать ему помочь?

— Извини, Лика, — пандарен застенчиво улыбнулся, — Во-первых, ты была слишком эмоциональна — это чувствовалось по твоей ауре. Во-вторых, у тебя, как и у большинства целителей пока что хорошо получается справляться с травмами, а внутренние хвори требуют несколько иного подхода, так что ты могла бы не только не справиться, а еще ухудшить ситуацию. В-третьих, если бы тебе повезло, и твой опыт оказался удачным, ты могла бы потратить на это столько сил, что попросту потеряла бы сознание, и неизвестно, каковы были бы последствия. Извини, но мы не могли так рисковать. И прошу прощения, если я был с тобой резок.

— Резок? Ты? — Лика вздохнула. — Знаешь, — сказала она, — Хотелось бы мне когда-нибудь побывать на твоей родине...

— Кто знает, — улыбнулся пандарен, подсаживая гномку на сидение Атуина, — Может быть, когда-нибудь, твоё желание сбудется...

«Может быть», — подумала Лика.

Атуин плавно тронулся с места и не спеша поехал по мостовой.

Глава 12. «Вестник Буреграда»

Члены Высшего Совета, переговариваясь друг с другом на ходу, расходились в разные стороны.

Граф Ремингтон, окинув взглядом опустевший зал, тронул за плечо не то задремавшего, не то глубоко задумавшегося о чем-то лорда Борлоса Вишлока.

— Заседание окончено, господин суперинтендант. Вы идёте?

Королевский суперинтендант, вздрогнув, поднял голову и уставился на канцлера мутным тревожным взглядом. На лбу его выступила испарина.

— Вы хорошо себя чувствуете, лорд Борлрос? — нахмурившись, осведомился граф, — Вы неважно выглядите...

— Всё... Всё хорошо, — отозвался суперинтендант, загнанно глядя на графа, — Я... немного задумался...

Он тяжело дышал, неуклюже выбираясь из-за стола. Ремингтон покачал головой.

— Мне кажется, вам необходим отдых, лорд, — заметил он, — Вы совсем не бережете себя, а ведь королевство сейчас нуждается в нас, как никогда.

— Разумеется... — на Борлоса было жалко смотреть, он был бледен, и обливался потом, набрякшие веки с темными кругами под ними придавали его лицу в полумраке зала жутковатое выражение.

Пробираясь к выходу, он наткнулся на стул, выронил папку и, со стоном опустившись на колени, дрожащими пальцами стал собирать рассыпавшиеся свитки пергамента и листы бумаги.

«Он слишком много пьёт» — подумал граф, провожая Борлоса глазами, — «Довольно жалкое зрелище».

Резиденция королевского канцлера располагалась неподалеку от дворца.

Небрежно кивнув вытянувшимся при его виде рослым охранникам, граф отворил резную дверь в высоком металлическом заборе, окружавшем особняк.

Навстречу ему раздался разноголосый лай — три огромные черные тени метнулись к Ремингтону с разных сторон.

Глядя, как здоровенные мастифы наперебой норовят запрыгнуть передними лапами на грудь хозяину, лицо старого графа тронула слабая улыбка. Он с любовью потрепал за уши своего любимца, Клыка, одновременно почесывая опрокинувшуюся на спину Агру. Бейн, самый крупный, глухо заворчал, обнажив массивные клыки.

— Ваша светлость, — по дорожке навстречу ему, прихрамывая на левую ногу, спешил высокий худой человек в зеленом берете с пером, — Вы сегодня раньше обычного.

— Сегодня особый день, Тициан, — мягко ответил граф, выпрямляясь.

Смотритель понимающе кивнул. — Наслышаны-с... Экая напасть... Такой мужик крепкий был с виду, ни клинки, ни пушечные ядра были нипочём, и вот на те... Сюда, сюда, собачки!

Под продолжающиеся сетования привратника, граф Ремингтон прошел в дом.

Отдав плащ и шляпу камердинеру, он кинул быстрый взгляд в зеркало, пригладил волосы и вечно топорщащиеся усы.

— Жак, — распорядился он, — Подашь имбирный чай в мой кабинет через пятнадцать

минут.

Поднявшись по лестнице на второй этаж под презрительно-надменные взгляды предков, взиравших на него с полотен фамильных портретов, граф отметил, что окно в дальнем конце коридора распахнуто и по галерее гуляет сквозняк. Нахмурившись, и отметив про себя сделать внушение камердинеру, он извлек из кармана ключ и отворил им дверь своего кабинета.

В комнате царил легкий полумрак из-за опущенных штор. Ремингтон подошел к окну и раздвинул их. Лучи солнца высветили пыль на давно нечищенных стеклах окон. Граф вздохнул.

— Вы чем-то расстроены, господин канцлер?

Едва не подскочив от неожиданности, граф обернулся, как ужаленный.

Небрежно развалившись в широком кресле за его рабочим столом, на него, слегка усмехаясь, прищурившись, глядел человек в темно серых бесформенных одеяниях, словно сливающихся с тенями комнаты. Сцепив пальцы в замок, он наблюдал за графом, не скрывая удовлетворения от произведенного эффекта. Длинные каштановые волосы с едва заметными прядями седины обрамляли узкое по лисьи вытянутое лицо с аккуратной ухоженной рыжеватой бородкой.

— Проклятье, Маттиас! Что ты тут делаешь? — граф сделал пару шагов по направлению к неожиданному гостю и навис над ним, буравя его взглядом.

Человек в кресле не пошевелился, лишь уголки губ его дрогнули, обнажая в кривой улыбке неровные зубы.

— Очевидно, дожидаясь вас, дорогой канцлер... Вы, кажется, мне не рады?

Граф Ремингтон мрачно скривился. — Прошу, избавь меня от этих твоих любезностей... Чего тебе нужно?

Человек в сером поднял брови и поцокал языком. — Вы не слишком-то любезны, ваша светлость. Я бы не отказался чего-нибудь выпить.

— Сюда, милейший! — это относилось уже к застывшему на пороге камердинеру, раскрыв рот уставившегося на него.

— Имбирный чай?! Вы это серьезно, господин канцлер? — поморщился гость, сделав глоток из чашки, которую принёс слуга, — Эй, приятель! Принеси-ка нам чего-нибудь из погребов, у дальней стены. Года эдак...

— Довольно, Маттиас! — вмешался граф, — В своём доме я пока что еще хозяин и своими слугами и вином буду распорядиться сам! Можешь допить мой чай, если хочешь. А потом потрудись объяснить, что ты забыл в моем доме. И будь любезен, освободи моё кресло!

Маттиас потянулся, словно сытый кот и одним бесшумным прыжком оказался рядом с графом.

— Прошу, ваша светлость, — поклонился он с преувеличенной изысканностью, — У вас великолепный вкус — мебель и интерьер поистине впечатляют! Впрочем, вы ведь, как известно, страстный коллекционер, знаток дорогих изысканных вещей... Одна тиара Перенольда стоит, по слухам, столько же, сколько весь ремесленный квартал.

Граф Ремингтон словно окаменев, уставился на смеющиеся глаза рыжебородого посетителя, медленно наливаясь темной краской.

— Как ты... — он недоговорил и презрительно махнул рукой, — Ты шпионишь за мной, словно уличный карманник!

— Ну что вы, господин канцлер, — лицо Маттиаса излучало искреннюю простоту, — Я всего лишь пересказываю вам те слухи, которыми полнятся улицы. Люди, как известно, болтают всякое.

Канцлер помолчал. — Чего ты хочешь? — спросил он устало, наконец, — Зачем ты пришел сюда? И почему не явился на совет?

Маттиас развел руками. — Увы, мой лорд, я, к сожалению, не всемогущ. Служебные обязанности не всегда позволяют мне находить время для развлечений...

— По-твоему, королевский совет — развлечение?! — вспыхнул лорд и, скривившись, словно от зубной боли, процедил: — Да что ты о себе возомнил? Думаешь, можешь смеяться над королём, будто он мальчишка? Он ведь далеко не дурак, Маттиас!

Человек пожал плечами. — Ну, разумеется, — сказал он, — Ведь у него есть такие мудрые и надежные советники.

Граф не сводил с рыжебородого человека с застывшей на лице кривой ухмылкой тяжелого взгляда.

— Осторожнее, Маттиас, — негромко предупредил он, — Я ведь могу тебя неправильно понять.

— Боюсь, вы действительно неправильно поняли меня, лорд Риджвелл, — вздохнул Маттиас, — Я искренне рад тому, что в нынешнее непростое время нашему молодому монарху есть на кого опереться. Жаль, что этих людей становится всё меньше. Буквально, с каждым днём.

Граф резко вскочил на ноги, и едва не столкнулся с Маттиасом, который, не шелохнувшись, кротко взирал на него своими чуть раскосыми темно карими глазами.

— Я не знаю, какую игру ты затеял, Маттиас, — тяжело дыша проговорил граф, — Но имей в виду, тебе не удастся меня запугать! Более того, смотри, как бы тебе самому не пришлось отвечать за свои слова. Королю известно больше чем ты полагаешь о твоих делишках...

— Кто из нас без греха, как поговаривает его преосвященство, отец Делавей, — развел руками Маттиас, — Что же, не смею больше обременять вас своим присутствием, господин канцлер. Искренне прошу простить, если мои слова были превратно истолкованы. Надеюсь, вы замолвите за меня словечко перед его величеством.

С этими словами, человек склонил голову в поклоне, и, сверкнув на прощание кривой улыбкой, исчез за дверью.

Граф Ремингтон Риджвелл еще некоторое время стоял у стола, не двигаясь. Чувство тревоги, возникшее сегодня утром на совете, сейчас превратилось в холодающую сердце уверенность.

«Нужно успеть переговорить с Антуаном!» — билась мысль в его голове.

Пронзительный писк кристалла раздался в тот самый момент, когда Атуин уже поворачивал на площади перед Собором в сторону барачков.

Лица вздохнула. Чао с усмешкой покосился на неё.

— Что, уже не так сильно рвешься спасти жизни?

Гномка покраснела. — Просто я уже надеялась увидеть Мирту, — сказала она, — И потом, я переживаю, что ты так и не успел позавтракать. Точнее, уже пообедать.

Пандарен покачал головой. — Что верно, то верно, — вздохнул он, отправляя в пасть очередную порцию травы, — Иногда я завидую тауренам — их желудки способны

переваривать растительную пищу в неограниченном количестве.

— Кстати, — вспомнила Лика, — Как там, интересно, наш таурен себя чувствует? Надеюсь, — добавила она озабоченно, — Он не натворит дел, когда проснется. Мирта ведь там сейчас одна...

— Не волнуйся за неё, — утешил гномку Чао, — Мирта в свое время дружила с одной юнгольской семьёй, так что у неё есть опыт общения с этой расой.

— Юнголы... — Лика старательно морщила лоб, вспоминая уроки гномской энциклопедии существ, — Это ведь какая-то разновидность тауренов?

Чао, не отрывая взгляда от дороги, кивнул. — Только менее цивилизованные. Ведут кочевой образ жизни, играют на гитарах, крадут мушанов...

— А мушаны...

— Верховые животные, очень милые, — пояснил Чао.

— Аа...

Пандарен притормозил у края тротуара и заглушил мотор. — Вроде, на месте.

Лика, нахмурившись, оглядывалась вокруг.

— Чао, — неуверенно начала она, — Мне кажется, мы тут уже были...

— Ну, конечно, — пандарен озабоченно склонил голову набок, прислушиваясь к урчанию в своем объемном животе, — Вон напротив особняк господина Бароса Алекстона, которому вы когда-то нанесли визит вежливости с целительницами Приюта. Именно на этом месте я вас и ждал.

— Так нас снова вызвали к архитектору? — поразилась Лика.

— Не совсем, — Чао доставал из Атуина сумки, — У нас вызов в соседнее здание, там, где ратуша.

— Но ведь, — Лика сощурилась, вспоминая, — Там, кажется, ты говорил, он и работает.

— И он, и многие другие городские деятели, — кивнул пандарен, — В том числе, в ратуше находится редакция «Вестника Буреграда», которым ты зачитывалась нынешним утром. Туда-то нас и вызывают, так что давай поторопимся, чтобы избежать очередных упрёков. Представители прессы, знаешь ли, весьма придирчивы.

— Поторопимся? — Лика покачала головой, — Что с тобой, Чао? Я тебя не узнаю!

Перед входом в ратушу царила небольшая суета. Люди в деловых костюмах входили и выходили из здания. Двое дворфов в сиреневых рубашках, с окладистыми коротко стриженными бородами, попыхивая трубками, о чем-то оживленно спорили неподалеку от крыльца.

Высокая дренька, чем-то напомнившая Лике Анжелу из буреградского банка, в паре шагов от них старательно красила губы, глядясь в маленькое зеркальце.

Дюжий пандарен в синей форме, сложив лапы на животе, посапывал в кресле сразу за дверью. Короткий коридор заканчивался мерцающим облаком портала, переливающимся всеми цветами радуги.

Чао кашлянул, но это не произвело никакого воздействия на дремлющего пандарена.

Потоптавшись немного, Чао наклонился над спящим и потряс его за плечо.

— Эй, Линь Сяо, — позвал он, — Проснись на минутку, будь добр!

— А? — пандарен встрепенулся, протирая глаза, и затряс головой, — Это ты, Чао? Какими ветрами?

— Извини, Линь, — Чао помахал лапой с зажатым в ней жетоном, — Я сейчас на службе, нам нужно срочно попасть в редакцию «Вестника».

— Хм, а что случилось? — пандарен недоуменно таращился то на Чао, то на Лику.

— Пока и сами не знаем, — вздохнул Чао, — Но будет лучше, если ты нас побыстрее пропустишь.

Линь выглядел озабоченным, он даже почесал нос. — Понимаешь, Чао, — сказал он, — Тебя-то я, конечно, хорошо знаю, мы ведь почти соседи были и всё такое. Но у меня инструкция. Проход в здание только по пропускам, подписанным самим редактором, или администрацией. Без пропуска я не могу вас пропустить — это может стоить мне места.

— Но ведь мы — целительская служба! — вмешалась Лика, — И там, возможно, что-то очень срочное! Если вы нас не пропустите, это может стоить кому-то жизни!

Линь недоверчиво воззрился на гномку и по его глазам было видно, как в голове у него идёт напряженная работа мысли.

Чао кивнул. — Она права, — сказал он, — Тебе действительно лучше побыстрее принять решение, старина.

Пандарен посопел еще немного. — Извини, Чао, — с сожалением сказал он, — Но, ты понимаешь, инструкция...

В это время радужная оболочка портала заколыхалась и замерцала. Появившийся из портала эльф заставил Лику вздрогнуть от неожиданности. Всех представителей этой расы, встреченных ею в Буреграде, можно было пересчитать по пальцам, за исключением той ночи у стены.

Но этот эльф разительно отличался от всех, виденных ею раньше.

У него были густые кудрявые бакенбарды, коротко стриженная борода, серебристо-белые волосы, схваченные в хвост. Белая рубашка, черный жилет и расклешенные брюки довершали его образ.

За ухом у эльфа торчал карандаш, в руках он держал несколько свитков.

При виде пандарена и гномки, эльф сощурился, а потом взволнованно закивал.

— Вы, наверное, к Милочке? — осведомился он.

— Эмм... — Чао неловко повернулся, — Вообще-то, мы из целительской службы и у нас вызов в редакцию «Вестника Буреграда»...

— Ну, конечно, — перебил его эльф, — Идемте скорее, вас там уже ждут!

— Линь, это хилеры к Миле, — бросил он через плечо пандарену в кресле, — Проходите скорей!

Чао, пожав плечами, подхватил сумку и двинулся в облако портала. Лика последовала за ним.

Внутри облака оказалось небольшое пространство, где могло поместиться несколько человек.

— Редакция «Вестника»! — громко произнес эльф.

У Лики заложило уши, ей показалось, что они стремительно мчатся куда-то ввысь, но, в следующее мгновение, неприятное ощущение исчезло, и она обнаружила, что стоит уже около портала в начале длинного коридора.

Здесь было довольно шумно, гул голосов сливался в одно целое с лязгом машин, стуком и хлопаньем дверей; в воздухе стоял сизый табачный дым, кроме того, пахло краской и бумагой.

— Сюда, за мной, — позвал эльф, стремительно шагая по коридору.

Вдоль всего коридора располагались с обеих сторон многочисленные двери, за которыми Лика разглядела обширные залы, разделенные на множество отсеков

стеклянными перегородками.

В каждом таком отсеке сидел человек, дрены, или дворф; представителей других рас Лика не успела заметить.

— Ох! — толстенький дворф, выскочивший из-за очередной двери, столкнулся с эльфом.

— Кевин! А я тебя везде ищу!

— Что опять, Громобор? — осведомился эльф с кислой миной.

— Что опять?! У нас подача материала в набор через полчаса, а оформление никуда не годится!

— Я же сдал тебе гранки, — поморщился Кевин, — Что теперь не так?

— Батрилор сказал, что так не пойдёт! Он хочет, чтобы ты еще поиграл со шрифтами.

— Может, мне ему на мандолине поиграть?! Я, в конце концов, дизайнер, а не шаман, который прозревает неведомое!

Дворф замахал руками. — И слышать ничего не хочу! Можешь сам лично ему озвучить, всё, что думаешь! Но мне нужны новые гранки уже сейчас!

Чао кашлянул. — Прошу прощения, господа...

— Идёмте, — эльф поманил их, обогнув растерянного Громобора, — Это здесь...

— У тебя пятнадцать минут! — крикнул им вслед дворф.

Комната, в которую они попали, была меньших размеров, чем предыдущие.

Помимо них, здесь присутствовали еще дородная дворфийка с седыми кудрями, уставившаяся на них строгим взглядом поверх роговой оправы очков; невзрачного вида гном в потертом сюртуке, державший в руках газету, которой обмахивал откинувшуюся в кресле эльфийку, склонившую голову на грудь и закрывшую глаза.

— Милочка, — эльф бодро зашагал к креслу, — Как ты? Я привел тебе хилеров! Как она? — полушепотом спросил он у дворфийки, хмуро косившейся на Чао и Лику.

— Благодарение Свету, мы сделали, что могли, — низким грудным голосом отвечала дворфийка, — Но если бы она столько времени ждала помощи одна, неизвестно, чем все могло бы кончиться.

— Позвольте... — Чао, осторожно лавируя между столами, приблизился к эльфийке.

— Вы меня слышите? — негромко позвал он.

Веки эльфийки чуть затрепетали, но глаза оставались прикрыты, в наступившей тишине прозвучал слабый стон.

— Вы что, не видите в каком она состоянии? — вмешалась дворфийка, — Что вы её пытаете? Делайте уже что-нибудь!

— Одну минуту, мадам, — Чао, насупившись, внимательно смотрел на эльфийку, — Что с ней произошло?

Лика, подошедшая сзади, выглянула из-за спины пандарена.

Девушка, бессильно осевшая в кресле, выглядела несколько бледной. У неё были тонкие, правильные черты лица, очень светлая кожа и изысканный макияж. Длинные темные волосы разметались по ее плечам и груди. Стильный жакет из темной ткани подчеркивал фигуру.

Однако, Лика, как и Чао, пока не могла понять, что именно тут было не так.

Это не было похоже на те отравления, на которые она уже насмотрелась. Грудь девушки вздымалась и опадала ровно, и даже со своего места гномка отчетливо видела, как пульсирует артерия на её шее.

— Покажи ему, Степлер! — велела дворфийка.

Молчаливый гном отложил газету и, с осторожностью взяв в свои ладони безвольно свисающую руку эльфийки протянул её Чао.

Наступила пауза.

— Кхм... И? — протянул Чао вопросительно.

— Что «и»? — неприязненно поинтересовалась дворфийка, — Вы хилер, или кто? Вы что, не видите рану?!

— Повторно прошу прощения, мадам, но я вижу здесь только обычный порез пальца...

— По-вашему, это не рана?

— Видите ли, под раной обычно подразумеваются значительно более серьезные повреждения, представляющими угрозу для жизни и здоровья, — терпеливо пояснил пандарен.

Дворфийка уставилась на него в негодовании.

— Угроза здоровью? А то, что она потеряла, по меньшей мере, несколько литров крови, пока мы сумели остановить кровотечение, что у неё может быть заражение крови и что она сейчас без сознания, для вас ничего не значит?!

Чао сдержанно поклонился. — При всем уважении, мадам, я склонен предположить, что вы несколько преувеличиваете объем кровопотери. Относительно риска заражения... Чем она порезалась?

— Бумагой, разумеется! Чем же еще? — с вызовом произнесла дворфийка.

— Уверяю вас, это неопасно, — кротко заметил пандарен.

Лица не знала, смеяться ей, или злиться.

— Но вы же видите — она без сознания! — не унималась дворфийка.

Чао согласно покивал, озираясь по сторонам.

Заметив стоящий рядом на столе стакан с водой, он взял его в лапу, сделал на глазах изумленной дворфийки большой глоток, а затем неожиданно обдал лежащую перед ним эльфийку тучей брызг.

Громкий визг, раздавшийся сразу же после этого, перекрыл возмущенный возглас дворфийки.

Подскочив в кресле, эльфийка трясла головой и размазывала по лицу тушь и помаду.

— Вот видите, — заметил пандарен, — Она пришла в себя.

— Что здесь происходит? — раздался за спиной Лици звучный голос.

Обернувшись, гномка увидела лысеющего человека средних лет, в очках, с пышной курчавой серебристой бородой и в длинной тунике вишневого цвета.

— Всё... всё в порядке... — прошептала эльфийка, стыдливо закрывая ладонями перепачканное лицо.

— Мойра Магниевна! — человек ткнул пальцем в направлении дворфийки, — Где статистика по истекшему кварталу? Я просил вас еще час назад предоставить её мне!

— Господин Батрилор, — оправдывающимся тоном заговорила дворфийка, — Печатающее устройство сломано, а нашего йетишника не дождешься!

— Что значит — сломано? — человек раздраженно помотал головой, — Кто его сломал?

— Господин Батрилор, я ничего не трогала! Оно само! — решительно отрезала дворфийка.

Батрилор замахал руками. — Решите проблему! — велел он и уже повернулся, собираясь

уходить, когда его взгляд упал на гномку.

Сперва нахмурившись, он поправил очки и взгляделся в Лику пристальной.

— Да ведь это, никак, целительская служба Буреграда? — проговорил он, — Юная гномка, ученица школы Пристижа, отмеченная особой грамотой королевской стражи за выдающиеся заслуги перед городом?

Лица почувствовала, что взгляды всех собравшихся в комнате обратились на неё, и покраснела.

— Так-таак, — пробормотал Батрилор, соединяя кончики пальцев, — Вот так встреча!

Широко улыбнувшись, он с поклоном протянул Лике холеную руку.

— Позвольте представиться, королевский представитель Батрилор, главный редактор «Вестника Буреграда», «Буреградских ведомостей» и ряда других печатных изданий... Весьма польщен знакомством!

Лица не знала, куда ей деться, уши и щёки пылали. Она не глядя пожала протянутую руку и что-то пробормотала в ответ.

— Могу я отвлечь вас буквально на несколько минут? — бархатистый голос Батрилора, казалось, проникал ей в душу.

— Милейна, — бросил он эльфийке, — Предложи господину пандарену чаю!

— Прошу вас, моя дорогая... — снова обратился он к гномке.

Лица в растерянности оглянулась на Чао. Тот с недоумением пожал плечами и покосился на вазочку с печеньем, стоявшую неподалеку.

Смущенная и немного испуганная Лица проследовала за улыбающимся ей редактором.

Кабинет господина Батрилора оказался в самом конце коридора. Светлый и просторный, после гула и шума, царивших в помещениях редакции, он показался Лике вполне уютным. Длинный стол у окна был завален бумагами и пергаментом, повсюду лежали пачки газет, полки шкафов были уставлены книгами, статуэтками и кружками.

Небрежно смахнув на пол с одного из стульев какие-то свитки, Батрилор пододвинул его поближе к столу и жестом с поклоном предложил Лике занять его.

— Ну-с, моя дорогая, прошу прощения, всего одну минуту... Ручаюсь, такого вы еще не пробовали... — приговаривал он, манипулируя какими-то склянками в шкафу.

— Вот!

Редактор наполнил бокал голубоватой жидкостью, от которой по комнате распространился приятный цветочный аромат.

— Совершенно эксклюзивный продукт, — продолжал Батрилор, — Милена каждый раз привозит этот нектар для меня из Дарнасуса, а я, к сожалению, могу позволить его себе лишь в очень ограниченных дозах... Желудок, знаете ли!

Редактор засмеялся дробным смехом. — Ну вот, пожалуйста — стоит появиться целителю и разговор сразу переходит на болячки! Знаю, знаю, вам и так все жалуются...

— Ну что вы, вовсе нет, — запротестовала Лица, смущенная и польщенная одновременно.

— Прошу вас... — Батрилор подал ей бокал, — Натуральный эльфийский нектар, с пыльцой ночных цветов и каплями росы — почти безалкогольный, и исключительно полезный в отношении восстановления сил.

Цокая копытцами, в кабинет вошла дреныка, которую Лица видела у входа в ратушу, неся в руках серебряный поднос с дымящейся чашкой чая и блюдцем с горькой засахаренных фруктов.

Редактор с улыбкой развел руками: — Вот, собственно, мой основной напиток! Но попробуйте же нектар, прошу вас!

Лице неудобно было противиться столь дружелюбному приёму и она из вежливости слегка пригубила бокал. На вкус нектар оказался не менее приятным, чем на запах, и второй глоток она сделала уже с видимым удовольствием.

Батрилор с улыбкой наблюдал за ней. — Ну как? — тоном знатока произнёс он, — Замечательно, не правда ли?

— Да, очень вкусно! — согласилась гномка и, обведя глазами комнату, не удержалась от вопроса: — Так вы редактор нескольких газет?

Батрилор скромно улыбнулся. — На самом деле, дорогая Лика — вы позволите мне так к вам обращаться? — На самом деле, я официальный королевский представитель, что означает, что все печатные издания Буреграда должны проходить согласование со мной. Де-факто, я выполняю функции главного редактора, можно сказать, из чистой филантропии.

Он снова засмеялся, и, хотя Лика имела весьма смутное представление о том, что такое филантропия, она тоже улыбнулась. Ей начинал всё больше нравиться этот обаятельный старикан... Хотя, почему старикан? Интересно, сколько ему лет? Она сделала еще глоток.

— Итак, дорогая Лика, вы, насколько я знаю, прошли универсальный курс обучения в школе Пристижа при Соборе?

— Ну, вообще-то, я еще не совсем прошла, — призналась Лика, — И это только базовые курсы, чтобы получить сертификат нужно поступать в высшую школу, а потом в эту... Как её... Апси... Архистратуру...

— Ну да, конечно, — улыбаясь, покивал Батрилор, — А сейчас вы трудитесь под руководством господина Склифа?

— Вообще-то, мы зовём его просто брат Склиф, — сообщила Лика, — Господин Склиф звучит как-то... забавно!

Она неожиданно для себя рассмеялась.

Редактор, однако, поддержал её и заразительно захохотал вместе с ней, словно невесть какой шутке.

— Говорят, он очень строг? — спросил он гномку, подмигнув и отхлебывая из чашки.

— Ну... — Лика задумалась.

— Поначалу мне тоже так казалось, — призналась она, — А потом я поняла, что он строгий, но добрый... Хотя и ворген, — прибавила она, сама не зная, зачем.

— Вы никогда раньше не встречали воргенов? — поинтересовался Батрилор.

— Н-нет, никогда, — призналась Лика, — Честно говоря, я их совсем по-другому себе представляла...

— Вот как! И какими же именно? — редактор вопросительно приподнял брови.

— Ну... Более дикими, наверное, — задумчиво сказала гномка, нахмурившись, — Я где-то читала, что они питаются сырым мясом и пьют кровь... И превращаются в волков в полнолуние.

— Технически, ворген может превратиться в волка в любое время, — заметил Батрилор.

— Это я уже сейчас понимаю, — согласилась Лика, — Но вообще, брат Склиф больше любит борщ, чем мясо. Я сама видела! И еще он любит разгадывать кроссворды. А я и не знала, что воргены читают газеты!

Батрилор улыбнулся. — Скажу вам по секрету, строго между нами, дорогая Лика, господин Склиф даже сам их сочиняет! Конечно, он присылает их в редакцию под другим

именем, но мы-то знаем!

И он заговорщически подмигнул гномке.

Лица недоверчиво рассмеялась. Батрилор тоже.

Она почувствовала себя необычайно уютно и как-то внезапно осознала, что, при всей её любви к Собору и целительской команде, ей просто жизненно не хватало вот такого чуткого, внимательного и понимающего собеседника, который не смотрит на неё свысока, не читает нравоучений, не иронизирует и вообще видит в ней равную.

Бокал с голубой жидкостью опустел, но Батрилор тут же его снова наполнил.

— Вообще-то, он иногда бывает странным, — доверительно сообщила Лица редактору, — Особенно последнее время...

— Как-раз в полнолуние! — подхватил Батрилор, смеясь, однако, на этот раз Лица отрицательно покачала головой с серьезным видом.

— Нет, это всё началось с той записки...

— Записки?

Лица рассказала редактору о странном письме, опущенным в почтовый ящик баракон накануне.

Тот слушал не перебивая, и лишь время от времени в глазах его загорались огоньки.

— А потом, — рассказывала Лица, — Мы поехали в банк... И господин Фитч...

При упоминании имени аукциониста, редактор насторожился и встрепенулся.

— Господин Фитч?

— Ну да, вы знаете, он вроде как самый главный из всех аукционистов; так вот он мне сказал...

Внезапно Лица замолчала. Перед её глазами вдруг вспыхнули буквы, которые она видела в кристалле Фитча, а потом — на корешке папки лорда Вишлока.

— Ну-ну, дорогая, и что же было потом? — словно через туман донеслись до неё слова редактора.

— Господин Батрилор, — сказала Лица вдруг, — Вы, случайно, не знаете, что такое КСБ?

Королевский представитель недоуменно вскинул брови: — Знаю ли я? Столпы созидания, было бы странно, если бы я не знал! Это все знают!

— И что же это? — спросила Лица, чувствуя себя снова глупой провинциалкой.

Главный редактор посмотрел на неё с изумлением:

— Разумеется, Королевская Служба Безопасности!

Их дальнейшая беседа была прервана стуком в дверь. В дверном проеме маячила приземистая фигура строгой дворфийки.

— Господин Батрилор, отчёт по статистике готов! — объявила она, почему-то неодобрительно глянув на гномку при этом.

— Ой, мне, наверное, пора, — спохватилась Лица, — Там ведь Чао уже заждался...

— Если вы о пандарене, то он съел всё печенье и теперь спит, сидя на столе гнома, — ядовито заметила Мойра, — Бедняга Степлер был слишком стеснителен и тактичен, чтобы обратить его внимание на то, что это не табуретка!

— Хорошо, хорошо, Мойра Магниевна, — редактор слегка поморщился, забирая у дворфийки пухлый свиток, — Благодарю вас!

— Дворфийские женщины, безусловно, весьма ответственные и исполнительные, но характер у них, между нами говоря, не сахар, — прошептал он Лике, когда за дворфийкой

закрылась дверь.

— Однако, я действительно слишком вас задержал! Но не могу не спросить, почему вас так вдруг заинтересовала данная аббревиатура?

Ли́ка покраснела. Ей совсем не хотелось объяснять главному редактору, что она тайком заглянула в личный кристалл аукциониста, а сочинять на ходу небылицу было не очень удобно. В конце концов, она объяснила Батри́лору, что «случайно» заметила информацию о выкупленных лотах удавника, пока была в кабинете Фитча.

Неизвестно, поверил ли королевский представитель в её редакцию событий, но он пришел в неописуемый восторг.

— Ли́ка, дорогая моя, — воскликнул он, — Вы никогда не задумывались о карьере журналистки? У вас природный талант! Если захотите сменить профессию — я готов хоть сегодня зачислить вас в штат!

Ли́ка смутилась.

— Простите! — спохватился Батри́лор, — Кажется, я начинаю злоупотреблять вашим вниманием. Идёмте же, моя дорогая, я почту за честь проводить вас!

В комнате, где они оставили пандарена, царило оживление. Чао, действительно, дремал в углу, сидя на небольшом столике, который, откровенно говоря, был бы маловат даже для Ли́ки. Пустая вазочка из-под печенья стояла рядом с ним на полу. Гном, которого звали Степлером, пыхтя от натуги, пытался осторожно вытащить из-под массивной туши медведя какой-то рулон бумаги.

Однако, внимание Ли́ки привлекла не эта картина, а новая пара, появившаяся в комнате за время её отсутствия.

В центре комнаты, склонившись над блестящей металлической коробкой, стоял огромный заросший белым мехом йети, покачивая башнеподобной головой, увенчанной двумя парами рогов. Небрежно развалившись в кресле напротив него, сидел небольших размеров олень в тёмных очках, вязаном свитере и протертых на коленях диковинного покроя синих брюках. Он о чем-то оживленно беседовал с эльфийкой, которая, очевидно, к этому времени уже полностью пришла в себя и громко залиристо смеялась, пожалуй, даже слишком громко.

Мойра Магние́вна неодобрительно качала головой, косясь на них поверх очков из своего угла.

Встречавший их эльф отсутствовал.

— Ч-что это? — пролепетала Ли́ка, в изумлении глядя на собравшихся.

При звуке её голоса, олень повернул голову, и, увидев гномку и Батри́лора, живо вскочил на задние копыта.

— Хей, шеф! — воскликнул он, — А мы тут как-раз проект обсуждаем! Тема — бомба! Журнал про дрене́ек и эльфие́ек! «Легион моделей»! А?

— Дорогая Ли́ка, познакомьтесь — это наш арт-директор, его зовут Метцен, — представил оленя Батри́лор, — Метцен, это — Ли́ка, бурреганка, выпускница школы Прести́жа и городской целитель.

— Здорово, подруга! Как жизнь? — подмигнул ей олень, Клёвая причёска! А сумочка ваще отпад!

— Сп-пасибо, — пробормотала опешившая Ли́ка, осторожно пожимая копыто оленя.

— А это — наш йетишник, Гринч, — продолжил Батри́лор.

— Можно просто Гриня, — пробормотал йети, почесывая длинную бороду, свисающую

неровными прядями.

— Гринч, ты разобрался с проблемой? — спросил Батрилор.

— Ага, — йети лениво поскреб затылок отверткой, — Там краска закончилась...

— Мы же только недавно заправляли все аппараты! — удивился редактор, — Опять свои селфи печатали?! Будете использовать служебную оргтехнику в своих целях — урежу оклад!

И, глянув на гномку, Батрилор подмигнул ей.

— Что же, дорогая Лика, был искренне рад знакомству, надеюсь, мы с вами еще увидимся! — почти пропел он, поднося на прощание руку гномки к своим губам, для чего ему пришлось согнуться едва ли не вдвое.

Следом за ним комнату покинули Гринч и Метцен, причем последний на прощание тоже подмигнул Лике.

Степлеру, наконец, удалось вытащить из-под пандарена рулон.

— Чао! — позвала Лика, — Нам пора!

Проснувшийся пандарен долго моргал, не понимая где находится, и что происходит.

Наконец, они направились к порталу в конце коридора, провожаемые все тем же молчаливым гномом. Лика пыталась заговорить с ним, но он отвечал односложно, и ей пришлось оставить эту затею, заметив, что Чао как-то странно поглядывает на неё.

— Ух, как там у них всё здорово! — восхитилась Лика, когда они вышли на улицу, — И господин Батрилор такой душка, правда, Чао? Ой, ты же с ним почти не разговаривал, — спохватилась гномка.

— Что с тобой, Лика? — недоуменно спросил пандарен, — Ты какая-то... слишком оживенная...

— Правда? — Лика улыбнулась, — А, может, у меня просто хорошее настроение — никто не умер сегодня, погода отличная, и мы, наконец, едем в бараки! Кстати, Батрилор сказал, что из меня получилась бы отличная журналистка!

— Ну-ну, — неопределенно пробурчал пандарен, заводя мотор Атуина.

— Да ну тебя, Чао! — возмутилась гномка, — Ты не выспался, что ли, на том гномском столике? Между прочим, я узнала, что такое КСБ!

Чао посмотрел на неё с удивлением.

— Ой, я же тебе раньше не говорила, — спохватилась гномка, — В общем, я...

Она вкратце повторила ему историю, рассказанную Батрилору.

— Только ему я не говорила, что заглянула в кристалл, пока Фитч отсутствовал, — добавила она.

— Интересно, — пробормотал Чао.

— Правда?

— Интересно, что ты вспомнила и рассказала об этом мне только теперь, а Батрилору — практически сразу, после первых минут знакомства...

— Ну... — Лика задумалась. Сейчас уже она и сама не могла бы себе объяснить, как так произошло, но ей не хотелось в это вникать. — Так получилось, — заключила она, потрянув чёлкой.

Пандарен покачал головой. — Значит, лоты были выкуплены королевской службой безопасности, — проговорил он, — Быстро же они отреагировали. Если только...

Он задумался.

— Если только — что? — спросила Лика.

— Приехали, — вместо ответа вздохнул пандарен.

— Вот я не люблю, когда так отвечаю... — начала было Лика, и осеклась.

На хорошо знакомом ей крыльце, у входа в бараки сидела Мирта, с тазом воды и ведром картошки.

Рядом с пандаренкой возвышался огромный (почти как йети) бычеголовый таурен.

— Ой, — только и могла вымолвить Лика, — Он что, уже выздоровел?

— Вероятно, — флегматично отозвался Чао, — Я же тебе говорил, что у них очень хорошая регенерация...

— Доброго дня, сестрица! — окликнул он Мирту, — Я смотрю, твой пациент уже пошел на поправку!

При звуке голоса Чао, таурен обернулся и грозно зарычал.

Лика во все глаза смотрела на мощный рельефный торс, бугрящийся мускулами, жилистые ручищи, способные, без сомнения, завязать подкову в узел, бычью голову с большими темными глубоко посаженными глазами, широкие рваные ноздри, косматую свалывшуюся шерсть и пару толстых, изогнутых кпереди рогов.

— Эмммыыыrrrrrr! — проревел монстр, делая шаг по направлению к ним, и нагибая голову так, что рога оказались нацелены на них. — Ымммууу!

«Мама», — пронеслось в голове у Лики, которая с детства испытывала боязнь к крупным животным, вроде дворфийских баранов или быков (последних, она, правда, почти не встречала).

Неожиданно, Чао выступил вперед и тоже пригнул голову. — Ымммуу! — не то прорычал, не то промычал он в ответ.

Лике начало казаться, что она потихоньку сходит с ума.

Пандарен и таурен сошлись вместе, уперевшись друг в друга лбами. Постояв так какое-то время, они стукнулись головами и сделали оба шаг назад.

— Лика! — Мирта заметила её замешательство и поспешила ей на помощь, — Иди скорее сюда!

— Что происходит, Мирта? — спросила гномка, в ужасе глядя, как Чао и таурен топчутся друг вокруг друга.

Мирта махнула лапой. — Не обращай внимания! Гракх приветствовал моего брата, а тот ответил, что рад его видеть и надеется, что его пребывание здесь будет счастливым.

— Что, вот именно это и сказал? — недоверчиво уставилась гномка на пандаренку.

— Ой, ну если быть точной, он сказал: «пусть здешние пастбища будут обильны и сочны для тебя, могучий рогоносец, да будут дни твои долгими, а потомство — сильным и здоровым», — пояснила Мирта.

— Он же просто сказал «Мууу!» — удивилась Лика.

При этих ее словах таурен обернулся и гневно замычал.

— Что...что он говорит? — спросила гномка, с опаской глядя на налившиеся кровью глаза таурена.

— Осторожней, пожалуйста, дорогая, — бросила ей в ответ покрасневшая Мирта, — У тауренов очень чуткий слух, а ты только что обвинила его в неспособности быть отцом многочисленного семейства.

— Ой, — Лика ужасно смутилась, — Я... я не хотела! И как мне теперь перед ним извиниться?

Мирта покачала головой. — Лучше уж ничего не говори, я сама...

Пандаренка что-то сказала таурену, и тот, выслушав её, снова повернулся к Лике, и промычав что-то в очередной раз, наклонил перед ней голову.

— Он говорит, что принимает твои извинения, юная дева из низкорослого племени, — перевёл Чао, — И будет рад если твои копыта будут топтать пастбища его степей.

— Какие ещё копыта? — возмутилась Лика.

Чао укоризненно поглядел на неё. — Это образное выражение, лексическая идиома. Думаешь, легко переводить с тауренского на общий? У них, между прочим, существует сто четырнадцать способов произнесения слога «му»!

— Ладно, я поняла, — вздохнула Лика, — А что следует делать мне?

— Просто наклони тоже голову в знак уважения.

— Надеюсь, мне не надо с ним бодаться? — тревожно спросила Лика.

— Что ты! — замахала лапой Мирта, — Это касается только самцов... мужчин, то есть.

Лика послушно склонила голову, когда же, выпрямившись, она встретилась глазами с тауреном, ей показалось, что в его карих глазах горели весёлые огоньки, а толстые губы расплываются в улыбке. Секунду спустя, таурен запрокинул голову и разразился серией булькающих звуков, словно в воду упало несколько огромных булыжников. Лика не сразу поняла, что это был смех.

Она испуганно покосилась на Чао, стоявшего также с растерянным видом, потом на Мирту, также хохочущую, и утирающую слезы рукавом.

— Прошу прощения, маленькая гномка, — голос таурена был звучный и густой, — За это небольшое представление. Мирта оказалась права — получилось, действительно, весело!

— Так вы... знаете общий язык? — поразила гномка, — То есть, это всё было...

— Шуткой, — закончил Чао и покачал головой, — Мирта, я должен был догадаться... А я то старался, вспоминал тональность и произношение дифтонгов...

— У вас очень хорошее произношение, господин Чао, — заметил таурен, — Для пандарена, разумеется.

— Благодарю вас, — Чао выглядел польщенным, — Гракх — это действительно ваше имя?

Таурен кивнул. — Приблизительно так оно звучит на общем.

— И вы действительно вождь? — не удержалась от вопроса Лика.

Губы таурена снова тронула улыбка. — На моей родине каждый мужчина, способный держать в руке оружие имеет право называться вождем, — пояснил он, — У наших племен очень строгие и древние законы.

— Но... как вы оказались в городской тюрьме? — Лика уже забыла первоначальный испуг и теперь горела любопытством.

— Это долгая история, — с усмешкой отвечал Гракх, — Если коротко — я стал заложником.

— Заложником? — Лика с трудом могла себе представить кого-то, кто рискнул бы взять в заложники таурена.

— Заложником обстоятельств, или, если точнее, своей тяги к путешествиям и познанию новых ощущений, — с чуть заметной грустью отвечал таурен.

— Гракх увлекался естественными науками, — вмешалась Мирта, — И ему всегда хотелось посмотреть мир. Он решил покинуть родные пастбища Мулгора, чтобы присоединиться к мореплавателям, однако, ему не повезло — судно попало в шторм, его снесло волной с палубы, когда он пытался удержать мачту, и вынесло на берег Западных

Земель. Там его обнаружили рыбаки, которые донесли на него властям, а те, в свою очередь, арестовали его, как вражеского лазутчика.

— Но...за что? — удивилась Лика.

— Главным образом, из-за моей фракционной принадлежности, — вздохнул Гррош, — Перемирие между Альянсом и Ордой носит во многом весьма условный характер. Впрочем, если бы в степях Мулгора появился человек, ему бы тоже вряд ли пришлось рассчитывать на благодушный приём.

Чао покивал головой. — Чужаков не любят нигде, — согласился он, — Даже здесь, в Буреграде, несмотря на официальную декларацию принадлежности к Альянсу мы, пандарены, нередко с этим сталкиваемся.

— И что вы собираетесь делать теперь? — спросила таурена Лика.

Гракх пожал плечами. — Пока официально я нахожусь у вас в статусе пациента, мне ничто не грозит, — сказал он, — Здесь намного лучше, чем в тюрьме, кроме того, я рассчитываю подать апелляцию королю о досрочном освобождении. Правда, для меня это будет означать депортацию, но уж лучше так, чем заживо гнить в казематах.

— Кстати, о казематах, — проговорил Чао, — Что там произошло? И как ты оказался ранен?

Таурен покачал головой. — Я мало, что помню, — сказал он, — Все шло как обычно, было время ужина и смены вечернего караула. Внезапно поднялся какой-то шум, откуда-то ворвались гномы, которые сбили замок с решетки, что-то крича, но я ничего не понял из их воплей. Потом прибежала стража, затем появились гноллы и набросились на людей. Я стал помогать стражникам...

Лика в недоумении уставилась на таурена. — Но ведь они держали тебя в тюрьме! Тебе не обязательно было вмешиваться в драку — мог бы спокойно убежать.

Таурен пожал плечами. — Они же просто выполняли свой воинский долг, — сказал он, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся, — А монстры, вроде гноллов, не разбирают таких понятий, как честь, или верность. Они стремились убивать ради убийства, некоторые даже жертвовали возможностью побега, ради того, чтобы убить кого-нибудь из людей. А их вожак был суций демон — это он так покалечил эту бедную девушку. Он набросился на неё и начал рвать на части — её спасло от мгновенной смерти только то, что он, видимо, получал удовольствие, видя ужас и боль на её лице и слушая её крики. Он наслаждался этим, что дало мне шанс наброситься на него, когда он не ожидал атаки. Я крикнул ему, что только трусы нападают на безоружных самок... прошу прощения — женщин. И тогда он отбросил ее в сторону, прорывчав, чтобы никто не смел ее трогать, и кинулся на меня. Я считаю не самым слабым воином в нашем племени, но против его ударов немногие даже из нас могли бы устоять. Однако, мне удалось задержать его на какое-то время, позже подоспела стража, так что ему пришлось прорываться наружу с боем; только это меня и спасло. Я пополз назад в свою камеру, потому что опасался, как бы меня не затоптали, или не добили в темноте стражники, приняв за гнолла. Потом, кажется, я потерял сознание.

— Когда мы тебя нашли, ты скалил зубы и рычал, — заметил Чао.

— Возможно, — согласился Гракх, — Я плохо помню происходящее после. Я мог принять вас за гноллов, или за стражу, которая пришла меня убить...

— Когда я вернулся со стражей, ты был без сознания, — продолжил Чао, — Я дал тебе лекарство, чтобы ты крепко спал, и мы привезли тебя сюда... Конечно, догадайся я, что ты

понимаешь общую речь...

— Ты все-равно поступил бы также, вмешалась Мирта, — Других вариантов у тебя попросту не было!

Чао нехотя кивнул, соглашаясь.

Рокот мотора чоппера возвестил о прибытии братьев.

Чао переглянулись с Миртой. Лика подумала, что сейчас, возможно, состоится очередной спектакль из жизни тауренов, но, стоило ей увидеть лица братьев, веселое настроение разом улетучилось.

Под левым глазом Вилли красовался багровый кровоподтек, у Билли была разбита нижняя губа, а нос выглядел распухшим.

— Что случилось? — ахнула Мирта, — Неужто гномы опять устроили драку и у вас хватило ума в неё влезть?!

Чао покачал головой с тревогой глядя на дворфов. — Боюсь, что нет... — пробормотал он.

Билли сплюнул. — Гномы! Как же! Будь дело в них, я бы только рад был намять бока этим бритоголовым. Он скривился и попробовал пальцем во рту шатающийся зуб.

— Это наши соотечественники, — мрачно проговорил Вилли, — Точнее, буреградцы — нас они таковыми не признают...

— Расскажите? — спросил Чао.

— Я думал, местные жители враждебны только по отношению к детям Орды, — подал голос таурен.

Билли воззрился на него, как на ожившую статую. — Ого, — сказал он, — Видал, братан? Он еще и разговаривает!

— Быстро оклемался, — пробурчал Вилли, настороженно косясь на Гракха снизу-вверх, — Теперь я понимаю, почему Сэмюэльсон не особо возражал против его госпитализации, — прибавил он, поглядев на ведро с картофелем.

— А я, кажется начинаю понимать, почему ваши соплеменники с вами так поступили, — невозмутимо парировал таурен.

— Слушай, — разозлился вдруг Билли, — Ты бы помолчал лучше, а, бычок!? Понимает он...

Таурен промолчал, а Чао осторожно коснулся лапой плеча дворфа.

Тот мотнул головой, скрипнул зубами, и как-то резко сник.

— Одного из дворфийских танов пытались отравить, — бесцветным голосом сказал он, — Старейшины пришли в ярость, а когда узнали, что у нас еще и нет противоядия, обвинили нас в том, что мы продались властям и ведем игру против них...

— Да, мы узнали сегодня о себе много нового, — зло усмехнулся Вилли, — Оказывается, мы — сборные прихвостни, королевские шавки и эти, как их там еще...

— Воргеновы выкормыши, — с горечью процитировал Билли.

Лика не верила своим ушам. — Но... Ведь вы же столько раз помогали им... — вырвалось у неё, — Как они могли забыть об этом?!

Ответом ей было всеобщее молчание.

Мирта, Чао, братья дворфы и даже таурен, казалось, понимали друг друга без слов и думали об одном и том же.

В наступившей тишине особенно резко прозвучал скрип двери.

Лика во все глаза разглядывала невысокого, сверкающего лысиной старичка с

окладистой бородой, в пестрой серо-зеленой тунике со множеством карманов, с прищуром оглядывавшего всех, собравшихся у крыльца.

— Познакомьтесь, — сказал брат Склиф, — Это — отец Зеборий, новый руководитель городской целительской службы Буреграда.

Глава 13. Гость из прошлого

Высокое белое здание, располагающееся в глубине парка Буреграда, возвышалось над зелёными кронами окружающих его деревьев. Экзарх Оккам остановился около резных ворот, за которыми начиналась утоптанная дорожка, ведущая к Приюту.

Среди разбитых клумб и газонов прогуливались обитатели уникального и самого необычного лечебного заведения Буреграда, не фигурировавшего ни в одной из официальных летописей или хроник города. Тут проходили курсы восстановительного лечения те из жителей, которые по каким-либо причинам, начинали сомневаться в собственной реальности, либо обнаруживали в себе новые, альтернативные личности, или, устав от окружающей их действительности уходили в свою, доступную только им.

Здесь можно было встретить представителей самых разных рас и народов и даже существ, как среди пациентов, так и среди лечащего состава, так что порой невозможно было провести грань между теми и другими.

Формально, Приют не являлся лицензированным лечебным учреждением города, и представлял собой, скорее стихийно организовавшуюся структуру с автономной системой управления и собственным фондом.

Основателем его являлся полумифический эльфийский монах Эль Ниньо, по городской легенде, один из первых представителей народа калдорай, посетивший Буреград в те дни, когда город лежал в руинах после нашествия полчищ орков. Вдохновленный красотой этого места, с которого открывался вид на морскую гавань с одной стороны, и бескрайние западные земли с другой, он посадил здесь семена деревьев, которые привез из родного Дарнасуса, тем самым положив начало городскому парку.

Будучи натурой не только творческой, но и деятельной, Эль Ниньо, упражняясь в медитации и созерцании, активно помогал местным, немногочисленным после отгремевшей войны жителям, делясь с ними своими знаниями и опытом. Искусство врачевания, которым он владел, привлекало к нему множество страждущих, а мудрые наставления и умение дать нужный совет высоко ценились немногочисленными поселенцами этих мест. Со временем, вокруг него сформировалось нечто вроде общины, которая впоследствии и стала орденом, получившим название Шаль-Тер Инь-Сан, что в переводе с древнеэльфийского означало «Пристанище разума».

Спустя годы, когда люди вернулись в свою разрушенную столицу, и город снова начал отстраиваться, орден содействовал им, чем заслужил благоволение правителя людей, и для ордена был построен отдельный замок, который и стал именоваться Приютом. Однако, позже, в возрождаемом королевстве вспыхнула смута, переросшая в гражданскую войну, унесшую жизни многих, в том числе — королевы, покровительствовавшей ордену. Опечаленный произошедшим и потрясенный людской жестокостью, эльфийский монах не захотел более поддерживать отношений с властями и внешним миром, и навсегда скрыл Приют за туманами, искажающими реальность. Отныне дорогу туда могли найти лишь те, чье внутреннее око могло прозревать сквозь видимую оболочку внешнего мира, либо же те, кто для кого реальность была относительна и зыбка.

Такова была легенда. Внешне же, Приют выглядел как вполне обычное здание старинного типа, высотой в несколько этажей, с белыми стенами. Близость моря и особое

расположение приводили к тому, что здание было, действительно, частично скрыто туманом, а особая слава его обитателей делала Приют мало популярным среди горожан.

Обо всём этом экзарх размышлял, пока шел по дорожке ко входу в здание. Высокие двери бесшумно распахнулись перед ним. Просторный и светлый вестибюль производил смешанное впечатление — множество зеркал, располагавшихся повсюду, искажали реальность, и мешали определить истинные размеры холла. Среди десятков отражений дренея, смотревших на него со всех сторон, вокруг мелькали десятки, если не сотни других, выглядевших смутными, словно призрачными. Он и сам почувствовал себя неуверенно в этом странном и непонятном месте.

Мимо экзарха сновали пациенты и фигуры в белых халатах, но никто, казалось, не обращал на него внимания, словно он был чем-то нереальным. А, может, нереальными были они?

Кто-то тронул его за плечо.

Обернувшись, Оккам встретился взглядом с невысоким дренеем, с морщинистым лицом, облаченным в короткий кожаный жилет со множеством заклепок, поверх которого был накинут белый халат.

— Экзарх Оккам, если не ошибаюсь? — голос дренея был чуть хрипловатым.

Оккам склонил голову.

Дрней удовлетворенно кивнул. — Идёмте, ваше попечительство, я провожу вас.

Лицо дренея смутно казалось знакомым экзарху, но он не мог припомнить, где его видел.

— Мы знакомы? — спросил он на всякий случай.

Дрней сделал неопределенный жест рукой. — Буреград — небольшой город, — расплывчато ответил он, — Возможно, имя старого Пыха кому-то что-то да говорит.

— Этот белый халат, — снова заговорил Оккам, когда они поднимались по лестнице, — Означает принадлежность к ордену?

Пых покачал головой. — Здесь не существует понятия ордена в том смысле, в котором вы привыкли понимать, отец экзарх. Это — особенное место. Тут кто-то теряет себя, а кто-то — находит. Наша задача — помочь обрести равновесие ищущим. И те, кто преуспевает в этом, становятся Проводниками, балансирующими на грани реальностей... Белый халат — лишь символ просветления.

«Иными словами», — подумал экзарх, — «Все они тут не совсем нормальные».

Словно угадав его мысли, Пых усмехнулся.

— Иногда, — сказал он, — Мне снится, что я заперт в бесконечном пространстве со стеклянными перегородками, словно белка в колесе, совершающая бессмысленный бег. И в тот момент, когда я вижу этот сон, я уверен в его реальности. Так где же настоящий я?

Оккам пожал плечами. — Свет! — сказал он, — Нельзя забывать про Свет! Истинное знание доступно лишь разуму, просвещенному им. Иначе мы обречены блуждать в потемках.

Пых покачал головой. — Я не силён в теософских вопросах, — сказал он, — Для шамана реальность всегда относительна. Впрочем, — он хитро улыбнулся, — Возможно, в лице отца Зебория вы, экзарх, найдете достойного оппонента.

Они остановились у потемневшей двери, покрытой облупившейся краской. На позеленевшей от времени медной табличке крупным готическим шрифтом было выведено: «Зеборий».

Оккам повернулся к своему провожатому, чтобы поблагодарить его, но обнаружил, что

тот исчез, словно растворившись в неярком свете мерцающих светильников.

Пожав плечами, дренией осторожно постучал в дверь. Тишина. Он постучал еще раз и прислушался. Непонятный шум, доносившийся из-за двери, сбивал его с толку. Наконец, постучав третий раз, экзарх нажал дверную ручку, издавшую скрип, и дверь неожиданно легко поддалась, пропуская Оккама в полутемную келью.

Здесь стоял тяжелый сивушный запах. Неподалеку от входной двери у стены располагался топчан, рядом с которым высился пузатый бочонок и маленький столик с деревянной резной кружкой. На топчане, скрестив ноги, восседал невысокий старичок, которого можно было принять как за человека, так и за дворфа. Окладистая седая борода торчала в разные стороны воинственными ключьями, круглая лысина поблескивала капельками пота. Насупившись, старик не сводил сосредоточенного взгляда с крохотной модели гномской огнестрельной боевой машины, с жужжанием кружащейся по полу, по-видимому, и являвшейся источником шума, который экзарх слышал из-за двери. В руках у старика была зажата небольшая коробочка с рычажками и кнопками, посредством которой, очевидно, он управлял перемещениями машины.

Экзарх кашлянул, но это не произвело ни малейшего эффекта на увлеченного дворфа (или, всё-таки, человека?); казалось, он вообще не заметил появления в комнате постороннего.

— Крона кай крестор, — произнёс дренией традиционную форму приветствия, — Мир тебе, почтеннейший Зеборий!

С тем же успехом он мог обращаться к деревянному бочонку.

В некоторой растерянности, экзарх приблизился к топчану. — Отец Зеборий! — окликнул он старика, — Вы слышите меня?

Модель боевой машины все с тем же противным жужжанием описала круг и уткнулась в сапог экзарха.

Старик поднял глаза на дрениея, и с интересом уставился на него, словно только что заметив его присутствие.

— Меня прислал его высокопреосвященство... — начал Оккам.

Старик с непроницаемым выражением лица снял со стола деревянную кружку и, отвернув у бочки невидимый экзарху краник, наполнил ее до краев темной жидкостью с резким запахом.

Так же молча поставил ее перед дрениеем и устремил на него выжидательный взгляд.

— Благодарю вас, отец Зеборий, но я, пожалуй, воздержусь, — экзарх чувствовал себя сбитым с толку. — Я бы хотел обсудить с вами поручение владыки...

Старик продолжал смотреть на Оккама светлыми глазами, без единого намека на понимание, или мимику, только где-то в уголках глаз, казалось, затаилась усмешка.

— Его высокопреосвященство...

Боевая машина зажужжала и поползла по направлению к противоположной стене; доехав до середины комнаты, она остановилась и начала вращать башенкой.

Экзарх вздохнул. Он начинал понимать, почему архиепископ, напутствовав его на встречу с опальным священником, загадочно усмехался.

«Нам приходится считаться с мнением Склифа», — сказал он тогда Оккаму, — «А он настаивает на кандидатуре Зебория, как единственной достойной альтернативе. И, к сожалению, ваше попечительство, я вынужден возложить на вас эту миссию по проведению переговоров с нашим возлюбленным братом. В свое время я настоял на его выходе на покой,

дабы укрепить его пошатнувшееся здоровье. Надеюсь, вы обрящете его в добром здравии.»

И вот теперь, стоя у топчана и наблюдая за сопевшим от натуги стариком, ожесточенно терзающим рычажки, отец Оккам испытывал определенные сомнения относительно надежд архиепископа.

Боевая машина, тем временем, развернув башню, открыла прицельный огонь по шеренге выстроившихся у окна пустых бочонков.

Очевидно, оставалось только покинуть келью впавшего в забытие старика, либо...

Еще раз вздохнув, экзарх взял в руки кружку и, досадуя на себя, поднес ее к губам. Глаза заслезились от едкого запаха браги. Зажмурившись, дреной несколькими долгими плотками осушил содержимое кружки и, со стуком поставив её на столик, осел на топчан, почувствовав звон в ушах.

Жужжание смолкло. Старик с интересом и явным одобрением смотрел на дреной.

— Зеборий! — представился он, протягивая дреной сухую жилистую ладонь.

— Ок-кам, — выдавил дреной, отвечая на неожиданно крепкое для сублильного телосложения старика рукопожатие.

— Ну, как там погода? — поинтересовался дворф, наполняя кружку повторно и прикладываясь к ней.

— С утра светило с-солнце, — задумчиво припомнил дреной.

— А что вообще в мире делается? — осведомился Зеборий, ставя на стол пустую кружку, и вытирая усы рукавом.

Экзарх задумался. Вопрос неожиданно показался ему весьма глубоким и многогранным.

— Гармонии в мире нет, — вздохнул он, — Наару нас никак не забудут... То есть, не вспомнят! То есть... Он сделал неопределенный жест рукой, пытаясь точнее сформулировать мысль.

Старик понимающе кивал и наполнял кружку.

— Нет, ты пойми! — горячился экзарх Оккам, стуча кулаком по столу, — Ты своё личное благо поставил выше блага общественного!

Зеборий упрямо мотал головой. — Неет — это ваше, то есть, его высокопреосвященство поставил личные амбиции выше моих принципов!

— Каких таких принципов? — удивился дреной.

— А таких! — наставительно подняв указательный палец вверх, отвечал Зеборий, выразительно поглядывая на пустую кружку, — Что каждый индивидуум имеет право на свободу самовыражения!

Дреной икнул, осмысливая сказанное.

— Алкоголизм, — глубокомысленно заметил он, — Это не самовыражение, а суть проявление духовной слабости и отсутствия веры в Свет...

— Сам ты алкоголик, — обиделся дворф, — А у меня это — перьфоманс!

Солнце уже клонилось к закату, когда у ворот внутреннего двора Собора зазвонил надвратный колокол. Дремавший в тени деревьев привратник поспешил, чтобы отворить калитку.

— Милостью Наару, я в-вернул заблудшего брата в лоно церкви, — торжественно сообщил ему пошатывающийся экзарх, обнимая за плечи едва достигающего его груди дворфа.

— Это, положим, еще вопрос, кто кого и куда вернул, — пыхтел тот, — Забирайте

вашего дренея, пока его высокопреосвященство сюда не пожаловал собственной персоной...

Передав блаженно улыбавшегося экзарха в руки ошеломленного привратника, старый дворф почесал затылок, подслеповато озираясь по сторонам, взвалил на плечо потертый бочонок, и не спеша направился в сторону переулка, ведущего к Баракам Исцеления.

Лица с тревогой смотрела на бледное лицо брата Склифа, тёмные круги под его глазами и странный, нездоровый блеск в них. Она чувствовала, что происходит что-то странное.

«Он ведь, похоже, так и не поел сегодня», — мелькнула мысль в её голове.

Судя по недоуменно нахмурившемуся выражению морды Чао и вытянувшимся физиономиям дворфов, они разделяли её чувство.

— Мирта, покажи, пожалуйста, отцу Зеборию наши палаты и заодно подготовь для него отдельный кабинет, — упреждая их вопросы проговорил ворген, — Чао, отчитаешься о результатах инвентаризации. Двое из ларца... Ну, вы давно знакомы с Зеборием. Брат Склиф перевел взгляд на Лику и нахмурился, словно только что заметил её присутствие.

— А ты почему здесь?! Разве тебе не полагается сейчас быть на занятиях?

— Кхм, это моя вина, — вмешался Чао, — У Атуина с утра барахлил мотор, и я попросил Лику посмотреть его...

Ворген покачал головой. — Ты напрасно покрываешь её, Чао, — вздохнул он, — Его высокопреосвященство не станет тебя слушать, если встанет вопрос о её отчислении за прогулы и игнорирование указаний наставника. Боюсь, ты злоупотребляешь доверием отца Оккама, Лица.

Эти слова кольнули гномку, и она опустила глаза, чувствуя, что краснеет.

— А теперь прошу извинить, — брат Склиф слегка поклонился, — Меня ждут дела...

— Но как же обед?! — воскликнула Мирта, — Вы ведь даже не завтракали...

Она осеклась и замолчала под обратившимися на неё внезапно взглядами.

Лицо Склифа тронула слабая грустная улыбка.

— Извини, Мирта, — сказал он, — Я обязательно воздам должное твоей кухне, но позже. А сейчас мне нужно идти.

— Склиф! На пару слов... — Чао догнал воргена и начал что-то говорить ему на ходу. Лица заметила, как он вытащил платок из кармана жилета.

+++

Отец Зеборий кашлянул. — Я понимаю, ребята, ваше недоумение, — сказал он, — Я и сам, признаться, не ожидал, что всё так обернётся. Собственно, никак не ожидал, да. Но у нас будет еще время потолковать. Склиф сказал, у вас есть пациентка, которой нужна помощь целителя?

Мирта, украдкой вытирая глаза кивнула и заторопилась вперёд, к двери, ведущей в палатное крыло.

Лица немного удивилась такой эмоциональности обычно весёлой и жизнерадостной пандаренки.

«В конце концов», — подумала она, — «Ворген ведь не ребёнок, чтобы так переживать из-за того, что он вовремя не поел... Хотя, возможно, для пандаренов это значимо, с их культом еды и всем, что с ним связано».

Таурен не последовал за ними; сев на крыльце, он подобрал оброненный Миртой нож и начал чистить картошку.

Лилиан лежала на кровати, казалось, в той же позе, в какой её оставила утром Лица.

Из-за прикрытых занавесок и полумрака в комнате её лицо выглядело постаревшим и осунувшимся. Хриплое дыхание вырывалось из груди девушки, прикрытой темно-бурой повязкой.

Зеборий нахмурился, подойдя ближе, покачал головой. — Когда меняли перевязку? — осведомился он, приподнимая одеяло.

— Сегодня утром, — ответила Мирта, косо поглядывая на дворфа.

Тот, казалось, проигнорировал её слова, и решительно взялся за бинты, прикрывавшие рану.

— Воды? — спросила Мирта, но Зеборий лишь отрицательно помотал головой, чем заслужил еще один неприязненный взгляд.

Извлекая из кармана складной нож, дворф проворно разрезал бинты, сбрасывая их прямо на пол. Пандаренка не утерпела и скрылась на кухне, откуда вернулась все-таки с тазом, полным воды, в сопровождении Чао.

Зеборий к тому времени снял последний слой.

Лица отвернулась. Кто-то из братьев (а, может, оба одновременно) втянул со свистом воздух сквозь зубы.

Рана выглядела ужасно — лохмотья кожи почернели и загноились, разодранные мышцы местами обнажали ребра. Лилиан застонала.

— Потерпи, потерпи, девочка, — пробормотал Зеборий, закрывая глаза.

Его сухонькие жилистые руки словно порхали над раной, как будто лепили что-то невидимое для глаз присутствующих.

— Сейчас, сейчас, — приговаривал Зеборий, — Будешь, как новенькая... Кстати, — он приоткрыл один глаз, — Размер груди у неё какой был? Дворфы недоуменно переглянулись.

— Ну... такой примерно, — задумчиво сказал Вилли, потрясая в воздухе растопыренными пятернями.

— Да не, — перебил его брат, — Поменьше...

— В общем, в таком деле и переборщить не грех, — рассудил Зеборий.

— А ну-ка вон отсюда оба! — вспыхнула Мирта, — И ты — тоже! — добавила она, обращаясь к Чао.

— А вы, — обернулась она к Зеборию, когда за пандареном и дворфами закрылась дверь, — Лечите её раны, а не пяльтесь, куда не попадая! И размер оставьте прежний!

— Легко вам, пандаренкам, говорить, — обиженно бормотал Зеборий.

Лица между тем, раскрыв рот, наблюдала за тем, как безжизненные и грязно-серые мышечные волокна, казалось, наливаются силой и красками, сначала делаясь ярко-красными, потом — розовыми, потом — покрываясь белой паутиной сухожилий, постепенно исчезающей под сначала полупрозрачной, а потом все более гладкой и ровной кожей. Еще несколько секунд, и от страшного вида увечья не осталось и следа, кроме тонкой розовой полоски на коже вдоль грудины.

Зеборий отступил на шаг назад и склонил голову набок, любуясь своей работой. Выглядел он довольным, но Лица обратила внимание, что пальцы его явственно дрожали, а на лысине выступил пот.

Мирта набросила одеяло на Лилиан и покачала головой, глядя на Зебория. — Даже не думала, что такое возможно, — призналась она.

Дворф самодовольно подмигнул ей. — Так-то, хозяйюшка! — Есть еще порох в пороховницах... Ну, а теперь я бы не отказался подкрепиться...

Стон девушки оборвал его. Лилиан открыла глаза и теперь пыталась приподняться на локтях.

— Лилиан, дорогая! — Мирта склонилась над ней, — Как ты себя чувствуешь?

— Намного лучше, спасибо, — голос девушки обрел звучность и силу, — Сколько времени я тут нахожусь?

— И суток еще не прошло, — покачала головой пандаренка, — Ты попала в жуткую переделку.

Лицо Лилиан омрачилось. — Хоггер, — тихо произнесла она, — Я всегда знала... Чувствовала, что он придёт за мной. Это взгляд из-за прутьев решетки, он словно преследовал меня...

— Ну-ну, всё уже позади, — успокаивала её Мирта, поглаживая лапой по голове, — Этого монстра непременно схватят, и тюрьма ему больше уж точно не грозит.

Лилиан тряхнула головой, словно отгоняя страшное воспоминание.

— Надеюсь, — произнесла она тихо, — Теволтер мне всегда говорил, что гноллам неведомы чувства жалости и благодарности. А я ведь спорила с ним, доказывала, что разумные существа не отличаются от нас...

— В этом, девонька, ты, может, не так уж и ошибалась, — вздохнул Зеборий.

Лица неожиданно вспомнила про кобольда. Она совершенно забыла о нем, когда была в тюрьме в ночь нападения. Удалось ли ему спастись?

— Лилиан, — сказала она, — А что случилось со старым Фиксом?

Девушка нахмурила брови, припоминая. — Его освободили под расписку в тот же день, — ответила она, — За него был внесен залог, и он покинул тюрьму за пару часов до нападения.

Взгляд Лилиан задержался на гномке и та вдруг почувствовала, как вспыхнули её уши; она догадалась о чем пойдет речь.

— Ты здесь не при чём! — тихо произнесла Лилиан, — Среди людей ведь тоже достаточно отъявленных бандитов...

Но Лике было от этого не легче.

— Это ведь был Штепсель, да? — спросила она, не глядя в глаза девушке.

— Ты его знаешь? — удивилась та, — Да, он был во главе банды, напавшей на форт.

— Нападение на форт? — вмешался Зеборий, — Да о чём вы?! Я так понял, что девчонку помяли гноллы!

— Гноллы были заперты, — пояснила Лилиан, — Но кто-то предупредил их о готовящемся нападении, потому что в тот вечер они даже не буянили, и вели себя на удивление тихо. А Хоггер... Он не отходил от решетки и скалился, глядя на меня. Тогда я не придавала всему этому значения, но когда гномы ворвались и начали сбивать замки с решеток, те не трогали их. Они действовали заодно!

— Но как этим малюткам удалось проникнуть через двойное оцепление? — недоуменно покачала головой Мирта, — Ведь форт окружен стеной и там тоже посты...

Лилиан пожала плечами. — Это была пятница, — напомнила она, — Теволтер к этому времени обычно уже напивался где-нибудь в таверне, поэтому караульные не слишком пунктуально сменяли друг друга. Вполне возможно, что на момент нападения там была пара стражников, вместо положенных шести. Учитывая, что гномов было около дюжины, захватить пост для них не составило большого труда. А когда они ворвались в караулку, использовали дымовые шашки, под прикрытием которых сумели быстро проникнуть в

подземелье и освободить своих и гноллов. К тому же, — она грустно усмехнулась, — Ты плохо знаешь гномов, Мирта, если считаешь их «малютками». Этот их главарь, Штепсель, не уступит гноллу в силе и проворстве...

«И в коварстве и подлости» — подумал Лика, кусая губы.

Мирта вздохнула. — Ладно, — сказала она сердито, — Что бы там ни было, это всё позади. А сейчас есть более насущные заботы. Обед, например.

— Ты хотела сказать — ужин, — заметил Зеборий, кивая на сгустившиеся за окном сумерки.

Мирта махнула лапой. — Для тех, кто уже обедал, может, и ужин, — сказала она, кинув выразительный взгляд на Лику.

Лика только сейчас ощутила, что в животе у неё с самого утра не было ничего, кроме пары бокалов ликёра и нескольких засахаренных ягод, которыми её угощал редактор.

— Что ж, — радостно сказал Зеборий, — Подкрепиться, действительно, не мешало бы!

— Лилиан, я принесу тебе поесть сюда! — всполошилась пандаренка, глядя, как девушка пытается подняться с кровати. Однако, та отрицательно помотала головой. — Спасибо, Мирта. Но, мне кажется, я уже отлежала себе все бока.

— Ничего ей не сделается, — прогудел Зеборий, ухмыляясь, — Наоборот, сейчас полезнее будет двигаться!

Мирта поджала губы, но возражать не стала, лишь поддержала Лилиан, спустившую с кровати ноги.

— Лика, — сказала она, — Подай-ка сюда таз с водой. Целительство целительством, а гигиену никто не отменял. А ты, — добавила она, обращаясь к дворфу, — Мог бы пока подождать в холле.

— Старый дворф сделал своё дело, старый дворф может идти, — усмехнулся Зеборий, и, шутливо подмигнув Лике, исчез за дверью.

Лика впервые видела такое количество народу за столом в холле барачков.

Огромный таурен возвышался, словно башня, чинно и с достоинством орудуя ложкой. Рядом с ним сидел Чао, меланхолично крошащий хлеб в свою миску. Братья дворфы, оживленно гремя мисками, переговариваясь и смеясь, трунили над Зеборием, восседавшим чуть ли не в обнимку с пузатым бочонком и снисходительно ухмылявшемуся их шуткам в усы. Лилиан сидела рядом с Ликой, она ела мало, несмотря на хлопоты Мирты и уговоры «покушать еще немного». Сама пандаренка устроилась с краю, то и дело отбегая на кухню, проверить печь, помешать что-то в кастрюле, переставить тесто и невесть зачем ещё.

Улучив момент, Лика наклонилась к ней. — Мирта, — спросила она её тихо, — А куда пошёл брат Склиф? Уже ведь почти совсем стемнело! И его до сих пор нет...

Пандаренка как-то странно глянула на неё. — Я думаю, — сказала она, — Вам с Чао лучше знать.

— Нам? — Лика так удивилась, что нечаянно повысила голос. Мирта нахмурилась и, пробормотав что-то по поводу опары, сорвалась и скрылась на кухне.

Дворфы не обратили на это внимания, но от Лики не укрылся задумчивый взгляд из-под полуопущенных век пандарена, которым Чао проводил сестру.

— Эй, здоровяк! — окликнул таурена раскрасневшийся Билли, — Как тебе миртина стряпня? Небось, получше той баланды, которую на нарах хлебал? Дворф засмеялся и кинул в таурена коркой хлеба, метя ему в рог. Горбушка попала в ухо Чао, который как-раз в этот момент решил выпрямиться. Братья уже готовы были грянуть хохотом (хотя Лика не видела в

этом решительно ничего смешного), когда Чао настороженно поднял лапу вверх.

На секунду возникла тишина.

— Только не говори, что это опять кристалл! — взмолился Вилли. — Дай хоть...

Тяжелый стук в дверь перебил дворфа на полуслове.

С кухни раздался грохот посуды и из коридора выглянула Мирта с полотенцем в лапах.

«Склиф! Наконец-то!» — с каким-то непонятным облегчением подумала Лика, когда скрипнула входная дверь.

Но на пороге стоял не ворген.

— Доброй трапезы, — проговорил знакомый гномке голос. Слегка пригнувшись, чтобы не задеть шлемом притолку, звеня доспехами, в холле возникла долговязая фигура капитана Сэмуэльсона.

Таурен привстал, едва не опрокинув при этом стол, но капитан лишь скользнул по нему равнодушным взглядом. Он снял шлем, сдержанно поклонился Мирте и оглядел присутствующих.

— Прошу простить за столь поздний визит, — отрывисто извинился он, — Мне нужно видеть брата Склифа.

Мирта чуть слышно ахнула.

— Эмм, — Чао выглядел несколько смущенным, — Дело в том, капитан, что брат Склиф отлучился по делам. Может быть, вы подождете его? Мы как-раз ужинаем, присоединяйтесь к нам!

— Благодарю за приглашение, — капитан снова поклонился, неловко крутя в руках шлем, — К сожалению, дело не терпит отлагательств. Я так понимаю, что в его отсутствие руководство целительской службой осуществляете вы, господин пандарен?

— Не совсем так, — Чао почесал нос, — Видите ли, господин капитан, у нас произошли небольшие кадровые перестановки... Официально, руководство службой теперь осуществляет отец Зеборий.

И пандарен указал лапой на дворфа, невозмутимо наливавшего в свою здоровенную деревянную кружку очередную порцию коричневого напитка из своего, казавшегося бездонным, бочонка.

— Зеборий? — капитан недоуменно нахмурил брови, вглядываясь в старика и вдруг ахнул, — Это вы?! Вы меня помните?

Дворф покосился на капитана, сдувая с кружки пену, так, что хлопья полетели во все стороны.

— Молодой Сэмуэльсон! Как же, как же, — усмехнулся он, — Как здоровье матушки?

— Благодарю вас, — с чувством ответил капитан, — Вашими стараниями, всё благополучно, жива-здоровая.

— Ну и славно! — заключил дворф, делая глоток, — Что привело тебя под этот кров в столь поздний час, мальчуган?

«Мальчуган» слегка покраснел, лицо его приобрело серьезность и жесткость.

— Королевская стража нуждается в целительском эскорте, — отчеканил он, — Нам необходима поддержка в связи с выполнением, кхм, особого задания, — он покосился при этих словах на таурена, который сидел, опустив голову, глядя в тарелку.

— Опять секреты, — вздохнул Зеборий, — Всё не наиграетесь. Что, вот так срочно, на ночь глядя?

Сэмуэльсон молча кивнул. Дворф развел руками. — Сколько же целителей вам

требуется? — спросил он, — Пары, надеюсь, хватит?

Капитан покачал головой. — Генерал говорил о четверых...

— Четверых! — Зеборий фыркнул в негодовании, расплескав содержимое кружки, — А чего уж тогда не дюжину?! Маркус там совсем умом тронулся, от побед в тавернах?

— Генрал Клэйн, с вашего позволения, сэр, — деревянным голосом сказал Сэмуэльсон.

— Клэйн? — изумился Зеборий, — А куда ж Маркус подевался?

— Почитай газеты, Зеборий, — перебил его пандарен, поднимаясь из-за стола, — Я полагаю, капитан, что мы с братьями постараемся справиться с поставленной перед вами задачей...

— А как же я? — пискнула Лика, не выдержав, — Я ведь тоже...

— Нет, — резко отрубил Чао, — Брат Склиф совершенно прав. Я и так позволил тебе уговорить меня сегодня утром. Хватит с тебя ночных дежурств — тебе давно пора в Собор. Тебя ждут занятия и, кроме того, тебе необходим полноценный отдых. Не обсуждается, — прибавил он, точь-в-точь, как ворген, глядя на недовольное лицо гномки, явно порывавшейся спорить.

— Извини, сестренка, но он прав, — добавил Билли, поднимаясь из-за стола одновременно с братом, — Тебе, действительно, пора отдохнуть. К тому же, дело, как я понимаю, не для девочек, верно, капитан?

Сэмуэльсон, поколебавшись, кивнул, хотя по глазам его было видно, что лично он ничего бы не имел против присутствия гномки, ради комплектации запрошенного начальством состава.

— Возвращайся в школу, Лика, — подала голос Мирта, — Иначе отец Оккам и вовсе запретит тебе приходить сюда.

— Оккам? Это тот дрений со смешным произношением? — вспомнил Зеборий, — Ну лучше тебе его слушать, дочка, — поспешно прибавил он под гневным взглядом Мирты.

У Лики на глаза навернулись невольные слёзы. Чтобы не выглядеть глупо, она наклонила голову, стараясь не разреветься, и, молча выбравшись из-за стола, проследовала к двери. Чао сочувственно поглядел ей вслед. — Тебя проводить? — неуверенно окликнул гномку Вилли, но брат толкнул его локтем в бок, и он осёкся. — А чего я такого сказал? — недоумевающе спросил он, когда за Ликой закрылась дверь.

Выйдя на улицу и сделав несколько шагов, Лика остановилась. Шмыгнув носом, она уставилась на огромную полную луну, нависшую над ней. Собственно, она и сама осознавала справедливость доводов друзей, но ее душила обида оттого, что с ней обращаются как с несмышленной девчонкой, которую просто взяли и отправили спать, в то время, как у старших начинается самое интересное.

«И Мирта туда же», — с горечью подумала она, — «И даже Лилиан ничего не сказала в её поддержку, а ведь могла бы...»

В десятке метров от неё в свете луны блестели шлемы стражников, по-видимому, сопровождавших Сэмуэльсона. Слева под деревьями, накрытые холстиной стояли чопперы. Справа темным шатром возвышался купол Атуина. Лика подошла к нему и погладила его, как старого друга. «Он, по крайней мере, помнит, что я его ремонтировала», — совсем по-детски подумалось ей. Внезапно, её осенила мысль, от дерзости пробравшая холодом. «А что, если...»

Входная дверь скрипнула, озарив на несколько секунд золотым светом ступеньки крыльца, и затворилась.

— Брр, прохладно! — поёжился Билли, — Ну, теперь-то можно узнать, куда и зачем мы едем, капитан?

— Следуйте за нами, — вместо ответа распорядился Сэмуэльсон, — Я и мои люди поедem на лошадях.

— Так мы бы быстрее управились, — попробовал возразить Вилли, но капитан отрицательно покачал головой. — Нет. Спешка нам не нужна. Более того, прошу вас, по возможности, не привлекать внимания.

Билли фыркнул. — Это на Атуине-то?! Ну-ну...

— Полезайте в кузов, — сказал Чао, — Я поведу.

Спустя минуту, послышалось цоканье копыт лошадей, следом затарахтел мотор Атуина. Братья расположились поближе к кабине, Вилли держал в руках корзинку, наскоро собранную Миртой.

— И что за таинственность, — задумчиво сказал он, — На моей памяти такого не бывало, чтобы капитан стражи лично приходил в бараки. Билли пожал плечами. — Скоро узнаем, — сказал он.

Глава 14. Порт в огне

Атуин ехал медленно, держась в нескольких метрах от конной кавалькады. В воздухе потянуло свежестью и еще чем-то, какими-то менее приятными запахами.

Билли недоуменно нахмурился. — Порт?

— Похоже на то, — согласился Вилли, — По этой дороге мы только туда и попадём.

Дорога изгибалась, образуя широкие петли, медленно спускаясь к морю. Пахло солёным морем, древесиной, прелыми водорослями и нечистотами.

— Не люблю я порт, — пробормотал Билли.

— Как и я, — согласно кивнул Вилли, выглядывая из-под полога, — Так и есть, брат — едем прямо к портовому кварталу. Ого, да тут, похоже, оцепление!

Атуин не спеша затормозил, Чао заглушил мотор.

Капитан Сэмюэльсон в сопровождении еще одного офицера подошел к телеге.

— Вы, господа целители, временно препоручаетесь майору Шолтону, — сказал он, — Вам следует находиться в том месте, где он вам укажет, вместе с вашей телегой. По мере поступления раненых и пострадавших во время операции, будете оказывать им помощь. Всё ясно?

— Ясно, господин капитан, — Чао нахмурился морду, смотрел на покосившиеся хибары, покрытые соломой и парусиной, — Можно узнать, о какой операции идет речь?

— Можете, господин пандарен, — рокочущий голос, раздавшийся из-за спины, заставил медведя повернуть голову.

— Господин генерал, — Чао поклонился бывшему полковнику Хаммонду Клэю, чьи доспехи отблескивали в свете луны и факелов багровым кровавым блеском.

— Нами проводится операция по зачистке квартала, — чеканя слова, заговорил генерал, — По полученным данным, именно здесь окопались те бунтовщики, которые посмели напасть на королевскую тюрьму.

— Мелкозадое отродье, — сплюнул на землю майор Шолтон, за что был удостоен свирепого взгляда Сэмюэльсона. — Виноват, простите, сэр! — спохватился он.

— Наша задача, — продолжал Клэй, — Вывести мерзавцев на чистую воду, обезвредить и доставить на суд, живыми или мертвыми.

При этих словах со стороны телеги донесся приглушенный вскрик. Хаммонд коротко глянул в сторону стоящих около неё дворфов, и продолжал: — Разумеется, мы постараемся свести к минимуму риск потерь со стороны наших солдат, однако, учитывая обстоятельства, ваша помощь может потребоваться в любой момент, поэтому будьте готовы.

Кивнув на прощание, генерал вскочил ногой в стремя, взлетел на своего коня и рысью двинулся в сторону строений.

Чао провожал его задумчивым взглядом.

Тем временем, Билли откинул полог Атуина.

— Так-так, — сказал он.

— Ого! — присвистнул Вилли, — Ну, ты даешь, подруга!

Лица, закусив губу, смотрела на них исподлобья из своего угла, где пряталась за сундуком.

Подошедший Чао лишь покачал головой. — Ты меня огорчаешь, Лица, — вздохнул

он, — Не ожидал от тебя...

Гномка упрямо мотнула головой. Она не знала, что сказать, чувствуя себя по-дурацки. Не глядя на Чао, она стала выбираться из телеги, но пандарен загородил ей путь.

— Нет, — твёрдо сказал он, — На правах ответственного по бригаде я отстраняю тебя от какого-бы то ни было участия в этой операции. Я не могу отправить тебя обратно, но, если ты попытаешься куда-нибудь еще вмешаться, я буду вынужден попросить Сэмуэльсона взять тебя под стражу.

Лица вспыхнула. Она посмотрела на братьев, но те оба старательно отводили глаза.

Ей ничего не оставалось, как, надувшись, снова усесться в кузов. Отсюда, приоткрыв полог, ей была видна залитая лунным светом поверхность моря и темное скопление покосившихся домишек, облепивших узкую полосу берега между пристанью и дорогой, на которой они стояли. Самым высоким зданием в квартале была, видимо, таверна, чьи окна кое-где светились бледно-желтыми огоньками. Неподалеку от Атуина горели костры, рядом с которыми прохаживались облаченные в полные доспехи стражники и, кажется, солдаты. Приглядевшись, Лица заметила отблески костров справа и слева от них, на расстоянии порядка сотни метров; очевидно, расставленные через определенные промежутки караульные посты охватывали цепью весь квартал, зажимая его между отвесных скал, нависающих над бухтой с обеих сторон, и морем.

Капитан Сэмуэльсон вглядывался в скрытые сумерками очертания домов лежащего перед ним портового квартала. Собственно, кварталом эти трущобы можно было назвать лишь с большой натяжкой — добрая половина построек в нём вообще не была предназначена для жилья, служа различными складами, часть из которых была разрушена и облюбована городскими бандами в качестве притонов. Отсутствие мостовых и чрезмерная влажность почвы приводила к тому, что на улицах этого района в любое время года было по щиколотку грязи, перемешанной с мусором и сточными канализационными водами. Официально, квартала не было в генеральном плане города, господин Барос, королевский архитектор, и вовсе с пеной у рта отрицал его существование, настаивая на радикальном сносе имеющихся «развалин» и новой застройке, однако, все попытки стереть этот гнойник с лица города, так и не увенчались успехом — особенности рельефа и почвы крайне осложняли воплощение в жизнь честолюбивых замыслов архитектора, а стоимость реализаций новых проектов делали их полностью нерентабельными в глазах королевского суперинтенданта лорда Вишлока. В результате, «несуществующий» квартал жил своей собственной жизнью, негласно игнорируемый властями и, как следствие, очень быстро облюбованный всякого рода отребьем.

Сэмуэльсон вздохнул и поправил перевязь с ножнами. У него отчаянно чесалось под лопаткой, но проклятая кираса не давала никакой возможности добраться до этого места.

Пегий конь всхрапнул и переступил копытами, косясь на своего седока. Что-то тревожило животное. Капитан, выросший на ферме Элвинского Леса, хорошо знал повадки лошадей, и понимал их едва ли не лучше, чем людей. По крайней мере, относился к ним с куда большей симпатией.

— Ваши люди готовы, капитан? — фигура Хаммонда Клэя на вороном, крепкого телосложения жеребце смотрелась единым монолитом, придавая в сумерках генералу сходство с мифическим кентавром.

— Так точно, ваше превосходительство, — не задумываясь, рапортовал Сэмуэльсон.

— Тогда приступаем!

Небольшой отряд всадников отделился от импровизированного лагеря и поскакал по направлению к баракам. Следом за ним потянулась цепочка пехотинцев, состоявшая из королевской стражи. Арьергардом за ними, на дистанции полета стрелы, шли арбалетчики, под командованием майора Шолтона.

«Новоиспеченному генералу, очевидно, не терпится продемонстрировать свои тактические таланты», — подумал Сэмуэльсон, глядя на зигзагообразную цепочку факелов, медленно движущуюся вперед.

Конный отряд тем временем уже достиг первых строений и растворился между ними. Пешие стражники еще только подтягивались к баракам, когда ночную тишину пронзили крики, звон стали и ржание лошадей.

Конь Сэмуэльсона тревожно прынул ушами и, вытянув морду, отозвался протяжным ржанием в ответ.

Хаммонд Клэй, хмурясь, вглядывался в темноту — небосвод затянуло тучами, скрывшими луну. Огни факелов рассыпались и гасли, скрываясь в темных провалах квартала.

— Доброй ночи, господа, — словно возникшая из воздуха фигура человека, закутанного в плащ, появилась рядом с ними. Офицеры, находившиеся рядом с Клэем, схватились за эфесы мечей, но, стоило человеку откинуть капюшон с лица, разом, как по команде отпустили их.

Генерал повернулся всем корпусом, всматриваясь в худое узкое лицо человека с длинными рыжеватыми волосами и аристократической бородкой.

— Сэр Маттиас, — проворчал он, — Эта операция проводится силами вверенного мне департамента. Ваше присутствие здесь не обязательно.

— Ошибаетесь, генерал, — блеснув улыбкой, сказал человек, — Бунтовщики, организовавшие вооруженный мятеж и совершившие нападение на государственное учреждение, подпадают под категорию ведомства внутренних дел, как угрожающие безопасности королевства. Так что мое присутствие здесь вполне обоснованно. Более того, было бы намного лучше, если бы вы сочли нужным предварительно согласовать со мною план операции...

— Я сам решаю, что лучше, а что нет, милостивый государь, — оборвал человека Клэй, сверкнув глазами, — Когда мне понадобятся ваши услуги, я непременно обращусь в... ваше ведомство.

Последние слова он произнёс так, словно выплюнул что-то гадкое.

Глаза Маттиаса сузились. Казалось, он собирался ответить генералу, но в этот момент раздался дробный топот копыт и из темноты вынырнул всадник, мчащийся во весь опор. Сэмуэльсон едва успел подхватить под уздцы хрипевшего коня. Его седок наклонился и сполз с седла на руки офицерам.

— Он ранен! — воскликнул кто-то.

— Сэр... Полковник... Генерал Клэй, сэр! — прохрипел солдат.

Он был без шлема, и в дергающемся свете факелов было видно, что его волосы слиплись от крови.

— Докладывайте, — сухо распорядился Хаммонд, потемнев лицом.

— Эти бунтовщики... Они организовали засаду, сэр! Они вооружены пищалями, стреляли по лошадям. Еще пращники, один из них ранил меня. Кажется, нескольких они захватили в плен. Сержант велел мне скакать к вам и доложить обстановку.

— Проклятье!

Генерал выпрямился в седле. Глаза его метали молнии.

— Они ждали нас! Их предупредили!

Сэр Маттиас пожал плечами с красноречивым видом.

Генерал перевел на него яростный взгляд, но человек встретил его без тени эмоций, лишь едва заметно усмехаясь.

— А чего вы, собственно, ждали? — спросил он.

— Демоны тебя раздери, Маттиас! Чего я ждал?! Я ждал, что королевская служба безопасности не задарма жрёт свой ломоть булки с маслом! Это утечка! Государственная измена!

— Позволю напомнить, — заметил Маттиас, — Что даже я узнал о данной операции всего пару часов назад, что, очевидно, делает честь членам Совета.

— И тем не менее, ты уже здесь, и, судя по всему, успел прибыть раньше нас, — констатировал Клэй, глядя на человека в упор.

— Это обвинение, генерал? — невозмутимо поинтересовался Маттиас.

— Это факт, сэр Маттиас!

— Неплохо для начинающих конспирологов, совсем неплохо.

— Ты еще смеешь забавляться, — прорычал Клэй, наливаясь багровой краской, — Весело тебе, как я погляжу? Игнорируешь заседания Совета и открыто глумишься над нами!

Офицеры, ставшие невольными свидетелями разгорающегося конфликта между начальством, переминались с ноги на ногу. Никому из них не хотелось попасть под горячую руку и обрушить на себя весь гнев.

Сэмуэльсон, понимавший это не хуже других, вздохнул про себя. Он сдержанно кашлянул.

— Сэр, — сказал он, — Если к солдату больше нет вопросов, разрешите провести его к целителям. Рану следует обработать...

Генерал, не сводивший взгляда с невозмутимо взиравшего на него Маттиаса, кивнул, не поворачивая головы. — Пусть идёт, — распорядился он сумрачно. И, обратившись к офицерам, добавил: — Адъютанта ко мне, живо!

Лица сидела на краю телеги, свесив ноги и сосредоточенно грызла ногти.

Примостившийся рядом Вилли, немного повздыхав, предложил ей собранных Миртой бутербродов из корзинки, и, получив молчаливый отказ, устроился поодаль, жуя.

Она видела, как стоявшие в паре десятков метров от них Сэмуэльсон и Клэй о чем-то переговаривались, потом генерал отдал какой-то приказ и войска пришли в движение. Потом послышались топот лошадей, крики, на какое-то время широкая спина пандарена загородила ей обзор. В круге света ближайшего костра появились солдаты, ведущие под руки стражника в помятых доспехах, без шлема.

— Сюда! — подал голос Чао, маша лапой.

Лица получила возможность получше рассмотреть человека. Это был совсем еще юный парень, на его бледном от страха, залитом потеками крови лице, особенно резко выделялись веснушки.

Светлые волосы были покрыты коркой запекшейся крови, дойдя до телеги, где его принял у сопровождавших его людей Чао, он осел на землю, мелко дрожа.

— Билли! — негромко окликнул Чао, взясь с застежками доспехов, — Ты не мог бы помочь...

На гномку он подчеркнуто не смотрел, хотя та была всего в паре шагов от него.

«Ну и ладно», — досадливо подумала про себя Лика, — «Пусть сами и возьмётся!»

Подошедший на зов дворф склонился над креплениями кирасы, а Чао, подслеповато щурясь, тем временем осматривал голову пострадавшего.

— Ничего особенного, — бормотал он, осторожно перебирая лапами волосы и разглядывая рану, — Задело вскользь, просто царапина... Чего ты так трясешься? Последние слова он адресовал юноше, который, со страхом в глазах глядя на пандарена, неуверенно пожал плечами.

— Лик... Вилли! — пандарен досадливо мотнул головой, чем вызвал мстительную усмешку гномки, — Будь добр, подай воды! Надо промыть рану.

Продолжавший жевать близнец утвердительно кивнул, и, достав из телеги вместительный кожаный бурдюк, приблизился к пандарену, и начал поливать голову раненого.

— Готово! — объявил, выпрямляясь, Билли, помогая стражнику освободиться от кирасы.

— Так... — пандарен осторожно ощупывал мягкими лапами ребра и живот человека, — Чего ты дергаешься?!

— Ще... щекотно, — смущенно признался тот.

Лика прыснула. Чао, обернувшись, сердито поглядел на неё. — Подай-ка лучше бинты! — велел он.

Лика с готовностью, которую сама от себя не ожидала, сорвалась с места и, вытащив из сундука рулон льняной ткани, подала его Чао.

— Помочь? — тихонько спросила она, глядя, как пандарен наматывает слой за слоем на голову веснушчатого.

— Твое место в телеге, — напомнил ей Чао, разрывая ткань и завязывая под подбородком у парня огромный бант.

Лика пожалала плечами и вернулась.

— Ступай, воин, — вздохнул пандарен.

Но парень не спешил уходить. — И всё? — недоверчиво протянул он, — А разве мне не положено там возложение рук, или какой-нибудь оздоравливающий эликсир?

— Оздоравливающий пендель! — рассердился Билли, — Вали с глаз моих, пока я не доложил генералу, что ты симулируешь тяжелую черепно-мозговую травму с легкой ссадиной!

Парня как ветром сдуло.

— Зря ты так, — укоризненно заметил Чао, — Все-таки, у него может быть сотрясение...

— Ты же сам всегда говоришь, что если мозгов нет, то и сотрясаться нечему, — отпарировал дворф.

— Ну, в вашем случае, это действительно так, — согласился пандарен.

Билли насутился, явно обдумывая ответную обидную реплику, но их диалог прервал Вилли.

— Смотрите, — взволнованно сказал он, указывая пальцем в сторону квартала, — Пожар?!

— Заряжа-ай!

Зычный рёв майора прокатился над шеренгой солдат, державших в руках тяжелые громоздкие арбалеты. Скрежет взводных механизмов был ему ответом. Для того, чтобы натянуть достаточно тугую тетиву, требовались определенные усилия, несмотря на наличие хитроумных приспособлений.

— Це-еельсь!

Десятки острых клювов стрел, покоящихся в желобах орудий, словно стая хищных птиц были готовы взмыть в воздух.

— Господин майор!

Конный посыльный осадил коня перед Шолтоном и, спрыгнув, рапортовал: — Приказ его превосходительства!

Выслушав донесение, майор хищно оскалился.

— Слушай мою команду! — провозгласил он, — Разрядить оружие! Сменить стрелы!

Сэмуэльсон с какой-то жуткой заворуженностью наблюдал за тем, как огненные вспышки стрел пронизывают ночной небосвод и пылающим дождем обрушиваются на крыши домов квартала.

— Титаны Созидатели, там же полно людей! — вырвалось у него.

Услышавший эту фразу генерал резко обернулся к нему.

— Прежде всего, там — опасные бунтовщики, грабители и убийцы! — отчеканил он, — Уже пострадали ваши люди, капитан, вам их жизни менее ценны?

— Никак нет, сэр! — Сэмуэльсон привычно вытянулся в струнку, — Но... там же жители...

— У них было время для эвакуации, — отрезал генерал, — Кроме того, оставьте ваши иллюзии — нормальных жителей в этих трущобах нет! Это грязный притон, гнойная язва на лице города, которую давно следовало стереть!

— Да, сэр, разумеется, сэр!

Клэй поглядел на каменное лицо Сэмуэльсона и неожиданно смягчился.

— Капитан, — сказал он, — Ты неплохой человек, но служба в страже тебя расслабила. Пойми, с момента нападения на тюрьму в городе, фактически, начаты боевые действия. Здесь и сейчас атакованы правительственные войска — мы ведем самую настоящую войну. И если мы позволим себе мягкость и полумеры, завтра она захлестнет весь город.

В глубине души Сэмуэльсон не мог не признать справедливость доводов генерала, но что-то внутри него вызывало сомнения. «Уверен, Маркус нашел бы какой-то другой способ», — подумал он и вздохнул.

Но генерал уже отвернулся от него, отдавая очередные распоряжения.

Сквозь разошедшиеся тучи, полная луна взирала на пылающее зарево пожара над портовым кварталом.

Лица устало провела рукой по перепачканному сажей и кровью лицу. Спину ломило. Она уже потеряла счет времени, которое провела, помогая Чао и братьям бинтовать раны, обрабатывать ожоги и отпаивать эликсирами наглотававшихся дыма людей. Да, именно людей — ни одного гнома среди пострадавших не было. Она боялась спрашивать, надеясь мысленно, что ее соплеменникам удалось покинуть объятые огнем бараки, или, по крайней мере, сдать властям. Хотя, в отношении действий последних, иллюзий она не испытывала. В воздухе стоял мерзкий запах гари, дым, доносящийся от пожарища, ел ей глаза, и она то и дело принималась тереть их грязными кулаками. В нескольких метрах от неё стражники с

алебардами наперевес караулили пленных, которых захватывали при попытках покинуть квартал. Были ли среди них гномы, она не знала. Генерал распорядился задерживать всякого, а в любого, держащего в руках оружие — стрелять на поражение.

Её внимание привлекли чьи-то крики со стороны лагеря.

Оборванец в покрытых копотью лохмотьях, норовил обхватить руками колени майора Шолтона, ползая у него в ногах. Стоявший рядом сержант брезгливо отталкивал его плоской стороной алебарды.

— Прошу вас, господин! — не унимался оборванец.

— Чего он хочет? — спросил подошедший Чао.

Майор раздраженно отмахнулся. — Говорит, что где-то там у него остался отец. Якобы, он пытался вытащить его из горящего дома, но потерял сознание; солдаты подобрали его и принесли сюда, а теперь он рвется обратно... Врёт, скорее всего.

— Клянусь вам! — человек размазывал грязь по впалым щекам худыми кулаками, — Умоляю, дайте мне возможность вернуться за отцом! Он погибнет!

— Он уже погиб! — рявкнул Шолтон, — Если вообще когда-нибудь существовал...

Чао присел на корточки возле обезумевшего человека и заглянул ему в лицо. Человек с надеждой всмотрелся в зеленые глаза пандарена.

Чао покачал головой и поднялся. Человек обмяк и беззвучно зарыдал, уткнувшись лицом в траву.

— Нет, — сказал Чао, тяжело вздыхая, — Он не врёт.

— Об этом не может быть и речи!

Генерал Хаммонд Клэй уставился на представителя расы, которую он никогда не мог понять, с раздражением и изумлением во взгляде.

— Вы хотите, чтобы я выделил вам сопровождение в зону боевых действий, где, к тому же, бушует пожар, ради того, чтобы отыскать тело какого-то оборванца!

— Возможно, он еще жив, господин генерал, — мягко сказал Чао.

— Если жив — выберется сам! — отрезал Клэй.

— В таком случае, — тихо проговорил Чао, я буду вынужден предпринять попытку самостоятельно разыскать пострадавшего.

Хаммонд Клэй на секунду онемел. — Вы это серьезно, господин пандарен? — поинтересовался он, — Вы в самом деле хотите рискнуть своей шкурой, ради призрачного шанса спасения неизвестного вам бродяги?!

Чао пожал плечами. — Я целитель, господин генерал, — заметил он, — У вас, как у человека военного существует свой долг, у меня — свой. Вы сами пригласили нас сюда, так дайте мне возможность делать мою работу.

Взгляд генерала стал тяжелым и Сэмуэльсону показалось, что в следующий миг генерал прикажет взять потерявшего рассудок пандарена под стражу, однако, Хаммонд Клэй неожиданно отвел глаза.

— Капитан! — хрипло распорядился он, — Выделите господину целителю сопровождение. У вас есть полчаса на поиски.

— Сиди! — наверное, в двадцатый раз, сердито проговорил Билли, — Полчаса еще не прошло!

— А если с ним что-нибудь случится? — Лика не находила себе места, — Зачем он

вообще туда пошел?!

— Чей бы баран блял, — пробормотал Вилли.

— Мы что, так и будем просто тут сидеть? — не унималась гномка, — Мы ведь можем хотя бы подъехать поближе! Мы все-равно уже всем оказали помощь!

Это было почти правдой, так как основной поток пострадавших иссяк, и теперь к ним обращались, в основном, по мелочи — осмотреть царапину, дать мазь, или бинт.

— Тебе же сказано — ждать здесь, пока не истечет отпущенное время, — снова напомнил дворф, — В условиях чрезвычайной ситуации мы подчиняемся военным, помнишь?

— А что потом, когда истечёт? — Лика уперла руки в бока, точь-в-точь, как это делала её мать, когда злилась на отца, — Нам скажут, спасибо за помощь, езжайте отсюда?

— Вот когда истечет, тогда и увидим, — отвечал Билли, правда, без особой уверенности в голосе.

Лика плюнула на землю от досады. — Мы — целительская служба! — заявила она, — Почему мы должны тупо сидеть и ждать, неизвестно чего, в тот момент, когда, возможно, нашему другу и коллеге нужна помощь?! Этим медноголовым (она не заметила, что употребила выражение Штепселя) абсолютно все-равно, что с ним будет!

— Хорошо, что ты предлагаешь? — с раздражением заговорил Вилли, — Идти туда следом за ним?

— Зачем идти? — Лика с вызовом глянула на братьев, — У нас же есть Атуин!

Генерал Хаммонд Клэй, нахмурившись, оглядывал пленных, согнанных в одну кучу, стоящих на коленях, со связанными за спиной руками.

В основном, это были гномы, людей, после краткого допроса и проверки документов, отпускали.

Некоторых, особо подозрительных, а также тех, у кого при себе не было никаких удостоверений личности, задерживали и тоже сажали сюда.

— Напомните еще раз, капитан, — вполголоса сказал Хаммонд, — Как имя этого главаря-бунтовщика?

Сэмюэльсон кашлянул. — Он известен, в основном, под своей кличкой, сэр, — сказал он, — С вашего позволения, его зовут Штепсель, сэр.

— Штепсель, — хищно повторил генерал, и его ноздри угрожающе раздулись, — Есть здесь таковой? — гаркнул он, оглядывая пленных.

Гномы молчали, потупившись в землю, люди смотрели на генерала мутными бессмысленными взглядами.

— Немедленное освобождение тому, кто назовет мне его местонахождение, — посулил Клэй, — Полная амнистия и скромное, но достаточное денежное вознаграждение! Если же в течение часа никто из вас не заговорит, всех вас ожидает суд по законам военного времени... Знаете, что это такое?

Пленные тоскливо молчали.

— Трибунал, — веско сказал генерал, сопровождая свою речь коротким взмахом меча, — Так что, советую хорошо все взвесить. Время пошло!

Словно в подтверждение его словам, под внезапно раздавшимися криками, сверкая огнем прожектора, мимо него с треском и грохотом пронеслась причудливая целительская телега с мотором.

— Авантюристка! — пыхтел в ухо гномке Вилли, разместившийся в карете, — Нас всех непременно арестуют!

Ли́ка отмахнулась от него, крепко вцепившись в руль и напряженно всматриваясь в дорогу, если можно было назвать таковой пустырь с камнями и рытвинами.

Пляшущий луч фонаря, укрепленного на крыше кабины Атуина выхватывал фрагменты земли и мусора. Они приближались к дымящимся руинам того, что еще несколько часов назад служило кому-то пристанищем.

Расположенные с краю постройки загорелись первыми и к этому времени уже почти полностью прогорели. Здесь сильно воняло гарью, от тлеющих останков шел черный дым, разъедающий глаза.

Ли́ка остановила Атуин, но не стала заглушать мотор.

— Чао! — позвал Билли, выбираясь из люльки. Брат спрыгнул с телеги и присоединился к нему.

Ли́ка в очередной раз задумалась о специальном устройстве, для подачи звуковых сигналов. Положительно, им была необходима такая штука.

Они углубились по кривому переулку, точнее, тому, что от него осталось. Чтобы защититься от дыма, Вилли предусмотрительно захватил с собой бурдюк с остатками воды, и смачивал ею тряпки, через которые они пытались дышать.

По всей видимости, здесь не было ни одной живой души, кроме них; не видно было даже солдат. Обгорелые дымящиеся остовы домов, тлеющие постройки-склады, грязь с золой и пеплом под ногами и отвратительный запах гари, которым, казалось, Ли́ка пропиталась насквозь.

Пройдя мимо очередных развалин, они вышли на то, что в портовом квартале могло считаться главной площадью — небольшое свободное пространство с возвышающимся в центре зданием таверны.

Здесь повсюду валялись обгорелые остатки деревянных ящиков и бочек, но сама таверна выглядела относительно сохранной, возможно, потому, что была едва ли не единственной каменной постройкой.

Вокруг неё расположилось несколько солдат с заряженными арбалетами и стражников с алебардами наперевес. Появление Ли́ки и дворфов не прошло незамеченным: двое арбалетчиков направили на них острия стрел, еще двое солдат двинулись им навстречу.

— Полегче, ребята! — предупредил Билли, на всякий случай поднимая руки вверх, — Мы здесь для того, чтобы исцелять, а не воевать!

— Поговори тут, — отозвался, сплевывая сквозь зубы, мрачный верзила в доспехах стражи, — Руки за голову, и на колени, живо!

Дело начинало приобретать скверный оборот, но в этот момент второй стражник в погнутой кирасе опустил алебарду.

— Спокойно, приятель, — сказал он, — Я знаю этих ребят и эту бурреганку. Прошлой ночью они немало наших поставили на ноги, когда гноллы учинили резню в тюрьме. Это городские целители.

Ли́ка перевела дух. Кажется, на этот раз дело обещало обойтись без арестов.

— Мы разыскиваем нашего коллегу-пандарена, вы его не видели? — спрашивал между тем солдат Билли.

Долговязый кивнул головой в сторону таверны. — Там, внутри, возится с

арестованными.

— Нам нужно к нему! — решительно заявила Лика.

Под закопченными сводами таверны, среди опрокинутых стульев и столов в окружении стражников и солдат на полу лежали пленники.

Большей частью ими оказались женщины и дети, которых Лика поначалу приняла за гномов — маленькие, худые, со злыми серьезными лицами.

Чао был здесь, склонившись над одним из детей, он что-то говорил ему, аккуратно смазывая содержимым одного из флаконов его руки. Лика увидела багровые пузыри, словно на глазах увеличивавшиеся в размерах. Мальчишка не произносил ни звука, лишь мычал, косясь на пандарена в страхе.

— Чао! — Билли опустил на пол рядом с ним, — Мы тебя потеряли. Срок давности вышел!

— Знаю, — пандарен устало поглядел на них, — Но тут слишком много пострадавших, а солдаты не спешат их эвакуировать. Ждут, пока пожар окончательно погаснет.

— Чао, — шепнула пандарену Лика, — Вы нашли отца того человека?

Пандарен вздохнул. — Его нашли раньше нас, — сказал он, — Когда начался пожар, те, кто не успел покинуть вовремя квартал, или не хотел попадаться страже, укрылись здесь, в таверне. К счастью, огонь почти не затронул её. Отцу этого парня повезло — его нашли и подобрали. Некоторым повезло меньше.

Он замолчал, и Лика поняла, что ей совсем не хочется его расспрашивать. Она огляделась. Братья начали помогать Чао, осматривая тех из пострадавших, до которых он еще не добрался. Она обратила внимание на старика, лежащего в углу, и оборванца, стоявшего перед ним на коленях.

Старик выглядел ужасно: он сильно обгорел, и кожа на его руках казалась полуистлевшим обугленным пергаментом, из-под которого сочилась жидкость.

— Я дал ему немного травы, чтобы облегчить боль, — негромко сказал Чао, — Но чтобы обработать все его ожоги у нас не хватит снадобий. И даже если бы хватило, он вряд ли переживет эту ночь.

Лика вздрогнула. Приблизившись, он заглянула в лицо старику. Он не видел её — его глаза закатились за верхние веки так, то были видны лишь белки, и от этого зрелище было еще более жутким.

Стоявший на коленях оборванец что-то бессвязно шептал, держа в своих ладонях руку старика и осторожно глядя её.

Лика опустилась на колени рядом с ним, и коснулась кончиками пальцев лба старика.

В следующий миг она словно воспарила над таверной, глядя на дымящиеся остатки квартала с высоты птичьего полета. Кругом простиралась затянутое тучами и дымом беззвездное чернильное небо, но, где-то высоко в нем скрывалась полная луна. Это ощущение полета продолжалось совсем недолго, буквально считанные секунды. Затем она снова оказалась на коленях перед стариком, ощущая, как часть ее сил покидают её, переходя сквозь пальцы в щедушное старческое тельце под ее руками.

Старик зашевелился и судорожно вздохнул. Его глаза теперь смотрели прямо на Лику.

— Отец! — оборванец склонился над ним. Старик протянул руку и коснулся лица сына.

— Спасибо, что облегчили боль... — едва слышно прошептал он, все еще глядя на гномку, — Спасибо, что дали время... попрощаться...

Лика замерла, из ее груди готов был вырваться вскрик, но на плечо ей легла мягкая

тяжелая лапа пандарена.

— Никто бы не мог сделать для него большего, — услышала она над ухом тихий голос.

Лица почувствовала, что у неё, как и прошлой ночью начинает кружиться голова. Её затошнило.

Ища глазами хоть какой-нибудь уцелевший табурет, она наткнулась взглядам на странную пару, расположившуюся чуть поодаль остальных, возле стены. Худой, как щепка паренек склонился над девушкой, лежащей на полу. Словно почувствовав на себе взгляд гномки, он обернулся и, на секунду встретившись с ней глазами, тут же отвел взгляд. Лицо его показалось Лике странно знакомым.

Еще не вполне уверенная в своих догадках, она приблизилась к нему. Парень не шевелясь, сидел по-прежнему спиной к ней.

Когда Лика коснулась его плеча, он вздрогнул, не поднимая головы.

— Мне кажется, мы где-то встречались, — проговорила Лика неуверенно.

— Отстань, — прогундосил парень, наклоня голову так, чтобы Лика не могла разглядеть его лица, — Я тебя не знаю, и в помощи не нуждаюсь, ясно?

— А как же она? — Лика наклонилась и приподняла капюшон плаща, частично скрывавший лицо девушки.

Парень оттолкнул её руку, но Лика успела разглядеть то, что заставило её ахнуть. Она узнала розовую чёлку и изящные рожки — дренейка?! Здесь?

Парень затравленно глядел на неё исподлобья, закусив губу и сверля её взглядом; его мелкие острые черты лица определенно были тоже знакомы Лике, но она не могла припомнить, где его видела. Возможно, в ту самую ночь, когда отец Оккам держал эту дренейку на руках.

— Чао! — позвала Лика.

Парень дернулся и уставился на Лику с нескрываемой злобой.

— Что здесь? — грузный пандарен, казалось, занял собой всё пространство в углу, — Кто это?

И вдруг ахнул: — Элисия!

Склонившись над девушкой, Чао взволнованно обнюхивал её.

— Что с ней? — хрипло спросил парень.

— Надыхалась дыма, угорела, — отозвался Чао, осторожно приподнимая дренейке веки, — Ей нужен воздух, срочно! Почему ты раньше мне не сказал?! — обрушился он на парня.

— Она... она не хотела! — буркнул тот, — Она разговаривала еще недавно, правда, какую-то чушь несла... А потом закрыла глаза, я подумал, что она уснула. С ней же всё в порядке, да?

Он с надеждой уставился на пандарена.

Скрипнула дверь и во входном проеме возникла долговязая фигура капитана Сэмюэльсона.

— Господин пандарен! — окликнул он, — Генерал давал вам время на оказание помощи пострадавшим, оно вышло! Вам приказано немедленно покинуть зону операции.

Подойдя ближе, он добавил уже тише: — Генерал распорядился приступить к зачистке территории. Возможны стычки.

— Здесь еще много людей, которым требуется помощь, — напомнил Чао.

— После проверки документов они будут эвакуированы к лагерю, где вы сможете

продолжить вашу работу, — сказал Сэмуэльсон.

Чао кивнул. — Эту дрениеку мы забираем с собой, — сказал он, — Её присутствие здесь никак не связано с гномскими бандами.

Сэмуэльсон с недоверием покосился на лежащее перед ним тельце дрениеки. — Хорошо, — сказал он, — Только под вашу ответственность.

Они нашли Атуин на том же месте, где оставили, под охраной двоих стражников, предусмотрительно поставленных Сэмуэльсоном.

Чао залез в кузов вместе с Ликой, держа Элисию на коленях.

— Может, мне? — тихо спросила Лика.

Но пандарен покачал головой.

— Всё, что ей сейчас нужно — это свежий воздух. Кровь очистится от яда и она придет в себя.

— От яда? — не поняла Лика.

— Продукты горения, — пояснил Чао, — Они отравляют кровь и угнетают сознание.

— Приехали, — сказал Билли.

Генерал Клэй уже ждал их и был мрачнее грозовой тучи.

— Как прикажете понимать вашу самодеятельность?! — загремел он, — Вы отдаете себе отчет в том, что ваше вмешательство в ход операции могло иметь крайне неблагоприятные последствия, в первую очередь, для вас самих?

— Простите, генерал, — устало вздохнул Чао, — Мы работаем так, как привыкли. В конце-концов, мы городская служба, а не штатные капелланы.

И, пока ошеломленный Хамонд Клэй еще не успел ничего ответить, добавил: — Нам нужно пополнить запасы мазей и бинтов. Мои коллеги сейчас отправятся на базу, а я продолжу оказание помощи теми средствами, которыми располагаю.

— Лика, — продолжил он, обращаясь уже к гномке, — Я очень надеюсь, что ты будешь на этот раз благоразумна. Он посмотрел ей в глаза, и Лика кивнула.

— Элисию заберите с собой, — сказал Чао дворфам, — Пусть переночует у нас.

При упоминании ее имени, дрениека застонала.

Поддерживаемая пандареном, она села на траву. Глаза ее были полуприкрыты, тело била мелкая дрожь.

Луна выглянула из-за просвета туч и в ее бледном свете кожа дрениеки светилась бледно-фиолетовым светом.

— Элисия, — окликнул её пандарен, — Как ты себя чувствуешь?

Дрениека издала невнятный хрип и затряслась.

Чао тревожно нахмурился.

— Что с ней? — пробормотал недоуменно Вилли.

Билли склонился над девушкой с другой стороны, поддерживая её.

— Ночь!! — внезапно выкрикнула Элисия, неожиданно резко повернув голову лицом вверх и уставившись в ночное небо белками глаз, — Ночь! Луна!!

— Она бредит, — покачала головой Чао, — Это случается после угара...

Дрениека затряслась еще сильнее, по телу пробежали крупные судороги, на губах появилась пена.

Она закричала, и этот крик был непохож на её голос — грубый, звериный.

Стоявшие рядом солдаты попятнулись назад.

— Ночь! — прорычала дрениека, трясясь, словно безумная, — Ночь! Кровь! Ворген!!!

Чао торопливо отвинчивал крышку флакона; склонясь над девушкой, он старался влить ей в рот хотя бы несколько капель, но это не удавалось из-за плотно стиснутых зубов и обилия пены.

Оба брата, пытая от напряжения, пытались удержать руки и ноги маленькой дреныки.

Лице казалось, что она спит, и никак не может проснуться. Словно парализованная, она наблюдала за происходящим со стороны, будучи не в силах пошевелиться.

Неожиданно, судороги прекратились, также внезапно, как начались. Девушка обмякла и затихла.

Чао осторожно коснулся ее лица лапой. Медленно заморгав, она открыла глаза.

Села на траву, огляделась. — Где я? — спросила дреныка, в изумлении глядя на пандарена огромными зелеными глазами.

— У девочки шок! — объявил Чао, сердито оглядываясь. Разойдитесь все, пожалуйста! Генерал, вы не возражаете против того, чтобы мы отправили её в наши бараки?

Хаммонд Клэй тяжело качнул головой. — Поступайте, как считаете нужным, — сказал он, — Капитан Сэмуэльсон проводит вас.

— Приступайте к финальной зачистке, майор, — приказал он, повернувшись к Шолтону, — Мы должны найти всех оставшихся смутьянов, живыми или мертвыми!

— Будтье уверены, сэр! — осклабился майор, — Этому Штепселю никуда не деться! Мы разыщем его, даже если это будет всего лишь кучка обгорелых костей!

— Езжайте! — велел братьям Чао, — Отвезите девочек, а я свяжусь с вами, если мне потребуется помощь. Лица, — он снова посмотрел гномке в глаза, — Обещай мне, пожалуйста, что ты отправишься сразу в Собор.

Лица вздохнула и молча кивнула.

Она помогла забраться в кузов Атуина Элисии, все еще не совсем понимающей, что происходит вокруг.

Дворфы заняли места спереди.

Билли завел мотор и Атуин, зарывав, медленно пополз вверх по дороге, ведущей в город.

Глава 15. Полная луна

Сквозь рваное одеяло свинцово-серых туч проглядывала круглая луна, озаряя призрачно-бледным светом скользкие от дождя камни мостовой. Старый Топпер МакНабб, скрючившись под мостом, надсадно кряхтел, пытаясь устроиться поудобнее на своем жестком импровизированном ложе из старого тряпья, веток и пары старых сломанных стульев, служивших дополнительной защитой от ветра и холода. От речного канала ощущалось тянуло сыростью, и завтра наверняка придется расплачиваться за ночлег ноющей ломотой в пояснице и ногах. Он постарался подтянуть тощие колени к животу и подоткнуть под себя драное лоскутное одеяло, которое смастерил сам из обрывков тканей, собранных им со всех городских свалок.

Отчасти ему это удалось, но едва он начал погружаться в полудрёму, как над его головой загремел топот металлических башмаков, отдававшийся в голове, словно удары молота.

«Долбаные вояки Альянса!» — выругался МакНабб про себя, — «Чего неймётся им и этакую-то погоду!»

Он снова начал забываться, когда стремительный топот копыт, а затем тарактенье мотора и грохотание телеги, несущейся по камням, заставили его подскочить.

От души выбравшись, он поднялся, запустил руку в кучу ветоши, и, выудив из неё потертую глиняную трубку с обколотым мундштуком, сунул её в зубы. После некоторой возни с кресалом, ему удалось разжечь остатки прелого табака в чашке трубки, однако, табак отсырел, да и трубка была скверной, так что, сделав пару затяжек, МакНабб снова припрятал её и уже засобиравшись было опять укладываться, когда откуда-то с противоположной стороны канала до него донесся звук шагов.

Топпер МакНабб не был любопытен, но необычная поступь привлекла его внимание. Жизнь бродяги приучала к постоянной бдительности.

Шаги были едва слышны и, если бы его не разбудил перед этим топот и шум, он наверняка не обратил бы на них внимание. Вжавшись сутулой спиной в каменную арку моста, он мысленно следил за невидимым прохожим, как раз пересекавшим мост над его головой. Порыв ветра донес до него сладковатый аромат, резко контрастировавший с запахами тины от канала и грязного тряпья. Осторожно выглянув из-за опоры моста, МакНабб увидел в лунном свете фигуру в капюшоне, удалявшуюся от него.

Словно почувствовав на себе его взгляд, фигура остановилась и обернулась. Топпер присел, прячась в тени мостовой сваи. В лунном свете ему отчетливо было видно женское лицо под капюшоном и выражение тревоги на нём. Однако, женщина смотрела не на Топпера, а куда-то поверх его головы, в ту сторону, откуда только что пришла.

«Красивая краля», — отметил про себя МакНабб, — «Интересно только, что она забыла на Каналах в этот час? Места безлюдные.»

Тряхнув волосами, женщина повернулась и торопливо зашагала в сторону торгового квартала.

Бродяга проводил её фигуру глазами и, поёжившись, полез обратно под своё одеяло.

Пронзительный кошачий вопль, внезапно разорвавший наступившую тишину, заставил его вздрогнуть. — Тьфу, зараза! — в сердцах плюнул он, окончательно раздосадованный.

Что-то задело его босую ногу. Несколько жирных крыс стремительными серыми зигзагами проскользили мимо него. Нечто, очевидно, напугало их. Ничего не понимая, МакНабб снова выглянул из-под моста и едва подавил возглас, чуть не вырвавшийся из его груди при виде огромной чёрной тени, в несколько прыжков скрывшейся в переулке.

Тан Митрас Железногор хмуро барабанил пальцами по отполированной до блеска дубовой столешнице. Его седобородые собеседники молча взирали на него из-под надвинутых на кустистые брови шлемов-шишаков. Ульфир Железнобород, положив перед собой могучие мускулистые руки в меховых наручах, сжимал и разжимал кулаки. Непривычно серьёзный Тулман Кремневый Утёс рассеянно поигрывал прикладом мушкета, качая головой, словно мысленно споря сам с собой. Брехман Бочкопуз теребил свою роскошную бороду, заплетенную в вычурные косички. Терум Наковальня с перепачканным сажей лицом и ладонями, ссутулившись, угрюмо смотрел в пол перед собой. Гельман Крепкорук, единственный из всех одевший вместо боевого шлема горную каску, ерзал на стуле, к которому была прислонена массивная кирка, и поглядывал на собравшихся с откровенным нетерпением.

В нависшей тишине слышалось лишь сопение дворфов да потрескивание углей в огромном камине, отапливавшем просторный холл ратуши.

— Что будет дальше, Митрас? — нарушил молчание, наконец, Брехман. Он наклонился над столом, устремив на тана пристальный взор холодных голубых глаз.

Митрас Железногор поднял голову и встретился с ним взглядом. — Король прислушается к нам, — промолвил он.

— А если нет?

Теперь на Митраса смотрели уже все остальные дворфы.

— Если нет... — Митрас сделал в воздухе рубящее движение кулаком, — Мы не станем идти на поводу у его придворного жулья!

— Так-то оно так, — протянул Брехман, — Но насколько нас хватит? Бизнес терпит убытки — забастовки не идут ему на пользу, ты же и сам это понимаешь, верховный тан.

— Он и так терпит убытки, — подал голос Терум, — Из-за конфликтов с гномами мы лишились изрядного количества рабочей силы, а новая система налогов вообще ставит под вопрос рентабельность производства. Опять же, аренда...

— Но королевские заказы все же приносят прибыль, — заметил Гельман, — А идя против трона мы лишаемся последней нашей статьи доходов...

— Королевские заказы! — прорычал Ульфир, — Мы все хорошо знаем, кому и как они достаются — не так ли, Брехман?

Дворф, к которому были обращены эти слова, с достоинством огладил бороду.

— Всё так, достопочтенный Железнобород, — кивнул он, — И все мы также хорошо знаем, что бизнес есть бизнес. Ведь эксклюзивное право продажи огнестрельного оружия и выдачу лицензий на его использование тоже, наверное, не за красивые бороды выдавалось?

Тулман Кремневый Утёс при этих словах встрепенулся.

— Вопрос в другом, — продолжал Бочкопуз, — Каковы будут наши действия в случае, если протест перейдет в прямую конфронтацию? С генералом Хаммондом Клэем нам будет нелегко найти общий язык — насколько я понял из рассказа верховного тана, дипломатия — не его конёк. Готовы ли мы к противостоянию?

— Они не посмеют! — прорычал Ульфир, — Мы — официальные представители

диаспоры! За нами — влиятельные кланы Сталеграда!

— Если только Триумvirат признает наши действия обоснованными, — возразил Брoхман, — А, учитывая всем нам известную специфику дворфийской политики, мы не можем этого утверждать наверняка. Найдутся многие кланы, которые увидят в этой ситуации свой шанс занять рынок...

На это возражений ни у кого не нашлось и в зале снова повисла тишина.

Митрас Железногор запустил короткие пальцы в бороду. — У нас нет другого выхода, — упрямо повторил он.

— Возможно, достопочтимый тан ошибается, — проговорил чей-то голос, при звуках которого головы дворфов синхронно повернулись в сторону входной двери.

Высокая фигура в плаще с капюшоном, надвинутым на глаза возникла в дверном проёме.

— Коготь, — проговорил Митрас, нахмурившись, — Как ты здесь оказался? Как тебе удалось миновать посты?

Тот, которого назвали Когтем, лишь развёл руками. — Это не стоит времени для обсуждения, верховный тан. Есть более важные новости и дела. Именно сейчас, в данный момент, генерал Хаммонд Клэй предаёт огню целый квартал ради того, чтобы захватить нескольких гномов-оборванцев — опаснейших, по его мнению, бунтовщиков, чья угроза заключается, большей частью, в отсутствии мозгов в их головах и хромающей дисциплине королевской стражи, охраняющей государственные объекты. Как думаете, какую оценку он даст вашей забастовке и какие меры предпримет? Ага, вы переглядываетесь между собой... Вы недалеко от истины в ваших самых мрачных предположениях, но едва ли представляете себе степень угрозы.

— Что ты предлагаешь? — вырвалось у Брoхмана.

Коготь выждал паузу. — Помощь! — коротко бросил он.

— Помощь? — переспросил Митрас, — Но от кого?

— Того, кто сможет восстановить дворфов в их правах, — отвечал человек в плаще, — Того, с чьим мнением придется считаться даже Триумvirату, и который обладает достаточными для этого связями. Того, чьё право на трон подтверждено гораздо более вескими основаниями, нежели чем сомнительное право юнца, втайне мечтающего о рясе монаха.

— Ты говоришь о... — начал Митрас.

— Именно! — перебил его Коготь, — О том, кто сможет взять власть в городе в свои руки, осадив зарвавшихся министров, и сделать Буреград процветающей столицей.

— О короле Хенне, — медленно проговорил Митрас Железногор.

Капюшон утвердительно склонился. Дворфийские таны загудели. — Ты предлагаешь нам изменить присяге? — набычившись, бросил Ульфир, приподнимаясь из-за стола.

— И это, по-твоему, одобрит Триумvirат?! — вторил ему Гельман Крепкорук.

Остальные таны также не скупались на неодобрительные реплики, за исключением Митраса и Брoхмона Бочкопуза.

— Досточтимые таны! — человек в плаще поднял руки, останавливая поток обвинений, — Вы неверно поняли меня. Я ни в коем случае не призываю вас к открытому восстанию. Я всего лишь прошу проявить немного лояльности к наиболее вероятному кандидату на трон, нуждающегося в достойном правителе. Все, что требуется от вас — не отступать от защиты своих интересов, также, как это вы делаете сейчас. И помощь придёт —

она уже в пути.

— Помощь воргенов! — молчаливый Тулман подал голос, презрительно скривив губы, — С чего бы воргенам быть более заботливыми по отношению к дворфам, чем люди? За лордом Хенном не числится безумных приступов филантропии!

Под тканью капюшона, казалось, промелькнула улыбка.

— Это так, — признал Коготь, — Но для закрепления своего права на престол ему понадобятся верные и богатые кланы, и не из человеческой расы. Дворфийская диаспора славится своей надежностью и умением вести дела — это общеизвестный факт. Настолько общеизвестный, что кому-то захотелось подорвать её мощь. Почему досточтимый совет семерых собрался сегодня не в полном составе? Где почтенный Гриманд Элмор, один из мудрейших дворфийских танов? Очевидно, свое место за столом он сменил на кровать, и лишь Титанам ведомо, когда его дух вернется в тело.

— Откуда тебе это известно? — подозрительно прищурился Ульфир, — Ты слишком осведомлен о наших делах, а мы знаем о тебе совсем немного, да и то, со слов Митраса.

— Означает ли это, что ты подвергаешь сомнениям слова верховного тана? — вмешался Брохман.

Человек в плаще снова взметнул руку вверх, предотвращая уже грозивший разгореться новый спор.

— Я говорил с Болнером Ударом Клюва, — сказал он, — И предложил ему свою помощь. Мне ведом яд, которым пытались убить вашего тана. И не только его! Нынешнему окружению короля не нужны сильные диаспоры других рас, кроме человеческой! Не случайно в этот же день из всех лавок исчезли травы, способные изгнать этот яд из крови. Я знаю, о чем говорю, потому что и сам отчасти владею искусством врачевания. Более того, я знаю, кто подослал отраву тану...

При этих словах Ульфир и Тулман одновременно вскочили, с грохотом отодвигая тяжелые деревянные стулья.

— Знаешь?! Ты? Откуда? — проговорил Брохман, пристально вглядываясь в фигуру человека, словно силясь заглянуть под капюшон.

— В свое время, почтенный Бочкопуз, я смогу ответить на все ваши вопросы. Пока же, чтобы подтвердить искренность и достоверность моих слов, я помогу вам — я расскажу, где вы сможете найти отравителя...

В полумраке, царившем по низким сводами покрытого копотью потолка, плавали клубы дыма. Человек с длинными, рыжеватыми с сединой волосами, собранными в лохматый хвост, напоминавший по виду конский, с грубыми чертами лица и косым шрамом, как бы перечеркивающим верхнюю губу, сидел в самом дальнем от входа углу, откинувшись спиной на стену. Щеки и подбородок были покрыты многодневной щетиной, ввалившиеся глаза и синева под ними говорили о проведенных им бессонных ночах. Просторные темно-фиолетовые одеяния были измяты, нижний край туники был вымазан засохшей грязью.

Человек время от времени то подносил к губам дымящуюся глиняную чашку, стоявшую перед ним на столе, то затягивался деревянной трубкой с причудливой резьбой, при этом поглядывая в низкое оконце с грязными стёклами. Пальцы его левой руки то и дело касались медальона из серебристого металла, висевшего на его шее на цепочке.

Кроме него в зале находилось еще несколько посетителей. Толстый дворф угрюмого вида, облокотившись на барную стойку, время от времени протирал её тряпкой. У стены

напротив, неподалеку от входа, сидел карлик, которого можно было бы принять за гнома, если бы не характерная форма ушей и зеленоватый оттенок кожи, выдавший в нем представителя гоблинской расы.

Гномы также присутствовали здесь — они занимали отдельный стол, за которым с азартом мусолили потрепанную колоду карт.

У стены напротив барной стойки, пышнотелая девица в ярком платье громко хихикала, внимая несвязной речи сидевшего напротив неё бородатого человека со свернутым набок носом. Их стол окружали пустые бутылки и битое стекло.

Человек вздохнул и снова дотронулся до висевшего на груди медальона. Этот притон в закоулке головорезов был идеальным местом для всякого сброда, желающего укрыться от чересчур пристального внимания королевских служб.

Выпивка тут была скверной, еда — отвратительной, а контингент — опасным. Зато здесь не задавали лишних вопросов и без проволочек предоставляли крышу над головой и топчан, хоть и кишачий насекомыми.

Человек допил остатки напитка, поднялся, поправил цепочку и укутался плащом.

Гоблин, сидящий у двери, равнодушно поднял на него бессмысленный взгляд, когда тот проходил мимо. Человек уже взялся за ручку двери, когда она сама неожиданно распахнулась.

Порыв холодного сквозняка, ворвавшийся с улицы, взметнул скудное пламя в очаге и погасил с шипением несколько чадивших свечей.

Массивная фигура дворфа, облаченного в боевой шлем, кольчугу и отороченные мехом наручи, загородила собой дверной проём.

Человек отступил, сторонясь и уступая дорогу неожиданному посетителю.

Тот вошел, грузно ступая, и сразу за ним — еще двое. Коренастый широколобый дворф в кожаной куртке сжимал в руках тускло блестящий ствол мушкета, а его рослый спутник носил шахтерскую каску, держа в одной руке кирку, а в другой — фонарь, свет которого разогнал взметнувшиеся к потолку и стенам тени.

Дворф за барной стойкой издал не то возглас удивления, не то недовольное рычание, игроки в карты разом повскакали с мест, настороженно глядя на пришельцев. Гномы не достали оружие, но их позы и оттопыривающиеся карманы говорили сами за себя. Гоблин, чье зеленое лицо оказалось ближе всех к фонарю, подслеповато щурился и часто моргал, прикрываясь от света растопыренной пятерней. Одна только парочка у стены, казалось, не обратила внимание на вновь прибывших.

Вошедший первым дворф обвел взглядом всех присутствовавших, чуть задержав его на гномах, но не выказав никакого видимого интереса к ним. Затем он уставился на человека, ожидавшего, когда другие дворфы освободят проход. В глазах дворфа сверкнул огонёк, он медленно смерил взглядом человека с головы до ног и кивнул, словно бы удостоверяясь в чем-то.

Человек в плаще ощутил неприятный холодок у самого основания шеи. Что-то подсказывало ему, что дело принимает скверный оборот. Он попытался молча скользнуть в щель дверного проёма, но дворф в кольчуге тут же ухватил его за плечо.

— Прошу прощения, уважаемый, — прогудел он, — Я так понимаю, что имею честь видеть перед собой господина Сандала?

— Полегче, борода! — огрызнулся человек, резким движением освобождая плечо, — Ты, кажется, меня с кем-то спутал!

— А это мы сейчас выясним, — нехорошо оскалился дворф. — Эй, Ронни! — крикнул он, обращаясь к настороженно взиравшему на них дворфу за стойкой, — Где этот тип сегодня ночевал?

Лицо дворфа, которого назвали Ронни отразило внутренние сомнения. Он отрешенно пожал плечами. — А я знаю? — сипло сказал он, — Ходят тут, приходят, уходят...

Дворф с ружьём сделал шаг по направлению к нему и многозначительно щелкнул затвором своего ружья.

— Послушай, придурок, — проникновенно сказал он, — Если ты еще не понял, то перед тобой представители совета старейшин. Речь идёт о попытке убийства одного из наших танов, и, если выяснится, что ты хоть каким-то боком тут замазан, и покрываешь сейчас преступника, то...

Он не договорил.

Физиономия Ронни мгновенно прояснилась и теперь выражала непривычную для него сообразительность. — Пятая дверь слева на втором этаже! — выпалил он, — Я тут вообще не при чём — я его первый и последний раз в жизни вижу, клянусь! Он вчера заплатил за неделю вперёд — и все дела!

Дворф в кольчуге усмехнулся и начал подниматься по лестнице. Человек, которого назвали Сандалом, словно обмяк, бормоча «Это какая-то ошибка...», провожая взглядом фигуру дворфа. Дворф с ружьём хмыкнул, и благосклонно кивнул Ронни, протягивавшему ему пенящуюся кружку.

В этот момент человек в плаще с силой толкнул дворфа с киркой и фонарем в руках; в руке его мелькнул нож. В следующий миг раздался звон бьющегося стекла, шум падающего тела, и фонарь, описав сверкающую дугу, погас, отчего полумрак в зале на несколько секунд стал почти полной темнотой.

Далее проследовал грохот каблуков, скрип дверной петли, и мгновением позже — сухой хлопок одиночного выстрела.

— Что тут... Ах, демоново отродье! Гельман! У него кровь! Ты жив?! — Ульфир Железнобород взволнованно склонился над осевшим телом Гельмана Крепкорука.

— Жив... — Гельман, морщась, поднёс к подслеповатым глазам ладонь, вымазанную в крови, — Он задел меня вскользь, в бок... Дворф закашлялся.

— Тебе нужен целитель! — Ульфир обернулся к онемевшему Ронни, — Позови сюда Болнера, живо!

— Ульфир... — Гельман мотнул головой в сторону выхода, — Этот мерзавец... ускользнул. Тулман... помоги ему!

Ульфир, мрачно насупившись, наклонил голову. — Ему не уйти! — прорычал он, поднимаясь.

Искать ему, впрочем, пришлось недолго.

В нескольких метрах от покосившейся таверны на камнях мостовой в неестественной позе лежал человек. Фиолетовая туника задралась, обнажая волосатые ноги. Темная лужа растекалась под телом. Тулман Кремневый Утёс раскуривал трубку, оперевшись на приклад ружья. Завидев Ульфира, он кивнул.

— Прыткий малый, что твой заяц, — сказал он, выпуская кольцо дыма, — Но против старого Тулмана у него не было шансов...

— Зря ты его убил, — покачал головой Ульфир, склоняясь над телом и осторожно переворачивая его.

Тулман пожал плечами. — Я метил в спину, — сказал он, — Видимо, в последний момент, парень решил свернуть и пуля пробила сердце.

— Видимо, — пробормотал задумчиво Ульфир Железнобород, разглядывая впившуюся в шею покойника тонкую цепочку из серебристого металла.

Ворген крался по переулку, скользя от стены к стене, пружинистыми прыжками перемахивая лужи и бесшумно втягивая трепещущими ноздрями ночной воздух. Запах крови пьянил его, заставляя дыбиться шерсть на загривке и сводя мышцы судорогой. Зов Луны, многократно усиленный действием зелья, растворенного в его жилах, увлекал его вперёд, отдавался ударами сердца в груди и звоном в ушах. Пена стекала с клыков, оставляя на скользкой мостовой белесые разводы. Он не помнил ни того, сколько уже времени блуждал так в ночи, ни откуда пришёл. Правая лапа была покрыта кровью и при каждом движении в ней отзывалась тупой ноющей болью. Инстинкт заставлял его двигаться дальше. Он слышал рычание мотора проезжавшей механической повозки, топот копыт лошадей, звуки человеческих голосов, плач детей и шёпот их матерей. Он ощущал сотни запахов, словно сплетавшихся в один огромный узор, каждая нить которого была единственной и неповторимой. Он пытался найти ту самую нить, которая вела его, но не мог вспомнить, какую и куда. Где-то в глубине его естества горела ненависть. Едва он ощутил её, чувства нахлынули на него бурным потоком. Гнев, ярость, разочарование, боль, жажда мести.

Смеющееся лицо человека с рыжеватой бородкой.

Искаженное ужасом красивое лицо темноволосой женщины.

Надменный аристократический профиль мужчины с белыми, как снег волосами.

Бледная фигура девушки с алым цветком в руках.

Он хотел крикнуть ей, чтобы она обернулась, но из груди вырвалось лишь рычание, а силуэт продолжал удаляться от него. Он рванулся за ней, но её уже не было, только алые лепестки, кружась, опали на землю, словно капли крови. Кровь!

Ворген содрогнулся всем телом и, устремив стремительно заволакивающийся багровой завесой взор на ярко-желтый диск луны в темном небе, протяжно завыл.

Лица обеими руками придерживала голову дренейки, стараясь, по возможности, смягчить тряску и толчки, неизбежные во время поездки по старой дороге, которой следовал сейчас Атуин.

Элисия снова впала в какое-то подобие сна, словно в полузабытье. Глаза ее оставались широко раскрытыми, но вряд ли она осознавала, где находится и что происходит. Она не отвечала на попытки гномки заговорить с нею и не реагировала на прикосновения.

Вздыхнув, Лица решила набрать побольше перевязочного материала, чтобы подложить его под голову дренейки и укрыть её. Она отползла в дальний угол телеги, пытаясь найти впотьмах сумку с шерстяными и шелковыми тканями.

Когда её глаза несколько привыкли к темноте, она сумела различить нужный ей мешок с перевязочным материалом. Лица уже ухватилась за него, когда, внезапно, её ухо уловило какие-то странные звуки, напоминавшие хрипение. Ей показалось, что там мелькнуло какое-то шевеление. Лица замерла. Затаив дыхание, с колотящимся сердцем, она напряженно вглядывалась в темноту, боясь пошевелиться.

«Может, крыса?» — промелькнула мысль у неё в голове. Крыс она не боялась — на заброшенных фермах Гномбурга их водилось немало, и, в своё время, она даже участвовала в

охоте на них, устраиваемой соседскими мальчишками-гномами.

В это время колесо телеги подпрыгнуло на ухабе, Атуин трянуло, Лика, не удержавшись, упала на колени и в этот же миг отчетливо различила приглушенный вскрик, раздавшийся прямо перед ней.

— Кто здесь? — выпалила она первое, что пришло ей в голову.

Ответа не последовало. Внезапно, Лика вспомнила про кристалл, который ей впопыхах сунул в порту кто-то из братьев, и который до сих пор лежал в её сумочке. Торопливо расстегнув её, она вытащила светившийся ровным белым светом камень, и подняла его в вытянутой руке над головой. В матовом свечении граней кристалла она увидела пару ног, обутых в грязные стоптанные башмаки, рваные потертые штанины, измазанные сажей, кожаный жилет с металлическими заклепками, покрытый пятнами крови и, наконец, бритую голову забившегося в угол гнома.

Лика сразу узнала его, несмотря на залитое кровью лицо.

— Штепсель? — произнесла она в изумлении.

Гном поднял на неё взгляд и слабая улыбка промелькнула на его губах.

— Это опять ты, — прохрипел он, и закашлялся.

Лика обратила внимание на рану на его груди, из которой, в такт кашлевым точкам выделялись темные сгустки крови.

Штепсель откинулся на мешки и затих, разевая рот, словно рыба, выброшенная из воды на берег.

Ему явно не хватало воздуха, одной рукой он пытался заткнуть рану, другой — опирался на стоявший рядом сундук, стараясь принять сидячее положение с наклоном.

Лике казалось, что всё это происходит в каком-то сне.

Не сознавая сама до конца, что делает, она опустилась на колени рядом с хрипящим гномом и коснулась ладонями перепачканного копотью и кровью лба.

На какой-то миг она словно перенеслась в мыслях в тот день, когда впервые увидела его на площади Ремесленного Квартала, связанного, тоже в крови, но нахально улыбавшегося и осыпавшего стражников ругательствами.

Потом — в камере, где они сидели рядом и разговаривали, а под ногами шныряли крысы.

Наконец — в переулке, где двое вооруженных верзил удирали от него, как от чумы.

Лика чувствовала, как её силы вливаются в тело гнома, лежащего перед ней полу. У неё начало темнеть в глазах и закладывать уши.

Очередной толчок телеги вернул её в чувство. Она открыла глаза, и обнаружила, что лежит на полу рядом с гномом. Рана на его груди, казалось, затянулась — кровь уже не выливалась из неё при каждом движении груди, дыхание было ровным и чистым — Штепсель спал.

Лика поднялась и села, ощущая ватную слабость в ногах. Она смотрела на лежащего перед ней и сопящего во сне гнома, и её не покидало чувство, словно ей снится какой-то странный сон. Всё это казалось нереальным, и ночной пожар, и обезумевшая дренайка, и этот опасный бунтовщик, который каким-то образом оказался на борту Атуина. И она решительно не представляла, что ей делать дальше.

Внезапно послышавшийся шум снаружи заставил её вздрогнуть. Раздавались чьи-то крики, отрывистая речь всадников, ржание лошадей. Атуин сбавил скорость и затормозил.

Лика выглянула из-за полога. В мечущемся свете факелов она разглядела фигуры

стражников, съехавшихся к капитану Сэмуэльсону. Какой-то человек, размахивая руками, что-то горячо говорил, указывая в сторону переулка. Билли спрыгнул с сиденья и направился к ним. Вилли отогнул край полога и заглянул в кузов.

— Как она? — спросил он, кивая на Элисию, — Спит?

Лица лишь растерянно кивнула в ответ.

Дворф покачал головой. — Что-то не так с этой девчонкой, — сказал он, — Надо бы показать её Зеборию...

В это время Билли с капитаном приблизились к ним.

— Придется сделать небольшой крюк, — сказал дворф, хмурясь, — Там неподалеку найдено тело, возможно, потребуется наша помощь, да и эскорт наш, кажется, единственная стража на весь квартал...

— Это не задержит вас надолго, — подал голос Сэмуэльсон, — Мы уже почти на месте, и я незамедлительно отпущу вас, разумеется, с сопровождением.

Вилли пожал плечами, снова занимая место рядом с сиденьем водителя.

Лица перевела дух, и снова склонилась над дрениейкой, которая, похоже, начала приходить в себя. Она судорожно вздохнула, веки её затрепетали.

— Эля, — вполголоса позвала её Лица, — Ты меня слышишь?

Дреньеяка попыталась приподняться, и Лица помогла ей, осторожно придерживая её.

— Где я? — пробормотала дреньеяка, — Где Рандис?

— Рандис? — Лица непонимающе уставилась на неё, — Это тот парень, с которым ты была в таверне?

— В таверне? — непонимающе переспросила дреньеяка и нахмурилась, словно припоминая, — Да... Наверное... Я плохо помню. Я была в портовом квартале... Кажется, начался пожар... Или это был сон? У меня был приступ, наверное.

— Ты была в таверне, в портовом квартале, — стараясь, чтобы голос звучал успокаивающе, подтвердила Лица, — И там, действительно, был пожар. А потом у тебя случился приступ.

Она хотела спросить дреньеяку, что ей известно об этих приступах, но в этот миг Атуин дернулся и резко остановился, из-за чего они обе упали на дно телеги.

Зазвенели шпоры спешившихся всадников, разом заговорило несколько людей, через неплотно прикрытый полог Атуина бил свет фонарей. Лица выглянула наружу. Широкие спины спешившихся стражников загораживали ей обзор, и она осторожно вылезла из кузова.

Капитан Сэмуэльсон и стражники образовали полукруг, отгораживая от столпившихся зевак тело распростертой на земле женщины. На её лице, обращенном кверху, с широко раскрытыми глазами, застыло изумленное выражение. Густые черные волосы, разметавшиеся по земле, были слипшимися от потёков крови, выглядевшей темной в свете факелов. Страшная широкая рваная рана, пересекающая шею, не оставляла сомнений в смертельности нанесшего её удара, и Лица, словно парализованная, не могла отвести от неё взгляда.

Вилли опустил на колени рядом с женщиной, осторожно коснулся её шеи и покачал головой.

— С момента смерти прошло уже не меньше получаса, — сказал он.

— Мы обнаружили её около пятнадцати минут назад, — тихо проговорил человек в темной долгополой тунике, — И сразу послали за стражей.

Лица всмотрелась в лицо говорившего человека и узнала его — всего лишь накануне

утром (а, казалось — целую вечность назад) он помогал ей укладывать в Атуин бесчувственных дворфов. Кажется, его звали Джардет.

— Кто это — мы? — капитан Сэмуэльсон впился взглядом в человека, — Кто обнаружил тело?

— С вашего позволения, сэр, — еще один мужчина в изысканном камзоле и плаще с достоинством поклонился, — Меня зовут Ренато Галлина. Обнаружили тело мы, вместе с этим джентльменом.

Сэмуэльсон оглядел обоих мужчин с головы до ног. — Будьте любезны отойти в сторону, — сказал он, — Вы мне понадобятся для составления протокола.

— Что скажете, господа целители? — обратился он к дворфам, о чем-то переговаривающимся между собой, всё еще стоя над телом женщины.

— Здесь нам делать нечего, — мрачно отозвался Билли.

— В таком случае, мне нужно от вас краткое заключение о причине смерти и ее характере, — Сэмуэльсон извлек из сумки, прикрепленной к седлу свиток пергамента и походную чернильницу.

— Разойдись! — прикрикнул он на зевак, которые, между тем, толкаясь, подступали всё ближе к лежащему на земле телу, — Нечего тут таращиться!

— Эва, разойдись, — отозвались ему в ответ, — Чем тут командовать, лучше бы убийцу ловил!

Согласный гул поддержал эти слова. Стражники потеснили любопытствующих.

— Что вообще здесь произошло? — Сэмуэльсон повернулся к Ренато Галлине и Джардету.

Первый развёл руками.

— Боюсь, я мало что могу рассказать, — сказал он, — Я возвращался на винокурню, расположенную, как вам должно быть известно, недалеко отсюда. Когда я проходил мимо этого закоулка, мне послышался крик, похожий на женский...

— Похожий? — перебил его капитан, — Вы что, не можете отличить мужской голос от женского?

Галлина пожал плечами. — Он был как будто сдавленный, приглушенный, — сказал он, — слишком быстро оборвался. Я немного постоял, прислушиваясь — понимаете, было темно, и я не был уверен...

— Дальше! — мрачней, потребовал Сэмуэльсон.

— Я услышал крики о помощи...

— Значит, женщина еще была жива?

— Нет, господин капитан, кричал мужчина!

— С вашего позволения, господин капитан, — вмешался Джардет, — Это был я.

— Вы?

— Именно так, — подтвердил Галлина, — Этот джентльмен звал о помощи, и я поспешил оказать ему её. Я немедленно устремился в этот переулок, и вскоре обнаружил господина... господина?

— Джардета, — устало сказал Джардет. Он не отрывал взгляда от тела, лежащего перед ними. Лицо его было искажено какой-то странной гримасой, в которой читались боль, отчаяние и какая-то усталая отрешенность.

— Именно — господина Джардета! — оживленно продолжал Галлина, которого, казалось, напротив, совсем не беспокоило наличие лежащего рядом трупа, — Он пытался

оказать помощь этой... ммм... покойной даме, и попросил, чтобы я позвал кого-нибудь еще. Я не замедлил исполнить его просьбу, благо, несмотря на поздний час, мне удалось поднять на ноги ближайших жильцов и послать людей за стражей...

— А что же вы, господин Джардет, делали в такой поздний час здесь в этом переулке? — перебил виноторговца капитан, поворачиваясь к Джардету.

Тот поднял взгляд на Сэмуэльсона, но, казалось, не вполне понял, о чем его спрашивают, так что капитану пришлось повторить свой вопрос.

Наконец, он тряхнул головой, и тяжело вздохнул. — Это будет нелегко объяснить, — проговорил он.

— И всё же — попытайтесь! — заметил капитан.

Джардет обвел взглядом присутствующих и задержался им на Лике.

— И вы здесь, маленькая сестра, — проговорил он с грустной полуулыбкой, — Право, мне легче было бы, если бы наш разговор с вами, капитан, носил более приватный характер. Впрочем, учитывая обстоятельства... У меня... была назначена встреча с этой женщиной, — он прервался, нервно сглотнув, — Я ждал её как-раз в той самой винокурне, куда спешил господин Галлина. Там есть небольшой дегустационный зал...

— Отличный выбор! — вмешался Ренато и, под устремленными на него взглядами, сконфуженно добавил: — Простите...

— Время шло, а её всё не было, — продолжал Джардет, и Лика заметила испарину, выступившую у него на лбу, — Я чувствовал себя как на иголках, и, наконец, решил выйти ей навстречу, чтобы убедиться, что с ней всё в порядке...

Он снова замолчал, глядя вниз. Капитан кашлянул.

— Я вышел на улицу, — безжизненным голосом продолжал Джардет, — Прошел несколько десятков шагов и услышал крик. Я сразу узнал её голос... Я бросился на него, но свернул немного раньше, и попал в этот переулок с другой стороны. Здесь я увидел...

На этот раз пауза затянулась. Джардет, словно застыв, смотрел в одну точку перед собой невидящим взглядом.

Лика затаила дыхание. Несмотря на всю трагичность ситуации, повествование Джардета захватило её, как, похоже, и братьев.

— Господин Джардет, — потерял терпение Сэмуэльсон, — Прошу вас не задерживать объяснения!

— Оборотень, — тихо сказал Джардет, — Это был оборотень! У него была волчья голова, но стоял он на задних лапах, и на нем была человеческая одежда. Пасть была в крови. Когда он посмотрел на меня своим горящими зелеными глазами, меня словно парализовало. Я стоял и не мог пошевелиться. Он оскалил клыки и зарычал — я был уверен, что он бросится на меня. Но вместо этого, он повернулся спиной, опустился на четвереньки и скрылся между домами.

В толпе зевак, несмотря на поздний час, увеличивающейся с каждой минутой, кто-то ахнул.

— Вы хотите сказать, что это был ворген? — Сэмуэльсон недоверчиво усмехнулся, — Этого не может быть!

Джардет едва заметно пожал плечами. — Я сам не могу до конца поверить в то, что это было наяву, — просто сказал он, — Однако же, я его видел. И Демизетта мертва...

Он покачал головой.

— Значит, вы знали её, — уточнил Сэмуэльсон, пристально глядя на Джардета, — Как

ее полное имя, кто она, откуда, чем занималась, с какой целью собиралась встретиться с вами сегодня?

— Но позвольте, капитан, — вмешался неугомонный Ренато Галлина, — Вам не кажется, что вы слишком давите на человека, только что пережившего такой стресс? И эти ваши вопросы носят чересчур уж личный характер! Будь я на его месте, я бы, как джентльмен, был бы возмущен и даже оскорблен такой постановкой! Может быть, вам, действительно, стоит, так сказать, прислушаться к vox populi и по горячим следам искать монстра?

— В Буреграде нет и быть не может диких воргенов! — отрезал капитан Сэмюэльсон, — А вы, любезнейший, если будете и дальше мешать следствию и встревать, когда вас не просят, очень скоро можете оказаться на месте не только этого джентльмена!

Джардет качнул головой. — Капитан, можете быть уверены, я расскажу вам, всё, что знаю, но, на самом деле, мне известно немного. Я был знаком с Демизеттой Клойс по роду своих занятий, связанных с... алхимией и трансмутацией. Мы иногда встречались, поддерживая деловые контакты, но...

Джардет снова вздохнул. — Если не вдаваться в подробности, сегодня у нас должно было быть что-то вроде свидания. А получилось... то, что получилось.

Последние слова он произнёс еле слышно.

Кто-то тронул гномку за плечо. Она обернулась. Дрнейка стояла рядом с ней, бледная и осунувшаяся. — Здесь произошло что-то очень скверное, прошептала она, — Я чувствую присутствие тьмы здесь, на этом месте, где-то рядом...

Лица вгляделась в лицо Элисии. Ей показалось, что девушка снова близка к тому состоянию, в котором находилась в лагере. «Не хватало только сейчас очередного приступа!» — тревожно подумалось ей.

Но пока было непохоже, что дрнейка вот-вот начнет терять сознание и биться в судорогах. Она сосредоточенно разглядывала собравшихся людей, стражников и тело женщины, которое дворфы как раз в этот момент накрывали полотном.

— Капитан, — подал голос Вилли, — Здесь еще вот что...

Он протянул Сэмюэльсону небольшой стилет с тонким узким лезвием темного цвета и черной извитой рукоятью, украшенной крупным камнем.

— Это было у неё в руке, — пояснил он, — Похоже, на нём следы крови.

Элисия вцепилась пальцами в плечо Лики. — Вот оно! — лихорадочно прошептала она, — Это источник!

Сэмюэльсон осмотрел стилет и спрятал его в седельную сумку, завернув в тряпицу.

— Похоже, дама пыталась защищаться, — заметил Галлина, — Возможно, ей удалось даже ранить монстра, и именно поэтому он не напал на вас, господин Джардет!

Лица мягко подталкивала Элисию к телеге — девушку опять била дрожь, глаза её расширились, и теперь она выглядела она точь-в-точь как перед приступом.

Билли между тем закончил выводить на выданном ему Сэмюэльсоном пергаменте неровные буквы.

— Вот, — сказал он, передавая свиток капитану, — Здесь всё написано. Если мы вам больше не нужны...

— Вы можете ехать, — кивнул тот, — Я выдам вам сопровождение.

Дворф махнул рукой. — Пустое это, господин капитан, — сказал он, — Тут на нашем Атуине езды всего ничего, а с вашими всадниками будем плестись в два раза дольше. Нет

нужды.

Капитан кивнул — Поступайте, как считаете нужным, — разрешил он.

Лица помогла дренейке залезть в телегу, и уже поставила ногу на подножку, когда из полумрака вынырнула фигура Джардета.

Лицо его выражало крайнюю усталость, глаза смотрели печально и строго.

— Прошу простить меня еще раз, — тихо сказал он, — У вас наверняка, был очень тяжелый день, раз до сих пор ездите по городу. Но я не могу не спросить... Вы говорили вашему начальнику о нашей встрече?

Лица кивнула, недоумевая про себя, чем был вызван этот вопрос.

— Мне показалось, — проговорил Джардет, — Что, вскоре после нашего прощания он был в таверне. Во всяком случае, он соответствовал вашим описаниям.

Лица нахмурилась, вспоминая байки, наперебой рассказываемые дворфами во время их посиделок в «Ягненке». Кажется, они тогда не обошли и брата Склифа, хотя точно она уже не помнила.

— Высокий мужчина в цилиндре и с тростью, — продолжал Джардет, — Он непохож на завсегдатаев этого заведения.

Лица взволнованно смотрела на человека, по чьему лицу скользнула тень грустной улыбки.

— Я знаю, вам кажется странным мой интерес, — сказал он, — Но... Мне показалось, что этот человек следил за таверной. Случайно, или нет, но он ушел из неё вслед за тем самым гномом, помните? Маленький, в красном таком балахоне.

— Лица! — позвал гномку Билли, — Мы едем, или остаемся?

Дворф подошел ближе и разглядел Джардета.

— Ба, да это же наш чернокнижник! То-то я слышу — голос знакомый, и не могу понять, чей. Да...

Он неловко кашлянул. — Может, подвезти?

Джардет отрицательно покачал головой. — Благодарю. Полагаю, у капитана еще будут ко мне вопросы. И надо что-то решить с телом...

Билли понимающе кивнул, сочувственно хлопнул человека по спине и полез на водительское сиденье.

— Извини, приятель, — окликнул его Вилли, — А ты точно уверен, что это был не гнолл?

Но Джардет лишь снова покачал головой.

Чоппер зарычал и, сорвавшись с места, понесся по мостовой.

Глава 16. Свидетель обвинения

Ли́ка чувствовала глубокую усталость. Казалось, всё тело её было разбито, то ли от бесконечной тряски в Атуине, то ли от потери сил, потраченных на лечение. Всё, происходящее вокруг неё было будто нереальным, словно она была не участником всех этих событий, а лишь смотрела на них со стороны. Её охватило желание зажмуриться, потрясти головой и проснуться, чтобы избавиться от ощущения кошмара, наполнявшего эту ночь. Сидевшая напротив неё дрениейка коснулась её руки.

— Ты неважно выглядишь, — прошептала она, — Может, я могу чем-то помочь?

Ли́ка грустно усмехнулась. Хороша целительница, которой впору самой лечиться у своих же пациентов!

— Да ничего, — сказала она вслух, — Это просто... Просто...

— Просто неудачный день? — закончила Элисия, глядя на неё с улыбкой.

Ли́ка фыркнула. — Скорее уж, неудачная ночь.

Дрениейка посерьезнела. — Ночь и правда тяжелая, — сказала она, — Полнолуние — это всегда особое время.

— Ты действительно в это веришь? — нерешительно спросила Ли́ка, — Ну, то есть, ты же слышала, что этот человек, Джардет, говорил про воргена?

Элисия помедлила с ответом, зеленые глаза её ярко мерцали в темноте.

— Я не знаю, как это объяснить, — сказала она со вздохом, — Я просто это чувствую. В воздухе, в запахах, в своём состоянии... Есть вещи, которые понимаешь интуитивно, иногда настолько ярко и чётко, что теряется связь с реальностью. Словно вспышка. И тогда я вижу что-то, о чем потом не могу вспомнить. А внешне это выглядит, как... Ну, ты видела.

Ли́ка кивнула. — А... давно это у тебя? — осторожно спросила она.

— С детства, сколько себя помню, — ответила дрениейка, — Еще с приюта.

— С приюта?

— Ну да, — дрениейка устало откинулась на бортик телеги, — Я росла там, пока мне не исполнилось четырнадцать. Потом сбежала. Хотела тайком уехать на острова, где живет мой народ. Забралась в трюм корабля, стоящего в порту, но меня там быстро обнаружили и сдали властям. Потом старый Пых оформил надо мной опеку, так что, формально, он несёт за меня ответственность.

— Старый Пых... — Ли́ка машинально коснулась браслета, висевшего на её запястье. Несмотря на сумрак, Элисия заметила это и усмехнулась. — Да, он любит дарить такие фенечки. Как он говорит — на счастье.

Ли́ка задумалась. Ей трудно было себе представить, на что могла быть похожа жизнь без родителей, в казенном доме, среди десятков таких же детей, без родных и близких. Возможно, она бы тоже попробовала сбежать. Возможно, ей бы даже удалось спрятаться лучше, чем дрениейке...

Внезапно её, словно электрическим разрядом, поразила мысль про Штепсея.

Она совсем забыла про него!

— Извини, — торопливо сказала она дрениейке, — Мне надо кое-что проверить.

Цепляясь за натянутые веревки, крепящие тент, она пробралась к той части кузова, где лежал гном. Он по-прежнему выглядел спящим, голова его склонилась набок, веки были

опущены, из груди вырывалось хриплое, прерывистое дыхание.

«Что мне с ним делать?!» — пронеслось у неё в голове.

Самым разумным представлялось сообщить о гноме стражникам, но это автоматически означало, что Штепсель окажется в тюрьме, а затем...

Лица смутно представляла себе основы законодательства Буреграда в отношении подобных мятежников, но, после увиденного в порту, у неё не оставалось сомнений насчет того, как поступит с её знакомым генерал Хаммонд Клэй. Перед глазами всплыл образ военачальника с коротким серебристым ёжиком волос и стальным взглядом. «Трибунал!» — словно прозвучали в её ушах слова генерала, обращенные к задержанным.

Конечно, Штепсель натворил немало, достаточно было вспомнить тюрьму, залитую кровью и зверства, учиненные гноллами. Однако, Лица колебалась. Ведь именно Штепсель защитил её тогда в камере, и потом спас от нападения бандитов. Лица закусил губу. У неё оставалось не так много времени до прибытия к баракам.

Оставить его здесь? А если дадут вызов? Дождаться, пока все улягутся и... Что? Перетащить его куда-нибудь? Но куда?

Словно почувствовав её присутствие, гном издал тихий стон и приоткрыл глаза.

— Ты здесь, — пробормотал он, глядя на Лику, — А я думал, ты мне приснилась...

— Ты можешь встать? — прошептала Лица в ответ.

Гном, морщась, пожал плечами. Затем попытался подняться, цепляясь за сундук и веревки. Лица подала ему руку. Штепсель сжал её ладонь, и, с трудом, шатаясь, попытался подняться. Дыхание его участилось; рука, которую по-прежнему держала гномка, ощутимо дрожала.

— Далеко он не в таком состоянии не уйдёт, — раздался голос дреныки за её спиной.

От неожиданности, Лица вздрогнула и обернулась, вырвав руку у Штепселя.

Элисия спокойно смотрела на неё, чуть склонив голову набок. В её глазах мелькнуло нечто вроде сочувствия и понимания.

— Это... Это... — начала Лица и запнулась. — Это не то, что ты думаешь! — выпалила она, сама не совсем понимая, что имеет в виду.

Элисия кивнула. — Я вовсе и не думаю, что этот гном — твой товарищ и один из тех, на кого охотятся медноголовые, — согласилась она. — Но я думаю, у тебя могут быть некоторые сложности с тем, чтобы убедить в этом твоих друзей-дворфов и остальных.

Дреныка внимательно изучала покрасневшую Лику. — Ты не сможешь прятать его здесь долго, — сказала она, — А он слишком слаб сейчас, чтобы выбраться отсюда самостоятельно.

— Ничего, — прохрипел гном, — Я отлежусь... Совсем немного...

— У тебя же грудь пробита, — заметила Элисия, — Я вообще удивляюсь, как ты можешь стоять и разговаривать. Хотя... — Она кинула на Лику внимательный взгляд, — Если бы я думала иначе, возможно, могла бы решить, что кто-то тебя уже немного подлечил.

Лица ощутила, как Атуин начинает сбавлять скорость.

— Кажется, приехали, — прошептала она, в растерянности переводя взгляд с дреныки на гнома.

Элисия тряхнула головой и энергичным движением запустила руку в один из многочисленных карманов её жилета.

— Есть один способ, — сказала она, усмехаясь.

Лица недоверчиво уставилась на крохотный стеклянный флакончик в руке дреныки. —

Что это? — спросила она.

— Очень полезное в хозяйстве зелье, — загадочно ответила дрениейка, — Только если обмолвишься Пыху о том, что видела его у меня, он мне голову оторвёт.

С этими словами она поднесла флакон к губам снова осевшего на пол Штепселя.

— Пей! — велела она, — Быстро!

— Лика! — кто-то из братьев отдернул полог и просунул голову внутрь, — Где ты там? И где дрениейка?

— Мы здесь! — отозвалась Лика, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Что-то случилось? — это был Вилли, — У Эли опять приступ?

— Со мной все в порядке! — тут же откликнулась дрениейка, пряча пустой флакон обратно в карман.

— Тогда что вы там делаете? Выходите скорее, мы на месте!

— Эмм... — только и могла выдавить из себя Лика.

Она, раскрыв рот, смотрела на зелёное, как лягушка, существо, с длинными ушами, большими глазами, и тонкими ручонками, лежавшее на месте гнома.

Элисия толкнула её локтем в бок. — Перестань на него так таращиться! — прошипела она.

Телегу качнуло — это Вилли, пыхтя и отдуваясь, топал к ним.

— Ну чего вы тут застря... Мать честная! — дворф вытаращил глаза, — Где вы взяли гоблина?!

— Эмм, — повторила Лика, беспомощно глядя на Элисию.

— Случайно нашли, — безмятежно улыбнулась дрениейка.

Лика чувствовала, что клюет носом над огромной деревянной кружкой с горячим чаем с мёдом, который сделала ей Мирта.

— Может, я всё-таки, останусь? — без особой надежды на успех спросила она.

Но пандаренка отрицательно покачала головой. — Ты же знаешь — тебе надо быть в школе на занятиях! Я бы на месте Чао задала тебе хорошую трепку прямо там, в порту, а потом добилась бы у Сэмуэльсона персонального эскорта, чтобы отправить тебя в Собор!

— Ну, Мирта... — вяло пробормотала гномка.

— Вот тебе и Мирта! Это еще брат Склиф не знает о твоих похождениях...

Брат Склиф! Лика ощутила укол беспокойства.

— Он уже вернулся? — спросила она.

— Не так давно. За час до вашего приезда.

Мирта нахмурилась. — Допивай чай, я сама тебя провожу! А то еще опять спрячешься где-нибудь. От тебя только и жди!

Пандаренка покачала головой.

Скрип двери возвестил о появлении на кухне Зебория. Дворф проследовал к столу, подмигнул Мирте, и, дождавшись, когда та принесет ему с кухни кружку, сделал глоток, поморщился и отставил её в сторону.

— А что, в ночное время пива в этом заведении не подают? — поинтересовался он.

— Нет, — отрезала Мирта, — Только чай!

— А ты точно из Пандостана, дочка? — недоверчиво хмыкнул целитель.

— Шучу, шучу, — поспешно добавил он, глядя на грозно подбоченившуюся пандаренку.

— Как там... Как там гоблин? — поспешно спросила Лика.

— Гоблин? А что с ним будет? — хитро прищурился Зеборий, — Всё у него в порядке,

дорогая. А что, ты за него переживаешь?

— Нуу... — Лика почувствовала, что краснеет, — Он просто был в очень тяжелом состоянии, я пыталась помочь ему, но у меня не очень получилось, — сбивчиво пояснила она.

Зеборий понимающе покивал.

— Не так уж и не очень, — ободряюще улыбнулся он, — Тебе удалось залатать дырку в его легком и остановить кровотечение, что само по себе уже не мало. Еще пара-тройка дней понадобится для того, чтобы легкое расправилось, и восстановить силы, а там твой зелёный дружок снова сможет посещать всякие злачные места и прятаться от стражи по телегам.

Лика впиалась глазами в посмеивающееся лицо Зебория, но так и не смогла понять, шутил ли дворф, называя гоблина её «дружком».

— Так, или иначе, тебе пора, — подытожил старый целитель, поднимаясь из-за стола, — Ребята тебя проводят.

— Сиди, Мирта, — добавил Билли, появившийся из-за двери, ведущей в палаты, — Мы с Вилли прогуляемся — на улицах сейчас спокойно.

Мирта отмахнулась. — Это с Гракхом-то?

— Ого! — ухмыльнулся Вилли, — У нашей хозяйюшки, кажется, появился кавалер?

Он едва успел увернуться от полотенца, просвистевшего над его головой.

В ночном небе горели звезды.

Билли зевнул. — Что-то Чао задерживается, — пробормотал он, — Надеюсь, у него там все хорошо.

— А вы съездите да проверьте, — предложила Лика.

Вилли махнул рукой. — Если что — у него есть кристалл, — рассудительно сказал он. — А нам надо восстановить силы. Он-то, во всяком случае, с утра отоспится.

— Не удивлюсь, если он и посреди пожарища нашел себе укромное местечко, чтобы вздремнуть, — согласился Билли.

Они подошли к ограде внутреннего двора Собора. Врата, конечно, были уже заперты, но Лика знала лазейку и отговорила братьев от попыток разбудить привратника.

Скользнув между отогнутых прутьев, за древними раскидистыми деревьями, она пробиралась по дорожкам ко входу в сестринский корпус. Благополучно миновав пост с дремлющей дежурной сестрой, она вскоре оказалась в своей келье. Сбросив тунику, она нырнула под жесткое тонкое одеяло на топчан и почти сразу заснула.

Во сне она видела дом, кур, разгуливающих по двору, отца с трубкой, почему-то хмурившегося и качавшего головой. Лика пыталась объяснить отцу, что ей нужен аннигилятор, но вместо этого у неё в руках оказалась рогатка. Петух, разгуливавший неподалеку, грозно зарычал, и Лика увидела, что это не петух, а гнолл. Она выстрелила в него из рогатки, и гнолл превратился в гоблина, который опрометью кинулся через огород, к забору и в поле. За всем этим наблюдал ворген в очках, стоявший у калитки.

Она проснулась от яркого солнца, бившего ей в глаза через окно. Судя по высоте его стояния, утреннюю службу в Соборе она уже пропустила, и теперь уже опаздывала на занятия.

Едва ополоснув лицо, Лика выскочила из своей кельи и торопливо побежала по полупустым каменным коридорам, к залам, где проходили уроки послушниц.

Вопреки её ожиданиям, в небольшой аудитории, служащей для проведения занятий, их

ждал не отец Оккам, а пожилой брат Бенджамин, опирающийся на деревянный посох.

Ли́ка подавила вздох сожаления. Несмотря на то, что она опасалась заслуженного нагоняя от экзарха, его уроки всегда были интересны и сопровождались практическими упражнениями в целительстве, в то время, как брат Бенджамин, добродушный и немного рассеянный, в основном, давал им письменные упражнения, которые обычно сводились к монотонному переписыванию столбцов текста из пыльных, обтянутых пахнущей плесенью кожей фолиантов.

«Не отворачивайся от Света, дитя моё», — можно было слышать от него чаще всего в ответ на любой вопрос, — «Возможно, когда-нибудь, он спасёт тебя!».

Вот и сейчас все послушницы получили по увесистому книжному тому, листу пергамента и сидели за столиками с чернильницами, скрипя перьями и выводя на пожелтевших страницах буквы.

Ли́ка зевнула. Доставшийся ей фолиант выглядел особенно пухлым. На обложке было старинными буквами выведено: «Особенности естества общностей существ, расами именуемых, такожде и хвори им присущие».

Ей потребовалось несколько раз перечитать заглавие, прежде чем стал понятен его смысл.

Открыв книгу, Ли́ка чуть не закашлялась от облака пыли, взметнувшегося в воздух. Слипшиеся страницы едва не расползались под её пальцами. Тем не менее, книга привлекла её своими причудливыми картинками, автор которых обладал определенно яркой фантазией.

С разворота тома на неё суровым взглядом сузившихся глаз смотрел медведь, облаченный в подобие ночной рубашки, украшенную затейливыми иероглифами.

В лапах медведь держал наперевес деревянную трость, на заднем фоне были изображены бочки.

«Медведи разумные, сиречь, пандаренами именуемые», — прочитала Ли́ка.

«Раса сия, по свидетельствам очевидцев, по морю зело путешествующих, отлична от прочих обликом медвежьим, однако же, подобна существам разумным, прямоходящих и речью владеющих, равно как и к напиткам хмельным пристрастие велие имеющая. Понеже убо токмо устные упоминания о сих тварях встречаются, следует полагать существование таковых домыслом сомнительным, однако же упоминания достойным».

Ли́ка фыркнула, представив, что сказал бы Чао на утверждение, что он является «домыслом сомнительным» и, покачав головой, перелистнула еще несколько страниц.

По-видимому, фолиант состоял из нескольких частей, подшитых в разное время, так как некоторые страницы были более яркими и новыми, и стиль изложения в них явно отличался.

Вдруг сердце её замерло и учащенно забилося. На очередной картинке был изображен почти портрет брата Склифа, в его волчьем образе.

«Воргены», — прочитала Ли́ка, — «Или волкоглавцы, суть существа, две ипостаси бытия имеющие — едину людскую, и едину — волчью. В образе людском имеют те же свойства, что и человецы суть, отличаясь токмо складом телесным крепким, в ипостасе волчьей же имеют свойства звериные, как-то ндрав дикий, хищный, повадки волчьи, слух и обоняние острые.»

Ли́ке вспомнилось, как брат Склиф объяснял ей преимущества курения трубки в волчьем обличье.

«Различать следует», — продолжала она читать, — «Воргенов, по природе сущих, от принудительно таковыми ставших вследствие укусов отравленных. Ведать надлежит, что

отрава сия в крови воргена содержащая, способна собой кровь человеческую заразить и тем самым в подобие свое обратить жертву оною. Известно достоверно, что от отравы сей нет избавления, а токмо средства, способные подавить на время действие её, и тако природе человеческой восторжествовать над звериной вспомоужествовать».

Лица задумчиво уставилась в одну точку. Получалось, что быть воргеном — это болезнь?

Но брат Склиф не производил впечатления больного, или нездорового — если бы она не увидела его в первый же день в образе волка, она бы никогда не догадалась, что имеет дело с воргеном.

Текст ниже был написан другим почерком и, судя по всему, был добавлен совсем недавно.

«После падения великой стены», — гласил он, — «Королевство Гиль'Нэйас столкнулось с угрозой нашествия воргенов, призванных из другого измерения с помощью демонических сил. Государство было обречено на гибель, а народ — на вырождение, вследствие эпидемии заражений, распространяющейся, как огонь. Несмотря на энергичные меры, принятые королём Хенном, их было недостаточно для того, чтобы остановить повальное обращение людей в воргенов. Лишь благодаря уникальной вакцине, создатель которой остается неизвестным по сей день, удалось остановить разрушительное действие вируса ликантропии, и наладить процесс реабилитации с последующей социализацией зараженных им людей.»

Далее шло описание проявлений заражения, изменений личности, образа жизни, привычек, вкусов и различных симптомов, среди которых указывались светобоязнь, жажда крови, произвольные вспышки гнева и агрессии.

Отдельный абзац привлек её внимание.

«Также отмечается», — говорилось в нём, — «Наличие определенных циркадианных ритмов, связанных с временами суток и фазами Луны. Особенная активность у ликантропов отмечается в ночное время, а пик её приходится на полную луну.»

Лица почувствовала холод внутри. Прочитанное ею в книге полностью соответствовало событиям минувшей ночи и рассказу, поведанному Джардетом.

Звон колокола возвестил начало перерыва, и Лица, вернув брату Бенджамину почти чистый лист пергамента, полная противоречивых мыслей, направилась во двор.

Экзарх Оккам со стоном разлепил тяжелые, будто налитые свинцом веки.

Лучи солнца били ему в глаза, но пробуждение, обычно всегда начинавшееся для дремля с радости встречи с новым днём и воздаяния хвалы Свету, сейчас было мучительным и тягостным.

Голова гудела, словно колокол, во рту стоял привкус металла, губы и язык были сухими и непослушными.

Подавив стон, он поднялся со своего узкого ложа, подошёл к раковине и подставил лицо струе воды. Потом прополоскал рот и сделал несколько долгих глотков. Стало немного легче, хотя голова все-равно продолжала болеть.

Оккам подошел к окну, распахнул створки и вдохнул полной грудью воздух, насыщенный ароматом листвы и распустившихся на клумбах цветов.

«Светлые Наару, зачем же я позволил себя уговорить вчера этому дворфу?» — задался он риторическим вопросом.

Экзарх плохо помнил события вчерашнего дня и, особенно, вечера. Приют, Зеборий,

обрывки теологического диспута. Определенно, они не сошлись во мнениях по поводу одного места из «Трактата Светоносного Утера».

Внезапно, в его пробуждающемся мозге вспыхнула тревога. Утренняя служба! И занятия с послушниками... Он умудрился проспать всё!

Дренией обхватил голову руками. За всё время его служения он не мог припомнить ни одного раза, чтобы он пропускал утреннюю службу. С какими глазами теперь он будет смотреть в лицо владыке Бенедикту?

Кто-то поскрёбся в дверь. Экзарх вздохнул.

— Свет Наару да осенит тебя, брат! — откликнулся он на звуки за дверью.

— Доброе утро, отец экзарх! — плутоватая щербатая улыбка сияла на лице Томаса, — Вот, ваша утренняя газета, свежий выпуск. Вас не было в Соборе, и отец Джошуа велел отнести её вам лично в келью. И узнать не надо ли вам чего...

Отец Джошуа. Ну, конечно, скромный и тихий клирик отслужил всю службу за него, и принял это, как должное.

Оккам еще раз вздохнул и принял газету из рук служки.

— Благодарю тебя, Томас, — сказал он, — Передай отцу Джошуа, мою признательность. Иди, и да пребудет с тобой Свет.

Когда дверь за Томасом закрылась, экзарх снова поднёс ладони к вискам. К сожалению, сила Наару могла передаваться через него лишь как посредника, что означало невозможность исцеления самого себя. Идти же за помощью к кому-либо из братьев экзарху не позволяла совесть.

Чтобы отвлечься от боли, он развернул «Вестник Буреграда», и сразу же зацепился взглядом за кричащие заголовки.

«Забастовка в Ремесленном Квартале»

«Беспрецедентная акция протеста, устроенная буреградскими дворфами набирает обороты. Со вчерашнего дня прекращена работа крупнейших цехов Буреграда, приостановлено действие королевских контрактов и процессов поставок товаров. Нам не удалось получить официальные комментарии тана Митраса Железногора, равно как и остальных танов. Движение на улицах ремесленного квартала перекрыто. По неофициальным источникам, таны намерены добиваться выполнения своих требований по отмене новых налогов, снижению торговых пошлин, а также пересмотра торговых соглашений, заключенных при короле Вардане. Главнокомандующий гарнизоном Буреграда, генерал Хаммонд Клэй в настоящее время также отказался от комментариев, однако, судя по увеличивающейся активности перемещения боевых армейских подразделений, он не исключает силового варианта решения конфликта.»

Оккам перелистнул страницу.

«Нападения гноллов на фермерские поселения!»

«Тревожные вести поступают из западных земель, где активизировались стаи диких степных гноллов, чей ареал обитания до недавнего времени считался ограниченным резервационными зонами. Зафиксированы нападения на дальние фермерские поселения, а также атаки на продуктовые фуры, направляющиеся в Буреград. По предварительным данным, вспышки активности и централизованный характер нападений могут быть связаны с фактом освобождения из городской тюрьмы бывшего предводителя степных племён гноллов, известного, как Хоггер. Королевский суперинтендант лорд Вишлок комментировать информацию о возможных перебоях с поставками хлеба отказался, назвав

их непроверенными слухами. Нам также не удалось выяснить, будут ли предприняты какие-либо меры в отношении угрозы гноллов. Судя по всему, генерал Хаммонд Клэй в большей степени сосредоточен на ведении боевых действий в черте города, предавая одни кварталы огню и осаждая другие. Но, пока военные и государственные чины закрывают глаза на собственные промахи, в городе растёт спрос на продукты питания и товары первой необходимости. Господин Фитч любезно согласился предоставить комментарий по поводу торгов, и, по его прогнозам, уже к сегодняшнему вечеру ожидается резкий подъём цен на основные продукты».

Экзарх ошеломленно покачал головой. Что происходит в Буреграде?

Следующий заголовок заставил его забыть про головную боль.

«Кто стоит за распространением спайса в городе?»

«Минувшие дни ознаменовались печальными событиями, повергшими в шок многих горожан. Неожиданное распространение смертельно опасных курительных смесей приняло в Буреграде масштабы эпидемии. Так, зафиксированы случаи тяжелых отравлений в квартале магов, массовые отравления в старом квартале, вспышки интоксикаций в квартале пандаренов. Кульминацией развития эпидемии стало попадание в список жертв одного из наиболее уважаемых дворфийски х танов, старейшины Гриманда Элмора, который, по слухам, находится сейчас при смерти. Мы умышленно не затрагиваем сейчас ни вопроса о том, кто и как распространял спайс в городе, ни причин, по которым королевская стража на протяжении всех этих дней не предоставила сколь-нибудь убедительных результатов эффективности своей работы. Однако, от источника в городской целительской службе, мы получили шокирующую информацию о том, что на сегодняшний день в свободной продаже отсутствует ресурс, необходимый для изготовления противоядия от данного вида спайса. Нам не удалось получить официального подтверждения от представителей аукционного дома Буреграда, но расследование, проведенное частным лицом, показало, что за массовой скупкой ресурса стоит организация, имеющая самое непосредственное отношение к королевскому двору, а именно — королевская служба безопасности. Если это действительно так (а у редакции нет оснований сомневаться в объективности источника), то возникает вопрос, откуда в ведомстве господина Маттиаса Шоу стало известно о распространении эпидемии едва ли не до её начала, отчего не было принято никаких мер по её предупреждению, и почему целительская служба в самый критический момент оказалась лишена жизненно необходимого сырья?»

Отец Оккам медленно перевёл дух и уставился в одну точку.

«Источник в городской целительской службе, в объективности которого не приходится сомневаться...»

Экзарх, в отличие от редакции «Вестника», имел для сомнений более, чем веские основания.

Ли́ка проскользнула между прутьями решётки и оказалась в переулке, между оградой школы и Собором. Поглощенная своими мыслями, она не сразу услышала, что кто-то зовёт её по имени.

Обернувшись, она увидела дрены́ю, направляющуюся к ней.

— Так и знала, что встречу тебя тут, — сказала она, словно они каждое утро встречали друг друга в этом самом переулке.

— Как ты себя чувствуешь? — взволнованно спросила Ли́ка.

Элисия (или Оппи), беспечно отмахнулась. — Что со мной делается? Это не первый и не последний мой приступ!

И всё же Лике показалось, что дреныка выглядит несколько бледной, насколько можно было говорить о бледности, учитывая естественную синеву её кожи.

— Слушай, — Элисия посерьёзна, — Я не успела предупредить тебя накануне, да и не до того было — действие зелья трансмутации ограничено. Я дала гному довольно большую дозу, к тому же он сам по себе мелковат, но...

— Насколько должно хватить? — Лика встревоженно глядела на дреныку.

— Обычно, хватает на сутки, иногда чуть меньше... Думаю, до наступления ночи ему точно хватит, но к утру он будет уже в своем прежнем облике.

— Ясно, — Лика вздохнула, — Надеюсь, к тому времени он будет в состоянии... Она запнулась, поймав себя на том, что понятия не имеет, что Штепсель собирается делать дальше и, самое главное, как себя вести ей. Ясно было одно — укрывать в бараках главного бунтовщика Буреграда после захода солнца станет решительно невозможно.

Элисия понимающе смотрела на неё. — Если понадобится помощь, — сказала она негромко, — Ты знаешь, где меня искать.

Лика кивнула. Дреныка подмигнула ей и, тряхнув чёлкой, направилась в сторону перекрестка дорог, по направлению к Торговому Кварталу. На половине пути она развернулась.

— Чуть не забыла! Я сказала всем, что мы нашли его в этой вашей телеге без сознания. По-видимому, бедняга залез в неё, надеясь получить помощь, пока вас не было и там отключился. Что, в общем-то, наверное, недалеко от истины?

Не дожидаясь ответа, Элисия усмехнулась и двинулась дальше.

Проводив её взглядом, Лика направилась к зданиям Барак, видневшихся в конце улочки.

Во дворе она встретила таурена, подметавшего листья. Он приветливо кивнул Лике и промычал что-то, очевидно, приветственное. Или опять разыгрывал её. Из-под тента Атуина доносились звуки храпа, так, что Лика уже могла безошибочно определить, где находится Чао.

Братья также отыскались неподалёку — сидя под раскидистым деревом они были настолько увлечены игрой, что, казалось, не замечают вообще ничего вокруг.

Лика улыбнулась. Этот двор, залитый осенним солнцем, стал ей уже почти таким же родным, как её собственный, в котором она выросла, и где сейчас, наверное, отец возится за верстаком, а мать опять ворчит на него, и развешивает белье во дворе, или хлопчет по хозяйству.

Взбежав по ступеням, она потянула ручку двери и нырнула в холл.

Тяжелая дверь хлопнула, и Мирта выглянула из кухни на звук.

— Уже! — усмехнулась она при виде гномки, — Что-то быстро ты сегодня отучилась! Что сказал отец Оккам?

— Эмм... — Лика замешкалась, — Он... он был слишком занят и сказал, что поговорит со мной позже, — выпалила она первое, что пришло ей в голову. Собственно, это было почти правдой. Мирта лишь покачала головой.

— Смотри Лика, — сказала она полушутливо, — Как бы тебя не отчислили за прогулы и неуспеваемость.

— Не отчислят, — убежденно заверила её гномка, — У меня хорошие отметки, и, к

тому же, эзгарх сам дал мне послушание сюда!

— О чём, наверное, не раз пожалел, — усмехнулась пандаренка. — Ладно, у меня полно дел на кухне. Ты есть не хочешь?

Литка помотала головой.

— Ну, смотри, — Мирта улыбнулась, — Иди уже проведай своего гоблина. И где только вы его подобрали...

Ли́ка почувствовала, что краснеет, подыскивая ответ, но, к счастью, пандаренка уже скрылась на кухне.

В палатах было тихо и светло. Лилиан в своём старом платье, выстиранном и отглаженном все той же заботливой Миртой, склонилась над кроватью с единственным пациентом.

Услышав шаги Ли́ки, она подняла голову, откинув с лица прядь каштановых волос, отливавших золотом в лучах солнца.

— Добрый день, сестра Лилиан! — Ли́ка старалась, чтобы голос её звучал непринуждённо, — Как хорошо, что вы окончательно поправились!

Лилиан улыбнулась. — Спасибо отцу Зеборию, — сказала она, — Здравствуй, Ли́ка. Рада видеть тебя.

— Как он? — спросила гномка, кивая в сторону койки, на который лежал Штепсель в гоблинском зелёном обличье.

— С ним всё будет хорошо, — отозвалась Лилиан, — Похоже, бедняга перенёс сильный стресс — его всё время клонит в сон, и он почти не разговаривает. Но раны затянулись, жара нет, и это — хороший знак. Думаю, что через пару дней он будет в полном порядке. Где вы его нашли, Ли́ка? Элисия что-то говорила вчера насчет Атуина, будто он залез туда, пока вас не было...

— Да... — Ли́ка уже заранее сочинила ответ, — До того, как он потерял сознание, он успел сказать, что на него напали гномы, которые приняли его за шпиона. Он едва сумел спастись от них, и увидел нашу телегу, в которой решил спрятаться.

Лилиан покачала головой. — Эти гномы... Они просто безумны! Особенно этот их главарь — Штепсель! Это он сбил первый замок с камер гноллов.

Ли́ке показалось, что зеленое тельце дернулось под одеялом.

— Конечно, безумны, — согласилась она, чуть повысив голос, — Эти... бурреганцы! У нас в Гномбурге все живут в мире, и я даже представить себе не могла, что гномы могут быть такими... такими жестокими!

Лилиан вздохнула. — Отец Зеборий еще не появился? — спросила она, меняя тему.

Ли́ка помотала головой.

— Что-то долго они, — заметила девушка, — С самого утра обсуждают что-то вместе с братом Склифом. Ладно, пойду помогу Мирте.

Она прошуршала юбкой, улыбнувшись Ли́ке на прощание еще раз.

Оставшись наедине с гномом-гоблином, Ли́ка вперила в его лицо гневный взгляд.

— Я знаю, что ты не спишь! — заявила она обличительным шёпотом.

Гоблин открыл глаза и приподнялся на локтях, уставившись на Ли́ку.

Выражение его лица, с оттопыренными ушами, крючковатым носом и зеленой кожей было настолько непривычным и забавным, что Ли́ка едва не прыснула.

— Что вы со мной сделали? — даже голос Штепселя изменился — теперь он говорил писклявым фальцетом, — Я что теперь, навсегда останусь гоблином?!

— Было бы только справедливо, — заметила Лика, — Или ты бы предпочел, чтобы мы сдали тебя Сэмуэльсону?

Штепсель помотал головой, не сводя с Лики жалобного взгляда.

— Как вы могли... — гномка поперхнулась от негодования, — Как вы могли напасть на людей и выпустить гноллов? Этот Хоггер едва не убил Лилиан! Несколько стражников они попросту разорвали в клочья!

Гоблин потупился. Некоторое время он молчал. Потом, не поднимая глаз, заговорил.

— Ты многого не знаешь...

— Я там БЫЛА! И я ВИДЕЛА, что вы натворили!

Лика осеклась, встретившись взглядом со Штепселем. Во взгляде гоблина была неподдельная мука.

— Мы не подписывались на это! — тихо сказал он, — Была договоренность, баш на баш. Мы освобождаем своих и помогаем тем, кто организует нам для этого условия. Гноллы не должны были ввязываться в драку — планировалось быстро покинуть тюрьму. Но когда они почувствовали кровь...

Лика покачала головой. — На что вы рассчитывали? Там было полно стражников, они не могли выпустить вас без боя!

Штепсель вздохнул. — Поначалу всё шло по плану, — сказал он, — На удалось довольно быстро захватить сторожку на внешнем периметре и проникнуть во внутренний двор крепости.

— Потом вы использовали дымовые шашки, — кивнула Лика. — Лилиан рассказала мне, — пояснила она, в ответ на приподнятые брови гоблина.

Штепсель кивнул. — В них даже не было особой нужды — Теволтер в тот день получил неплохое вознаграждение и на радостях проставил выпивку караулу. Пока мои ребята отвлекали на себя внимание тех, кто был трезв, я успел проникнуть в катакомбы, выпустить своих и добежать до гноллов. Там пришлось повозиться, так как замков было больше, и они были сложнее, чем в наших камерах. К тому времени уже подняли тревогу по всей крепости, но у нас еще было время скрыться, если бы Хоггер не начал бойню.

— Он искал Лилиан! — заметила Лика.

Штепсель кивнул. — Её и Теволтера — с ним у него особые счёты.

— Подожди... — Лика нахмурилась, — Ты сказал, что Теволтер получил вознаграждение — он что, тоже был в курсе нападения и был с вами заодно?!

— Нет, — Штепсель отрицательно качнул головой, — Как бы этот старый выпивоха не любил деньги, на такое он бы не пошел ни за что. Гонорар ему полагался за небольшую услугу — он оформил без лишних проволочек и печатей магистрата освобождение под залог одного человека заказчика. Точнее, не совсем человека.

Лика вдруг почувствовала неприятный холодок внутри. — Не совсем человека? — переспросила она, — Может быть, кобольда?

— А ты откуда знаешь? — удивился в свою очередь Штепсель.

— Да так, — прошептала Лика, — Значит, заказчик...

Она оборвалась, не в силах поверить в тот вывод, который сейчас стал для неё очевиден.

— В общем, ему удалось каким-то образом послать весточку, и в тот же день его освободили.

Лика молчала. Весточка! Перед её глазами стоял старый Фикс с его умоляющим взглядом и струйкой крови, сбегающей по губам.

— Я откинулся раньше, тем же утром, — продолжал Штепсель, не замечая Ликиного замешательства, — Без гроша в кармане и каких-либо планов. А, буквально, вскоре после встречи с тобой там, на пустыре, на меня вышел... еще один представитель заказчика.

— Хмырь?! — ахнула Лика.

Гоблин разразился коротким смешком. — Скажешь тоже! Хмырь — просто вечно голодный пацан, который пытается стать карманником, но пока ему это не очень удаётся. Тебя не очень шокирует, если ты узнаешь, что это тоже был гном?

Лика почувствовала, что ничего не понимает.

Штепсель посерьёзней. — Шпакль предложил дельце, с его слов, простое и с хорошим вознаграждением. План был уже готов, и мне он понравился, при определенной удаче, всё получалось красиво и быстро. У них была информация о сменах караула и раскладе сил, у нас были неплохие шансы, особенно, учитывая, что Теволтера уже хорошо подогрели.

— Шпакль... — Лика хмурила брови, припоминая, — Это же гном из «Забитогс ягненка»!

Штепсель согласно кивнул.

— И он работает на Фитча! — продолжила Лика, глядя на Штепселя в упор.

Гоблин прищурился. — Этого я тебе не говорил!

— Я догадалась, — тихо прошептала Лика.

— Интересно, как, — начал было Штепсель и вдруг остановился, — Сумочка! Я еще тогда поразился, откуда она у тебя — это линейка только для особых клиентов дона Фитча.

Лика подавленно молчала.

Штепсель посмотрел на неё и вздохнул. — Что будем делать? — спросил он.

Лика пожала плечами. — Я... я не знаю, — призналась она, — Получается, что эйс Фитч стоит за распространением спайса?

Теперь руками развёл гоблин. — Про это я честно ничего не знаю, — признался он, — Мне иногда перепадала работенка от него, но это были, в основном, заказы на погром конкурентов да саботаж в дворфийском квартале...

Лика раздумывала. Определенно, ей нужен был чей-то совет. Вариантов было не так много.

Отец Оккам будет в шоке и, скорее всего, больше не выпустит её в Бараки. Мирта, Чао, братья-дворфы наверняка предложат рассказать всё брату Склифу. Есть еще отец Зеборий, но он, похоже, далёк от всей этой политики и городских новостей.

Остаётся ворген, тем более, что Лика уже давно испытывала желание поговорить с ним.

Она вздохнула. Придётся сделать это сегодня.

Гоблин внимательно наблюдал за ней. — Что решила? — спросил он негромко.

— Нужно рассказать обо всём брату Склифу, — решительно сказала Лика, — Он умный и у него связи — если кто и сможет во всем этом разобраться, то только он. Не волнуйся, — прибавила она, глядя на Штепселя, — Я не выдам тебя. Но тебе придется покинуть Бараки сегодня до вечера — действие зелья скоро закончится.

Штепсель согласно кивнул. — Это и к лучшему, — проговорил он облегченно, — А то я уж всерьез начал опасаться, что мне придется ходить до конца дней с этой мерзкой зелёной рожей.

— Можно подумать, твоя намного красивее, — фыркнула Лика, — Даже бороды нет!

Лицо гоблина приобрело фиолетовый окрас и Лика неожиданно поняла, что Штепсель ярко покраснел.

Она открыла было рот, когда до неё донесся шум и гул голосов из холла. Гоблин и гномка уставились друг на друга. Оба отчётливо расслышали зычный голос капитана Сэмуэльсона.

Просторный холл Бараков был полон. Помимо Мирты, Лириан и братьев-дворфов, присутствовал капитан Сэмуэльсон в окружении нескольких солдат, какой-то незнакомый Лике напыщенный человек с густыми бровями и королевским символом, висевшем на его груди на внушительных размеров цепи. Кроме них был еще старик в заношенных до дыр лохмотьях, с густой нечёсаной бородой и сальными космами жидких волос, выдававших в нём бродягу.

Из-за спин стражников выглядывала заспанная недоумевающая морда Чао, за которым высилась фигура таурена.

— Прошу прощения еще раз, — капитан Сэмуэльсон кашлянул, скрывая неловкость, — Нам необходимо видеть руководителя этого лечебного учреждения...

— Вам нужен отец Зеборий? — Мирта с недоверием и тревогой глядела на мрачные лица солдат, — Я сейчас его позову — он в данный момент у брата Склифа.

Сэмуэльсон, казалось, хотел что-то добавить, но человек с королевским символом на груди придержал его за локоть и что-то негромко сказал, склонившись к его уху.

Мирта направилась к двери, ведущей в служебный коридор Бараков, но та отворилась ей навстречу и в дверном проеме возникла невысокая фигура дворфа, за которым стоял брат Склиф в своем человеческом облике.

Лицо его было бледно, чёрные круги под глазами придавали ему злое выражение.

Он был одет в свой выходной костюм, в руках держал трость и черный цилиндр.

Он оглядел собравшихся, затихших сразу после его появления.

— Чем могу быть полезен, господа? — осведомился Зеборий, окидывая взглядом фигуры королевского служащего и капитана, — У вас ко мне какое-то дело?

— Не к вам, уважаемый отец, — Сэмуэльсон, казалось, тщательно подыскивает слова, — Мы бы хотели переговорить с господином Склифом...

Мирта вскрикнула.

— Я к вашим услугам, господа, — ворген отвесил легкий церемонный поклон, и Лике показалось, что она заметила тень горькой усмешки, пробежавшую по его лицу.

— Эмм... — Сэмуэльсон замялся, — Возможно, мы могли бы переговорить в отдельном кабинете? — спросил он, смотря при этом на своего спутника.

— Я думаю, в это нет нужды, — брат Склиф положил цилиндр на стол, — У меня нет секретов от моих коллег, и я полагаю, что мы можем обсудить всё, вас интересующее прямо здесь.

Королевский служащий согласно кивнул.

— Господин Склиф, — обратился он к воргену (Лика отметила, что голос у него был скрипучий и неприятный), — Мы бы хотели уточнить, где вы находились этой ночью в период с одиннадцати вечера до трёх часов утра?

Ворген помедлил секунду перед ответом.

— Я был в городе, — сказал он, — У меня были дела.

— Позвольте уточнить, где именно и какого рода дела вы имеете в виду?

Брат Склиф пожал плечами. — Я был в разных местах, — сказал он, — Что касается моих дел, то в данный момент я не готов обсуждать их с вами.

Служащий покивал головой. У него были редкие волосы, едва прикрывавшие темя и такая же жидкая борода, росшая неровными кочьями. Глаза его были водянистые, неопределенного цвета. Он смотрел на воргена с каким-то странной улыбкой на бледных тонких губах.

— В таком случае, — сказал он, прошу вас, господин МакНабб, внимательно посмотреть на господина Склифа и вспомнить, не его ли вы видели накануне.

Бродяга, до сего момента испуганно жавшийся к стражникам, вздрогнул и робко уставился на воргена.

— Да подойдите ближе, не бойтесь! — человек приветливо помахал ему рукой, — Господин Склиф ведь не кусается, хе-хе!

Топпер МакНабб сделал пару неуверенных шагов и воззрился на брата Склифа, глядящего на него сверху вниз с бесстрастным выражением лица.

— Ну, любезный? — наклонился к нему королевский служащий, — Что скажете? Этого человека вы видели вчера у каналов?

— Я... Я не уверен, ваша честь, — выдавил из себя перепуганный и дрожащий бедняк, — Понимаете, было темно, и...и...

— И что же вы видели? — человек хищно навис над бродягой, нацелясь на него носом, словно клювом, — Расскажите нам, что вы рассказывали сегодня всем на площади!

Бродяга сглотнул, пытаясь отклониться от лица королевского представителя.

— Я видел волка, — признался он.

— Когда?

— Точно не помню... Кажется, часы пробили первый час пополуночи.

— Так. Хорошо! Он был один?

— Нет... То есть, да...

— Так да, или нет?

— Он был один, но на улице была еще женщина...

— Какая женщина? — королевский представитель буквально впился глазами в мокрое от пота и красное лицо бродяги. В холле стояла гробовая тишина, только Мирта чуть слышно всхлипывала, поднося к покрасневшим глазам платок. На лице брата Склифа не шевелился ни единый мускул.

— Ну, та... Которую потом нашли убитой... — бродяга говорил всё тише.

— Так! Вы, стало быть, видели её незадолго до смерти?

Топпер кивнул.

— Что было дальше?

— Я видел, как женщина свернула в переулок, а волк проследовал за ней.

— Дальше!

— Я постоял еще немного... Потом хотел пойти лечь спать, когда волк появился снова.

— Из того же самого переулка?

— Нет, ваша честь, из соседнего.

— Он вас заметил?

— Не знаю, ваша честь, — бродяга пожал плечами, — Полагаю, ему было не до того, он был ранен...

— Как вы это поняли?

— Ну, — бродяга почесал затылок, — Он хромал на переднюю лапу...

— Вот как? Интересно! Кто же его, по-вашему, ранил?

— Понятия не имею, ваша честь, — пролепетал бродяга, испуганно глядя на человека, смотревшего на него, как удав на кролика.

— Ну, хорошо, что же было потом?

— Потом... — бродяга замялся, — Он вроде как превратился...

— Ну, ну!

— ...превратился в человека, — выдохнул МакНабб, не глядя на брата Склифа.

— Таак! И вы могли его разглядеть? Подумайте хорошенько! Ведь ночь была лунной, а рядом с каналом полно фонарей!

— Я...Я правда, не помню, ваша честь! — взмолился Топпер, — Он вроде как отвернулся, да и небо было в тучах, я заметил только, что он прошел по мосту в направлении Собора...

Воцарилась тишина.

Человек с жидкими волосами пристально глядел на бродягу, шевеля губами. Капитан Сэмюэльсон выглядел мрачнее тучи, он, казалось, не знал, куда деть свои руки, то теребя эфес меча, то складывая их на груди. Напряжение в комнате достигло апогея.

— Вы, кажется, сказали, — нарушил внезапно молчание чиновник, — Что тот человек был ранен?

— Волк, с вашего позволения, ваша честь...

— Неважно! Вы же только что говорили, что он превратился в человека! Говорили, или нет?

— Г-говорил...

— Так что с раной? Человек хромал?

— Н-нет...

— Значит... — королевский представитель неожиданно резко повернулся к воргену.

— Не могли бы вы снять ваш фрак, господин Склиф? — с преувеличенной вежливостью обратился он к нему.

Ворген коротко кивнул и едва уловимым движением сбросил с себя верхнюю часть костюма.

На этот раз вскрикнула не только Мирта. Белая льняная рубашка брата Склифа была пропитана кровью в области правого плеча.

Губы королевского представителя растянулись в тонкой улыбке.

— Полагаю, капитан... — начал он, выразительно глядя на Сэмюэльсона.

Словно деревянный, капитан отчеканил шаг и остановился напротив спокойно глядящего на него воргена.

— Аргуин Редъярд Седогрифф, именем королевского закона Буреграда, вы арестованы! — глухо проговорил он.

Глава 17. Смута

Лучи заходящего солнца золотили белый мраморный обелиск, возвышавшийся на холме.

Отсюда, с зелёной вершины открывался вид на гавань и порт. Голубая лазурь неба сливалась с темно-синей кромкой воды на горизонте, становясь фиолетовой в закатных переливах облаков. Над обелиском склонялись кроны деревьев, уже тронутые желтыми и огненно-красными красками осени.

Здесь было удивительно тихо и пустынно. Лишь двое стражников в расшитых серебряными и золотыми нитями лазурных гербовых накидках с изображениями льва замерли, словно изваяния, по обе стороны от высоких каменных ступеней.

Ступени вели к массивному каменному саркофагу, на широкой крышке которого была высечена из камня в полный рост фигура воина с непокрытой головой, сжимавшего в руках исполинских размеров двуручный меч. Доспехи воина, украшенные королевскими гербами, свидетельствовали о принадлежности его к правящему дому Буреграда.

Надпись, выбитая на камне на человеческом, дворфийском и эльфийском языках, гласила:

«Король Вардан Принц, властитель Буреграда, военный лидер Альянса»

У подножия гробницы, склонив растрепанную на ветру голову, стоял человек в сером плаще с откинутым капюшоном. Глаза его были закрыты, руки сцеплены в замок на уровне груди, губы едва заметно шевелились.

Оранжевый лист, слетевший с ветки коснулся его головы и запутался в волосах.

Человек открыл глаза, из груди его вырвался печальный вздох. Он прижался лбом к холодному мрамору.

— Отец, — едва слышно произнёс Антуан, — Мне так не хватает тебя сейчас...

Где-то в вышине раздавались крики чаек.

Юный король Буреграда поднял голову и посмотрел ввысь.

Лист, кружась, упал на каменные плиты к его ногам.

— Ты был мудрым и сильным монархом, — негромко произнёс юноша, — Мне всегда хотелось быть похожим на тебя...

Он вздохнул. — Я не могу! — прошептал он, — У меня нет твоего опыта, твоей мудрости, твоей уверенности в себе и правильности принимаемых решений! Я — не воин, как ты. Я хотел бы, но это — не мой путь, я не вижу призвания к нему, я совершаю ошибки и уже запутался в них. Люди постоянно будут сравнивать меня с тобой, и в их глазах я всегда буду лишь бледной тенью твоего величия... У меня нет права давать им надежду, которую я никогда не сумею оправдать. Твой народ достоин настоящего правителя, такого, который сможет достойно править королевством и возглавить Альянс. Я верю, ты поймёшь меня, отец. Если бы ты был жив, ты бы наверняка одобрил мой выбор, ведь ты и сам всегда жертвовал своими интересами ради блага королевства! И то, что я собираюсь сделать — это тоже во благо государства и народа...

Антуан выпрямился, провёл ладонью по глазам и еще раз вздохнул.

Развернувшись, он медленно спустился по ступеням.

Неподалеку от усыпальницы его поджидал человек с военной выправкой, облаченный в боевой доспех.

— Ваше величество, — начал он, едва король поравнялся с ним, — Я вынужден повторно ходатайствовать о принятии решения...

— Мы же уже обсудили этот вопрос, генерал! — Антуин подхватил под уздцы коня, которого держал в поводу паж и вскочил в седло.

— И всё-таки, ваше величество, я настаиваю!

— Нет, Хаммонд, — король покачал головой, — Я не стану развязывать войну с собственными подданными, да еще с представителями дружественного королевства, только потому, что они недовольны моей политикой. Должны быть другие пути решения конфликта.

— Ваше Величество, — не скрывая раздражения, заговорил генерал, — У нас нет времени! Вы видели, что происходит на улицах — из-за сбоя в поставке провианта люди начали скупать все припасы! Если мы не восстановим в ближайшее время торговое сообщение с западными землями, это может перерасти в беспорядки и бунт!

— Так восстановите, генерал! — Антуан смотрел на Хаммонда хмурясь.

— Для того, чтобы дать отпор объединенным бандам гноллов, мне понадобится большая часть гарнизона, а это означает, что город останется, фактически, без защиты перед лицом опасности мятежа со стороны дворфийских саботажников! Нам необходимо сначала подавить восстание в столице, и только после этого решать внешнюю проблему. К тому же, без работающих фабрик и мастерских, нам будет нечем вооружать ополчение.

— Так это и есть ваш путь решения проблемы, лорд Хаммонд? — тихо спросил Антуан, — Предать огню один квартал, осадить и взять штурмом другой... А если завтра взбунтуются люди, которые захотят купить своим детям хлеба? Что мы им предложим? Кушать пирожные? Или тоже — возьмем в кольцо копий?

Не дожидаясь ответа побагровевшего генерала, король тронул поводья и поехал вниз по склону холма.

— Не провожайте меня, генерал! — бросил он через плечо, — Я хочу побыть один.

— Ваше Величество, в городе сейчас небезопасно! — крикнул вслед монарху Хаммонд Клэй.

— Упрямый мальчишка, — раздосадовано пробормотал он, оставшись в одиночестве.

Лица, словно в оцепенении, беззвучно наблюдали за тем, как слегка ссутулившийся брат Склиф, заложив руки за спину, в окружении стражников, проследовал к входной двери. Капитан Сэмюэльсон неловко поклонившись, вышел следом за ним, едва не ударившись при этом головой о притолоку.

Королевский представитель, обведя на прощание всех присутствовавших многозначительным взглядом, молча покинул холл.

Воцарилась тишина, прерываемая лишь всхлипываниями Мирты.

Лица в растерянности переводили взгляд с братьев на Чао, Зебория, Лилиан.

— Но... Ведь это неправда?! — воскликнула она, — Это не может быть он!

Никто не смотрел ей в глаза.

— Зачем брату Склифу было убивать её?

Вопрос повис в воздухе, словно грозовая туча.

Экзарх Оккам торопливо перешагивал через лужи, оставшиеся на тротуарах после непродолжительного дождя. Его томило неясное беспокойство, чувство тревоги, грызущее

изнутри. Интуиция редко подводила его, и дрений придавал большое значение тем сигналам, которое посылало ему его подсознание, или же, как это называли в книгах — шепоту Наару.

Сейчас внутренний голос подсказывал ему, что следовало посетить Бараки Исцеления. Его тревожило состояние Склифа, и, возможно, после прочтения газетной заметки, к этой тревоге добавилась еще одна — последнее время он почти не видел ученицу-гномку, чьё послушание, по стечению обстоятельств, было тесно связано с Бараками и самим братом Склифом.

Он корил себя за то, что уделял мало времени её окормлению. С другой стороны, на его памяти, она была единственной ученицей, отнесшаяся к данному ей послушанию с таким рвением и энтузиазмом

Приближаясь к Баракам, он увидел карету с зарешеченными окнами и конным караулом стражи, стоявших неподалеку от входа. Дрений почувствовал, как его сердце обдало холодом.

Он ускорил шаг, но не успел дойти до входа, когда дверь распахнулась и на пороге появился ворген в человеческом облике в окружении стражников. И, хотя он не был связан, его поза, заложенные за спину руки и мрачно-настороженные выражения лиц солдат говорили сами за себя.

Следом за Склифом, пригибаясь, чтобы не задеть головой дверной косяк, вышел знакомый дрению капитан, а за ним — невзрачного вида человек со знаками королевского чиновника.

Карета, казалось, поджидавшая этого момента, тронулась с места и подъехала к ним.

Экзарх рванулся вперед, но, за несколько метров до процессии, пара рослых стражников преградила ему путь.

— Будьте любезны обождать пару минут, ваше преподобие, — пробасил один из них.

— Аргуин! — крикнул Оккам, — Что происходит, Аргуин?!

Ворген поднял голову и встретился с дрением взглядом.

— Прости, Оккам, — тихо сказал он, — Я не...

— Разговоры! — вмешался неожиданно пронзительным голосом королевский представитель, — Арестованным запрещены любые разговоры за исключением официально согласованных встреч! Попрошу вас, капитан!

Сэмюэльсон, едва заметно скривившись, слегка подтолкнул Склифа, который, глянув на дрение еще раз, согнувшись почти вдвое, скрылся в карете.

Минутой спустя внутренний дворик опустел, и только следы колес и копыт на земле подтверждали экзарху, что виденное им было явью, а не нелепым кошмаром.

Скрип входной двери прервал стоявшую в холле тишину.

— Аркенон порос, — приветствие дрения прозвучало глухо и невыразительно.

Экзарх Оккам обвёл глазами присутствующих, на секунду задержавшись на гномке.

— Отец Экзарх! — воскликнула Лика, — Брата Склифа арестовали! Это какая-то ошибка! Нужно сообщить епископу!

— Успокойся, дитя моё, — дрений вздохнул, лицо его потемнело, — Кто-нибудь может мне объяснить, что только что здесь произошло?

— Я думаю, — подал голос Зеборий, — Нам лучше пройти в мой кабинет и поговорить там, ваше попечительство.

Экзарх кивнул и оба они проследовали в левое крыло Барак, где со вчерашнего вечера

находился кабинет дворфа.

Обстановка в комнате мало чем отличалась от той, которую экзарх застал в Приюте. Топчан, застеленный чистым бельём, стол у окна, несколько полок на стене, да пара стульев с высокими резными спинками. В углу располагался уже знакомый дренею бочонок, при виде которого его передернуло.

Деревянная кружка возникла в руках дворфа словно по волшебству, но Оккам замахал руками при виде вопросительного взгляда Зебория.

Дворф не стал настаивать на этот раз и молча наполнил свою кружку доверху. Сдув пену и сделав долгий глоток, он вытер усы, грохнул кружкой о стол и покачал головой.

— Склиф арестован, — сказал он, серьёзно глядя на дренея, — Дело очень скверное, его видели в ночь убийства, преследующим жертву и, спустя несколько минут, тот же бродяга заметил его, покидавшим место преступления в крови...

Дренею прикрыл глаза. — Это невозможно! — вырвалось у него, — Я знаю Аргуина много лет, он неспособен на это! Убийство... Кто угодно, но только не он!

Дворф неопределенно пожал плечами. — С ним последнее время творилось что-то странное, — заметил он, — И именно он настаивал на моём переводе, и именно в должности начальника службы.

— Да, я знаю, — Оккам тяжело вздохнул, — Владыка говорил мне об этом. Мне показалось странным, что он не захотел посоветоваться со мной. Он действительно был очень напряжен, когда мы виделись с ним несколько дней назад.

— Он ворген, отец Оккам, — негромко сказал Зеборий, испытующе глядя на дренея из-под густых кустистых бровей, — А воргены имеют в своей природе известную уязвимость...

Экзарх помотал головой. — В первую очередь — он брат Ордена, — сказал он, — Свет Наару просвещает наши сердца и души и даёт нам силы для борьбы с внутренним злом. Каждый из нас, неважно, к какой расе бы не относился несет в себе зачатки добра и зла. И семена тьмы прорастают в сердцах независимо от цвета кожи, размеров бород, или наличия хвостов...

Дворф согласно кивал. — Всё это верно, — сказал он, — Однако же, проклятье воргенов...

Оккам с жаром покачал головой. — Аргуин не верил в него, — проговорил он, — Он всегда считал, что никакие внешние метаморфозы не могут иметь значение для духа, что первична дисциплина души и то, что наполняет сердце, а не кровь, текущая в сосудах. И он доказал это собственным примером, укротив в себе инстинкты зверя годами аскезы и служении Свету.

— Он не принимал вакцины? — спросил Зеборий.

— Нет, — экзарх вздохнул, — Я понимаю, что сейчас это может звучать, как доказательство его вины, но я был его духовником, и могу свидетельствовать, что он был настолько далёк от безумия, насколько же любой из нас.

Зеборий нахмурился.

— Безумие... — проговорил он, — Вам следует кое-что знать, отец экзарх. Этой ночью Склиф отсутствовал на протяжении нескольких часов. Когда же он вернулся, меня разбудила Мирта. Она была крайне взволнована, и сообщила, что брат Склиф ранен и находится в тяжелом состоянии. Я поспешил к нему, и обнаружил, что он, действительно, получил ранение, более всего напоминающее удар ножом, или чем-то подобным в область правого плеча. Я оказал помощь, перевязал рану и использовал часть сил, чтобы ускорить

регенерацию тканей. Но гораздо больше меня беспокоило его душевное состояние. Он был возбуждён, казалось, что периодически не понимал, где находится и что происходит. Дважды пытался сорвать повязку. Был момент, когда мне показалось, что он готов броситься на меня. На все мои вопросы он отвечал нечленораздельным мычанием, когда же я попытался воздействовать на его сознание, у меня было ощущение, что его разумная часть где-то дремлет, в нём бушевали инстинкты и что-то ещё, чего я не смог понять.

— Словом, вы хотите сказать, что перед вами в тот момент была классическая картина одержимости воргеновым бешенством? — глухо произнёс дреней.

Зеборий пожал плечами. — Мне не так уж часто приходилось с этим сталкиваться, — сказал он, — Кроме того, я давно отошел от дел. Немного позже, его состояние несколько улучшилось и сознание прояснилось, но он ничего не помнил. По крайней мере, он так говорил. Правда, он помнил, как выходил из Бараков — с его слов у него были дела в городе, о которых он так и не стал распространяться, но что происходило потом, помнил смутно. У меня сложилось впечатление, что он помнил всё-таки больше, чем рассказал мне, но какая-то часть событий, несомненно, выпала из его памяти, и было видно, что его это тяготило. Впрочем, возможно, что он сможет вспомнить это позже.

Оккам вздохнул. — Если только это не будет слышном поздно, — проговорил он, качая головой.

Ли́ка беспомощно смотрела на Лилиан, склонившуюся над плачущей Миртой, и что-то вполголоса приговаривающей ей. Могучий таурен неуклюже топтался за их спинами, встревоженно переводя взгляд больших грустных глаз с одной на другую. Билли и Вилли хмурились с одинаковыми выражениями лиц. Чао, казалось, был полностью погружен в какие-то свои думы, сидя с совершенно отрешенным видом.

— Чао, — окликнула его Ли́ка, — Что всё это значит?!

Пандарен поднял косматую голову и устремил на гномку печальный взгляд.

Это может означать только одно, сестра, — сказал он негромко, — Что брат Склиф оказался втянут в очень скверную историю. Мне следовало догадаться об этом еще с того самого момента, когда появилось это злополучное письмо...

— Какое письмо? — Билли настороженно поднял голову.

Пандарен вздохнул. — Несколько дней назад мы получили странную анонимку, более всего похожую на розыгрыш, — пояснил он, — Но брат Склиф придал ей, как оказалось, значение. Помните ваш вызов в «Одинокий отшельник»?

— Еще бы не помнить, — хмыкнул Вилли, — С этого началась вся эта катавасия со спайсом!

Чао согласно кивнул. — Потом вы оказались в «Забитом ягнёнке», о котором и говорилось в том самом письме.

— Ну, было дело, — согласился Билли, — Заехали подкрепиться, немного не рассчитали с выпивкой, и чего?

— Брату Склифу это показалось слишком странным совпадением, — пояснил Чао, — Он наведлся туда и, похоже, напал на какой-то след.

— Шпакль! — вдруг воскликнула Ли́ка, — Ну, тот гном в красном балахоне, он был там, в этой таверне, и его видели в «Отшельнике», — пояснила она, заметив, что все смотрят на неё, — А потом он появлялся еще в другой таверне... Ну, Чао, я тебе рассказывала, помнишь?

Пандарен склонил голову в знак согласия.

— Я говорил об этом со Склифом, — сказал он, — Но его гораздо больше заинтересовал платок, который мы нашли в отеле, на месте смерти генерала Маркуса. У него был тот же запах, что и у анонимной записки, которую мы получили. Платок, кстати, был явно женский, и, видимо, был тоже как-то связан с «Ягненком»...

Чао замолчал и на какое-то время в зале повисла гнетущая тишина.

— Ты просто безмозглый хозен, если веришь в это! — вдруг выкрикнула Мирта, устремив на Чао залитое слезами лицо, искаженное гневом, — Неужели ты можешь допустить хоть на минуту, что Склиф мог...мог... Пойти на такое?! Ты же знаешь его столько лет! Ты, Чао!

Чао виновато поднял лапы, словно защищаясь от неожиданной вспышки агрессии со стороны сестры, так как та вскочила с места и теперь возвышалась над ним.

— У тебя все мозги отупели от твоего лотоса, который ты вечно жуешь, если ты всерьёз считаешь, что Склиф мог стать убийцей!

— Мирта... — робко начал Чао, но пандаренка не дала ему сказать, — Я не знаю, какое отношение имеют к нему все эти ваши дурацкие таверны и платки, и кто написал ту проклятую записку, но Склиф здесь не при чём! А вы, вместо того, чтобы думать, как помочь ему, сейчас готовы согласиться с этими нелепыми обвинениями!

— Да нет же, Мирта, никто здесь так не думает, — Лилиан приобняла рыдающую в голос пандаренку за плечи, и, бросив на Чао укоризненный взгляд, мягко подталкивая, вывела Мирту в кухню, плотно прикрыв за собой дверь.

Чао выглядел смущенным и несчастным.

— Женщины, — пробормотал Вилли, сочувственно кивая ему, и, неловко кашлянув, замолчал.

Чао вымученно улыбнулся горькой улыбкой. — Она очень...беспокоится о нём, — сказал он тихо, отводя глаза.

— Да мы уж поняли, — проворчал Билли, барабаня пальцами по столу, — Ведь не слепые же...

— И всё-таки, — также тихо продолжил Чао, — Отчасти, она права... Я действительно знаю Склифа очень давно. Он, безусловно, человек... то есть, ворген, огромной силы духа и воли, не говоря уже о его высоких моральных качествах. Но у него есть слабость — он ненавидит насилие над личностью в любых его проявлениях. И спайс для него — это одна из разновидностей такого насилия, обманным путем искажающего волю и чувства, разрушающее душу. Вы же помните, как он остро реагировал на подобные случаи еще тогда, лет пять назад, когда мы впервые столкнулись с этой заразой.

— Да, — задумчиво протянул Вилли, — Он тогда поставил на уши всю городскую стражу... Но и тот спайс был не настолько опасен, как этот...

— Вот именно, — кивнул Чао, — А в этот раз он просто был одержим стремлением найти источник, а любая одержимость — это дорожка для Ша в сердце...

— Ша? — переспросила Лика, не совсем уверенная, что правильно расслышала пандарена.

Чао кивнул. — Под «Ша» мы называем нематериальные субстанции духовной природы, способные воздействовать на струны души, — пояснил он. — Их много, и они разные — Ша гордыни, Ша ненависти, Ша сомнений и уныния...

Билли махнул рукой. — Это всё ваша медвежья хвилософия, — сказал он, — А для нас с

братом всё намного проще: неважно, чем он там был одержим, или не был — он действовал по правильным понятиям! Если эта баба и кто там с ней еще занимались отравительством — туда им и дорога, и скорбеть по ней мы точно не будем! Еще неизвестно, кто на кого напал — Склиф-то вернулся тоже с дыркой в плече. А мог бы и вовсе не вернуться, если б рана оказалась чуть левее! И что бы ты тогда тут говорил? Объяснял бы Мирте про ша-чего-то-там?

Вилли поддержал брата энергичным кивком головы.

— По любому, Склиф не бандит, как эти мутные типы из «Ягненка», — сказал он, — Я согласен с брательником!

Чао пожал плечами, собираясь, сказать что-то еще, но в этот момент скрипнула дверь и в холл вернулись отец Зеборий, выглядевший непривычно серьезным, и отец Оккам с потемневшим усталым лицом.

— Лика, — сказал он негромко, — Нам пора.

— Но, как же... послушание... — вскинулась было гномка, но тяжелый и исполненный боли взгляд дренея заставил её оборваться на полуслове.

— Отец Зеборий, — дренией поклонился дворфу, — Братья целители...

Дворфы и Чао склонили головы в ответ. Кивнув молчаливо замершему в углу, словно статуя, таурену, экзарх направился к выходу. Лике ничего не оставалось, как последовать за ним.

Она едва поспевала за размашистой поступью дренея, который, казалось, был погружен в свои думы и вовсе не замечал присутствия маленькой спутницы.

— Отец Оккам! — не выдержала Лика.

— А? Что, дитя моё?

— Вы же не... Вы же не думаете, что это был действительно он?

Экзарх промолчал. Гномка пыталась поймать его взгляд, заглядывая снизу-вверх.

— Мы никогда не можем быть в безопасности от самих себя, — проронил Оккам, по-прежнему не глядя на Лику, словно разговаривая сам с собой, — Тьма подстерегает нас в наших собственных сердцах, и только постоянное бдение и обращение к Свету может спасти нас от неё...

Лика вздохнула. Они подошли воротам Школы. — Ступай к себе, дитя, — мягко сказал дренией, — Отдохни, а вечером приходи в Собор на вечернюю службу.

— Но... Как же моё послушание? — взволнованно спросила Лика, — Я ведь вернусь в Бараки? Ваше... попечительство?

Экзарх улыбнулся грустной кривоватой улыбкой. — Тебе больше нет нужды проходить его. Близятся экзамены — теперь тебе будет полезнее сосредоточиться на подготовке к ним, повторении и закреплении изученного...

— Но как же практика? — волнуясь, Лика не заметила, что снова перебивает наставника, — Ведь у меня уже начало получаться!

Дренией кивнул. — Всему своё время, дитя. Ты проявила добрые качества, и Свет осеняет тебя. Но нельзя спешить. Есть время для подвигов, и есть время для созидательного труда.

С этими словами он коснулся ладонью лба гномки, благословляя её, и, прошелестев одеждами, направился по дорожке, ведущей к Собору.

Лика смотрела ему вслед, закусив губу.

Золотистые блики играли на отполированных до блеска подлокотниках массивных кресел, возвышавшихся над овальным столом Зала Советов.

Солнце уже почти село, но светильники еще не были зажжены, и в наступающих сумерках, лица собравшихся, и без того мрачные, смотрелись несколько зловеще.

Лорд Ремингтон Риджвелл выглядел озабоченным и мрачным. Королевский трон слева от него пустовал, также, как и кресла, занимаемые обычно таном Митрасом Железногогором, и главой Службы Безопасности.

— Полагаю, — заговорил он, — Мы можем начать.

При звуках его голоса взгляды присутствующих устремились на канцлера.

Граф откашлялся. — Как уже должно быть известно досточтимым членам Совета, его величество не смог сегодня принять в нём участие по причине занятости, но уполномочил меня провести внеплановое заседание в связи с имеющими место городскими событиями, в известной степени затрагивающими всех нас и оказывающими крайне неблагоприятное воздействие на общую политическую и экономическую ситуацию в городе. К моему глубочайшему прискорбию, я не вижу на этот раз среди собравшихся глубокоуважаемого тана Митраса Железногогора, чьи необдуманные слова и действия привели к серьёзному конфликту дворфийской диаспоры с властями города. Урегулирование этой ситуации — первый и наиболее острый вопрос, стоящий на повестке нашего Совета.

— Бунты следует подавлять, а не урегулировать! — резко произнёс генерал Хаммонд Клэй, подкрепляя свои слова ударом кулака по столу.

Лорд Ремингтон слегка поморщился.

— Мы разделяем вашу уверенность, генерал, — сказал он, — Однако же, следует очень тонко чувствовать грань между бунтом и акциями протеста...

— Акции, — проворчал Клэй, — Пока вы, господа министры, будете поддерживать короля в его пасцифи... пацисфи... Демоны! Я хочу сказать — во всей этой его юношеской чуши про общерасовые ценности, мы так и будем получать одну проблему за другой! Бастующие дворфы, разбойничающие гномы, гноллы-террористы и Саргерас знает, что еще ждет нас завтра! Я считал и считаю, что отмена смертной казни была ошибкой...

— Полно, генерал! — подал голос эмиссар Талуун, высокий дрений в светло-зеленом камзоле, — Нам всем хорошо известно, что вы — сторонник радикальных подходов к решению проблем, но также очевидно, что они не настолько эффективны, как вам в это верится. В том, что для монарха человеческая жизнь имеет ценность, если вдуматься, нет ничего дурного.

— Однако же, — заметил лорд Девин Фардейл, в накидке с символикой ордена Серебряной Длани, — Для государства общественное благо доминирует над личным. Как говорится, что впору монаху, не к лицу монарху...

— Господа! — граф Ремингтон извлёк из кармана небольшую табакерку и постучал ей по столу, прося внимания, — Мы собрались здесь не для того, чтобы обсуждать правильность поступков нашего короля. Нам необходимо прийти к общему плану действий по урегулированию создавшейся ситуации. Напомню, что, помимо внутренней городской проблемы, мы имеем также угрозу внешнюю, а именно — организованные банды гноллов, атаки которых привели к проблемам с поставками провианта в город с одной стороны, с другой — стали причиной потока беженцев, число которых растёт с каждым часом, и также влияет на экономические показатели.

— Так давайте зададим жару этим степным дикарям! — лорд Девин Фардейл подался

вперёд, — Это же просто шайки бандитов, у которых даже нет приличного вооружения — мои рыцари разгромят их не слезая с коней!

Хаммонд Клэй фыркнул. — Вы привыкли решать проблемы кавалерийским натиском в боях с безмозглой нежитью, лорд Девин. С этими тварями такой маневр не пройдёт! Степи — огромны, а гноллы действуют мелкими разрозненными отрядами, они будут всячески избегать лобовых столкновений с вами, изматывая вас постоянными фланговыми атаками, заманивая вас дальше в степь и дробя силы. Уж поверьте мне, хитрости им не занимать. Для того, чтобы приструнить их понадобится масштабная операция, которая растянется на недели! Именно поэтому я настаиваю на скорейшем разрешении конфликта в Ремесленном Квартале — если мы сейчас позволим бунтовщикам взять ситуацию под контроль и потеряем контроль над кварталом, мы не сможем вести боевые действия против гноллов и противостоят мятежникам одновременно! Именно поэтому я настаиваю на крайних и, как вы выражаетесь, радикальных мерах!

— Но, может быть, — промолвила доселе молчавшая светловолосая эльфийка, — Есть какой-то способ договориться с дворфами? Ведь, насколько я понимаю, причиной конфликта стали разногласия по поводу налоговой политики...

— Боюсь, это невозможно, леди Каледра, — Риджвелл покачал головой, — Дворфы разозлены и оскорблены из-за отравления одного из верховных танов, боюсь, он перешли определенную черту, за которой возврат к прежним позициям уже невозможен. Сомневаюсь, чтобы их сейчас устроил компромисс. Кроме того, полагаю, лорд Борлос подтвердит, что состояние казны за минувшие несколько дней со времени последнего Совета отнюдь не улучшилось, а значит, удовлетворение претензий дворфийских танов делается еще менее возможным.

— И всё-таки, стоит попытаться, — заговорила дама неопределенного возраста с ярко-огненной копной волос и знаком Кирина Тора на цепочке, — Если есть хотя бы малый шанс, его стоит использовать, перед тем как ввергать город во внутреннюю войну. Нужно попытаться воздействовать на Митраса с помощью дипломатии. Почему бы господину Матиасу не провести переговоры с дворфийскими танам?

— А вы его здесь видите, леди Элисон? — поинтересовался Хаммонд Клэй.

Лорд Ремингтон вздохнул. — Кстати, о господине Шоу, — сказал он, — Именно о нём я хотел поговорить с членами Совета. Это последний вопрос на повестке сегодняшней встречи.

— Не велено!

Долговязый стражник с длинными рыжими усами преградил алебардой проход группе крестьян, робко жавшихся к своему предводителю — мужику лет пятидесяти с пшеничного цвета волосами и светлыми, чуть навывкате глазами, теребившему в руках засаленный картуз и жалобно глядящего снизу-вверх на представителя власти.

— Дык как жыж эта, господин офицер, — бубнил он просительно, топчась на месте и оглядываясь по сторонам, — Ить они ж исты хочуть...

— Говорю же — не велено! — рыжеусый офицер зло сплюнул на землю и для убедительности стукнул древком оружия о землю, — Много вас тут таких, а только без документа не положено!

— Да помилуй, кормилец, — заволновался крестьянин, норовя заглянуть в глаза стражнику, — Какие ж такие документы-то? Мы ить землепашцы, отродясь энтих бумажек

не выдвигали! Завсегда в город на ярмарку ездили безо всякого препона!

— Мало ли, что ездили! — стражник подталкивал мужика тупым концом алебарды, — А сейчас — не положено без документов! Понаехали, понимаешь... Ну чего, чего вам тут — мёдом намазано? Скоро, вон, говорят, самим жрать нечего будет, так вы ещё тут!

— Дык что ж поделать, господин офицер, — разводил руками крестьянин, — От гноллов жеж окаянных этих житья не стало! Рыщут, поганые, не поле вспахать, ни скотину на пастбище не выгнать! А с вилами наперевес не больно то пожнёшь!

— В общем, я тебе всё сказал, — стражник мотнул головой в сторону импровизированного лагеря у городских крепостных стен, — От туда иди, там ваши кучкуются, а здесь на проезде не стой — вон, вишь, обоз подъезжает!

Обоз между тем и правда приближался — несколько крытых телег в сопровождении конного отряда солдат в полном боевом обмундировании.

Заскрипели петли, массивные створки ворот начали поворачиваться.

Невысокий интендант, сопровождавший обоз на пегой кобыле подъехал к офицеру, утирая с лысины платком крупные капли пота.

— Что слышно в городе, Яксли? — осведомился он у стража.

Рыжеусый Яксли пожал плечами. — Да всё то же... Говорят, скоро хлеба вообще не достать будет, кое-кто уже подался из Буреграда, собрав скарб. А это вон, дурачьё, наоборот, сюда рвётся...

Он пожал плечами и плюнул в сторону лагеря. — А чей обоз-то? — поинтересовался он, глядя, как взмыленные лошади тянут мимо них просевшие груженные телеги.

— Известно, господина Триаса, — подмигнув, отвечал интендант, — Уж он в накладе никогда не останется!

— Это точно, — ядовито хмыкнул Яксли, провожая глазами последних всадников, — И охрана-то из армейских!

— Ну, а то! — интендант ухмыльнулся, — Как-никак, официальный поставщик его королевского величества! Ну, бывай, Яксли!

И, ударив каблуками сапог лошадь, интендант поспешил следом за уходящим в город обозом.

— Пятьдесят золотых за мешок муки! Да вы что, ополоумели?!

Полная пандаренка в цветастом платье, уперев лапы в бока задрав голову, с негодованием уставилась на торговца, с невозмутимым видом взиравшим на неё с телеги, стоявшей напротив лавки с широкой вывеской «Сыры Триаса».

— Где это видано, чтобы хлеб столько стоил?! — продолжала она низким утробным голосом, напомиравшим рык, — Еще вчера было десять!

Толпа горожан, сгрудившаяся вокруг, поддержала её недовольным гулом и свистом.

— Совсем совесть потеряли! Кому горе, а кому праздник! Да в шею их! Шкуродёры!

Кольцо стражников вокруг телеги при этих выкриках пришло в движение, замелькала обнаженная сталь.

— Уважаемые! — пронзительный голос торговца перекрыл уличный шум, — Вы прекрасно знаете, что в городе сейчас непростая ситуация! Наша компания не жалеет сил и средств, чтобы обеспечить в это трудное для Буреграда время бесперебойную доставку провианта! Мы тоже несём убытки! Вооруженная охрана, дорожные издержки, срыв контрактов — все это вынуждает нас идти на подобные меры и увеличивать стоимость

продуктов! Поверьте, мы ничего не имеем на этом и работаем, фактически в убыток, исключительно ради блага города! Мы никого не принуждаем — все желающие могут самостоятельно попробовать организовать свою доставку продуктов в Буреград и установить свои цены! Вы можете убедиться в нашей лояльности и демократичности ценовой политики, если сравните наши цены со ставками на аукционе! Сегодняшние цены — это акция! Завтра, возможно, доставки станут невозможны, а цены будут дороже в разы! Кто это понимает — милости просим — подходи, налетай!

Бормоча ругательства на родном наречии, пандаренка полезла куда-то в глубь складок платья, извлекая на свет внушительных размеров кошель.

— Да чтоб вы подавились этими деньгами! — буркнула она.

Остальные покупатели, также ворча и возмущаясь, выстраивались в очередь, толкая друг друга и споря, кто где стоял.

По лицу торговца промелькнула довольная улыбка. — Без давки, прошу без давки! — закричал он, — Все будут обслужены в порядке очередности!

За всем этим, чуть в стороне, наблюдал всадник на мышастом скакуне с дорогой упряжью, в сером плаще с надвинутым на глаза капюшоне.

Покачав головой, он тронул поводья и неспешным аллюром направился по переулку в сторону Каналов. Несколькими секундами спустя, от стены дома, около которого он стоял отделилась пара теней и последовала за ним.

Погруженный в свои раздумья под мерное цоканье копыт, Антуан не заметил фигуры, появившейся перед ним в сгущающихся сумерках, и вздрогнул только после того, как чья-то крепкая рука неожиданно резко перехватила коня под уздцы.

— Вечера доброго, ваша светлость, господин хороший, — пробасил хриплый голос.

На короля, усмехаясь щербатым ртом, смотрело заросшее щетиной лицо человека с крупными грубыми чертами и густыми, почти сросшимися бровями.

— Что вам нужно? — король выпрямился в седле, пытаясь уловить на слух движения вокруг и определить, есть ли поблизости кто-нибудь еще. К сожалению, капюшон, скрывавший его лицо, значительно ограничивал обзор.

— Ай, да что же так сразу грубо! — бровастый ухмылялся, силясь разглядеть лицо человека, — Вечера нынче томные, на улицах тревожно, ездить на таких дорогах конях небезопасно, ваша светлость, вот мы с ребятами и решили позаботиться, так сказать, о вашей сохранности!

— Благодарю за вашу заботу, — слова Антуана прозвучали менее жестко, чем ему бы хотелось, — Но я в состоянии позаботиться о себе сам. А теперь дайте мне дорогу!

Однако, громила не спешил исполнять приказ и откровенно забавлялся над ним.

— Дорогу то отчего не дать, — протянул он, — Вот только ради безопасности вашей, лошадку придется оставить, и, пожалуй, плащик тоже... Да и под плащом у вас, небось, полным-полно всяких опасных штуковин. Вы бы лучше поменялись с кем-нибудь из ребят одежкой-то.

По другую сторону лошади появилась еще одна фигура, схожей комплекции и внешности.

Антуан взялся за рукоять меча и замер, внезапно ощутив холод стали у себя под ребрами слева.

— Слышь, ты не дрыгайся, — донесся до него невыразительный негромкий голос, — С тобою же по-хорошему разговаривают...

Антуан почувствовал, как кровь приливает к его щекам. На секунду он представил отца, оказавшегося в подобной ситуации. Еще не отдавая себе отчета в том, что делает, он наугад пнул ногой в том направлении, откуда доносился голос. Каблук ударился о что-то мягкое, сбоку раздалось приглушенное ругательство, в этот-же миг кто-то с силой рванул его за плащ, он почувствовал, что теряет равновесие и падает с коня. Рванув застёжку, он освободился от плаща, перекатился по земле и вскочил, выхватив меч из ножен.

Бровастый детина, скалясь, помахивал цепью с металлическим брусом, висевшим на ней.

Его напарник, потирая рассеченную губу не сводил с Антуана холодного взгляда, от которого у короля что-то сжалось внутри. Он понял, что этот будет бить наверняка.

Какое-то шестое чувство заставило его резко обернуться.

Он едва успел уклониться от удара дубинки, просвистевшей над его головой. Третий грабитель, невысокий парнишка, ровесник Антуана, глядел на него расширившимися от ужаса глазами.

— Ва... Ваше ве... величество... — начал он, заикаясь, опуская дубинку.

Руку Антуана прожгла раскаленная боль, клинок вылетел из неё и, звеня, покатился по камням мостовой.

Бандит с кистенем занес руку для очередного удара и замер, услышав слова напарника.

— Король?! — проговорил он ошарашенно. Третий участник, с рассеченной губой держал в руке наизготовку нож, но он не успел ничего сказать, или сделать, потому что, издав булькающий звук, рухнул на землю, как подкошенный. Рукоятка метательного ножа торчала из его шеи у самого основания затылка.

Бровастый детина в ужасе глянув на распростертое тело попятился, повернулся и вздрогнул, неожиданно наткнувшись на кинжал в руке человека, появившегося словно из ниоткуда.

Единственный оставшийся в живых, самый юный грабитель, потеряв голову, понесся прочь по переулку, его худые лопатки мелькали с невероятной быстротой. Однако, не добежав пары метров до поворота, он вдруг споткнулся и растянулся на земле. Невысокая фигурка, вынырнувшая из тени дома, на мгновение склонилась над ним, паренек дернулся и затих.

— Добрый вечер, ваше величество, — высокий человек с длинными каштановыми волосами, убранными в хвост и рыжеватой бородкой склонился перед королём в подчеркнуто изящном поклоне.

— Шоу! — Антуан покачал головой, — Как ты здесь оказался?

Человек пожал плечами, едва заметно усмехаясь, — Это моя работа, ваше величество.

— Следить за своим монархом?

— Оберегать его жизнь, ваше величество, — снова поклонился человек, — Ваш отец завещал мне это, а я обещал ему.

— Как ты узнал? — устало спросил Антуан, — Хотя, вопрос, наверное, риторический.

Начальник службы безопасности лишь снова пожал плечами, как бы подтверждая сказанное королём.

— Вы сильно рискуете, мой король, подвергая себя и свой народ неоправданному риску, такими вылазками без надлежащей охраны, — сказал он вслух.

Антуан вздохнул. — Я только и слышу вокруг: «Ваше величество, вы не должны... Ваше величество, вам не следует...» Ваше величество — то, ваше величество — сё...

Шоу улыбнулся уголками губ. — Быть монархом — нелегкое бремя, — заметил он осторожно.

— Именно так, Матиас, — король перевёл взгляд на трупы, лежащие у их ног, — И, всё-таки, я рад, что ты оказался рядом в эту минуту. Вот только... — он посмотрел в сторону переулка, где лежало тело третьего участника нападения, — Не стоило убивать этого несчастного. Благодаря его замешательству я остался в живых. Он был не опасен!

Матиас равнодушно глянул на неподвижно замершего грабителя.

— Ему следовало аккуратней выбирать себе компанию, — заметил он, — Кроме того, если бы мы дали ему уйти, через несколько минут весь город знал бы, что вы здесь, и тогда даже мне было бы затруднительно обеспечить вам надлежащую охрану. Впрочем, нам нужно торопиться.

— А... как же трупы? — понизив голос, спросил Антуан, — Их нужно предать погребению — хоть они и вели разбойную жизнь, пути Света неисповедимы...

Шоу небрежно махнул рукой. — О них позаботятся, ваше величество. Идёмте. Уже темнеет.

Конь Антуана, ускакавший в момент его падения, поджидал его в нескольких шагах, ведомый под уздцы еще одним человеком в плаще. Животное раздувало ноздри и фыркало, встревоженное запахом крови.

— Я поведу, — сказал Шоу, беря в руки поводья, — Тут есть короткая дорога в Замок.

— Нет, Матиас, — Антуан покачал головой, — Я не собираюсь возвращаться в Замок, по крайней мере, сейчас. У меня еще есть дела в городе.

Шоу вздохнул. — Ваше величество, вы сами видели, что происходит сейчас на улицах. А, учитывая обстановку, в ближайшем будущем станет еще опасней.

— Я знаю, Матиас. И всё же, я должен исполнить еще одно дело.

Шоу хотел было сказать что-то еще, но, встретившись глазами с королём, вздохнул еще раз и склонил голову. — Могу я хотя бы проводить вас, ваше величество? — поинтересовался он.

— Тут недалеко. Впрочем, можешь сопроводить меня до соборной площади.

Какое-то время они двигались молча, король — верхом, его спутник — рядом, пеший.

— Вы помните наш разговор, ваше величество? — нарушил молчание Шоу.

— Да, — Антуан помедлил, — Я всё взвесил и принял решение, Матиас.

— Надеюсь, вы сделаете верный выбор, ваше величество.

— Я надеюсь на это, Матиас.

Белокаменная громада собора возвышалась перед ними, устремляясь к небесам шпилями тонких вычурных башен.

— Дальше я сам, — мягко сказал Антуан, слезая с коня и передавая поводья Шоу, — Пожалуйста, позаботьтесь о Росинате.

Шоу молча поклонился.

Король завернулся в плащ и проследовал по освещенной фонарями аллее в сторону Собора.

Шоу задумчиво глядел ему вслед, теребя пальцами бородку. Вынырнувшая из темноты маленькая фигурка замерла в шаге от него.

— Что слышно, Рензик? — не оборачиваясь спросил Шоу.

— Брат Склиф арестован! — ответил гоблин, усмехаясь, поигрывая ножом в руке.

По лицу начальника королевской службы безопасности промелькнула удовлетворенная

улыбка.

Глава 18. Проклятье воргенов

Его Высокопреосвященство, архиепископ Буреградский Бенедикт, сосредоточенно перебирал в руках чётки, стоя перед аналоем с лежащей на нём раскрытой книгой.

Губы его беззвучно шевелились, глаза были полуприкрыты бледными морщинистыми веками.

Пламя свечи, освещавшей страницы, мелко подрагивало, бросая причудливые тени на стеллажи с рукописями и манускриптами, окружавшие комнату. Кроме них, да узковатой кровати у стены, в келье не было более никаких предметов мебели. Небольшой коврик на полу был единственным элементом комфорта.

Осторожный стук в дверь прервал молитвенное уединение архиепископа.

— Благословите, Владыка! — донеслось до него.

— Свет да осветит вас! — отозвался он, поворачиваясь к двери.

На пороге возник склонившийся в поклоне секретарь, за которым виднелась еще одна фигура, закутанная в плащ.

Архиепископ поднял руки в благословляющем жесте, и кивком головы отпустил секретаря.

Когда дверь за ним закрылась, Бенедикт почтительно склонил голову.

— Ваше Величество...

— Отец Бенедикт! — Антуан сбросил капюшон и взволнованно смотрел на владыку, — Благословите!

Он приблизился к старику и опустился на колени перед ним.

— Свет Наару да пребудет с вами, Ваше Величество, — промолвил архиепископ, касаясь головы монарха бледной старческой дланью со сложенными в благословляющий знак пальцами, — Вы хотели поговорить со мною?

Глубоко посаженные тёмные глаза архиепископа под матово-восковым лбом светились живостью и испытующе всматривались в юное лицо короля.

— Да, владыка... Я хотел исповедаться.

Архиепископ сдержанно кивнул. — Прошу вас, Ваше Величество, — он опустился на кровать, присев на самый её край, держа спину ровной и прямой, снял с гвоздя, вбитого в стену, полоску ткани, расшитую загадочными символами и украшенную камнями и перекинул её через плечи, опустив концы на грудь.

Антуан приблизился к архиепископу, но проигнорировал его жест, приглашающий занять место рядом, и снова опустился на колени на коврик. Он не сводил со священника лихорадочного взгляда, казалось, что его пожирает изнутри некая идея, не дававшая ему покоя.

Бенедикт, сложив тонкие длинные пальцы молча ждал, с бесстрастным выражением лица.

— Ваше высокопреосвященство... — Антуан говорил быстро и сбивчиво, — Я... Мне... Я не могу больше нести это бремя ответственности за моих подданных, возложенное на меня!

Он закусил губу и тут же начал снова, словно опасаясь, что архиепископ перебьёт его, или станет ему возражать.

— Мой отец был настоящим правителем, достойным и мудрым, память о нём останется в веках. А я... Я не такой, как он! Я пытался быть его достойным подражателем, но вместо этого всё испортил и запутался сам. Мои реформы не нашли понимания даже у моих самых близких доверенных советников, а все мои усилия по улучшению жизни народа обернулись против меня. Всё, о чём я мечтал, оказалось на деле несбыточными иллюзиями, а моё представление об идеальном устройстве государства — безумной утопией. Мой город стоит на грани экономического краха, мой народ ропщет и протестует и уже готов восстать против меня. Моё дальнейшее пребывание у власти только усугубит ситуацию и доведёт королевство до гибели...

Архиепископ пошевелился и странно глянул на монарха.

— Ваше Величество, — тихо произнёс он, — От ошибок никто не застрахован. Даже величайшим монархам не дано было избежать их. Вы еще юны, и находитесь в самом начале своего пути. Не ошибается вовсе только тот, кто не делает ничего.

— Всё это так, отец, но я не чувствую, что это — мой путь! — выдохнул Антуан, приблизив покрасневшее лицо к архиепископу, — Ведь вам известно, что я всегда отдавал предпочтение изучению духовных наук и предпочитал знания о вечном искусству политика!

Архиепископ согласно кивнул.

— И это лишь подтверждает, что Вы на верном пути, Ваше Величество и будете мудрым и рассудительным правителем, пекущимся не только о материальном благополучии государства, но и о духовном развитии ваших подданных.

Антуан порывисто вскочил с колен и заметался по келье.

Бенедикт следил за ним, чуть приподняв брови.

— Я отменил смертную казнь! — воскликнул Антуан, — Я был уверен, что это — правильный поступок! А теперь за моей спиной говорят, что именно из-за этого сейчас происходят убийства людей в Западных Землях, благодаря тому, что преступникам удалось избежать заслуженного наказания!

Я пытался внести правки в налоговую систему, чтобы избавить от лишней нагрузки бедняков и заставить платить тех, кто купается в роскоши. Меня возненавидели и те, и другие! Бедняки стали меньше платить в казну и больше — в карманы тех, кого я пытался заставить раскошелиться.

Вы, владыка, с детства внушали мне, что сердца всех рас одинаково открыты Свету, и я старался дать в Буреграде всем равные права и возможности, а в результате межрасовые стычки и конфликты достигли при мне масштаба гражданских войн!

Бенедикт вздохнул. — Нужно время, Ваше Величество, — заметил он, — Ничего не происходит само по себе, и всякому семени нужны условия и сроки для того, чтобы дать всходы.

Антуан остановился напротив него.

— Я был свидетелем сейчас, как мои подданные вынуждены отдавать последние деньги, чтобы купить себе хлеба, — тихо сказал он, — Я не могу больше позволить себе злоупотреблять их верой в меня. У меня больше не осталось времени — я израсходовал тот резерв, который имел.

Архиепископ снова вздохнул. — Вы встревожены, мой король, — сказал он также тихо, — В вашем сердце говорит сейчас горечь и отчаяние, но это лишь кратковременная буря, которая пройдёт, и, возможно, тогда вы сможете разглядеть свой духовный фарватер.

Антуан покачал головой. — Я уже его разглядел, отец Бенедикт, — сказал он, — Я

прошу у вас благословения следовать монашескому пути.

Архиепископ вскинул брови. — Ваше величество...

Король упрямо мотнул головой. — Ваше высокопреосвященство! Я долго и тщательно обдумывал своё решение. И мне, и королевству будет от этого лучше. Я хочу начать новую жизнь на далёком материке, обрести там душевное равновесие и покой, укрепляя свой дух и посвящая жизнь тому, что единственно имеет ценность.

— Но как же ваш народ, государство? — Бенедикт развёл руками, подавшись вперёд и буравя короля глазами, — Вы же не можете оставить его на произвол судьбы! Это было бы...

Он осёкся.

Антуан заметил это и горько усмехнулся. — Вот видите, отец, — сказал он, — Вы сейчас почти сами дали мне подлинную характеристику! Однако, вы правы, и, разумеется, я не могу оставить королевство без правителя. Я размышлял об этом и советовался с самыми близкими мне и моему отцу людьми, и принял решение, которое получило их одобрение. Я намерен отречься от престола в пользу своего двоюродного дяди, лорда Хенна.

Архиепископ, казалось, на секунду потерял дар речи.

— Лорда Хенна? — воскликнул он, — Лорда Хенна Седогриффа?

Антуан кивнул. — Да. Из всех возможных вариантов — это наиболее подходящий. Его королевство...

— Сгинуло во время войны!

— Но не по его вине. Возможно, если бы на тот момент силы Альянса действовали более сплоченно, результат противостояния мог бы быть иным.

— История, мой король, не имеет сослагательного наклонения, — проговорил архиепископ, пожимая плечами и проводя рукой по лбу, — И потом, ведь лорд Хенн — ворген!

Антуан поднял подбородок, и Бенедикт машинально отметил его сходство в этот момент с покойным королём. — И что из этого, ваше высокопреосвященство? Разве не вы в своё время учили меня, что воргены — такая же раса, как и любая другая? И даже говорили об этом в своих проповедях с амвона, когда лорд Хенн только планировал присоединиться со своим народом к Альянсу?

— Это другое, мой король, — вздохнул архиепископ, — Одно дело — равноправие фракций в политическом союзе, и другое — выбор правителя для королевства людей.

— Не только правитель королевства людей, но и глава Альянса, — возразил Антуан, — Кто лучше лорда Хенна сможет противостоять Орде? Кто более него знаком с ней на личном опыте?

— Личный опыт, — архиепископ подавил очередной вздох, — Не всегда обогащает душу, Ваше Величество. Иногда он ожесточает её и делает нечувствительной к голосу разума. Я не уверен, что Совет одобрит кандидатуру лорда Хенна, не говоря уже о других правителях Альянса.

Антуан грустно улыбнулся. — Вы ошибаетесь, Ваше Высокопреосвященство, — сказал он, — Совет не будет возражать против Седогриффа.

Архиепископ пристально всмотрелся в лицо юноши. — Мне кажется, вы торопитесь, Антуан, — проговорил он, впервые обратившись к своему собеседнику по имени, — Возможно, следует обсудить это на закрытом совещании...

Но король отрицательно покачал головой.

— Нет, Ваше Высокопреосвященство, — сказал он тихо, но твердо, — Я уже принял

решение. Завтра в полдень я объявлю о своём решении Совету и народу, и попрошу вас провести церемонию отречения. Такова моя королевская воля.

С этими словами Антуан снова опустился на колени, почтительно коснулся лбом руки священника и, резко поднявшись, вышел из кельи, на ходу запахиваясь в плащ.

Какое-то время после его ухода Бенедикт сидел неподвижно, размышляя. Глубокие морщины бороздили его лоб. Наконец, поднявшись, он медленно приблизился к стеллажу, на котором среди книг, почти незаметный, находился округлый предмет, покрытый черной тканью.

Печальная улыбка промелькнула на его тонких, почти бескровных губах.

— Он считает себя недостойным своего отца, но даже не подозревает, насколько он похож на него, — прошептал он, освобождая от ткани темно-матовую поверхность блестящего хрустального шара.

— И да пребудет с вами благоволение Наару и исполнятся Света сердца ваа-шии!

Старческий дребезжащий голос брата Джошуа отдавался эхом под сводами полупустого собора.

Лике было трудно сосредоточиться на словах молитв, мысли её постоянно возвращались к событиям, произошедшим в Бараках. В памяти всплывали фразы, произнесённые Чао Миртой и отцом Оккамом. Ей не верилось, что тот брат Склиф, которого она знала, мог оказаться безжалостным оборотнем. Или, всё-таки, мог? Эта подспудная мысль, словно комариное зудение, точила сомнением гномку изнутри, занозой сидела в задворках её сознания.

Брат Джошуа благословил её привычным жестом, когда Лика подошла к нему в конце службы и окропил водой из серебряной чаши с плавающими в ней лепестками цветов.

Вопреки её ожиданиям, экзарха Оккама в соборе не было, так что оставалось только вернуться в свою келью и провести остаток вечера за чтением учебников.

Служки уже гасили свечи, когда она шла к выходу, вдоль уходящих под высокие своды храма колонн. Собор был почти пустой — на вечерних службах в обычные дни горожане бывали редко. В основном, тут можно было встретить братьев Ордена, да таких же учениц, как она сама. Возможно, именно поэтому, она обратила внимание на человека, стоявшего рядом с одной из колонн, казалось, погруженного в молитву.

Словно почувствовав на себе её взгляд, человек поднял глаза, и Лика едва сдержала возглас удивления — меньше всего она ожидала встретить в Соборе знакомого чернокнижника.

Джардет заметил её замешательство и, едва заметно усмехнувшись, сделал ей знак рукой и тоже направился к выходу.

Не вполне понимающая, что происходит, но заинтригованная, Лика последовала за ним. Выйдя из храма, Джардет свернул в сторону, и направился по одной из дорожек в сторону небольшого парка, окружавшего Собор. Там под деревьями располагалось несколько скамеек для отдыха прихожан, на одну из которых он и присел.

Когда Лика приблизилась, он поднялся и слегка поклонился ей.

— Добрый вечер, сестра Лика, — проговорил он, — Прошу у вас прощения за этот не совсем уместный фарс, но мне подумалось, что разговор с вами в храме носил бы излишне публичный характер, а мне бы не хотелось, чтобы у вас впоследствии были проблемы из-за сомнительных знакомств.

— Да вовсе нет! — несколько сбитаая с толку и одновременно польщенная Лика замотала головой, — Не будет у меня никаких проблем! Ведь Собор — это место, куда может прийти каждый и получить помощь и поддержку!

Мужчина грустно усмехнулся. — Ваш образ мыслей делает вам честь, — заметил он серьезно, — Однако, к сожалению, далеко не все его разделяют. Для многих верующих род занятий является, зачастую, определяющим критерием человека, а встречают, как говорится, по одежке. Поверьте, сестра, я слишком часто в своей жизни сталкивался с тем, как резко реагируют верующие люди на тех, кто не разделяет их убеждения, или придерживается других взглядов.

Он вздохнул. — Однако, я не для того позволил себе побеспокоить вас, чтобы рассуждать о психологии и религии. У меня есть к вам серьезный разговор, если вы, конечно, располагаете временем.

Удивлённая Лика кивнула.

— Тогда присядьте. Я постараюсь быть кратким, чтобы не злоупотреблять вашим вниманием, — вполголоса сказал Джардет.

Лика опустила на скамейку рядом с Джардетом, который какое-то время молчал, видимо, собираясь с мыслями.

— Нелегко вот так сразу начать, — сказал он, наконец, — И еще сложнее решить, с чего. Вы, наверное, уже знаете, что брат Склиф — это не настоящее имя вашего начальника?

Лика кивнула. — Я слышала, как королевский чиновник назвал его по-другому, — сказала она, — Каким-то полным длинным именем.

Джардет кивнул. — Аргуин Редъярд Седогрифф, — медленно произнёс он, — Говорит ли вам что-нибудь эта фамилия?

Лика отрицательно помотала головой.

— Я так и думал. Не поймите меня превратно, но в Гномбурге, там, где вы росли, вы едва ли могли узнать многое о королевстве Гильнэйас...

— Я читала о нём! — неожиданно перебила человека Лика. — Простите, — добавила она, смутившись, — Я только что вспомнила, это было совсем недавно. Это королевство, в котором жили воргены?

Джардет покачал головой. — И да, и нет, — сказал он задумчиво, — Было бы точнее сказать, что в каком-то историческом промежутке они там появились. Изначально, гильнэйасцы были такими же людьми, как, к примеру, жители Буреграда. Воргены — пришельцы из иного мира, но история их появления здесь окутана тайной и множественными оккультными теориями, забивать голову которыми вам нет никакой нужды. Важнее другое, а именно, тот факт, что, в силу определенных физиологических особенностей, у этой расы выработался своеобразный эволюционный механизм защиты от вырождения. Их слюна содержит субстанцию, которая, при проникновении в кровь, способна модифицировать человеческий организм, наделяя его специфическим фенотипом, иначе говоря — превращать в воргена.

Лика внимательно слушала, вспоминая рукопись, прочитанную ей сегодняшним утром.

— Существуют разные точки зрения на природу этой субстанции, — продолжал между тем Джардет, постепенно увлекаясь собственными рассуждениями, — Так, некоторые полагают, что она подвергает материю тела определенной мутации, другие же склонны считать её инфекцией неуточненной природы. И та, и другая концепции были приняты во внимание, при создании так называемой вакцины.

Он помолчал, и Лика, воспользовавшись паузой, снова не удержалась. — Я читала про эту вакцину! — не без гордости сообщила она (умолчав о том, что впервые узнала о ней лишь сегодняшним утром), — Но ведь неизвестно, кто её изобрёл?

Джардет поднял на неё взгляд. — У вас есть свойство видеть суть предмета и задавать правильные вопросы, — сказал он с вымученной усмешкой, — Очевидно, в вашем лице школа приобрела не только будущего целителя, но и учёного, не считите это за лесть. Действительно, официальных данных о создании вакцины, истории её разработки, патента и прочего — не существует. И это неспроста, потому что, фактически, сразу после её апробации, все работы по ней были засекречены особым указом его величества короля Хенна Седогриффа.

— Откуда вы... Подождите! Вы сказали — Седогриффа?! — Лика подскочила на скамейке, — Это, что та самая фамилия? То есть, брат Склиф...

— Родной брат короля Хенна, — подтвердил Джардет, спокойно глядя на гномку, — Вы действительно этого не знали?

Лика от изумления не могла вымолвить ни слова, лишь отрицательно качая головой, глядя на Джардета круглыми глазами.

Джардет кивнул. — Что ж, вполне допускаю... Аргуин умеет хранить секреты, равно как и мотивировать других поступать также. А он, очевидно, имел основания сохранять инкогнито, поселившись здесь. Разумеется, о полной конспирации речь идти не могла — полагаю, его подлинное имя и происхождение известны в Буреграде довольно широкому кругу лиц, но распространяться на эту тему в нём не принято. Но и это не главное.

Лика почти не слушала его. У неё в голове крутился вихрь вопросов, догадок и озарений. Знали ли об этом Чао с Миртой? Близнецы-дворфы? Отец Оккам? Она неожиданно вспомнила особую почтительность и церемонность, с которой обращался к воргену капитан Сэмюэльсон. Получается, он тоже знал?

— ... симптомокомплекс проявлений заражения этой субстанции и получил впоследствии название «воргеново бешенство», или «проклятье воргенов», — словно издали донесся до неё голос Джардета, — Перед нами была поставлена задача найти условное противоядие, которое могло бы если не заблокировать действие субстанции, то, по крайней мере, купировать симптомы и снизить риски заражения для окружающих. Одним из наиболее опасных проявлений интоксикации были психические нарушения, проявлявшиеся в повышенной агрессии, снижении когнитивных функций и изменении поведения. Фактически, с зараженными невозможен никакой продуктивный контакт, по крайней мере в острой и даже подострой фазах. Впрочем, до других попросту никто не доживал... По крайней мере, из тех, кто находился в социуме.

Лика нахмурилась. — То есть, они...

Джардет молча кивнул. — Другого выхода не оставалось, — тихо сказал он, — В первую очередь, зараженные убивали тех, кто находился рядом и пытался им помочь — своих близких и родных. Попытки применения мер физического стеснения в большинстве случаев оказывались безуспешными — воргены обладают невероятной физической силой. Тот приказ короля многие сочли жестоким и варварским, но, по большому счёту, это было единственно верное решение, спасшее сотни, а, возможно, и тысячи жизней.

На какое-то время воцарилась тишина. Джардет молчал, уставившись в одну точку, Лика осмысливала услышанное.

— Но откуда, — начала она, — Откуда вы знаете обо всём этом?

Человек вздохнул. — Я был там, — просто сказал он, — И участвовал в разработке этой самой вакцины. Видел собственными глазами этих зараженных.

Он поднял руку, останавливая очередной вопрос Лики, готовый сорваться с её губ.

— Нет, — сказал он, — Мне удалось избежать подобной участи, во многом благодаря тем самым наукам, изучению которых я посвятил свою жизнь с самой юности. Именно благодаря им у меня была защита и безошибочный способ распознавать угрозу, подстерегающую в те дни жителей ГильНэйаса на каждом шагу. И они же помогли нашей команде ученых найти ту формулу, которая позволила подавлять в зараженных первобытные животные инстинкты, и контролировать их.

Джардет развёл руками. — Это был очень... необычный опыт, — произнёс он, — В моей практике, равно как и в медицинской литературе, встречавшейся мне, я не нашел более подобных прецедентов, когда общая цель объединила бы приверженцев столь разных школ и направлений. Видимо, только таким способом и можно было достичь результата, но и цена оказалась немалой.

— Но если, — Лика чувствовала, что запутывается, — Если ваша вакцина оказалась действенной, почему король её засекретил? И почему брат Склиф так настроен против неё?

— А, так вам и об этом известно? — Джардет невесело усмехнулся, — Это непростой вопрос. В каком-то смысле, мы столкнулись с этической дилеммой. С одной стороны, вакцина работала, и люди, обреченные ранее на мучительную смерть и еще более страшную память получили шанс на спасение. С другой — никто из нас не мог учесть и предвидеть последствия и побочные эффекты. А они были. Часть вакцинированных была обречена на пожизненный приём антидота, в силу особенностей их организмов. Огромное количество выживших имели выраженные психические расстройства, включая интеллектуально-мнестические нарушения, депрессии, расстройство эмоциональной сферы, галлюцинозы, излечить которые не могли даже опытейшие целители. Со временем были найдены определенные методики и средства, позволявшие бороться с этими проблемами, но тогда это выглядело... ужасно. Что же касается Аргуина, то для него вакцина стала неприемлема по причинам, скорее, личного характера.

Джардет снова замолчал, и на этот раз надолго. Лика боялась раскрыть рот, потому что чувствовала, что сидящий рядом с ней человек готовится сказать нечто очень важное.

— У него была девушка, — проговорил Джардет наконец, и Лика вся обратилась в слух, — Они... Наверное, любили друг друга. Я говорю «наверное» только потому, что не уверен в том, отвечала ли она ему взаимностью, но о его чувствах к ней знал, наверное, каждый, кто мог видеть его в ту пору. Простите, — он смутился, — Это, должно быть лишние детали, но я привык к точности и хотел бы, чтобы у вас была, по возможности, полная картина — это важно, вы поймёте потом, почему. Так вот, Аргуйн был увлечён ею. Она была тоже из весьма уважаемого и знатного рода, и всё бы было хорошо, если бы не трагедия, случившаяся в самом начале распространения эпидемии. Девушка подверглась нападению в лесу, ей удалось выжить, поскольку постоять за себя она умела, а вот избежать заражения — нет...

— И... Что с ней стало? — спросила Лика, чувствуя неприятный холодок внутри.

Джардет посмотрел на неё, словно только что заметил.

— Ей повезло, — сказал он отрешённо, — В определенном смысле. Аргуйн был первым, кто заметил проявление симптомов. Ему удалось обеспечить Лоране условия и уход, и, что еще важнее — сохранить это в секрете, посвятив в тайну лишь её отца. Он верил, что

сможет ей помочь и именно тогда начал самостоятельно изучать медицину, делая при этом определенные успехи. Однако же, каким-то образом, королю удалось узнать обо всём, и у них состоялся тяжёлый разговор с братом, послуживший причиной их первой серьёзной ссоры. Неизвестно, чем бы это могло закончиться, но, по иронии стечения обстоятельств, Аргуину помогла та же эпидемия, которая стала причиной его беды. Король имел неосторожность на охоте получить отравленную рану. А это оказалось веским поводом, для того, чтобы пересмотреть свою позицию относительно зараженных и начать принимать энергичные меры по выработке защиты. Собственно, тогда-то и была собрана наша команда. Времени у нас было в обрез. Король торопил нас, поставив весьма жесткие условия и рамки. Если бы мы не успели с разработкой, то погибли бы первые.

Джардет вздохнул и провёл рукою по лицу, словно отгоняя воспоминания.

— Аргуин знал о наших изысканиях, — продолжал он, — Однако, уже тогда был одержим идеей духовного перерождения и приоритета силы духа над физиологией. Он перерыл кучу литературы на эту тему, особенно увлекшись пандаренским учением о природе Ша, но я уже углубляюсь в детали. Когда мы провели первые эксперименты, реакция была... неоднозначной. Король был в ярости, но понимал, что выбора у него нет. Он был жесткий и сложный человек, но при этом не был ни трусом, ни глупцом. Осознавая риски, он все-таки решился на вакцинацию, и прошел её на удивление успешно. Чего нельзя было сказать о Лоране. Она выжила, но её психика не выдержала произошедшего. После того, как кризис миновал, она очень сильно изменилась. Перестала узнавать родных, практически ничего не помнила о себе, стала апатичной, безэмоциональной.

Аргуин сходил с ума и пытался её вернуть, но чем больше он прилагал усилий, тем сильнее она замиралась в себе. Он рвал и метал, едва не разнёс вдребезги всю нашу лабораторию, заявившись как-то ночью, в состоянии крайнего возбуждения. Нас тогда еле защитила королевская охрана, а Аргуин отправился к брату, и это была их вторая крупная ссора. Никто доподлинно не знает, что произошло между ними в ту ночь, но, практически, не вызывает сомнений, что именно после той встречи он стал заражённым...

Лица ахнула.

Джардет кивнул. — Было ли это следствием конфликта, или же его осознанный выбор — неизвестно. Желających уточнить этот вопрос не нашлось, а сам Аргуин, не говоря уже о его величестве, на эту тему, по понятным причинам, не распространялись. Лично я склонен придерживаться второй версии, хотя бы потому, что концепция излечения через духовные практики стала к тому времени его *idea fix*, значащей для него едва ли не более, чем чувства к Лоране. Принять вызов и доказать собственным примером правоту своих убеждений — это было вполне в его духе. Можно сказать, что для него это был вопрос жизни и смерти.

— И он не стал вакцинироваться? — Лица во все глаза, раскрыв рот смотрела на ссутулившегося человека, напоминавшего большую нелепую птицу.

Джардет помотал головой. — Нет. Наутро он покинул королевство, по слухам, его видели на тракте по направлению к Монастырю Алого Ордена, где практиковался особый путь послушания и аскезы. Король предпочел сделать вид, что ничего не произошло, а вскоре ему стало и не до того — началось вторжение нежити, и ему хватало других забот. Война окончилась поражением, король и остатки его народа вынуждены были покинуть обжитые земли, спасаясь от чумы, распространявшейся по ним. Отец Лораны был одним из предводителей ополчения, дольше всех противостоявшего натиску отрекшихся, и именно благодаря его отрядам, оставшимся в ГильНейасе и сдерживавших врага, остальным удалось

уйти по морю.

— Так Лорана...

— Её дальнейшая судьба неизвестна, — Джардет вздохнул, — По непроверенным слухам, из оставшихся отрядов выжили единицы, впоследствии рассеявшиеся по лесам. Ни одно из окрестных государств не давало прибежища гильнейасцам, опасаясь «воргенова проклятия». Только спустя годы, после того, как король Вардан Принц настоял на принятии в Альянс расы воргенов, отношение к ним стало меняться. И то — не сразу. В тех условиях шансов на выживание у полубезумной девушки быть не могло.

— Но почему же король не взял её с собой?! — Лика даже вскочила с лавки.

Джардет смотрел на неё устало и грустно.

— Вы снова задаете каверзные прямые вопросы, юная сестра. Именно это и хотел выяснить у своего брата-монарха Аргуин, явившись через год в Дарнасус. И это была их третья и последняя ссора, в результате которой Аргуин отрёкся от родства с братом, разорвав с ним все отношения, включая права на престол. Была безобразная сцена, и только непосредственное вмешательство леди Тиранды позволило избежать кровопролития. Аргуин обвинял во всём лорда Хенна, невзирая на все его доводы, что за судьбу Лораны отвечал отец, который ни за что бы не расстался со своей дочерью, а сам Аргуин исчез, не оставив даже записки. Было сказано много взаимных резких слов и брошено обвинений. В результате, Аргуин в скором времени покинул Дарнасус, и, в каком-то смысле, исчез. А несколько лет спустя, в Буреграде появился брат Склиф...

Лика заворуженно слушала. Перед её глазами проносились картины прошлого брата Склифа, личность которого теперь представала перед ней в совершенно новом свете. Однако для неё по-прежнему оставалось загадкой, что произошло с воргеном минувшей ночью.

— Чао сказал, что он ненавидит насилие над личностью, — она не заметила, что произнесла это вслух. Поймав вопросительный взгляд Джардета, гномка смутилась.

— Чао — это наш пандарен. Он говорил, что в сердце каждого есть своя дорожка для Ша, которые могут завладеть им. И отец Оккам тоже...

Она задумалась.

Джардет серьёзно кивнул. — Я знаком с этим учением, — сказал он, — В нём есть много рациональных мыслей, которые созвучны оккультному учению. Однако, я склонен предполагать, что в случае Аргуина эта дорожка была проложена помимо его воли.

— Что вы имеете в виду? — не поняла Лика.

Джардет потёр переносицу. — Собственно, это и есть предмет моего разговора с вами, — тихо сказал он, — Я позволил себе дать этот довольно подробный экскурс, чтобы у вас сложилось полное понимание картины. Теперь я должен перейти к не самой её приятной части.

Он глубоко вздохнул.

— Тот момент, когда я обратился к вам с расспросами про вашего начальника на месте только что совершившегося преступления, наверняка показался вам странным, — начал он, — Но именно тогда меня поразила мысль, которая до того не приходила мне в голову. Когда я увидел воргена над... — по лицу человека промелькнула судорога, — Над телом Демизетты, я был настолько поражён, что, наверное, не смог бы пошевелить даже пальцем, если бы ему вздумалось напасть на меня. На миг я словно перенесся на двадцать лет назад, в ГильНэйас, когда мы впервые столкнулись с ними. Эта же сцена пробудила во мне и другие воспоминания. За несколько дней до того, мужчина в костюме и цилиндре, наблюдавший за

таверной, подходивший под ваше описание начальника буреградской целительской службы, показался мне странно знакомым. Я был почти уверен, что уже встречал его, но он ушёл раньше, чем активизировалась моя память. Отчасти, я списал это впечатление на ламбик, который мы пили тем утром. Однако же, в ту ночь, увидев вас, я вдруг вспомнил и наш разговор, и того человека, и картина словно сложилась в моей голове. Я был уверен, что видел Аргуина — и тогда, у таверны, и несколько минут назад — в образе волка.

Мне пришлось задержаться в караулке, пока составляли протокол моего допроса, куда позже привели бродягу, ночевавшего под мостом и также давшего показания. У меня практически уже не оставалось сомнений, но я всё же навёл еще кое-какие справки по своим каналам в течение дня и убедился, что брат Склиф и Аргуин Седогрифф — одно и то же лицо.

Ли́ка поднесла ладони к вискам. — Значит, это всё-таки, он, — прошептала она, — Значит, Чао и отец Оккам были правы. Я так надеялась, что они ошибались...

— Не торопитесь с выводами, — сказал Джардет со странной интонацией, — Тот факт, что это был Аргуин, еще не говорит о том, что он совершил убийство.

— Я не понимаю, — Ли́ка воззрилась на человека, — Как это?

Джардет склонил голову. — Я уже говорил вам о том, что лично видел и хорошо представляю, как проявляется воргеново бешенство. Также позволю себе напомнить вам, что занимаюсь теми науками, которые ваша церковь называет темными. Не вдаваясь в детали, могу сказать определенно, что никогда не перепутаю состояние бешенства с классической картиной одержимости. Так вот ворген, которого я видел в переулке, находился под явным воздействием внешних сил, но никак не внутреннего расстройства.

— Внешних сил? — Ли́ка всё ещё не понимала.

— Сил, чар или иного способа воздействия на разум, — отвечал Джардет, — Кто-то, или что-то управляли им. Скорее всего — кто-то посредством чего-то. Так, или иначе, он явно не отдавал себе отчета в происходящем и, скорее всего, ничего не помнил на следующее утро.

— Но зачем? — Ли́ка покрутила головой, — Зачем кому-то было убивать эту женщину его руками?!

Джардет опустил глаза. — У Демизетты была... непростая жизнь, — сказал он так тихо, что Ли́ка едва могла его расслышать, — Она отличалась от других женщин. Любила рискованные интриги и была очень умна. Я предпочитал никогда не заглядывать на ту сторону её натуры, хорошо понимая её, также, как и она никогда не задавала вопросов мне относительно моих занятий искусствами. Но последнее время она была чем-то обеспокоена и встревожена. Я мог лишь догадываться, хотя был уверен, что она ввязалась в какую-то крайне опасную игру. Но когда я предложил ей свою помощь, она лишь высмеяла меня и дала понять, чтобы я не лез не в свои дела. Однако, она испугалась по-настоящему, когда стало известно об убийстве того гнома, Шпакля. Я не знаю, что их связывало, однако после той ночи она стала сама не своя, избегая встреч даже со мной. Тогда я настоял на разговоре, надеясь убедить, что сумею защитить её от кого бы то ни было. Она назначила мне встречу в странное время и в странном месте, хотя, имея дело с Демизеттой, понятия странного практически не существует. И вот...

Он замолчал и побледнел. — Я не выполнил своего обещания, — прошептал он, — Я опоздал. Но я никак не мог предвидеть, что за ней охотится ворген, да еще под действием заклятья одержимости!

Ли́ка осто́рожно косну́лась плеча́ челове́ка. — Вы не виноваты... — робко сказала она, не зная, что можно добавить еще.

Джардет поблагодарил её взглядом, в котором странным образом сочетались горечь, печаль и ирония.

— Поэтому, — после паузы произнёс он, — Я считаю своим долгом выяснить, кто и как воздействовал на Аргуина, и найти истинных преступников.

Ли́ка вздохнула. Она по-прежнему не могла прийти в себя от мысли о том, что ворген оказался убийцей Демизетты, но слова Джардета о том, что он действовал не по своей воле, находясь под воздействием чьих то чар, всё же служили некоторым облегчением.

— Как же это сделать? — вырвалось у неё.

Джардет посмотрел на гномку внимательно и серьёзно, — Для этого-то я и пришёл к вам, сестра, — сказал он, — Мне необходима ваша помощь.

Величественный галеон рассекал волны Великого Моря, мерно покачиваясь на воде. Проворные матросы, скользили по вантам, сновали по палубе, подгоняемые зычными окриками рыжебородого боцмана, прохаживавшегося по баку. Группа людей в богатых одеждах, расположившаяся на капитанском мостике почтительно окружала высокого человека в черном камзоле, с густой шевелюрой серебристых волос, рассыпавшихся по плечам, держащего в руках подзорную трубу. Лорд Хенн вглядывался в горизонт, изучая бескрайнюю гладь моря, залитого лучами заходящего солнца.

Он знал, что, согласно прогнозам капитана, они смогут увидеть землю не раньше завтрашнего полудня, однако нетерпение его было так велико, что он, подобно мальчишке простаивал часами напролёт на мостике, слушая крики чаек и взволнованно следя за облаками, плывущими по небу. Море! Он одновременно восхищался им и ненавидел его. Ощущение простора, безграничности и свободы опьяняло его, при этом он испытывал нечто вроде страха, когда вспоминал о тысячах футов воды под его ногами, а кроме того, плохо переносил качку.

Однако же, многодневное плавание, наконец, приближалось к концу. Завтра, уже завтра он сможет увидеть с палубы высящиеся башни порта Буреграда... Он прикрыл глаза. Буреград!

Сколько раз он представлял себе свой торжественный въезд в этот город, толпы горожан, приветствовавших своего правителя, архиепископа в белых одеждах, совершающего в Соборе Света обряд коронации. Всё это было совсем рядом. Его несколько тревожило отсутствие вестей от Когтя, но тот предупреждал, что, скорее всего, не сможет выходить на связь в следующие несколько дней. И всё же... Ему было бы спокойнее, если бы он получил хоть какую-то весточку, подтверждающую, что все идет в соответствии с планом.

Кивнув на ходу своей свите, он спустился на палубу и проследовал в свою каюту в одиночестве.

Плотно прикрыв за собой дверь, лорд Хенн снял перчатки и бросил их на койку. Машинально поправил несколько нефритовых фигурок на доске с незаконченной партией. Остановился напротив полки с картами и книгами, на которой стоял шар, накрытый платком. Поколебавшись несколько секунд, снял шар с подставки, поднял его в руках, пристально вглядываясь в глубины граней. Ничего. Разочарованно выдохнув, лорд вернул шар на подставку и уже хотел снова накрыть его, когда внутри шара вдруг появилось свечение. Издав радостный возглас, мужчина снова схватил шар и почти прильнул к нему,

всматриваясь в сияющие слова, словно выплывавшие из недр хрустальной сферы.

«Всё идёт по плану, милорд», — гласили они, — «Завтра в полдень его величество объявит о своём отречении в пользу короля Хенна».

Лорд Хенн замер неподвижно, снова и снова перечитывая одну и ту же фразу. Наконец, когда внутренность шара снова сделалась темной, он поставил шар на место, подошел к столику, взял начатую бутылку вина и приложился долгим глотком прямо к горлышку.

Переведя дух, он рассмеялся радостным смехом, которым не смеялся уже много лет.

— Завтра! — проговорил он, покачивая головой, — Завтра!

Глава 19. Время действий

Ли́ка сосредоточенно грызла черствый сухарь, запивая его водой из глиняной кружки, сидя на неудобном деревянном табурете за маленьким письменным столиком в своей келье.

Вечернюю трапезу она пропустила и теперь приходилось довольствоваться остатками запасов, которые она держала как-раз для таких случаев — подсушенные хлебцы, сухофрукты и орехи.

Она до сих пор не могла прийти в себя после разговора с Джардетом, и теперь снова и снова прокручивала в памяти их разговор, пытаясь прийти к какому-то решению.

Главным вопросом было время. Если предположения чернокнижника были верны (а Ли́ка не видела причин в них сомневаться), то, вероятнее всего, брат Склиф будет подвергнут принудительной вакцинации, причём в самые ближайшие сроки.

Единственным способом избежать этой процедуры, последствия которой могли меть непредсказуемые последствия для воргена, было найти доказательства того, что имело место воздействие на него извне, и таким образом снять со Склифа обвинение в содеянном.

Проблема была в том, что ни гномка, ни человек не имели понятия, что бы это могло быть.

Однако, по мнению Джардета, личность, с таким духовным опытом, как у брата Склифа, практически невозможно подчинить полному контролю с помощью разовых заклинаний, и, тем более, удерживать в подчинении на расстоянии. По его мнению, воздействие на воргена оказывалось более тонким и сложным способом. Источником ментального излучения мог быть специальным образом подготовленный артефакт, который мог быть либо незаметно подброшен к воргену, либо (что требовало определенной степени мастерства, но, теоретически было возможным), либо же чары могли быть наложены на какой-то объект, к которому имелась эмоциональная привязанность — в этом случае эффект был бы в разы мощнее.

А, поскольку брат Склиф практически не покидал территорию Бараков, живя и работая в одном и том же кабинете, диапазон поисков значительно сужался.

Первым порывом Ли́ки было сразу сообщить об этом отцу Зеборию и прочим, но Джардет был более осторожен в этом вопросе.

«Я рассматривал такую возможность», — сказал он гномке, — «И вынужден был отказаться от неё по ряду причин. Без всякого сомнения, нынешний руководитель целительской службы будет обязан дать официальный ход этой информации, что может привести к непредсказуемым последствиям. Кто бы не стоял за этой интригой, очевидно, что это — влиятельный человек, или группа лиц, которые смогут повлиять на ход расследования и повернуть его против Аргуина. Артефакт может, к примеру, бесследно исчезнуть, а мои слова повернут против меня самого, в лучшем случае, обвинив в нездоровой фантазии. Кроме того, — прибавил он, помрачнев, — Мне не хотелось затрагивать эту тему и огорчать вас, сестра, но, очевидно, что, если артефакт находится в кабинете Аргуина, то подложить его туда мог только кто-то из тех, кто имеет доступ к нему. Я ни в коей мере не склонен подозревать кого-то из ваших друзей в предательстве, скорее, могло иметь место добросовестное заблуждение, использованное заинтересованными лицами в своих целях, но, к сожалению, мы не можем ничего исключать».

Лица ломала голову над тем, что имел в виду Джардет под «добросовестным заблуждением». В то, что кто-то из её друзей мг сознательно пойти на предательство, она не хотела верить ни на секунду. Ей вспомнилось странное поведение Мирты и частые слёзы, которые, казалось вообще были несвойственны обычно весёлой и милой пандаренке. Может быть, Мирта что-то знала? Тем более, что именно она имела постоянный доступ ко всем кабинетам, включая начальника службы.

Фактически, кроме неё и Склифа, там больше никто и не бывал. Ну, не считая тех случаев, когда сам брат Склиф вызывал к себе на ковёр кого-то из целителей. Кроме...

Внезапно, в её мозгу вспыхнуло воспоминание. То утро, когда она стояла перед дверью кабинета брата Склифа, и случайно стала свидетельницей разговора между воргеном и его неприятным посетителем. «Ты нам нужен!» — всплыли в её памяти подслушанные ею слова человека с лисьим лицом и цепким взглядом. Именно он встречался ей впоследствии в самых разных местах, связанных с отравлениями...

Она почувствовала, как по её спине пробежал неприятный холодок. Неужели предположения Джардета и её догадка были верны? Существовал лишь один способ выяснить это.

Гномка задумчиво сунула в рот сушеную грушу и, двигая челюстями, уставилась в одну точку. План в её голове начал формироваться.

Память понемногу возвращалась к нему. Хотя туман в голове до конца не рассеялся, он уже мог отличать реальность от призраков прошлого. Однако, события минувшей ночи по-прежнему были окутаны дымкой забвения с привкусом кошмара. Он сжал ладонями виски и закрыл глаза. Его подсознание что-то пыталось ему сказать, буквально кричало; облеченная в неясный образ мысль, билась где-то в глубине, словно раненая птица.

Кровь. Запах крови. Он застонал, чувствуя, как голова начинает пульсировать, наливаясь тупой ноющей болью. Что-то ускользало от него, что-то важное. Кроме заглушающего все чувства запаха крови был какой-то еще, не столько даже запах, сколько смутное воспоминание о нём. И именно это воспоминание, точнее мучительная неспособность его проявить, и была источником боли.

Возможно, в звериной форме его чувства бы обострились, и память вернулась бы к нему, но он опасался метаморфозы в его нынешнем состоянии. Слишком велик был риск того, что животные инстинкты возьмут верх над разумом, и вместо ясности он погрузится снова в хаос.

Скрежет проворачиваемого ключа в замке. Лязг засова. Скрип двери.

Запах человеческого пота, смердящий страхом. Привкус металла и кожи. Флюиды дешевого пойла и скверно прожаренного мяса. Оружейная смазка и запах лошадей. Надсадное хрипящее дыхание нескольких человек.

Он открыл глаза.

В небольшой камере, служившей ему местом временного заключения, находились люди. Уже знакомый ему королевский представитель, четверо стражников, настороженно глядевших на него из-под надвинутых на брови шлемов. Полное боевое облачение. Обнаженные клинки. На их фоне королевский чиновник выглядел спокойным и уверенным в себе.

Один из охранников подвинул ему грубо сколоченный трехногий табурет, на который тот с важностью опустился, устремив на воргена пристальный взгляд.

Ворген равнодушно смотрел поверх его головы.

— Аргуин Редьярд Седогрифф, — отдельно, словно смакуя каждое слово, произнёс чиновник, — Готовы ли вы дать показания по поводу произошедшего минувшей ночью?

Ворген молчал, продолжая смотреть в ту же точку.

Чиновник не торопясь положил себе на колени кожаную папку, раскрыл её и извлёк оттуда лист пергамента. Также не спеша вынул из поясной сумки чернильницу-непроливайку и перо, проверил пальцем его остроту, поставил чернильницу на деревянную тумбу, стоявшую рядом с койкой.

— Итак? — произнёс он, склонив голову набок и глядя на воргена исподлобья, — Будете говорить?

Склиф молчал.

Чиновник вздохнул. — Выйдите! — неожиданно скомандовал он стражникам, топчущимся за его спиной.

Те недоуменно переглянулись, явно не ожидая услышать подобный приказ. Старший из них неловко откашлялся. — Простите, ваша честь?

— Я сказал — выйдите, — не повышая тона и не меняя поворота головы повторил человек, продолжая глядеть на воргена, — Оставьте нас одних.

— Но, ваша честь, — стражник замялся, ища взглядом поддержки у напарников, — По приказу...

— Здесь и сейчас приказываю я, — голос чиновника стал вкрадчиво-зловещим, — Вы слышали меня, капрал?

— Да, ваша честь! — явно не желая вступать в дальнейшие пререкания, капрал отсалютовал спине чиновника и попятился к выходу из камеры, знаками маня за собой остальных.

— Будете ждать за дверью, — голос чиновника звучал приглушенно и монотонно, — Зайдете, когда позову. Всё.

— Так точно, ваша честь, — пробормотал капрал, незаметно кривясь, — Будет исполнено, ваша честь!

Подождав, когда дверь за последним стражником захлопнулась, чиновник отложил перо и вальяжно хрустнул пальцами. — Ну что, ваша светлость, — сказал он, криво улыбаясь, — Изволите ли вы всё-таки говорить теперь?

— Для тебя, Вишиас, я брат Склиф, — голос воргена звучал глухо.

Человек разразился серией коротких лающих смешков. — Ценю твоё чувство юмора... брат Склиф. Однако же, мне кажется, ты недопонимаешь суть проблемы. Давай я тебе объясню. Мы оба знаем, что ты влип. И нам обоим хорошо известно, что ждёт тебя, если ты будешь играть в молчанку и изображать королевскую неприступность. Разумеется, с твоей царственной головы не упадёт и волос. Но и гладить тебя по ней никто тоже не будет. Возможно, тебя бы устроил вариант депортации, а, брат Склиф? Ты ведь, наверное, так соскучился по своему дорогому брату...

Лицо воргена потемнело. — Не суй свой нос в мою личную жизнь, Вишиас, — негромко предупредил он.

— Серьёзно? — чиновник, казалось, искренне забавлялся его реакцией, — Ах, ну да, извини, семья — это ведь святое!

Ворген издал едва слышное глухое ворчание и Вишиас разом посерьёзnel.

— Без глупостей, ваша светлость, — негромко предупредил он, — У меня есть... особые

полномочия на ваш счёт.

— Что тебе нужно? — прорычал ворген.

— Вот это уже разговор! — кивнул Вишиас, — Рад, что ты, наконец, начал проявлять интерес к беседе и своей судьбе.

Чиновник постучал пальцами по папке. — Видишь ли, Аргуин, — заговорил он, — Ты попал в непростую ситуацию. С одной стороны, я уверен, господин Шоу по достоинству оценит твоё рвение и заботу о благе государства, с другой — ты ведь сам устранился от работы с нами. Решил поиграть в одинокого вершителя справедливости?

Он наклонился к Склифу, впившись в него горящими глубоко посаженными глазами из-под сросшихся бровей. — Так не получится, — почти прошипел он, — Тут не ГильНэйас, а ты — не принц, и даже не герцог. Ты тут — вообще никто, ноль без палочки, если не считать палочкой твою службу для городской нищеты.

Ворген безучастно смотрел на него, не проявляя ни малейшей эмоции.

Вишиас хмыкнул. — Честно говоря, я не понимаю тебя, Аргуин. Не понимал никогда раньше, а сейчас — тем более. На что ты рассчитывал? Неужели хоть на минуту мог предположить, что эта твоя подпольная деятельность останется незамеченной? Да тебя вычислили в ту же ночь, когда ты перерезал глотку тому гному, которого все посчитали за жертву гноллов. Неплохая была попытка представить это несчастным случаем, но ты, верно забыл, что в КСБ работают отнюдь не идиоты. Наши агенты видели, как ты пас этого гнома. Да и характер ранений вызвал большие, скажу я тебе сомнения в том, что мелкозадого потрепали гноллы! Ты облажался, Аргуин... Хотя, ты прав — монашеское имя тебе больше подходит.

По лицу Слифа промелькнула тень усмешки, что, очевидно, вызвало недовольство Вишиаса.

Теперь уже он начинал горячиться, а Склиф, казалось, всё больше уходил в себя.

— Ты загнал себя в угол, Аргуин! — угрожающе заговорил он, — Теперь ты или играешь по нашим правилам, или будешь отвечать по закону.

Видя, что лицо воргена остается бесстрастным, дознаватель добавил, повысив голос: — Если ты рассчитываешь, что твое происхождение обеспечит тебе привилегированное положение, то глубоко ошибаешься! Во-первых, — он снова перешел на шепот, — Его величеству Антуану сейчас хватает других забот, так что информация о твоём аресте дойдет до него не скоро, если вообще дойдёт. Во-вторых, согласно положению королевского декрета об уставе деятельности тайной канцелярии его величества, параграфа шестьдесят, пункта один-один, в условиях чрезвычайных обстоятельств, допускается применение крайних мер по отношению к особо опасным преступникам, направленных на обеспечение безопасности государства и его жителей. Ты понимаешь, о чём я?

Шёпот дознавателя стал свистящим. — Вакцина, — едва слышно прошелестел он, — Может оказаться единственным способом в этой ситуации. Ради вашего же блага, ваша светлость. И ради безопасности горожан и покоя государства.

Откинувшись назад, Вишиас устремил на воргена торжествующий взгляд из-под полуопущенных век.

— Ну что, Аргуин? — почти дружеским тоном спросил он, — Что ты скажешь, всё-таки, теперь?

Брат Склиф издал тихий вздох. Дознаватель победно улыбнулся.

— Пошёл вон, Вишиас, — негромко сказал ворген.

— Что?!

— Вон из моей камеры, — повторил Склиф, подавляя зевок, — И не смей больше тут появляться. Иначе никакие полномочия... ТЕБЯ НЕ СПАСУТ! — последние слова он прорычал низким утробным голосом, приподнявшись с койки.

Побледневший чиновник одним прыжком отскочил к двери. — Стража! — крикнул он.

Секундой позже камера наполнилась шумом стали и топотом сапог. Четверо стражников с мечами в руках окружили воргена, как ни в чем не бывало сидящего на койке и равнодушно смотрящего на них.

Трясущейся рукой королевский дознаватель погрозил Склифу. — Ты... Ты пожалеешь! — пригрозил он, — Ты еще оч-чень пожалеешь об этом, Аргуин!

С этими словами он выскочил за дверь. Оставшиеся в камере стражники с недоумением переглядывались, не вполне понимая, что им следует делать дальше.

— Вы позволите, господа? — обратился к ним брат Склиф и, с этими словами, растянулся на койке, закрыв глаза и удовлетворенно вздохнув.

Часы на соборной площади пробили полночь. Обычно многолюдная, площадь перед Собором в этот поздний час была пуста. Лишь изредка одинокие прохожие пересекали её, спеша по своим домам. Небо было затянуто тучами и сквозь рваные их просветы иногда просачивался свет луны, озаря бледным свечением уже начинавшие облетать кроны деревьев соборного парка.

Лица поёжилась, кутаясь в школьную накидку, надетую ею поверх туники. Вечера (а тем более, ночи) становились с каждым днём всё прохладнее. Но зябко ей было не только из-за холода на улице. При мысли о том, что она собирается сделать, ей становилось не по себе и по коже пробегали мурашки. Однако, другого выхода она не видела, а время поджимало.

Она направилась по тёмной аллее по хорошо изученному ей маршруту, мимо возвышавшейся белой громады Собора, к короткому переулку, выводящему прямо к Баракам Исцеления.

Не доходя до них, гномка остановилась под деревьями и замерла, вглядываясь в здание. Дворик был пуст, ветер гонял по земле желтые листья, целая куча которых была собрана рядом с крыльцом стараниями Гракха, там же стояли прислоненные к стене метла и грабли. Неподдалёку высился Атуин, рядом с ним тускло поблескивали чопперы, прикрытые на ночь тентом для защиты от дождя. Очевидно, вызовов не было и все целители должны были находиться в бараках. Чао, скорее всего, спит в диспетчерской, братья — у себя, в своей комнате, остальные — в палатах, или отведенных кабинетах. Всё, как обычно, и это должно было бы её успокоить, но сердце гномки колотилось, как сумасшедшее, ладони вспотели, а коленях появилась неприятная предательская слабость. Она напомнила себе, что от её действий зависит судьба брата Склифа, и потом, впоследствии, она, конечно, обо всём всем расскажет, но в глубине души все-равно чувствовала страх. «Я словно воровка, которая хочет вломиться в чей-то дом», — промелькнула у неё мысль.

Рука её сжала цепочку с кристаллом, данную ей Джардетом. Прикосновение к холодным твердым граням камня придало ей сил. Решившись, словно перед прыжком в холодную воду, она задержала дыхание и опрометью, короткими перебежками проследовала вокруг барakov, к той стороне, на которую выходили окна кабинета брата Склифа.

Здесь было еще темнее, поскольку отсутствовали уличные фонари, и эта темнота её

несколько успокоила. Осторожно приблизившись к зданию, она ухватилась за подоконник, и, помогая себе ногами, подтянулась, чтобы заглянуть в окно. В кабинете было темно и ей было трудно что-либо разглядеть, но, по крайней мере, было ясно, что комната пуста. Вот только окна открывались наружу, и ей было совершенно не за что зацепиться, чтобы удержаться на подоконнике и попытаться открыть хотя бы форточку.

Она попыталась закинуть на подоконник колено и ей это удалось, однако, он был слишком узок даже для неё, и ей приходилось балансировать, стараясь обрести точку опоры, чтобы поставить и второе колено, и попробовать выпрямиться. Кряхтя и сопя, гномка уже почти влезла на подоконник, когда за её спиной раздалось чьё-то покашливание.

От неожиданности и страха, она вздрогнула, и тут же свалилась на траву. Задрвав голову, она едва не закричала от ужаса. Как раз в этот момент тучи разошлись, и в призрачном свете луны на неё смотрел монстр из книжек братьев Прибамбацких — шишковатая голова пятнисто-зеленого цвета с огрызками ушей, скалящиеся неровные зубы, ехидно раздвинутые в улыбке губы...

Сердце её, казалось ушло в пятки, но, уже в следующую секунду, когда монстр разразился булькающим приглушенным смехом, она перевела дух с огромным облегчением.

— Штепсель! — прошептала она гневно, — Что ты тут делаешь?! Ты меня до смерти напугал!

Гном усмехнулся, потрогав себя за лицо. — Что, я и в самом деле такой страшный? — тоже шёпотом спросил он.

Лица не нашлась, что сказать. Очевидно, действие эликсира закончилось, и обратная метаморфоза из гоблинского облика в гномий выглядела, действительно, довольно пугающе — словно зелёная кожа слезала с него частями, вместе с фрагментами тела. Однако, черты лица лысой головы уже были довольно узнаваемы.

— Не страшнее, чем обычно, — сказала она вслух рассерженно. — Ты что, следил за мной?

Штепсель хмыкнул. — Вот ещё! — сказал он насмешливо, — Больше мне нечем заняться, как пытаться тебя выслеживать. Я почувствовал, что начал меняться, и сбежал через окно, как только подвернулся удобный момент. А потом увидел тебя под деревом — твоя белая туника, кстати, очень хорошо заметна в темноте. Сначала подумал, что ты идешь на ночное дежурство, или что там у вас ещё. А потом ты стала так забавно красться вокруг дома, что меня это заинтересовало, и я решил понаблюдать за тобой. Честно говоря, я даже предположил, что ты решила меня навестить, чтобы убедиться, что со мной всё в порядке.

— Вот ещё, — пробормотала теперь уже Лица, неожиданно ловя себя на том, что у неё начинают гореть уши. На самом деле, она совершенно забыла про Штепселя, после разговора с Джардетом.

Гном кивнул. — Это окно явно не в палаты, — заметил он. — Может, объяснишь, что происходит?

Лица энергично замотала головой. — Это... Это не то, что ты подумал! — брякнула она, — И вообще, тебе же надо спешить — прятаться от стражи и всё такое!

Штепсель покивал. — Я-то конечно, поспешу, — сказал он, — И меня это вообще не касается. Но на твоём месте, я бы действовал несколько иначе.

— Как? — машинально спросила Лица, чувствуя, что краснеет еще больше.

— А вот так! — с этими словами, гном ухватился руками за подоконник и как кошка взлетел на него одним прыжком. Что-то блеснуло в темноте в его пальцах и, парой

мгновений спустя, оконная форточка бесшумно распахнулась. Лика едва открыла рот, чтобы остановить его, как ноги Штепселя уже исчезали в узком форточном проёме. Еще несколько секунд, и створки окна с легким скрипом отворились. Штепсель перегнулся через подоконник и протянул ей руку.

— Залезай! — прошептал он, ухмыляясь.

Лика заколебалась. Ей было и так не по себе оттого, что она задумала, а участие в этой аванюре Штепселя придавало ей откровенно криминальный оттенок, однако, было глупо уже идти на попятную и не воспользоваться выпавшим шансом.

Она ухватила за крепкую ладонь гнома и без особого труда на этот раз взобралась на подоконник, с которого спрыгнула в хорошо знакомый ей кабинет.

Здесь всё было почти также, как во время её прошлого визита сюда. Стол, заваленный бумагами, стеллажи с книгами, массивное черное кожаное кресло. Она обратила внимание на свечение, исходившее от её кулака, в котором она до сих пор сжимала кристалл. Грани его светились розоватым цветом, излучая ровный неяркий свет.

Штепсель с интересом посмотрел на него. — Что это?

— Не твоё дело! — сердито отрезала Лика.

Гном вздохнул. — Послушай, — сказал он, — Мне нет дела до твоих секретов, я умею уважать чужие тайны. Но почему бы тебе не воспользоваться моей помощью, раз уж так получилось? Ты помогла мне, и я твой должник. Если хочешь, я могу уйти прямо сейчас, но ты уверена, что справишься? Что-то мне подсказывает, что у тебя маловато опыта в такого рода делах.

Лика вспыхнула. — Вообще-то, — начала она, и остановилась. На самом деле, Штепсель был прав. И, в глубине души, ей совсем не хотелось остаться одной в кабинете брата Склифа, ночью, да еще со спрятанным в ней загадочным артефактом, наделённым опасными магическими свойствами.

Штепсель уловил её колебания и усмехнулся. — Ну вот, то-то же, — сказал он. — Так что мы тут делаем?

Казалось, прошла целая вечность. Он снова и снова прокручивал в голове события минувшей ночи. Теперь уже он был практически уверен, что близок к разгадке. Единственное чёрное пятно, остававшееся в его памяти вот-вот должно было исчезнуть. Ночь. Улица. Фонарь. Силуэт женщины. Запах сырости и тины от каналов. Запах страха. Запах... Сирени и крыжовника! Сердце его учащенно заколотилось и, несмотря на то, что он по-прежнему был в человеческом облике, ворген ощутил, как шерсть на его загривке встала дыбом. Воспоминание озарило его память, пронзив мозг болью и ужасом. Из груди его вырвался рык, полный ненависти и ярости. Он вспомнил!

Ключ в замке провернулся и на пороге появились стражники, во главе с дежурным офицером.

— Поднимайся! — проговорил он отрывисто, глядя на Склифа с настороженной опаской, — Собирай вещи!

Ворген смотрел перед собой невидящим взглядом и, казалось, не слышал обращенных к нему слов.

Офицеру пришлось повторить приказ, повысив голос, прежде чем заключенный, словно сомнабула, поднялся с нар и уставился на него бессмысленными глазами.

— Давай, давай, поторапливайся, — подгонял его страж. Склиф машинально двинулся к

выходу, вызвав беспокойство у своих конвоиров, старающихся держаться от него на почтительном расстоянии. Офицер, покачив головой, подхватил с тумбочки его узелок с вещами.

В тесном коридоре их ждали еще несколько стражей. Держа алебарды наперевес, они последовали за воргеном, держа их острия напротив его спины. В небольшой караулке их ожидали несколько людей сумрачного вида в темных плащах, во главе с Вишиасом. При виде Склифа он злорадно прищурился. — Ну вот мы и снова встретились, ваша светлость, — прокомментировал он, — Как я и предрекал, вопреки вашим угрозам. Право, не стоило вам давать волю эмоциям...

— Хватит трепаться, Вишиас, — негромкий голос, исходивший из-за спин стражников заставил дознавателя оборваться на полуслове. — Бумаги готовы?

Склиф сощурился, разглядывая коротышку-гоблина, выступившего в центр комнаты. Несмотря на свой почти миниатюрный размер и комичный вид, он явно пользовался весомым авторитетом среди присутствующих. Ворген хорошо знал, как обманчива эта шутовская внешность зелёного карлика, похожего на циркача ярмарки Новолуния.

— Рензик, — негромко произнёс он, — И ты здесь.

Гоблин довольно осклабился. — Соскучился по мне, Аргуин? Так приятно, что помнишь старых приятелей! Прокатимся в одно замечательное местечко?

С этими словами он подмигнул воргену, резким жестом сгрёб в сумку бумаги, поданные ему дежурным офицером и, сделав жест сопровождающим его людям в черном, направился к выходу.

На запястьях Склифа щелкнули браслеты, один из людей в плащах молча подтолкнул его в спину.

— Желаю удачи, брат Склиф! — крикнул ему вдогонку Вишиас, — Уверен, ты станешь настоящим... человеком! И захохотал, очевидно, будучи чрезвычайно довольным своей шуткой.

Карета с зашторенными окнами ждала их около входа в тюремные казематы. Гоблин любезно распахнул дверцу и склонился в преувеличенно почтительном поклоне. — Прошу, ваша светлость!

— Составишь мне компанию, Рензик? — поинтересовался Склиф, ставя ногу на подножку.

Гоблин засмеялся, обнажив мелкие острые зубы. — Мне всегда нравилось твоё чувство юмора, Склиф! — сказал он, улыбаясь во весь рот, — Пожалуй, я прокачусь на запятках. Люблю, знаешь ли, свежий воздух!

Щёлкнул замок, закрепляя другой конец цепи, сковывавшей запястья Склифа к массивному кольцу, вмонтированному в крышу кареты. Рензик, всё ещё улыбаясь, снова поклонился воргену и захлопнул дверцу. Двое людей в черном сели на козлы, еще двое заняли места по обе стороны кареты на лошадях. Гоблин вскочил на заднюю подножку и пронзительно свистнул. В тот же миг карета рванулась с места, с грохотом промчалась по камням мостовой тюремного дворика и скрылась в темноте за воротами.

Штепсель с интересом осматривал содержимое полок стеллажей, стоявших вдоль стен кабинета.

— Интересно, — проговорил он, — Чего тут только нет!

Лица, перебиравшая бумаги, лежавшие на столе, рассеянно кивнула. — Только,

пожалуйста, ничего не трогай, — волнуясь, сказала она, — То есть, это не потому что, ты... Ну... — она смутилась, — Просто этот артефакт может быть опасен, а мы не знаем, как он выглядит!

Гном хмыкнул. — Да я понял, — сказал он насмешливо, — Можешь не уточнять.

Лица покраснела. — Это не то, что ты подумал, — начала она.

— А откуда ты знаешь, что я подумал? — перебил её Штепсель, — Считаешь меня вором, да?

— Дело не в этом...

— А в чём же ещё? Считаешь ведь? Да, или нет?

Лица неожиданно рассердилась. — Да! — с вызовом сказала она, — Считаю! Твой напарник украл у меня сумку, а ты был с ним заодно, скажешь нет?

Штепсель махнул рукой. — Я просто прикрывал его, чтобы такие вот громилы, как те не лезли в чужую долю.

— А это не одно и то же? По-твоему, прикрывать вора — не значит быть с ним заодно?

Штепсель потемнел лицом и нахмурился. — Много ты понимаешь, — бросил он с горечью, — Приехала вся такая в большой город на родительских харчах, на курсы крутые записалась за их же счёт и думаешь, можешь тут всех жизни учить?

— При чем тут родители? Я, между прочим, за послушание в Бараках стипендию получаю!

— А я, между прочим, с четырнадцати лет на дворфов здесь горбачусь! За копейки! А, может, тоже хотел бы учиться куда-нибудь пойти! Только вот не берут никуда!

— А ты спрашивал? Или сразу за цепь хватался?

Они одновременно замолчали, осознав, что оба уже почти кричат в полный голос. В наступившей тишине отчетливо слышались приближающиеся шаги по коридору.

Не сговариваясь, оба посмотрели на стоящий у стены топчан, покрывало которого достигало пола. Лица полезла первой, Штепсель успел бесшумно метнуться к окну и прикрыть его, после чего присоединился к гномке. Дверь заскрипела и отворилась. На пороге стоял кто-то, держащий свечу. Лица не могла ничего видеть из-за покрывала; под топчаном было тесно и пыльно.

«Странно, неужели Мирта тут не протирала», — промелькнула у неё мысль.

Ей ужасно хотелось чихнуть. Вошедший в комнату постоял на месте, а потом направился к окну. Судя по тяжелой поступи и сопящему дыханию, это был пандарен. Скрипнула форточка. Пандарен, потоптавшись еще немного, громко зевнул и направился к выходу. Лица зажимала нос обеими руками. Наконец, дверь скрипнула и захлопнулась. Гномы перевели дыхание.

— Кажется, ушёл, — прошептал Штепсель.

— Угу, — отозвалась Лица, — Если не будем шуметь, он скоро заснёт. Они помолчали. — Знаешь, — шёпотом произнёс Штепсель, — Может, ты и права. Может, зря я вообще приехал в этот Буреград. Все одно ничего хорошего тут не видел — вкальвал и дрался, дрался и вкальвал. А что еще делать, если сбежал из дома в тринадцать?

Он вздохнул и, отвернувшись, стал вылезать из-под топчана. Лица выбралась следом за ним.

Ей было неловко из-за недавнего спора. Она осторожно коснулась плеча Штепселя. — Я уверена, у тебя всё ещё впереди, — прошептала она. Гном невесело усмехнулся. — Точно. Вся буреградская стража разыскивает меня повсюду, генерал Клэй назначил награду за мою

голову, а меня и моих ребят кинул заказчик... Определенно, мне светит большое будущее!

— Заказчик? — Ли́ка нахмурилась.

— Аа, — Штепсель махнул рукой, — Уже неважно... Давай лучше искать твой артефакт, пока медведь опять не проснулся.

Ли́ка подошла к столу. — Знаешь, — тихо сказала она, — Если тебе нужно укрытие... Ну, я тут подумала, ты бы мог пожить у моих родителей в Гномбурге.

Штепсель оторопело посмотрел на неё. — И ты не боишься, что я их обворую? — вырвалось у него. Он тут же смутился. — Да нет! Я не то хотел сказать, то есть... Спасибо за предложение...

Окончательно запутавшись и покраснев, он замолчал, отвернувшись и сделав вид, что изучает узор на ковре.

Ли́ка, тоже смутившаяся, машинально перебирала бумаги на столе Склифа. Ведомости, отчёты, какие-то накладные... Очевидно, что здесь ничего не было. Она выдвинула верхний ящик. Здесь было несколько очков в разных оправках, табакерка, инкрустированная камнем, да пара перчаток, неизвестно зачем тут понадобившихся.

Второй ящик был набит бумагами, очевидно, старыми отчётами, ничего интересного не нашлось и в нём. Третий, самый нижний содержал, в основном, всякую канцелярскую мелочь — скрепки, дырокол, карандаши, перья и засохшие чернильницы.

Ли́ка разочарованно вздохнула. Похоже придется обыскивать шкафы. Однако, по мере удаления от стола розоватое свечение кристалла делалось более бледным. Тем не менее, они со Штепселем добросовестно изучили каждую полку всех шкафов, располагавшихся по периметру кабинета. Здесь была коллекция всевозможных трубок, статуэтки из зеленого камня, при виде которых Штепсель слегка присвистнул, приборы, напоминающие часы и часы, напоминающие приборы, сложенная шахматная доска, увеличительные стёкла, кристаллы всевозможных форм и цветов, но ничто из этого не вызывало никакого отклика камня, который Ли́ка сжимала в руке.

Её начали одолевать сомнения. Джардет говорил, что кристалл поможет найти её артефакт, изменив окраску и свечение, когда окажется рядом с ним, но, либо кристалл не работал, либо артефакта здесь не было.

Она вздохнула и взглянула на часы, стоявшие к ней ближе всех. Прошло больше часа, с тех пор, как они влезли в окно. В Бараках все, наверное, спят, если нет вызовов. Видимо, придётся уходить ни с чем, и сообщить Джардету, что искать артефакт надо в другом месте.

Штепсель сочувственно наблюдал за ней. — Не переживай, — сказал он, — Склиф наверняка выкрутится. Судя по том, что ты рассказывала, он тёртый калач.

— Это да, — Ли́ка понурилась, — Но если они правда решат его вакцинировать?

Штепсель пожал плечами. — Ну, не убить же они его собираются, в конце концов, — рассудительно сказал он, — Останется жив, а это уже кое-что.

Но Ли́ке было не по душе вот так расписаться в собственном бессилии и уходить ни с чем.

Она словно подошла к столу, вглядываясь в грани кристалла.

— Смотри! — сказала она, — Он, кажется, становится ярче вот в этом месте!

Штепсель подошел к ней и уставился на камень. — Погоди-ка, — сказал он, морща лоб, — Ну-ка, дай мне его на минутку.

Ли́ка немного нехотя передала цепочку с кристаллом в протянутую ладонь гнома. Он повертел его в руках, зачем-то понюхал, и принялся водить им над поверхностью стола.

Сначала они ничего не замечали, но потом вскрикнули почти одновременно. Над противоположным концом столешницы, как-раз в том месте, под которым находилась корзина для мусора кристалл начинал ощутимо пульсировать, наливаясь уже не розовым, а красноватым цветом. Лика вытащила корзину, но та была пуста — очевидно, Мирта недавно убиралась.

Штепсель, тем временем, отодвинув кресло, исследовал столешницу снизу, осторожно простукивая её. — Так и есть! — прошептал он возбужденно, — Там полость! Скрытый ящик, готов спорить на что угодно!

Теперь уже они вместе изучали стол, подсвечивая его кристаллом и стучаясь лбами. Лику охватило нетерпение. Если бы не было нужды делать всё тайком! Можно было бы просто воспользоваться пилой, или топором. Правда, брат Склиф вряд ли был доволен порчей стола, но это уже другой вопрос. Неожиданно, Штепсель радостно вскрикнул. Запустив пятерню куда-то под крышку, он на что-то нажал, раздался щелчок, и от передней поверхности стола отскочила панель, на месте которой виднелась маленькая скважина. Довольно крикнув, Штепсель запустил руку в один из своих карманов, и, секунду спустя уже орудовал в ней отмычкой. Однако, замок не поддавался. Вполголоса выругавшись, гном удвоил усилия. Не выдержав, Лика покачала головой.

— Дай-ка, я попробую, — сказала она.

Штепсель недоверчиво воззрился на неё. — Ты? — переспросил он, — Вас что, на курсах учат, как взламывать замки?

Вместо ответа Лика взяла отмычки из его рук, и склонилась над замком.

— Знаешь, если тебе хочется научиться, я могу дать тебе пару уроков, — начал Штепсель, — Но не уверен, что сейчас самое подходя...

Замок щелкнул, и из паза, с мелодичным звоном выскочил небольшой ящичек.

Штепсель вытаращил глаза. — Ничего себе, — протянул он, — Похоже, мне и впрямь стоит походить на эти ваши курсы.

— Мой папа — инженер, — с гордостью сообщила Лика, — А придумывать всякие замки и ключи к ним — это его хобби. Ну, и моё тоже.

— Да твоему папе цены нет, — чуть слышно пробормотал Штепсель, качая головой.

Лика тем временем исследовала содержимое ящичка. Сверху лежала кожаная папка, с завязанными тесёмками. Развязав их, она обнаружила пожелтевшие от времени листы пергамента с затейливой вязью строчек. Она наморщила лоб. Помнится, она уже держала в руках подобный листок, когда-то.

«Она была принцессою прекрасной, которой в свете больше равных нет,

Он жил чудовищем, наружности ужасной, людей не видя много сотен лет...»

Она не сразу поняла, что это стихи. Смутившись, она вернула их на место в папку под прищурившимся взглядом Штепселя.

Кроме папки на дне ящичка оказалось еще два предмета. Лика осторожно развернула завернутый в тряпицу металлический жетон треугольной формы. На нём были изображены скрещенные топоры и кинжал, над которыми на старом наречии людей была выбита надпись, которую Лика не могла прочесть. На обратной стороне жетона было всего три уже хорошо знакомых Лике буквы: «КСБ».

Она в недоумении перевела взгляд на Штепселя. Гном шевелил губами, что-то бормоча про себя.

«Верность, честь, отвага» — процитировал он вслух, — Это их девиз, насколько я

ПОМНЮ.

Поймав её взгляд, он усмехнулся. — Не так прост твой брат Склиф, — сказал он.

— Но ведь это же, — Лика не могла прийти в себя от изумления, — Это же аббревиатура королевской службы безопасности!

Штепсель кивнул. — Скажу больше, это — офицерский жетон.

— Но откуда он у брата Склифа?

Гном пожал плечами. — Тут не так много вариантов, — сказал он, — Либо он снял его с трупа какого-то офицера, либо же сам являлся таковым.

— Не может быть, — прошептала Лика, — Ведь это — какой-то абсурд!

Штепсель развёл руками. — Я говорю только то, что вижу, — сказал он, — А у меня в свое время был опыт общения с одним из обладателей такого вот жетона. Поверь, лучше бы мне было его не иметь.

Покачав головой, Лика положила жетон обратно в ящик и извлекла из его дальнего угла небольшую коробочку, покрытую замшей. Осторожно открыв её, она обнаружила внутри медальон из желтого металла на тонкой цепочке.

В ту же секунду кристалл, лежавший на столе взорвался серией ярких вспышек и разгорелся ярким алым светом.

Штепсель присвистнул. — Ого, — проговорил он.

— Кажется, нашли, — прошептала Лика.

Старый Топпер МакНабб с кряхтением нагнулся, чтобы подбросить еще несколько деревяшек в костёр, разведенный прямо под мостом рядом с его лежанкой. Ночи становились всё холоднее, старые кости ныли и мучили бессонницей. Пора было задумываться о том, куда податься на зимние холода, которые не замедлят нагрянуть. Он вздохнул. Вот так живешь-живешь, работаешь, имеешь ферму, и всё вроде бы ничего, а потом оказываешься на улице и собираешь деревяшки для костра. Просто из-за того, что кому-то приспичило построить башню в аккурат за твоей фермой. И ведь ни копейки компенсации! Ни одного медного грошика. Вот и вчера, он уже было раскатал губу, что за такую ценную информацию ему что-нибудь да перепадёт. Где там! Разве кто-нибудь когда-нибудь думал про старика МакНабба? Даже спасибо не сказали. Он яростно потыкал палкой в угли. Да что там!

Нарастающий топот копыт перебил его невесёлые размышления. Ну вот, опять! Да что ж такое, в самом деле?! Ополоумели они все за последние дни что ли? Уже и под мостом нет покоя...

Судя по звукам, скакала целая кавалькада, одновременно с цоканием копыт он уловил грохот колёс телеги, и, выглянув из-под моста, увидел черную карету в сопровождении четырех всадников. Проводив её взглядом, старый МаНабб покачал головой и снова закутался в своё старое рваное одеяло.

Ворген прикрыл глаза, стараясь по звукам и запахам определить маршрут, по которому следовала везущая его карета. Судя по всему, они двигались, как и можно было ожидать, наиболее коротким путём — вдоль каналов, к мосту, ведущему в Старый Квартал. Он подёргал за цепь, крепящую его скованные за спиной руки к массивному кольцу, вмонтированному в потолок кареты. Мысленно представил себе расположение конвоиров. Сейчас он, не видя улицы, почти наверняка знал, кто из них где находится. Вот они

подъезжают к мосту... 50 метров... 25...10... Почему карета остановилась?

Двойная цепь, протянутая через мост преградила дорогу карете. За ней горели переносные жаровни и располагался отряд солдат во главе с военным офицером. Один из людей, сидящих на козлах, спрыгнул и подошёл к караулу, доставая из-за пазухи бумагу.

— Ведомство королевской службы безопасности, отдел тайной канцелярии, — громко проговорил он, — Почему кордоны? Нас не предупреждали.

— Приказ генерала Хаммонда Клэя, сэр, — отрапортовал военный, принимая из рук человека бумагу и бегло просматривая её.

— Генерала Хаммонда? И что до то того? — пренебрежительно процедил человек, — Наше ведомство имеет собственный департамент со своим непосредственным начальством.

— Сожалею, сэр, — офицер коснулся рукою шлема, — Вам придётся остаться здесь до дальнейших распоряжений командования. В связи со введенным комендантским часом, все кареты, а также представители силовых структур, не имеющие специального пропуска должны быть задержаны. Таков приказ.

— Вы с ума сошли, офицер! — служащий тайной канцелярии отступил на шаг назад и вглядывался в лицо военного, — Кто вы вообще такой? Мне что-то незнакомо ваше лицо...

— Прошу вас сдать оружие и проследовать за капралом...

— Что?! А может, тебе ещё... — служащий грязно выругался.

— В противном случае, мы будем вынуждены применить силу, сэр. Прошу вас соблюдать субординацию.

— Ты мне, мне будешь говорить о субординации?! Щенок!

— Сдайте оружие, — отчеканил офицер.

— Попробуй, возьми!

Конные конвоиры выстроились в линию позади своего предводителя.

— Без глупостей! — офицер, слегка побледневший, поднял руку. За его спиной защёлкали механизмы приводимых в движение арбалетов.

— На вашем месте я бы не стал блефовать, уважаемый, — предупредил офицер, глядя прямо в глаза служащему.

Тот помедлил. На лице его появилась снисходительная улыбка.

— Ладно! — сказал он, — Титаны свидетели, я пытался спасти твою шкуру, мальчишка. Тебе же будет хуже, когда мой шеф узнает об этом инциденте и твоей роли в нём.

Офицер усмехнулся. — Если вы имеете в виду господина Шоу, то, могу уверить, что в данный момент у него есть проблемы поважнее, чем эта. А теперь — оружие на землю, и по одному проходите на мост.

— Вы двое, — обратился он к ближайшим к нему солдатам, — Проверьте карету.

Служащий тайной канцелярии с насмешливой улыбкой отстегнул узкие ножны с палашом и бросил их на тротуар, картинно заломив руки.

Всадники-конвоиры спешили по одному, бросая мечи на землю. Двое отряженных офицером солдат проследовали мимо них. Один из них снял засов с дверцы. В этот момент гоблин попытался юркнуть мимо них, но был перехвачен.

— Ну всё, всё, ребята, — заулыбался он, поднимая вверх растопыренные ладоши, — Я ж просто вам мешать не хотел, лишних хлопот не создавать.

— Ведите его сюда, — распорядился офицер, — Эй, что там у тебя?! Немедленно брось!

— Как скажете, офицер! — мигом откликнулся гоблин, в ту же секунду швыряя на землю неизвестно каким образом возникший у него в руке предмет, напоминавший

маленький мешочек.

Раздался громкий хлопок, от которого заложило уши, и карету, мост и находившихся рядом людей заволокло густыми клубами черного дыма.

Крики солдат, лязг оружия, ржание лошадей смешались в одну сплошную какофонию.

Когда же дым рассеялся, офицер, кашляя и ругаясь осипшим голосом, смог оглядеться. Ни одного из конвоиров не осталось в поле зрения. Гоблин и начальник караула также бесследно исчезли. Карета осталась на месте, чудом не скатившись в канал, когда испуганные лошади едва не понесли. Он приблизился к ней, проверил крышу и днище и только потом осторожно приоткрыл дверь. С потолка кареты сиротливо свешивался обрывок цепи. Внутри было пусто.

Глава 20. Последнее испытание

Ли́ка спрыгнула на траву, едва не поскользнувшись при этом. Штепсель задержался на подоконнике, прикрывая створки. Бесшумно скользнув вниз, он ухмыльнулся. — Порядок! С тобой можно работать! Да ладно, шучу, — прибавил он, глядя на гномку.

Ли́ка фыркнула, ловя себя на том, что, в глубине души, ей даже лестно было это услышать. Они обошли вокруг Бараков и вышли как-раз к тому месту, где около полутора часов назад она стояла под деревом, колеблясь и не зная, что делать дальше. Возникла неловкая пауза. Оба не знали, что сказать.

— Ну, — пробормотал Штепсель, — Мне, наверное, пора...

— Угу, — Ли́ка крутила цепочку в руках, — Спасибо тебе за помощь. Без тебя, наверное, я бы не справилась.

— Да еще как справилась бы, — возразил Штепсель, — Но все-равно, приятно.

Они помолчали еще немного. — Ладно, — сказала Ли́ка, — Мне тоже надо идти. Скорее уже вставать.

— Ага.

Неожиданно, лицо гнома прояснилось. — Может, тебя проводить? — с надеждой спросил он, — Время позднее.

Ли́ка помотала головой. — Тебя могут увидеть, — напомнила она, — А мне тут идти всего ничего — через парк и лазейку в ограде.

Штепсель поник головой и кивнул. — Ну, удачи тебе, — сказал он.

— И тебе, — прошептала Ли́ка.

Он уже собирался уходить, когда гномка остановила его. — Если, все-таки, надумаешь вернуться в Гномбург, — сказала она, — То вот мой адрес...

В этот момент камень, который она всё еще держала в руках, неожиданно завибрировал и загорелся тревожным ярко-алым светом. Ли́ка недоуменно уставилась на него. — Что это с ним?

— Ты, случайно, не обронила медальон?

Ли́ка помотала головой и, на всякий случай, еще раз проверила сумочку — артефакт, завернутый в тряпицу, по-прежнему был там.

— Не понимаю, — пробормотала она, — Кристалл ведёт себя точно так, как наши, когда дают вызов...

Штепсель пожал плечами. — Так, может, это что-то похожее? — спросил он, — Или он каким-то образом перехватил ваш вызов?

Ли́ка в растерянности вертела светящийся камень. За всё время своего послушания в целительской службе она так и не научилась толком пользоваться кристаллами. Принцип их действия был слишком сложен и во многом основывался на магии, которая для неё пока была тёмной областью. Однако, она часто видела, как это делали братья и Чао, и решила попробовать воспроизвести их действия. Держа кристалл за цепочку, она поднесла его к глазам и вгляделась в кристалл. Пульсирующее биение в глубине граней завораживало её, словно затягивая внутрь. Постепенно, ей стало казаться, что она переместилась в глубину камня, и всё пространство вокруг неё стало гранями кристалла. Словно в глубине её сознания возник образ Джардета. Лицо его было выглядело усталым, алое свечение

придавало ему какой-то сюрреалистический вид.

— Сестра Лика! — голос отдавался где-то внутри её головы, — Мне очень трудно поддерживать контакт...

— Где вы? Что случилось? — спросила Лика.

— Здесь... *неразборчиво*... Вам удалось найти артефакт?

— Да! — закричала Лика, так, что изображение человека подернулось и едва не пропало, — Мы нашли его!

— Мы? *снова что-то неразборчивое* Высвободили силу!... Скорее... Иначе будет поздно... Аргуин...

Лика до боли в глазах всматривалась в кристалл, но изображение темнело, голос Джардета угасал.

На какой-то миг алое свечение почти пропало, а затем в её мозгу словно вспыхнула картинка, нанесенная черными линиями на белом фоне — участок карты, на которой была отмечена красная пульсирующая точка. Изображение держалось несколько секунд и Лика смогла запомнить его. Она узнала это место — на карте был изображена часть Старого Квартала, и она примерно представляла себе, где это. Камень погас и даже, кажется, похолодел. Гномка несколько раз зажмурила глаза, чтобы привыкнуть снова к сумеречному уличному освещению.

Штепсель держал её за руку и смотрел на неё с взволнованным видом.

— Что случилось? — прошептал он.

— Не знаю, — Лика помотала головой, — Этот человек, который дал мне кристалл, Джардет, кажется, у него проблемы. Похоже, что-то пошло не так.

Она задумалась. — Он просил поторопиться, — прошептала она, — И успел передать мне координаты места, где, видимо, находится... Нужно передать ему артефакт как можно скорее.

Штепсел озадаченно глядел на неё. — И где это? — спросил он.

— Где-то в Старом Квартале, — отвечала Лика, кусая губу, — Я уверена, что знаю это место, нужно только сориентироваться там, на улицах...

Штепсель покачал головой. — Всё это звучит как-то странно, — сказал он, — И ты ведь толком даже не уверена, что правильно его поняла. Может, он наоборот, имел в виду, чтобы ты спрятала артефакт, или уничтожила его? А место ты увидела случайно, ну, типа побочный эффект.

Лика вздохнула. — Есть только один способ выяснить, — устало сказала она.

Он снова был на свободе. Его тело, наполненное мощью, снова могло пользоваться всеми преимуществами волчьего облика. Тугие тросы мышц перекачивались под шкурой, покрытой черным мехом, слаженно управляя отточенными, выверенными до градуса движениями. Чувства его были открыты окружающему миру, лавине запахов, звуков и оттенков, и он чувствовал себя в этом хаосе в своей родной стихии, словно рыба в воде. Безошибочное чутьё направляло его, звериный адреналин разгонял кровь в его жилах, и сердце колотилось, как и в самый первый раз, когда он испытал действие трансформации. Металлические браслеты болтались на его передних лапах, жалкие обрывки цепей издавали звон, ударяясь о камни. Его одолевало желание издать дикий, протяжный вой, он чувствовал скрытую тучами луну, и ощущал её воздействие. Но сила, которая двигала им сейчас, была сильнее всего. Она переполняла его сердце и направляла его.

Ненависть. Ярость. Жажда убийства.

В просвете разошедшихся туч появился бледный диск луны, и в её свете металлические детали чопперов отливали серебром. Лика выбрала крайний из них, так как его было удобнее и быстрее всего завести, не производя лишнего шума.

Штепсель качал головой. — Ты еще отвязнее, чем я думал, — с ноткой восхищения произнёс он. Гномка надевала в этот момент шлем и была рада, что гном не видит, как она порозовела.

— Нет времени, — сказала она вслух. — Слушай, возможно, тебе, действительно, не стоит меня сопровождать...

Штепсель вполголоса выругался. — Еще чего! — сказал он, примеряя второй шлем, который был ему великоват, — Ты всерьёз считаешь, что я отпущу тебя одну?!

Лика уже была в седле, гном уселся сзади и обхватил её руками. — Я не очень-то уверенно чувствую себя на этих штуках, — предупредил он.

Лика улыбнулась. — Спасибо, Штепсель, — тихо сказала она.

Гном кашлянул. — Знаешь, — сказал он сконфуженно, — Вообще-то, меня по-настоящему зовут Ян... Только мало кто это знает.

Лика кивнула. — Держись, Ян! — усмехнулась она.

Чоппер взревел и, описав полукруг по двору, с рокотом понесся по мостовой.

— Ну всё, хватит на сегодня, — рослый эльф забросил за спину гитару, висевшую на ремне у него на плече, — Всем спасибо, до завтра! Он хлопнул по подставленной ладони подростка в кожаной куртке и металлических нашивках, кивнул на прощание дренею-шаману, сидевшему на корточках у костра, махнул рукой дренейке и зашагал прочь от освещенного круга, скрываясь в темноте.

Пых подбросил в костёр еще несколько веток и осторожно зачерпнул из котла, висевшего над ним, деревянной ложкой.

— Неплохо получается, — сказал он подростку, — Но сыгранности пока не хватает. Тот молча пожал плечами, аккуратно нарезая двуручным мечом ломтики колбасы.

Элисия смотрела в огонь, сидя на траве, обхватив колени руками.

— Подложила бы хоть что-нибудь на землю-то, — ворчливо сказал шаман, — Застудишь ведь себе всё, лечи потом вас...

Дрнейка промычала в ответ что-то неопределенное.

— Ну вот, — Пых осторожно попробовал на вкус содержимое ложки, — Вроде, готово. Можно разливать!

С помощью Астерикса он снял котёл с костра, поставил его на землю, и начал расставлять рядом с ним сосуды различных форм и размеров.

— Так... Вот эти пойдут на продажу, эти — для Приюта, эти — про запас, — бормотал он.

Отвар в котле имел бурый цвет и резкий пряный запах.

Пых бросил взгляд на тёмное небо и покачал головой. — Луна еще в силе, — проговорил он, — Эля, как ты себя чувствуешь?

Дрнейка издала еще один звук, означающий «всё нормально».

Пых приблизился к ней, держа в руках небольшую бутылку, еще горячую от налитого в неё отвара.

— Вот, возьми. Пожалуйста, не забывай принимать вовремя, хорошо?

— Хорошо, — отозвалась Элисия, глядя на шамана ясным взглядом зелёных глаз, — Спасибо, Пых.

Дрней вздохнул. — Ты, конечно, уже взрослая, — заговорил он извиняющимся тоном, — Но, всё-таки, будь осторожна! Эти твои состояния... Они требуют постоянного контроля, и ты ни в коем случае не должна пытаться самостоятельно выходить на Тропу! Я тебе об этом не раз говорил.

Элисия согласно кивала.

— Конечно, Пых, — сказала она, — Спасибо тебе за заботу и всё такое. Я пошла.

— До завтра? — спросил шаман. — До завтра, — отозвалась Элисия, — Пока, Терикс!

Выйдя из темного парка на улицу, она направилась по ней в сторону трущоб, где снимала комнатку за гроши. Несмотря на то, что район находился в Старом Квартале, славу он имел сомнительную, в основном, из-за старых зданий с многокомнатными квартирами, которые, придя в негодность, были проданы за бесценок предприимчивому Баросу Алекстону, организовавшему в них своеобразные гостиницы, пользовавшиеся спросом у молодежи, предпочитавшей жить самостоятельно, да еще в самом элитном Квартале.

Дрнейка уже почти дошла до своего дома, когда почувствовала смутную тревогу. Словно все чувства её разом обострились, как бывало перед приступами. Она обернулась, повинувшись внутреннему инстинктивному импульсу, и замерла. Огромный волк мягкими бесшумными прыжками приближался к ней по улице. Не в силах пошевелиться, или закричать она смотрела на него расширившимися глазами, словно парализованная. Глаза зверя светились странным зелёным огнём. Поравнявшись с ней, он промчался дальше, казалось, даже не заметив её. Всё это длилось буквально несколько мгновений. Волк свернул в переулок, растворившись в темноте. Пока она приходила в себя, откуда-то со стороны направления, откуда появился зверь послышалось тарахтение мотора. Еще через некоторое время из-за угла дома вылетел чоппер и пронесся мимо неё по следу волка. Она едва успела разглядеть две маленькие фигурки в седле, одна из которых держалась за руль, а другая обхватывала первую руками.

— Это где-то здесь... — Лика вглядывалась в кристалл, стараясь вызвать в памяти картинку с изображением карты, но его грани оставались темными и холодными.

Она была точно уверена, что приехала именно на то место, которое было указано, но какой из домов был тем, где её ждал Джардет, она не знала. Место было ей смутно знакомо; поднатужив память, она вспомнила его — именно тут когда-то, давным-давно, она оказалась на своём самом первом вызове. Сюда они с дворфами привезли Торранса, бывшего владельца ювелирной лавки. Точно! Вон под тем деревом она сидела, когда братья довели её до слёз. Как же давно, казалось, всё это было!

Под потоком внезапно нахлынувших на неё воспоминаний, она едва не забылась, и вздрогнула, когда Штепсель схватил её за руку.

— Смотри! — проговорил он, указывая на окно под самой крышей одного из домов, стоящих напротив.

Окно отсвечивало алым, словно внутри комнаты разгорались сполохи пламени. Этот свет напоминал тот, которым светился кристалл, когда они нашли артефакт. Лика надавила на педаль и подъехала ко входу в дом. Они оставили чоппер на улице и зашли внутрь. Справа

от входа, за перегородкой с застекленным окном располагалась небольшая комнатка, из которой доносился храп — очевидно, привратничья для консьержа.

Слева была довольно грязная лестница, ведущая на этажи. Судя по расположению окна, им нужна была мансарда. Они миновали первый и второй этажи, где было по несколько комнат на каждом, но всё было тихо. Поднявшись по лестнице, ведущей к мансарде, они оказались в небольшом узком коридоре, в конце которого находилась единственная дверь, которая была приоткрыта. Одновременно Лика услышала звуки голосов, доносящихся оттуда и ощутила вибрацию камня, который держала в руке. Он снова светился алым.

Переглянувшись, оба гнома, крадучись, последовали по коридору к приоткрытой двери.

— Аргуин... — голос Джардета звучал тихо и взволнованно, — Мы можем всё спокойно обсудить, возьми себя в руки...

Ответом ему было рычание, от которого у Лики сердце ушло куда-то в пятки.

Она заглянула в комнату. Прямо напротив двери располагалось окно, которое они видели с улицы. Между ним и гномкой на полу находился круг с изображенными в нём символами, который и издавал то самое алое свечение. По одну сторону от круга, слева от двери стоял Джардет, бледный и взволнованный. Он застыл, как изваяние, не сводя глаз с рычащего волка, присевшего на задние лапы, точно перед прыжком. Глаза волка светились яростным зелёным огнём.

— Нет! — крикнула Лика, — Нет! Брат Склиф! Не делайте этого

— Лика! — воскликнул Джардет, и лицо его исказилось от страха, — Берегись, Лика!

Гномка выхватила из сумки медальон, завернутый в ткань. — Артефакт! — крикнула она Джардету, — Мы нашли его!

В этот момент волк прыгнул. Лика успела лишь заметить, как в воздухе перед ней взметнулась пара огромных лап и оскаленная пасть, как в следующий миг она отлетела в сторону от сильного толчка Штепсея, а еще через мгновение гном повис на шее волка, сковывая его движения и норовя сдавить её своими короткими, но крепкими мускулистыми руками.

Взревев еще яростнее, волк мотнул головой и одним ударом лапы смёл с себя гнома, распластав его тело прямо посреди круга с символами на полу.

Однако, этого мгновения Лике хватило, чтобы подняться и отскочить к Джардету, кинув ему медальон, который тот успел подхватить на лету.

Подобравшись, ворген снова прынул в сторону человека, но тут же замер, как вкопанный.

В руке Джардета багровыми отблесками сверкал кинжал, который он держал у горла гномки, обхватив её другой рукой.

— Не двигайся, Аргуин, — предупредил он тихо, не сводя с волка горящего взгляда, — Ты ведь не хочешь, чтобы кто-то еще пострадал, так?

Ворген издал глухое раскатистое ворчание, напоминавшее стон раненого зверя. Его широко расставленные лапы мелко подрагивали от напряжения, шерсть на загривке встала дыбом, с оскаленных клыков падала вязкая слюна.

— Ну-ну, — проговорил Джардет, внимательно наблюдавший за ним, — Спокойно... Медленно отойди назад, туда, где ты и стоял... Медленно! Я очень, очень волнуюсь, Аргуин. Моя рука может нечаянно дрогнуть...

Словно в подтверждение этих слов, лезвие кинжала прочертило тонкую полоску на коже шеи гномки, тут же окрасившуюся кровью.

Ворген, низко пригибаясь, медленно пятился назад. — Смени облик! — голос Джардета звучал уже громко и властно, теперь он не уговаривал, а приказывал.

В этот момент Штепсель, издав стон, приподнялся на локтях и обвёл комнату мутным взглядом. Остановив его на Джардете с Ликой он изумлённо уставился на них. — Лика! — крикнул он поднимаясь.

Больше он ничего не успел сказать, так как Джардет, не отводя кинжала от горла гномики, вдруг выбросил вперед растопыренную пятерню и резко выкрикнул какое-то труднопроизносимое слово. Светящийся зеленоватый сноп сорвался с его пальцев и ударил гнома в грудь.

Словно в кошмарном замедленном сне Лика наблюдала, как Штепсель медленно, очень медленно, заваливается навзничь с гримасой ужаса и удивления, застывшей на его лице.

Она хотела закричать, броситься к нему, но всё её тело было будто скованно, она не могла пошевелить даже пальцем, не могла издать ни звука, только ощущала, как что-то горячее бежит по её щекам.

— Замечательно, — спокойный торжествующий голос Джардета доносился до неё словно издалека, — Вот теперь мы можем поговорить в спокойной и дружеской атмосфере.

— Отпусти ребёнка, — прорычал Склиф, стоя на ногах, в изорванной серой тунике, которую Лика так часто видела на нём, — Тебе мало смертей, предатель?!

Он почти принял свой человеческий облик, только лицо еще частично сохраняло волчьи черты.

Джардет качнул головой. — Разумеется, отпущу, — неожиданно легко согласился он, — И ты это знаешь, и именно поэтому удержался от попытки атаковать меня. Собственно, я, в отличие от тебя, никогда не испытывал тяги к убийствам из эмоциональных побуждений. Тем более, я многим обязан этой не по годам смышенной сестре, и было бы черной неблагодарностью с моей стороны не принять это во внимание. Она мне искренне симпатична, полагаю, со временем из неё может получиться очень талантливый маг, если, конечно, вы с Оккамом не забудёте ей голову всей этой дурью про Свет и безальтернативность пути.

Он улыбнулся. — Стой, где стоишь, Аргуин, — посоветовал он, — Всё, что от тебя требуется — немного терпения. Понимаю, для тебя это всегда было проблемой. Но мне нужно окончить кое-какой ритуал, исключительно для того, чтобы подстраховаться, а потом вы оба сможете покинуть этот гостеприимный кров. Впрочем, если захотите, сможете и остаться.

— Ты лжёшь, Зардет Чёрный Коготь! — проговорил Склиф, — Ты всегда лгал! И тогда, и сейчас.

Джардет поморщился. — Тогда, сейчас... Это всё эмоции, Аргуин. Ты живёшь прошлым, хотя всем своим образом жизни пытаешься продемонстрировать обратное. Только ведь от себя не убежишь, не скроешься — ни в обителях Шаттрата, ни в далёких джунглях пандарийского острова, ни в буреградских бараках.

— Ты следил за мной все эти годы, — ворген тяжело и глубоко дышал, — Зачем? Что тебе было нужно от меня, Зардет?

Чернокнижник снова растянул губы в тонкой улыбке. — Ты никогда не умел понимать других, Аргуин, — сказал он, — Ни меня, ни своего родного брата, ни... кого бы то ни было ещё.

Глаза воргена сузились. — Лорана... — проговорил он, — Так, значит...

Он оборвался на полуслове и воззрился на побледневшего человека, смотревшего на него теперь с открытой злобой и вызовом.

— Догадался, всё-таки, — проговорил он, кривя губы, — Делаешь, наконец, успехи, Аргуин. Чтение книг пошло тебе явно на пользу.

— Так вот что гномка принесла тебе! — едва шевеля губами прошептал Склиф, — Медальон! Ты лгал мне...

— Достаточно, — с чуть заметной дрожью в голосе проговорил Джардет, — Так, или иначе, ты не в силах что-либо изменить. Если бы не странная привязанность к тебе твоего брата, этого разговора сейчас не было бы вообще.

С этими словами он повелительно простёр руку к начертанному на полу кругу и, не сводя с воргена глаз, начал читать нараспев что-то на древнем, незнакомом Лике языке.

Тело Штепсея начало словно съживаться, затем вспыхнуло зеленоватым пламенем, которое, казалось горело, не оставляя следов. Тени в комнате сгустились и воздух вдруг стал густым и вязким, застревая в горле. Лица почувствовала, что задыхается. Перед глазами её поплыли алые, синие и зелёные круги, и сквозь них, в дымке разноцветного тумана она различала контуры огромной рогатой головы, постепенно формирующейся в центре круга.

— Будь ты проклят, Зардет! — неожиданно выкрикнул Склиф и сделал шаг вперёд.

Демон, материализовавшийся уже почти наполовину взревел, плотоядно оскалив глотку, усеянную двумя рядами мелких острых зубов и вытянул к нему свои лапы, наливавшиеся на глазах темно-зеленой кровью.

Тембр голоса Джардета изменился, став более низким и грудным, лицо его вытянулось, приобретая звериные черты, рука, сжимавшая кинжал удлинилась, вспучилась мускулами и покрылась шерстью.

— Ты проиграл, Аргуин! — прорычал он, и в этом, уже нечеловеческом голосе прозвучало ликование и торжество, — Признай это!

Демон отозвался яростным и алчущим рёвом, его налитые зелёной кровью глаза, казалось пожирали воргена, когтистые лапы были в нескольких дюймах от его лица.

Чернокнижник сделал шаг вперёд, выпустив гномку, и воздев обе руки над головой.

В этот момент серебристая молния промелькнула в воздухе, что-то просвистело, и, внезапно, рычание Джардета оборвалось, переходя в захлебывающееся бульканье.

Демон взревел, его ноги, всё еще скрытые дымкой тумана, вдруг стали таять в воздухе.

Он обернулся издав крик ярости и злобы. Джардет, держащийся обеими руками за окровавленное горло с торчащим из него древком стрелы, с искаженной страшной гримасой лицом, казалось, порывался что-то произнести.

Однако, вместо слов изо рта у него хлынула густая темная кровь, он пошатнулся, и, сделав неуверенный шаг вперёд, упал ничком прямо в центр круга.

Зелёное пламя взвилось до самого потолка с яростным гудением. Казалось, в его шуме тонут крики демона и призвавшего его чародея. Рогатая голова склонилась над распростертым перед ней фигурой в черных одеждах, когтистые лапы протянулись к нему, на миг заслонив её от Лики. Клубы густого чёрного дыма повалили из круга, окончательно скрывая находившихся в нём. Послышался звон бьющегося стекла. Лица почувствовала, как сковывающая её хватка внезапно ослабла. Кашляя и размазывая по лицу неизвестно откуда взявшуюся кровь, она упала на колени.

Когда же, через несколько секунд, дым рассеялся на полу лежало скрюченное тело Джардета и распростершееся на спине маленькое тельце гнома.

— Штепсель! — Лика бросилась к нему, поскользнувшись на липкой темной луже крови, оставшейся на том месте, где за несколько секунд до этого стоял чернокнижник. Она упала на колени рядом с гномом и заглянула ему в лицо.

— Что здесь... фигура дрены замерла в дверях, — Силы Стихий! Лика!

Гномка подняла залитое слезами и кровью лицо навстречу шаману, возникшему перед ней, словно из ниоткуда, — Пых, — прошептала она, — Штепсель! Он ранен!

Пых опустился рядом с ней с тревогой вглядываясь в застывшее лицо гнома, потом перевёл взгляд на воргена, который устало и отрешенно покачал головой. — Пламя скверны, — тихо произнёс он.

Лицо шамана посерело.

— Лика, — осторожно начал он, касаясь плеча гномки, но та резко дернула рукой. — Ему нужна помощь! — она не замечала, что истошно кричит, — Нужно вынести его отсюда, из этого ужасного круга!

Чуть помедлив, получив едва заметный кивок Склифа, дреной согласно закивал.

— Конечно, конечно... Сейчас! Он подхватил, казалось, ставшее невесомым тело гнома и, одновременно, приобнимая и подталкивая Лику другой рукой, повёл её к двери.

Когда дреной и гномка покинули комнату, ворген устало обхватил голову руками и опустился на пол.

— Свет... — прошептал он.

Человек, стоявший у окна, убрал в складки одежды минитатюрных размеров самострел, подошёл к нему и положил руку на плечо. — Что сделано, то сделано, Склиф, — сказал он.

Ворген поднял голову. — Матиас, — проговорил он с кривой усмешкой, — Ты всё это знал заранее.

Человек с аккуратной рыжеватой бородкой откинул капюшон и поправил пряди каштановых волос.

— Ты преувеличиваешь, — возразил он, — Я следил за вами обоими, но этот крысёныш постоянно опережал меня на шаг, а ты, как помнится, наотрез отказался помогать мне.

Ворген устало махнул рукой. — Теперь это не имеет значения, — проговорил он.

— Ошибаешься, — Матиас склонился над распростёртым телом чернокнижника и перевернул его на спину, — Всё, можно сказать, только начинается, дорогой Аргуин. Так-так, что тут у нас?

Он проворно ощупывал тело и одежду чернокнижника. — Ага! Ну, этого стоило ожидать. Не ахти, конечно, какая премудрость, но, в его положении, пожалуй, это был наиболее разумный вариант.

С этими словами он распорол мгновенно возникшим в его руке кинжалом подкладку мантии Джардета и вытащил оттуда пачку бумаг. — Какая прелесть, — бормотал он, бегло просматривая их, — Жаль, что этого нельзя напечатать в «Буреградском Вестнике»... Господин Батрилор отдал бы за это правую руку. Впрочем, она нам еще пригодится!

Довольно усмехнувшись, также быстро он проверил карманы трупа, извлекая из них еще два небольших камня на цепочках и завернутый в ткань медальон.

— Ого! Кристаллы дистанционной связи! Недурно... Будет любопытно узнать, на каких частотах они работают. А это еще что?

В руке Матиаса щелкнул медальон, верхняя крышка которого отскочила. Глава королевской службы безопасности поднял брови. — Хм!

— Это моё, — безучастно сказал Склиф, — Ради него он решился сегодня рискнуть.

Матиас пристально посмотрел на него и кивнул. — Просто сценарий для пьесы, — усмехнулся он, закрывая медальон и кидая его воргену. Тот поймал его не глядя.

Матиас спрятал бумаги за пазуху, придвинул к себе стул и уселся на него верхом.

— Ты знал, что это он? — спросил он воргена, глядя на него в упор.

Склиф пожал плечами. — Догадывался, — сказал он, — С тех пор, как встретил его пару недель назад в Торговом Квартале, уже заподозрил неладное. Но точной уверенности у меня не было, да и виделись мы мельком, я решил, что мог и обознаться, ведь столько лет прошло.

— А как же ваше знаменитое чутьё? — поинтересовался с оттенком удивления Матиас, — Я полагал, что ворген всегда чует другого воргена.

Склиф кивнул с вымученной улыбкой. — Сирень и черёмуха, — сказал он.

Матиас поднял голову и хохотнул. — Ловок, шельма, — с оттенком одобрения сказал он.

— Он один из немногих знал о моей аллергии, — мрачно сказал Склиф, — Я должен был догадаться, но, поскольку письмо пришло сразу после твоего визита, я подумал на тебя.

Матиас в восхищении покачал головой. — Этот малый еще лучше, чем я полагал, — одобрительно заметил он, — Жаль, что не было никакой возможности взять его живым. Значит, письмо?

Склиф снова кивнул. — Да, — сказал он, — Откровенно провокационная анонимка, целью которой было меня подразнить и заманить в ловушку. И, надо признать, это ему вполне удалось...

Матиас понимающе кивал головой. — Пока ты крутился вокруг той таверны и следил за подставными, он проворачивал свои дела, — заключил он, — Это же классика, Аргуин!

Ворген раздраженно отмахнулся. — Я был уверен, что это твоих рук дело, — проворчал он, — Вполне в твоём духе таскать каштаны из огня чужими руками!

Матиас с достоинством поклонился.

— Потом этот платок, — продолжал Склиф, — Было ясно, что смерть генерала не была случайна. Да еще именно мои целители вдруг оказываются официальными свидетелями!

Матиас развел руками. — Тут я точно не при чем, — заметил он, В конце концов, кто еще мог там оказаться?

— Когда ты пришел просить якобы помощи в этой интриге с участием моего брата я предполагал нечто подобное, — продолжал Склиф, — Что именно под видом этой борьбы тебе будет удобнее всего втянуть меня в ваши игры и сделать из меня очередной козырь в твоём бездонном рукаве.

— Ну хватит, хватит комплиментов! Ты меня совсем засмушал, — довольно усмехнулся Матиас.

— Для тебя всегда это было, в первую очередь игрой, — тихо сказал Склиф, — И тебе не так важно, что поставлено на карту, главное — достойный соперник и хорошая партия, ведь так?

Матиас развел руками. — Да, я азартный человек, — признал он, — Что с того? У всех знаешь ли, свои слабости... Ты вот, например, костями ляжешь ради своих дурацких принципов. И к чему это, в итоге, привело? Ну, положим, я-то получил удовольствие, а ты едва не потерял вверенную тебе послушницу.

— Принципы! — прорычал Склиф и глаза его загорелись, — Тебе ли говорить о принципах, Матиас? Ведь все средства хороши для блага государства, так? Обманы, подлоги,

шантаж, клевета, убийства, тюрьмы, пытки... Это твои принципы, Матиас?

— Ну, ну, разошелся... — Матиас успокаивающе помахал рукой, — Я в курсе всех твоих пунктов разногласий с нашими методами работы, можешь не перечислять. Но ответь сам себе, только честно, на один вопрос, Склиф. А бывает по-другому? Бороться со злом внутри государства в белых перчатках? Ты сам-то в это веришь? А Аргуин — верит? То-то же.

— Удавник, — сказал вдруг Склиф.

Матиас вопросительно приподнял брови. — Что?

— Та трава, ты знаешь о чём я, — продолжил ворген, — Кто выкупил лоты и оставил нас, фактически, без сырья? И для чего?

— Ах, ты об этом, — Матиас махнул рукой, — Странный вопрос. Естественно, это был я. У нас с господином Фитчем довольно разные сферы интересов, но он считает своим долгом время от времени оказывать мне кое-какие любезности. В частности, сообщать о курсах торгов и товаров, пользующихся особым спросом. Ты же не мальчик, в конце концов, Аргуин, чтобы объяснять тебе элементарные вещи. Спроси, опять же себя — как бы ты поступил на моем месте? То, как потом это преподнесли в прессе — отдельный разговор. Который, я уверен, состоится у меня в ближайшем будущем с господином Фитчем и господином Батрилором...

Они помолчали.

— Вот только, всё-таки... — начал задумчиво Матиас, лукаво поглядывая на воргена, — Меня занимает один вопрос...

Ворген издал глухое рычание. — Да неужели, — сказал он, — Всеведущий Матиас чего-то не знает?

— Звучит как нонсенс, понимаю, — согласился Матиас, — Но всё-таки, остаётся определенное поле для размышлений — в ту ночь, когда луна светила так ярко, кто же из вас прикончил эту бедную Демизетту Клойс? Вы ведь оба были там? Не то, чтобы это имело для меня хоть какое-то значение, но, как ты знаешь, не люблю неопределенности.

Склиф едко усмехнулся. — Да, — сказал он, — Действительно, хорошая гимнастика для ума. Тебе будет, чем заняться долгими зимними вечерами.

— Да брось! — Матиас заразительно рассмеялся, — Ты что, всерьез обиделся из-за этого напыщенного индюка Вишиаса? Ты же знаешь, он — идиот, но в своем ремесле ему равных нет, поэтому и держу, что заменить некем. А тут ему выдался такой уникальный повод продвинуться по служебной лестнице. Ты хоть представляешь, что ждёт беднягу, когда он узнает, что твой арест — всего лишь фикция, и настоящий убийца уже получил возмездие? Боюсь, придется предоставить ему отпуск для восстановления нервной системы.

— Да, — сказал Склиф, — Очень жаль.

— Да ладно! — Матиас улыбался, — Если у тебя есть претензии к содержанию, обращению, или предложения по улучшению условий — можешь их предоставить в письменном виде, уверяю тебя, я лично проконтролирую их выполнение. Ну что мне тебе, конфетку еще дать?

Ворген нахмурился. — А как же кордон? — спросил он вдруг, — Хочешь сказать, и он был подстроен?

— Ага! — обрадовался Матиас, — Видишь, у тебя тоже остались вопросы без ответов! Ладно, я не буду таким мелочным. Впрочем, ты и сам уже догадался. Неплохо было сыграно, а? Ребята, между прочим, старались, репетировали. За исключением Вишиаса, разумеется. Ну нет у бедняги таланта к актёрскому мастерству — тем хуже для него.

Ворген мрачно кивнул. — Развлекаешься, значит, — сказал он.

Матиас лучился от удовольствия. — Мне всегда хотелось сделать карьеру артиста, — доверительно признался он, — Ну, или, хотя бы режиссера. Да простят меня все предки нашего царственного величества, но одного я им простить не могу — отсутствия в Буреграде хотя бы самого захудалого театра. Вот и приходится прибегать к самодеятельности.

— С другой стороны, — уже более серьезно продолжал он, — Убедить тебя в подлинности всего происходящего было непростой задачей. Поскольку ты явно не искал лёгких путей и категорически отказывался от сотрудничества, выйти на главного организатора (а я к тому времени уже не сомневался, что мы имеем дело с еще одним воргеном) можно было только повесив тебе хвост. Но ты умудрился вляпаться в это мокрое дело и всё и без того усложнилось. Если бы еще не другие заботы...

Ворген хмыкнул.

— Прости, — спохватился Матиас, перехватив его взгляд, устремленный на браслеты, — Вот, держи.

Он порылся в карманах и бросил Склифу небольшую связку отмычек.

— Только верни браслеты, пожалуйста — инвентарь казенный, сам понимаешь, потом списание проводить — та еще головная боль.

Ворген молча бросил остатки наручников на пол.

— Рад, что ты все еще в форме, — словно не заметив этого жеста, — беззаботно продолжал Шоу, — Между прочим, я всерьез сомневался, не заменить ли цепь более легкой, но решил, что это будет слишком рискованно.

Склиф покачал головой. — Значит, Рензик...

— Шёл по твоему следу, — кивнул Матиас, — Хотя это было и непросто, уж очень быстрый темп ты взял.

Ворген хмыкнул и поднялся на ноги. — Что ж, — сказал он, — Было приятно пообщаться по душам. Прощай, Шоу.

— погоди! — Матиас мгновенно оказался на ногах рядом со Склифом. Тот слегка пригнув голову, посмотрел ему прямо в глаза, заложив руки в карманы и широко расставив ноги.

— Что-нибудь еще, Матиас?

— Ты прекрасно знаешь, Аргуин. Мне нужно знать.

По лицу воргена пробежала горькая усмешка. — Конечно, — сказал он, — Ты ведь и сам знаешь ответ, но хочешь быть уверен, да, Матиас? Всё дело только в этом?

Шоу по-прежнему улыбался, но лицо его чуть потемнело.

— Ты мне должен, Аргуин, — вполголоса произнёс он, — Я спас твою ученицу, а, возможно, и твою жизнь.

Возникла пауза, в течение которой оба буравили друг друга взглядами.

Наконец, Склиф устало прикрыл глаза.

— Я следил за Демизеттой, — глухо сказал он, — Шёл за ней по пятам, был уверен, что она выведет меня на Зардета. На близком расстоянии я бы взял его след, несмотря на её духи. Но она заметила меня, возможно, была предупреждена. Ей удалось сбить меня с толку на какое-то время, нырнув в сквозной переулок — буквально на минуту, но эта минута стала для неё роковой. Когда я снова нашёл её, запах крови уже разливался в воздухе. Я наткнулся на её окровавленное тело и склонился над ним, чтобы убедиться, что она мертва. В этот момент он накинулся на меня из-за угла, воспользовавшись моим секундным

замешательством. Ему удалось ранить меня отравленным кинжалом и, кажется, наложить слово тьмы. На какое-то время я утратил способность контролировать себя и, должно быть, блуждал по городу. Инстинкты привели меня в Бараки, где мои друзья помогли мне, но потребовалось куда больше времени, чтобы память полностью восстановилась. Когда это произошло, и я вспомнил всё, твои люди устроили мне возможность побега, а твой гоблин выследил меня. Остальное тебе известно.

Он замолчал.

Ни говоря ни слова, Шоу кивнул. — Благодарю, — сказал он, — Мне было важно услышать это от тебя, Аргуин.

— Не сомневаюсь, Матиас, — иронически ответил ворген и, отвесив человеку поклон, шагнул к двери.

Топот ног и шум в коридоре заставил его отступить и посторониться.

Шоу с интересом вздернул брови и поправил застёжку на плаще.

Секундой спустя, в комнату ввалились стражники во главе с капитаном Сэмуэльсоном.

— Именем короля, — начал было капитан и растерянно осёкся. — Господин Шоу? Господин Склиф?

— И вам добрый вечер капитан, — Шоу любезно поклонился, — Так мило, что вы решили навестить нас столь своевременно.

— Но...

— Вы как-раз помешали опаснейшему преступнику совершить очередное преступление против жителей Буреграда и самого короля, — не давая ему сказать, продолжал Шоу, — Займитесь телом и будьте столь любезны оказать господину Склифу и его людям всемерную помощь в случае необходимости.

— Но, ваша честь...

— Что-то еще, Сэмуэльсон?

— Нет... Простите, то есть — да, ваша честь...

— Я слушаю вас, — произнёс Шоу с самой любезной улыбкой, от которой лицо капитана приняло слегка зеленоватый цвет.

— Простите, ваша честь, но у меня есть приказ об а...аресте...

— С этого момента и впредь, по моему личному указанию все обвинения с господина Склифа, или, если вам угодно, Аргуина Редьярда Седогриффа сняты.

— Н-но ваша честь...

— Капитан, — перебил его, нахмурившись, Шоу, — Вы серьезно злоупотребляете моим временем. Какое именно слово из произнесенных мной вызвало у вас затруднения?

— Н-но м-мне прик-казано арестовать вас, в-ваша честь, — выдохнул капитан, глядя на начальника королевской службы безопасности в священном ужасе.

В возникшей гробовой тишине, воздух, казалось, вибрировал от напряжения.

Внезапно, ворген запрокинул голову и громко расхохотался. — Однако, — промолвил он, вытирая слезы из уголков глаз, — История порой принимает неожиданные повороты, а, Матиас?

Шоу, в немом изумлении взиравший на бледного капитана, изо всех сил старающегося сохранить остатки достоинства, неожиданно присоединился к Склифу.

— Действительно, ты прав, Аргуин, — отсмеявшись, согласился он, — А еще забавнее, что мой собственный сценарий, похоже, получил признание зрителей и теперь набирает популярность. Что ж, я не против познакомиться с моими подражателями. Кем подписан

ваш приказ, капитан? Да смелее, же, демоны вас подери — кто кого арестовывает, в конце концов?

— Е-его сиятельством канцлером, — выдавил Сэмуэльсон, подавая Шоу бумагу.

Тот наскоро пробежал её по диагонали. — Так-так, занятно! — весело сказал он, — Будьте так любезны, передайте лорду Риджвеллу, что я немедленно направляюсь во дворец и буду поистине счастлив встретиться там с ним в присутствии его величества. Можете также доложить ему, что арест со своей стороны вы произвели по всем правилам, о чем впоследствии вам выдадут удостоверительный документ в моём ведомстве. Можете хранить его у себя как своего рода облигацию. Уверен, Фитч предложит за него достойную цену!

С этими словами начальник службы королевской безопасности похлопал опешившего капитана по плечу, и подошёл к окну.

— Рензик! — крикнул он в темноту.

— Да, ваша светлость, — отозвался гоблин.

— Лошади готовы?

— Так точно, ваша светлость!

— Замечательно! Хорошей ночи, господа!

С этими словами Матиас Шоу перемахнул через подоконник и исчез в ночи.

— Хорошей ночи, господа, — повторил Склиф, коснувшись рукой головы и проследовал вниз по лестнице.

Оставшиеся в комнате стражники растерянно смотрели на Самуэльсона.

— Что будем делать, капитан? — спросил один из них.

Сэмуэльсон поскреб подбородок и вздохнул. — Надо заняться трупом, — сказал он.

Глава 21. Свет Наару

Ли́ка не помнила, как оказалась внизу, на первом этаже, в каморке, предназначенной для привратника-консьержа. Здесь была кровать, на которую Пых бережно уложил неподвижное тело гнома. Лохматая пандаренка-консьержка, испуганно прикрывая лапой рот, робко топталась в дверях, не зная, что ей делать.

— Ли́ка, — шаман осторожно коснулся её, — Мы ничего не сможем тут поделаться...

Гномка не слышала его. Она смотрела в лицо Штепсе́ля и не могла, не хотела верить, что произошло непоправимое. Только не с ним и не сейчас! Дреней, кажется, говорил что-то ещё, но она, уже и не видя теперь толком ничего из-за застилавших глаза слёз, протянула руки и возложила их на голову гнома.

Слова молитв вспыхнули в её сознании, но в них не было нужды; её боль, её жажда жизни, желание помочь и спасти словно выплескивались из неё наружу, казалось, сердце, переполненное чувствами, пульсирующими толчками направляло их, подобно импульсам света через сосуды, к рукам и кончикам пальцев, и оттуда — к холодному телу под её пальцами.

С каждым тактом сердечного ритма, с каждым вдохом, она чувствовала, как всё холоднее делается вокруг и словно погружалась в темноту, всё глубже и глубже, куда не доносились звуки внешнего мира, где не было ничего, кроме бесконечной пустоты, раскинувшейся перед неё бездонной пропастью с мириадами звёзд, светивших в глубине её крохотными искорками.

Она уже не чувствовала холодного тела под своими руками, как и самих рук; она вообще ничего не чувствовала, паря где-то в невесомости, словно бесплотная мысль, вспышка сознания, солнечный зайчик, затерявшийся в просторах Вселенной.

Она не помнила, ни того, кто она, ни откуда, как давно она здесь находится; казалось, ни прошлого не будущего тут не существовало, и ничто не имело смысла, потому что его не существовало тоже.

Наверное, она бы просто бесследно растворилась в этом безграничном Ничто, влившись в него, вместе с бесконечным множеством таких же хаотичных атомов, но мысль, всё ещё хранившая свою форму, неясная и нечёткая, все ещё определяла её бытие. Словно тонкий лучик сознания, словно едва заметная дорожка света на ряби волн. Она следовала по ней, и, постепенно, эта дорожка делалась ярче и четче, материальнее, если тут вообще существовало понятие материи.

Теперь это уже была не только и не столько мысль, сколько образ, даже серия образов, окружавших её. Некоторые из них были ей смутно знакомы, где-то в глубине подсознания она чувствовала, что знает эту маленькую гномку, смотревшую на неё, раскрыв глаза и держащую палец во рту, а также окружавших её гномов, людей и прочих существ.

Вот этот пожилой гном с курчавой белой бородой, трубкой в зубах, мастерающий что-то за верстаком. Румяная гномка в переднике, с полотенцем, перекинутым через плечо и кувшином молока в руках. Пандарен, жующий траву. Два смешных брата-коротыша, подталкивающих друг-друга локтями и ссорящихся. Человек-волк, глядящий на неё серьёзно и грустно.

Высокий дреней, ритмично ударяющий в узкий высокий барабан, стоящий перед ним.

«Мы все упавшие с небес. Мы все проросшие из трав. Бредем по маякам сердец. По трепету страниц и глав...»

Она не сразу осознала, что слышит слова, наложенные на Ритм.

«И каждый шаг будто снова с нуля, как во сне, в заколдованном царстве...»

Тихая, звенящая мелодия и приглушенный напев постепенно возвращали к ней сознание.

«Но мы счастливы — у нас есть земля — прекрасный повод для странствий...»

Она стояла на тропе, словно сотканной из мерцающих лучей, переливающихся всеми оттенками цвета, и при этом выглядящей ослепительно белой.

Перед ней стоял (или сидел?) — парил шаман, которого она сперва приняла за отца Оккама.

— Пых? — неуверенно произнесла (или подумала?) Лика.

— Сестра Лика, — голос шамана, казалось, раздавался отовсюду, и в то же время шел откуда-то изнутри её самой, — Ты далеко зашла. Тебе нужно вернуться.

Она упрямо покачала головой. — Нет! Я должна найти Штепселя! Я должна... найти Яна!

— У него свой путь. Ты не можешь последовать за ним сейчас. Слишком рано для тебя.

— Нет! — Лика чувствовала, как её охватывает буря эмоций, словно яркий вихрь, взметающий вокруг неё алые, чёрные и огненные всполохи, — Я должна спасти его! Это моя вина! Он... Он... Он тоже уходит слишком рано!

— Ты не можешь знать, — голос шамана то затихал до едва слышного, то усиливался, словно раскаты грома, — Даже Наару не дано знать судеб жизненных путей созданий Света...

— Пожалуйста, — Лика чувствовала, что тонет в иссиня-чёрной пучине отчаяния, проваливаясь в бездну, — Я должна увидеть его! Во имя Света!

Внезапно, она снова оказалась на тропе, только теперь она была еще выше, хотя и не могла бы объяснить, отчего складывалось такое впечатление.

Шаман исчез, только где-то на задворках её сознания всё еще звучала мелодия его песни.

«Мы из тех самых чудаков, влюбленных в голубую высь

Стремимся к ней как в отчий кров, живем в игре, играем в жизнь...»

Она стояла на вершине холма, окруженная синевой неба. Перед ней расстилалась равнина, через которую вдаль убегала дорога, берущая начало от призрачной тропы у её ног и теряющаяся где-то вдали, в облаке света. Рядом с ней стоял гном, которого она сначала не узнала. Он рассмеялся, и тогда она воскликнула: — Ян! Ты живой!

Он улыбнулся, но, когда она попыталась обнять его, её руки прошли сквозь пустоту.

— Значит, ты умер... — прошептала она.

— Но я же здесь, — возразил гном, — И ты тоже! И я никогда еще не чувствовал себя настолько живым!

Лика покачала головой. — Мы оба умерли? — спросила она недоверчиво.

Штепсель улыбнулся. — Мы оба находимся в пути, — сказал он, — Только сейчас они ведут нас в разные стороны. Мне нужно идти вперед, а тебе — возвращаться.

— Но я не хочу, — прошептала Лика, — Я бы хотела остаться здесь, с тобой.

Гном кивнул. — Я буду ждать тебя, — пообещал он, — Но твое время еще не пришло. Вспомни, ведь у тебя остались родители, близкие, друзья. И кто-то же должен спасти

жизни!

— Спасать, — Лику кольнули эти слова, — Я не смогла спасти тебя!

Штепсель покачал головой. — Ты сделала, что могла, и даже больше того, — серьезно сказал он, — А это и есть главное. Делай, что должно, и будь что будет.

— Значит, — Лика не находила слов, — Мы больше не увидимся? Там, где... Куда я возвращусь?

Гном снова улыбнулся. — Смотря чем ты будешь глядеть, — сказал он, — Зорко лишь сердце. Теперь я это понимаю.

Он наклонился к Лике и ей показалось, что она ощутила прикосновение его губ к её лбу. «И если светлою улыбкой слеза — о ней скажем, как о богатстве...»

В следующий миг фигура гнома оказалась уже далеко внизу, на дороге, стремительно уменьшаясь в размерах.

Она следила за ним, пока он не уменьшился до размеров сверкающей точки. Ей показалось, что перед тем, как исчезнуть в яркой вспышке, он помахал ей рукой.

«И к тому ж у нас есть небеса — прекрасный повод для странствий...»

Облако света на горизонте стало расти, белый свет, исходящий от него был настолько яркий, что резал глаза.

Она отвернулась, не выдержав, прикрывая глаза рукой, когда же снова убрала руку, перед ней простиралась призрачная тропа, по которой она пришла.

Вздыхну, Лика шагнула по ней.

«За шагом шаг небесный путь, как мастерство крыла в крови,

На ласково манящий грудь, свет от созвездия любви...»

Она переставляла ноги, не уверенная в том, идёт ли она, или плывёт над поверхностью. Музыка и песня делались всё громче.

«И мы бредём, на пределе дыша, не во времени и не в пространстве,

Потому что есть живая душа — прекрасный повод для странствий!»

Звёзды неожиданно приблизились к ней, и закружились вокруг в стремительном хороводе.

— Ваше сиятельство!

— А?!

Граф Ремингтон Риджвелл вздрогнул, стиснув руками высокие подлокотники кресла, в котором задремал. Оплывшая свеча почти догорела, фитиль искрился и шипел.

— Вы просили разбудить вас в шесть часов, ваше сиятельство, — камердинер, склонившись, поставил на резной столик рядом с ним чашку из тонкого стекла с темным горячим напитком с резким запахом.

— Да... Хорошо, благодарю тебя, Жак. Ступай.

Граф поморгал, прогоняя остатки сна, поднес к губам чашку и отхлебнул. Горячий цикорий обжёг губы. Что же ему снилось? Он смутно помнил обрывки сновидений, какие-то бредовые кошмары, нелепые до абсурда. Ему не хотелось вспоминать, но было неприятно сознавать, что каждую ночь его мучают сны, суть которых ускользает от него, повторяясь снова и снова. Было в этом что-то угрожающее. «Надо бы сходить к придворному психологу», — в который раз подумал он.

Но не сейчас, с этим можно подождать, сегодня — решающий день! После можно будет отдохнуть и расслабиться. Он подошёл к окну и раздвинул шторы. На улице стоял туман, не

слишком густой, однако достаточный для того, чтобы вызвать у канцлера необъяснимый приступ тоски. Он не любил сырость.

— Проклятая погода, — пробормотал он, — Проклятый город, проклятые люди.

Уехать бы отсюда, куда-нибудь в тёплые и солнечные края, где море, пальмы и шоколадные мулатки. Собственно, он и сам не понимал, что его здесь держит. Точнее, не понимала та его часть, которая рвалась отсюда. Но была и другая, скрупулезно отсчитывающая каждый час, каждую заработанную монету. Деньги. Его отец оставил его с матерью и сестрой практически нищими, растранив львиную часть материнского приданного вместе с собственным родовым замком. Фактически, фамилия Риджвелл была его единственным наследством. И он сумел выкарабкаться из той долговой ямы, в которой беспечно оставил их его развесёлый папаша, буквально по кирпичикам воссоздавая былое состояние. Верой и правдой служа сначала его величеству Вардану, а теперь вот — его сыну. Если бы Антуан унаследовал хотя бы малую часть достоинств отца! Или, по крайней мере, следовал советам, к которым прислушивался сам Вардан.

Ремингтон покачал головой. Кое-кому сначала показалось раздольем новая налоговая политика и реформы. Однако, чем дальше, тем больше высшее дворянство и знать начали лишаться своих привилегий, льгот, а затем и доходов. О, он хорошо понимал возмущение и негодование этого напыщенного двофрийского тана-коротышки Митраса. Кому, как не ему было знать, насколько упали доходы с рент, как повысились налоговые сборы и во сколько раз обесценились активы.

Но повлиять на короля, при всей его инфантильности, порой было невероятно сложно. В этом отношении он в полном объёме унаследовал семейное упрямство Принцев. И тогда-то он в первый раз подумал об альтернативе. Сначала он рассматривал возможность смены двора. Под предлогом дипломатической миссии отправился в Дарнасус, где провел несколько месяцев, присматриваясь к местной знати и порядкам. Но эльфы оказались ему слишком надменными и закрытыми, их династические древа и роды уходили в тысячелетия; у простого смертного, даже его социального статуса, не было ни малейшего шанса влиться в элиту одной из древнейших рас.

Однако, его интерес и любопытство не прошли незамеченными. Незадолго до отплытия их миссии он был приглашен на приватный ужин к экс-королю Гильнэйаса, лорду Хенну, и после трапезы в неофициальной обстановке и произошел тот памятный разговор, который круто изменил его политические приоритеты. Лорд Хенн оказался обаятельнейшим собеседником с необычайной харизмой и тонким вкусом. Они понимали друг друга с полуслова. Это был настоящий монарх, в классическом понимании Риджвеллом этого слова. А полученная им в качестве знака дружбы и признательности статуэтка гильнэйасского ворона из фамильной коллекции Седогриффов, украшенная рубинами, стоимостью в добрых полмиллиона золотых, убеждала его в этом сильнее всяких прочих аргументов.

Собственно, разговор ни к чему не обязывал его; их дружеское общение продолжилось и после, в переписке. Лорд Хенн живо интересовался новостями и внимательно следил за политической жизнью Буреграда, экономикой и прочими событиями. Между тем, юный король всё более раздражал Ремингтона своими утопическими прожектками, требовавшими дополнительных расходов и дотаций из казны, пополнять которую он планировал исключительно за счёт добровольных пожертвований дворянства, руководствуясь каким-то идиотским учением, вычитанным им в древней панадаренской рукописи, во время одной из своих поездок на этот, так полюбившийся ему материк.

Королевский суперинтендант, лорд Борлос Вишлок был тоже не в восторге от курса, взятого королём и ломал голову над тем, как сводить концы бюджета с концами.

Лорду Ремингтону не стоило особого труда обрести в нём потенциального союзника, в особенности после нескольких обедов, сопровождавшихся обильными возлияниями и сервировкой из лучших погребов Риджвелла. Просто удивительно было, сколько был способен сожрать и выпить этот, на первый взгляд, скромных размеров человек.

Он упомянул об этом, невзначай, в одном из своих писем за океан, и вскоре получил ответ, в котором лорд Хенн выражал свою искреннюю симпатию лорду Вишлоку и присылал денежный перевод, чтобы его друзья выпили за его здоровье. Присланных денег хватило, чтобы два месяца поить лорда Вишлока самыми изысканными винами практически ежедневно.

К тому моменту ведение счетов практически полностью контролировалось Ремингтоном.

А еще через несколько дней после получения письма, в ворота его резиденции постучался человек, который представился другом короля Седогриффа, и передал лорду Риджвеллу другое письмо, запечатанное личным перстнем лорда Хенна. С этого момента Джардет Черный Коготь, или Коготь, как его называли в переписке стал частым гостем королевского канцлера. Приходил он, правда, всегда тайно, и на то были основания. Единственным человеком, которого Ремингтон опасался в королевстве, был Матиас Шоу, глава королевской службы безопасности и учрежденной им же Тайной Канцелярии.

Этот человек вызывал у него порой панический страх, особенно, когда, вдруг, ни с того ни с сего, начинал пялиться на него в упор посреди заседания Совета, ухмыляясь и мерзко шурясь.

Он успокаивал себя тем, что подобного поведения Шоу придерживался и с другими, но все же не мог избавиться от страха полностью. Когда Джардет изложил ему план, он долго колебался. С одной стороны, он осознавал риски и понимал, что ждет его в случае провала. С другой — план был, действительно, хорош и имел неплохие шансы на успех, а, самое главное, не требовал активных действий, и вел к смене власти без дворцовых переворотов и путчей.

В его основе лежал психологический расчет и выверенная тактика, загонявшая Антуана в кризисный тупик, причем, отчасти, созданный его же собственными руками. От графа требовалось лишь провести кое-какие манипуляции с бюджетом, да направить мысли короля в нужное русло, фактически, подтолкнув его к тому, чего он и сам хотел.

И всё шло хорошо, до того момента, правда, когда лорд Вишлок, этот бурдюк с вином, в один прекрасный день ни с того ни с его протрезвев, обнаружил некоторые расхождения в счетах и не нашел ничего лучшего, как устроить Ремингтону форменный демарш. Пришлось пригрозить ему весьма серьёзно, детально объяснив, что может грозить королевскому суперинтенданту в случае открытия всех махинаций, имевших место как с его ведома, так и без. Живописав в красках его встречу с Шоу в застенках пыточной тайной канцелярии, Риджвеллу удалось добиться от Вишлока обещания молчать, подкрепив оное еще дополнительной порцией вина. Однако, конфликт явно негативно сказался на состоянии здоровья королевского суперинтенданта, что, безусловно, не ускользнуло от внимания Матиаса Шоу.

Ремингтон нервничал, писал Хенну тревожные письма, а тот, как назло, замолчал. Он уже собирался плюнуть на всё это, уйти в отставку и уехать в поместье, прочь, когда Коготь

неожиданно объявился и сообщил ему, поблескивая глазами, что «в ближайшее время всё завертится» и «Шоу будет не до вас».

И всё завертелось...

Когда весть о внезапной смерти генерала Джонатана Маркуса охватила двор, граф был на грани срыва. Он хорошо знал Маркуса, они были почти дружны, и теперь он с ужасом начинал осознавать, во что ввязался, и что обратного пути уже не будет.

Далее события стали катиться как снежный ком — бунт в тюрьме, нападения гноллов, ультиматум дворфов. Он хотел, чтобы это скорее кончилось, утешало лишь одно — Шоу и правда на время, казалось, забыл о нём. Однако, этот лис явно что-то подозревал, иначе бы не устроил обыск в его резиденции во время его отсутствия. Разумеется, он ничего не смог найти, но вряд ли его это в чем-то убедило. Приходилось действовать, и действовать быстро. Однако, все попытки повлиять на короля в отношении начальника тайной канцелярии потерпели неудачу.

«Лорд Шоу», — сказал тогда Антуан, серьёзно глядя на канцлера, — «Старинный друг моего отца и всей нашей семьи. Я отчасти разделяю вашу точку зрения граф на то, что во многом его методы устарели и нуждаются в коррекции, но вместе с тем глубоко убеждён, что им движет исключительно забота о благе государства».

Что оставалось сказать графу?

Однако, ему неожиданно исключительно повезло с другой стороны — король сам заговорил с ним о возможном отречении, заведя разговор издалека. Он долго вспоминал отца, впадая в своё излюбленное почти маниакальное самоедство и без конца сравнивая себя с ним, потом с жаром заговорил о монашеском пути, о уникальных монастырях пандарийского материка, о путях Света и еще прочем, что Ремингтон понимал уже с трудом. Но ему удалось выделить главную мысль — король устал от ответственности, особенно перед лицом последствий, к которым привела его политика (не без участия в этом Ремингтона). Тогда то и зашла речь о лорде Хенне и его трагической судьбе.

Антуан загорелся мыслью о возможном приглашении лорда Хенна ко двору в качестве советника-консультанта, а потом и вовсе, как бы шутя, предположил вероятность его замещения лордом Хенном на государственном посту.

Это был очень щепетильный момент. Ремингтон буквально затаил тогда дыхание, боясь спугнуть мысль. «Ваше величество», — сказал он, — «Вы — единственный наследник престола по праву, и ваша обязанность — продолжать дело вашего отца, дабы быть достойным представителем рода Принцев». Это подействовало на короля как масло, подлитое в огонь. Он вскочил, забегал по тронному залу и обрушился на Ремингтона с упреками. Граф абсолютно верно рассчитал укол в его болевую точку. Постоянное сравнение себя с отцом, к тому же, не в свою пользу, доводило короля до иступления.

И вот только тогда Ремингтон решился. «Мой король», — продолжил он, — «Я высказал свою мысль, как верный слуга вашего отца и вашего величества. Теперь позвольте сказать вам, как другу, боле того — как сыну. Если ваше призвание зовет вас идти собственной стезёй — не слушайте никого, даже меня. Идите навстречу ему, по зову своего сердца, и да пребудет с вами свет Наару». Последнюю фразу он запомнил на проповедях архиепископа, которые специально посещал ради такого повода.

Эти слова произвели неизгладимый эффект на короля. Он замер в растерянности, потом подбежал к канцлеру, крепко стиснул его в объятиях и расцеловал. «Благодарю вас, граф, за вашу искренность», — сказал он со слезами, — «Вы единственный, кто осмелился сказать

мне правду! Я не забуду ваших слов».

После этого разговора в сердце графа вспыхнула надежда, окончательной же уверенностью она стала накануне вечером, когда король вызвал его к себе для разговора.

«Граф Ремингтон Риджвелл», — торжественно сказал он, — «После смерти отца вы, фактически, заменили его мне, потому я прошу у вас вашего благословения — я намерен объявить народу о своём отречении в пользу лорда Хенна завтра, в полдень!»

«Свет да благословит вас, ваше величество», — отвечал Риджвелл, еще не веря в свою удачу, — «Я поддержу вас в любых ваших начинаниях!»

«В таком случае, я прошу вас, провести сегодня вечером заседание Совета, посвященное проблемам, которые стоят перед городом. Я же намерен навестить могилу отца и посетить архиепископа перед тем, как сделать официальное объявление».

«Разумеется, ваше величество».

Совет прошёл несколько скомкано. Вопреки ожиданиям Ремингтона, устранения короля от участия в Совете было воспринято тревожно. Ему не удалось добиться от членов Совета единодушия относительно предпринимаемых действий, в частности, в отношении лорда Матиаса. Казалось, генерал Хаммонд Клэй прислушивался к его доводам, но прямо поддержать его призыв к аресту главы службы королевской безопасности никто не решился. Ремингтон запаниковал, опасаясь, что информация о его инициативе может дойти до Шоу а там и до короля, и обернуться против него непредвиденными последствиями и ругал себя за поспешность. Каково же было его облегчение, когда до него дошли слухи о перехвате кареты ведомства тайной канцелярии военными Клэя! Он понял, что генерал начал действовать, и, окрыленный неожиданной поддержкой силового ведомства, собственноручно подписал приказ об аресте Шоу.

Теперь оставалось только надеяться на расторопность королевской стражи и действия военных.

Граф снова поднёс чашку к губам и обнаружил, что кофе совсем остыл. Он бросил взгляд на часы — была половина седьмого. Пора было отправляться в Замок на утреннюю встречу с королём.

Антуан Принц сидел в кабинете отца за рабочим столом. Собственно, это теперь был уже его кабинет, но он до сих пор не мог свыкнуться с мыслью, что отца больше нет. Особенно здесь, в просторной и светлой комнате с высокими потолками, массивным палисандровым столом и старинными вазами, которые Вардан привёз из Дарнасуса, когда Антуан был еще совсем ребенком.

Здесь всё напоминало об отце, тут прошло детство юного короля, и он хорошо помнил каждую завитушку на ковре, на котором часто просиживал часами напролёт, пока отец работал с бумагами. Антуан подавил вздох. Он повертел в руках бумагу, чернила на которой еще не просохли. Не хватало подписи. Обмакнув перо в чернильницу он занёс его над документом. Перо подрагивало в руке, чернильная капля упала на страницу. Король покачал головой, отложил перо и принялся тщательно промокать пятно мягкой бумагой.

Дверь в кабинет бесшумно отворилась и на пороге возник камердинер.

— Граф Ремингтон Риджвелл! — возвестил он торжественно.

Антуан слегка поморщился. Несмотря на все усилия, ему так и не удалось отучить старого слугу от излишнего официоза.

— Пусть войдёт уже, — раздраженно бросил он, застывшему в почтительном поклоне

камердинеру.

Канцлер, очевидно, провёл полубессонную ночь, это было заметно по набрякшим мешкам и глубоко залегшим теням под его глазами. Приветствовав короля, он занял свое место в кресле напротив.

— Как прошло заседание Совета, Ремингтон? — устало спросил Антуан.

Граф наклонил седеющую голову. — Продуктивно, ваше величество. Нам удалось прийти к консенсусу по поводу тактики действий, и путей решения стоящих перед городом проблем.

— Как было воспринято моё отсутствие? — поинтересовался король.

— Я бы сказал — с пониманием, ваше величество, — отозвался Ремингтон, — В это непростое время никто не может упрекнуть вас в недостатке усилий, прилагаемых вами для блага государства.

Антуан покивал головой. — Что ж, — сказал он, — Тем лучше.

Он поднял со стола лист бумаги, лежащий перед ним. — Вот официальный документ, подтверждающий моё отречение, — негромко сказал он, Правда, он еще не подписан...

— Вам нет нужды торопиться, ваше величество, подписать можно позже, да и документ этот имеет ценность, большей частью, для архивов. Так сказать, история.

— Ты прав, Ремингтон, — кивнул головой Антуан, — Я тоже решил не торопиться. И не только с подписанием документа — я передумал отречься от престола.

При этих словах он взглянул на канцлера в упор и не мог не отметить выражения паники, мелькнувшее на секунду в глазах графа.

— Ваше величество, — произнёс тот, — Что побудило вас к столь резкой перемене образа мыслей?

Антуан пожал плечами. — Я не хочу передавать королевство, к укреплению и процветанию которого мой отец приложил столько усилий, в руки чужого короля, пусть даже и мудрого, и опытного, — сказал он. — За свои неудачи я должен отвечать сам и делить с моим народом последствия своих недальновидных шагов.

Ремингтон сглотнул. В голове его лихорадочно вертелся вихрь мыслей. «Какая муха укусила мальчишку?!»

— Ваше величество, — произнёс он вслух, — Позволю себе заметить, что в данный момент, когда вы уже приняли решение, а лорд Хенн должен в скором времени пристать со своей флотилией к нашим берегам, подобная смена приоритетов сама по себе уже является недальновидностью...

— А почему вас так беспокоит прибытие лорда Хенна, граф? — тихо поинтересовался Антуан, — Вы уже что-то пообещали ему?

— Что вы, ваше величество, разумеется нет! Просто...

— Просто вы написали ему очень длинное и содержательное письмо, господин канцлер, а теперь вдруг выясняется, что большая часть чернил и бумаги оказались потрачены зря, — произнёс за его спиной насмешливый голос.

Граф застыл, словно окаменев. Ему не было нужды оборачиваться, чтобы узнать, кому принадлежит голос. В последнее время он слышал его слишком часто, даже когда вокруг никого не было.

Он открыл было рот, чтобы обратиться к королю, но так и замер, увидев, как Антуан крутит в руках письмо, написанное его почерком. Кровь отхлынула от его лица. Письма означали конец всему. Каким образом этот демон Шоу умудрился завладеть ими?!

— Граф Ремингтон, — тихо сказал Антуан, — Я доверял вам больше, чем себе, видел в вас отца и друга. А вы подталкивали меня к сдаче города и королевства, интригуя за моей спиной.

— Ваше величество, — прошептал бледный, как полотно Ремингтон.

— Нет, граф. Молчите! Я не хочу ничего слышать. Не стоит растаптывать остатки уважения, которое я к вам питал еще более отвратительной ложью, или унижительными оправданиями.

Канцлер потерянно молчал.

— Как вы могли, — горько прошептал король, — И ради чего!

— С позволения вашего величества, — вмешался Матиас, хлопая в ладоши.

— Сопроводите господина канцлера в мой кабинет, — распорядился он двоим появившимся людям мрачного вида в черных плащах. — Мы продолжим беседу позже, граф, — добавил он, обращаясь к Ремингтону.

Оставшись наедине с Шоу, король обхватил голову руками и оперся локтями на стол.

— Как же так, Матиас? — грустно спросил он, — Как же так?

— Увы, ваше величество, — Шоу слегка пожал плечами, — Люди подвержены слабостям и порокам. К сожалению, никто из нас не является исключением.

— Я не верил до последнего, — тихо сказал Антуан, — Даже когда ты показал мне письма.

— Знаю, ваше величество. Потому-то я и предложил вам объявить об отказе от отречения, глядя ему в глаза.

— Ты был прав, Матиас. Когда я сказал ему это я прочитал в его глазах разочарование, страх и ненависть. Все эти годы они медленно росли в его сердце, а я не замечал этого.

— Для этого, ваше величество, и существует наша служба.

— А ты — знал? Антуан поднял глаза на начальника службы безопасности.

Матиас неопределенно помахал рукой. — Разумеется, кое-какие подозрения были. Кроме того, следить за всеми и подозревать худшее — моя работа.

Антуан вздохнул. — Не хотел бы я такую работу, как у тебя Матиас, — сказал он.

— А я бы не хотел вашу, — откликнулся с улыбкой Шоу.

— Да, — задумчиво согласился Антуан. Лицо его вдруг потемнело. — А Маркус? — спросил он, — Его смерть тоже была не случайна? И Ремингтон знал об этом?

Шоу развёл руками. — В том, что генерала убили, сомневаться уже не приходится, — ответил он, — Знал ли об этом канцлер, наверняка утверждать не берусь, но, полагаю, что после пары часов беседы в кабинетах тайной канцелярии он даст ответы на все, интересующие вопросы.

— Нет, Матиас, — король покачал головой, — Кем бы он не стал сейчас, когда-то он был верным другом моего отца и искренне служил нашей семье и королевству. Я не хочу, чтобы эта служба имела такой отвратительный конец. Ты говорил, что заговор раскрыт, а главный его участник обезврежен. Я не стану применять к Риджвеллу кары за то, что не устраивал его, как монарх. Однако, в городе, который он предал, ему отныне нет места. Пусть забирает все свои деньги и состояние и отправляется в свое поместье в Альтерак. Это всё.

— Хорошо, ваше величество, — Шоу поклонился.

— Погоди, — Антуан окликнул его, когда тот направлялся к двери, — А... Лорд Хенн... Ведь он тоже был другом моего отца...

По лицу Матиаса Шоу скользнуло странное выражение.

— Возможно, у него было не совсем верное представление о том, что здесь творилось, — сказал он, — Как вам известно, ваше величество, порой королей играет свита.

— Ты ведь показал мне все письма, которые нашлись у того воргена? — спросил король, внимательно глядя на Шоу.

— Разумеется, ваше величество, — подтвердил Шоу, смотря на Антуана ясным взглядом.

— Благодарю тебя, Матиас.

— Рад служить вам, мой король.

Ранним рассветом, на покачивающейся на волнах палубе, мужчина в плаще вглядывался в подзорную трубу. Радостный возглас вырвался из его груди, когда он смог, наконец, разглядеть зубцы белых крепостных стен Буреграда.

Словно опьяненный, спустился он в каюту, ликуя и чувствуя необычайный подъем духа.

Сверкающая белизной рубашка висела на деревянных распорках, предусмотрительно захваченных с собой из Дарнасуса. Серебряные запонки сверкали на столике. Чтобы унять охватившее его волнение, лорд Хенн плеснул в кубок немного вина.

В тот момент, когда он подносил его к губам, черный хрустальный шар на подставке вдруг ожил, разразившись вибрирующим гулом и ярким свечением.

— Коготь, — прошептал Хенн, улыбаясь и беря в руки шар.

Изображение знакомой фигуры в черном плаще возникло почти мгновенно.

— Ну, наконец-то! — вырвалось у Хенна, — Почему так долго не выходил на связь?! Корабль будет в порту через пару часов!

— Не торопитесь, мой лорд, — речь воргена звучала приглушенно, несколько невнятно. Он прятал лицо под капюшоном, словно не решаясь посмотреть лорду в глаза.

— Не торопиться? О чем ты?! Что ещестряслось? Отвечай, демоны тебя раздери!

Ворген поднял голову и откинул капюшон. На лорда Хенна смотрело смутно знакомое ему худое лицо с каштановыми волосами и рыжеватой с сединой бородкой.

— Что?! Кто это? — он отшатнулся.

— Доброго утра, лорд Хенн, — приветствовал воргена Матиас Шоу, — Надеюсь, качка не слишком утомила вас? Впрочем, я слышал, что морские путешествия чрезвычайно полезны.

Лорд Хенн смотрел на человека с нарастающим гневом и отчаянием, не произнося ни слова.

— Видите ли, лорд Хенн, — как ни в чем не бывало продолжал человек, — К сожалению, старина Коготь отправился в края вечной охоты, а лорд Риджвелл занят сбором личных вещей — хотя, надо заметить, король разрешил ему взять с собой лишь весьма ограниченное их количество, поэтому я взял на себя смелость приветствовать вас. Надеюсь, вы не расстроились.

— Шоу, — выдавил, наконец, из себя Хенн, — Откуда ты...

— Пустяки, ваша светлость! — Матиас лучезарно улыбнулся, — В конце концов, прогресс науки и магии ведь не стоит на месте? Кстати, как там у вас погода в Дарнасе? У нас вот сыро, знаете ли... О, да я смотрю, вы играете в шахматы! Может быть, как-нибудь сыграем партейку?

За спиной Шоу послышался какой-то шум. Он обернулся и нахмурился. — Прошу

прощения, ваша светлость — работа! Молодежь, знаете ли, даже допросить толком без меня не могут... Будем рады видеть вас в Буреграде в любое время — приезжайте, встретим по-королевски! И, подмигнув на прощание, рыжебородый человек с лисьим лицом исчез, оставив после себя в глубине шара лишь клубящийся туман.

«Приветствуем вас в зоне покрытия буреградской сети магических башен! Пожалуйста, оцените качество связи...»

С яростным воплем, лорд Хенн запустил хрустальный шар в угол каюты, где он, ударившись о стену, с грохотом брызнул взрывом осколков.

Привлеченный шумом в каюту засунул голову слуга.

— Ваша светлость?

— Передай капитану, чтобы разворачивал корабль, — срывающимся голосом процедил Хенн.

— Простите, ваша светлость?

— Скажи, чтоб разворачивал корабль, идиот!!

Испуганный слуга исчез.

Подойдя к койке, лорд Хенн бессильно опустился на неё и, подняв голову, исторг вопль ярости.

— Может, хватит уже жевать?!

Верховный тан Митрас Железнодорожник неприязненно уставился на зеленоватое лицо гоблина, с невозмутимым видом двигавшего челюстью.

— Тан Митрас... — грузный дворф, полулежавший в громоздком кресле причудливой конструкции укоризненно взглянул на него, — Прошу вас, соблюдайте корректность в присутствии нашего гостя.

— Корректность... — проворчал верховный тан, подавляя острое желание сплунуть прямо на пол, — Не верю я ни на грош этому прохиндею! Мало того, что он представитель другой фракции, что само по себе уже подозрительно, так он ещё, с его слов, представляет интересы королевской службы безопасности! Будто мало нам без него проблем и есть о чем говорить с теми, кто, возможно, стоял за этим отравлением! Тебя, Элмор, разве это не настораживает?

Гриманд Элмор, старейшина буреградской общины, с достоинством оправил свою роскошную золотистую бороду, покоящуюся на его коленях.

— Меня многое настораживает, Митрас. И, не в последнюю очередь, ваши туманные договоренности с тем незнакомым мне человеком, которого ты называешь Когтем.

Митрас дёрнулся и выразительно зашевелил бровями, косясь на гоблина.

— Может, воздержимся от обсуждения наших внутриклановых дел в присутствии посторонних? — многозначительно осведомился дворф.

Элмор махнул рукой, с массивным золотым перстнем, украшенным светло-зеленым камнем.

— Он в курсе, если уж на то пошло.

— То-то мне его рожа знакома, — вполголоса пробормотал Тулман Кремниевый Утёс, наклоняясь к уху Ульфира Железноборода, — Бороду дам на отсечение, что видел его ночью в том клоповнике, где скрывался тот тип.

Ульфир задумчиво покивал, не сводя пристального взгляда с гоблина, который, казалось, не замечал ни этих самых взглядов, ни резких реплик в свой адрес, непринужденно

развалившись за столом и беспрестанно что-то пережевывая.

— Может, вам принести каких-нибудь закусок, уважаемый Рензик? — осведомился Гриманд Элмор, — Или хотите чего-нибудь выпить?

— Не-а, — голос гоблина был немного визгливым и неприятно пронзительным, — Мне норм!

— Тогда перестань жевать! — буркнул тан, демонстративно не замечая выразительного покашливания старейшины, — Это раздражает и выглядит неуважительно по отношению к нам!

Гоблин уставился на него нахальным взглядом светло-зеленых глаз. Пожав плечами, вытащил изо рта кусок бесформенной черной массы и, сплюнув, прилепил его на стол перед собой.

— Курить бросаю, — пояснил он в ответ на уставившиеся со всех сторон на него негодующие дворфийские физиономии, — Доктор велел жевать, вот и жую!

Тан Митрас Железногор открыл было рот, но в это время скрипнула входная дверь холла, и в зале ратуши в сопровождении двух кряжистых дворфов с ружьями, появился высокий худой человек с каштановыми волосами, узкой рыжеватой бородкой и усами.

— Господин Шоу, — Гриманд Элмор кивнул ему, указав рукой на пустовавший рядом с ним стул, — Прошу извинить, что не поднимаюсь, чтобы приветствовать вас, моё состояние всё ещё оставляет желать лучшего...

— Не стоит беспокоиться, почтенный старейшина Элмор, — отвечал Шоу, отвешивая дворфу легкий, но почтительный поклон, — Я чрезвычайно ценю ваше внимание и благодарен вам и господам танам, согласившимся на эту встречу!

Он обвёл быстрым взглядом всех присутствующих, на секунду задержавшись на гоблине.

Тот мигнул, незаметно выскользнул из-за стола и исчез за дверью, прихватив с собой и успевший застыть комок смолы.

— Не торопитесь с благодарностями, господин Шоу, — пробурчал Митрас Железногор, — Мы согласились на встречу только по настоянию нашего старейшины, чей голос не можем игнорировать, но это вовсе не означает, что мы готовы идти на какие-либо компромиссы!

— В самом деле? — мягко спросил Шоу, улыбаясь, — А судя по лицам других танов этого не скажешь! Однако, я попросил о встрече вовсе не для того, чтобы предлагать вам компромисс, — добавил он, предупреждая реплику вскинувшегося верховного тана, — Уверен, достопочтенные таны разберутся между собой без моих наблюдений.

— Мы слушаем вас, господин Шоу, — промолвил Гриманд Элмор, знаком призывая всех к тишине.

— Высокочтимые таны! — Матиас Шоу развёл руками, — От лица его королевского величества я уполномочен принести вам свои соболезнования по поводу произошедших прискорбных случаев, подвергшего угрозе жизнь и здоровье представителей искренне уважаемого и ценимого нами братского народа. Его величество Антуан Принц желает старейшине Гриманду Элмору и другим пострадавшим скорейшего выздоровления. Наши лучшие целители всегда к вашим услугам.

На бородатых лицах дворфов было написано недоверие и кое-где проскальзывали ухмылки.

Шоу улыбнулся про себя.

— Кроме того, — продолжал он, — От своего лица, как главы службы королевской безопасности, могу сообщить, что виновные в этом преступлении уже понесли заслуженное наказание. Организатор этой провокации был ликвидирован мною лично во время проводимой спецоперации.

— Гладко говоришь, — насмешливо проговорил Тулман Кремниевый Утёс, — Да только ведь ликвидировать можно кого угодно, и списать всё что угодно — мёртвые, как известно, возражают редко.

— Ваша проницательность делает вам честь, достопочтенный Тулман, — кивнул Шоу, — Но прошу вас не спешить с выводами. У вас будет возможность убедиться в искренности моих слов, уверяю вас.

Однако, прежде всего, хочу предупредить вас, что то, что я собираюсь сказать вам сейчас является строго конфиденциальной секретной информацией, и не должно покинуть пределы этой ратуши.

Ликвидированный мною преступник оказался не просто отравителем, но активным участником заговора против правящего монарха, его величества Антуана Принца. Это было установлено по имевшимся у него при себе неким письмам, из которых следует, что он состоял в активной переписке с неким, возможно, неизвестным вам лордом Хенном, которому предлагал свои услуги в качестве посредника между ним и тронем.

— Джардет Черный Коготь, — продолжал Шоу, делая вид, что не замечает взглядов, которыми начали обмениваться дворфы, — Рассчитывал найти сторонников и поддержку в лице лидеров различных диаспор, о чем, опять-таки, свидетельствуют найденные у него документы, а также признания, полученные в ходе допросов его сообщников. Есть основания предполагать, что кое-кому из присутствующих здесь танов знаком этот человек.

— Это ложь! — воскликнул побагровевший Митрас Железногор, — Это не может быть правдой!

— Остальные таны тоже так думают? — Матиас Шоу внимательно оглядывал присутствовавших дворфов, — Может быть, кто-то что-то припоминает?

— Этот человек был здесь, Матиас, — неторопливо проговорил доселе молчавший Брехман Бочкопуз, — Да угомонись, Митрас! Яснее ясного, что ему это прекрасно известно! Нет смысла это отрицать. Он предлагал нам свои услуги в лечении Элмора, и действительно, оказал Болнеру неоценимую помощь... Но вот то, что ты говоришь про заговор и лорда Хенна — это какой-то вздор, я ничего подобного не слышал. А вы, почтенные таны?

— Чушь! — поспешно сказал Митрас Железногор, — Первый раз слышу!

Остальные таны качали головами и вторили верховному тану на разные голоса.

— Однако, — вкрадчиво сказал Матиас Шоу, — Почтенный тан забыл упомянуть о еще одной услуге, которую оказал вам господин Джардет — вы знаете, о чем я. Об одной таверне, про которую он нашептал вам, предположив, что в ней вы сможете найти кое-кого, с запасом того самого ядовитого зелья...

Ульфир и Тулман переглянулись.

— Бедняга Сандал, — вздохнул Шоу, — Он так и не дождался в тот вечер своего шефа. Тот прислал вместо себя ребят, которые взяли на себя черную работу.

— Мы не понимаем, о чем ты говоришь, Матиас! — выдавил Митрас Железногор. Он пытался сохранить остатки спокойствия, но выступившие на лбу капли пота и побелевшие костяшки пальцев, сжимавшие трубку выдавали его внутреннее напряжение.

— Понимаете, прекрасно понимаете, — усмехнулся Шоу, — За исключением, разве что,

достопочтенного старейшины Элмора, в силу своего тяжелого состояния на тот момент не имевшего возможности присутствовать на вашей сходке и высказать свое мнение.

Видите ли, почтенные таны, — продолжал он, — Ваше состояние на тот момент, безусловно можно понять, как острую болезненную реакцию на имевшие место провокации. Власти Буреграда тоже понесли тяжелую, невосполнимую потерю в лице генерала Маркуса. И сейчас, когда мы взяли ситуацию под контроль, мы ждем от вас принятия взвешенных решений, и разумных действий. Триумвират, безусловно, разделит бы ваше негодование по поводу оставшегося безнаказанного покушения на жизнь старейшины, однако был бы в высшей степени разочарован, узнай он о вашем даже косвенном участии в государственном перевороте. И не просто в перевороте — а в попытке повлиять на взаимоотношения фракций в Альянсе. Это было бы очень, очень неразумным поступком в их глазах, не так ли, тан Элмор?

— Да уж, — промолвил дворф, буравя взглядом понурившихся танов и багровеющего Митраса Железногора.

Матиас кивнул. — Это всё, что я хотел вам сказать, почтенные таны, — улыбнулся он, — Я надеюсь, вы сделаете правильные выводы из моих слов. И ещё, — его улыбка сделалась еще дружелюбнее, — Как мне стало известно, информация о перебоях поставок в нашем городе просочилась кое-каким представителям клана Громовых Молотов и Черного Железа. И те, и другие уже готовят свои пакеты предложений по обеспечению совместных поставок. Клан Черного Железа готов предоставить свои цеха, а Громовые Молоты — обеспечить логистику. Информация проверена, источники сомнений не вызывают. Считайте этот инсайд моим личным авансом в развитие дальнейшего плодотворного сотрудничества с кланом Бронзобородов.

С этими словами, поклонившись онемевшим дворфийским танам, Шоу вышел из ратуши.

— Что ж, — нарушил первым затянувшееся после его ухода молчание Гриманд Элмор, — Вы, ребята, точно уверены, что ничего не хотите мне рассказать?

Матиас Шоу шагал по вымощенной камнями мостовой, подставляя лицо лучам восходящего солнца. Вынырнувший из какой-то подворотни гоблин тенью следовал за ним.

— Кажется, здесь проблем больше не будет, Рензик, — сказал Шоу удовлетворенно улыбаясь.

Гоблин хихикнул. — Ну, еще бы! Эти ребята при одном упоминании о Триумвирате наложили в свои дворфийские штаны! А когда вы намекнули им про контракты с другими кланами, того толстяка Бочкопуза чуть удар не хватил! Однако, быстро же кланы пронюхали о ситуации в Буреграде!

— Сомневаюсь, что они пронюхали, — задумчиво сказал Шоу, — Но исключать, конечно, ничего нельзя.

Рензик вытаращил глаза и захихикал еще громче. — Bravo, шеф! Так вы взяли их на понт!

Матиас усмехнулся, шурясь на солнце, словно сытый кот.

— Дворфы, — сказал он, — Они же как дети!

Бесформенные пятна, мелькающие перед ней слились в единый монолит. Белый потолок над её головой.

Лица обнаружила, что лежит в постели, укрытая одеялом. Она повернула голову,

испытав при этом легкое головокружение. Справа от неё возникла несколько расплывчатая фигура дренея.

— Пых? — неуверенно произнесла она.

Но это был не шаман.

— С возвращением, дитя, — проговорил отец Оккам, наклоняясь к ней.

— Ваше попечительство, — Лика приподнялась, облокотившись на подушки, — Я думала, что это Пых... Она огляделась. — Как давно я здесь? — спросила она.

— Тебя принесли ночью, — отозвался Оккам, — Сейчас почти полдень. Как ты себя чувствуешь?

— Вроде ничего, — Лика покрутила головой, — Немного кружится...

— Это бывает. Ты потеряла много сил и вообще могла не вернуться.

— Да, я знаю, — Лика вдруг помрачнела. — Штепсель, — сказала она тихо, — Я не смогла его спасти.

— В том нет твоей вины, дитя, — вздохнул экзарх, — Даже самым искусным целителям было бы не под силу совершить то, что ты пыталась сделать. Против того заклятья, которое поразило его, большая часть обычных методов бессильна. Кроме того, — тихо добавил он, — Порой мы совершаем ошибки, пытаюсь спасти тех, кто нам больше всего дорог. Именно перед лицом потери близких целитель почти всегда оказывается бессилён. Это — цена, которую нам приходится платить.

— Это я привела его туда, — выдавила Лика.

Дрней помолчал. — Не кори себя. Как бы ты ни поступала, всегда есть вероятность ошибки, которая может оказаться роковой. Не ошибается лишь тот, кто не делает ничего вовсе. Осознание этого и умение извлечь опыт из пережитого — вот истинное знание, которого ты не обретишь ни в одной книге.

Лика подняла глаза.

— А если я ошибусь снова? — спросила она, — И еще, и еще? Сколько потерь может понадобиться для того, чтобы научиться принимать правильные решения, действовать безошибочно, не теряя никого?

Отец Оккам тяжело вздохнул.

— На этот вопрос нет ответа, — тихо сказал он, — Каждый проходит этот путь в одиночку, и только Свет, озаряющий твоё сердце будет единственным верным указателем. Мы все нуждаемся в нём, ибо блуждаем в потёмках.

Лика прикрыла глаза, чтобы скрыть наворачнувшиеся слёзы.

Дрней сжал её пальцы в своей ладони. — Тебе нужен отдых, — сказал он, — А когда наберешься сил, у тебя будут каникулы — сможешь съездить навестить родителей.

— А как же экзамены? — Лика растерянно взглянула на экзарха сквозь слёзы.

— Я обо всём договорился, — успокоил её он, — Свой самый главный экзамен ты уже сдала. Что выбирать дальше и каким следовать путём — зависит от тебя. Если захочешь, сможешь учиться дальше, я переговорю с его высокопреосвященством ректором, и тебя зачислят на бюджет — будешь получать стипендию. Если нет — думаю, ты без труда найдешь работу в любом месте, даже у себя в Гномбурге, или Сталеграде. А захочешь — сможешь остаться в целительской службе. Тем более, что им потребуются новые кадры.

— Как это? — Лика настороженно взглянула на дренея.

— В своё время ты всё узнаешь, — сказал отец Оккам, — А сейчас — спи, тебе надо отдохнуть!

— Но я хочу знать, — слабо запротестовала Лика, погружаясь в сон.

Дождавшись, когда гномка заснёт окончательно, дреной аккуратно поправил подушки и одеяло, коснулся ладонью её лба и тихонько вышел из палаты.

— Присматривайте за ней внимательно, сестра, — обратился он к ожидавшей его пухленькой дворфийке, — Она бывает иногда... Очень активной. А ей требуется полноценный отдых.

— Хорошо, ваше попечительство, — кивнула дворфийка, — Благословите!

— Свет да осветит тебя, дитя...

Буреградский Собор Света был полон народа.

Стоя на возвышении за деревянной кафедрой, покрытой расшитой золотом и серебром парчой, король Антуан, почувствовал, как его охватывает волнение.

Глядя на колеблющееся перед ним море голов, он особенно остро ощутил в этот момент свою ответственность за вверенный ему народ. «Они верят в меня», — подумал он, — «Видят во мне единственную опору и надежду в это непростое время. И ведь даже не подозревают, что еще совсем недавно я готов был отречься от них, вверив их в руки чужого им короля».

Теперь, после того, как Матиас Шоу раскрыл перед ним со всей беспощадной неопровержимостью имевший место заговор, после признания Ремингтона Риджвелла, он чувствовал жгучий стыд и угрызения совести. «Отец бы никогда не поддался на такую провокацию», — горько подумал он.

Но теперь, помимо раскаяния, он ощущал еще и гнев. «Больше», — мысленно поклялся он себе в очередной раз, — «Я не позволю никому посягнуть на моё наследие и влиять на мои решения!»

В наступившей тишине он торжественно сложил руки в молитвенном приветствии.

— Бартья и сёстры, — начал он, — В эти непростые для нашего города времена, я хочу обратиться к вам со словами благодарности...

Стоявший в нескольких шагах позади него лорд Матиас Шоу наклонился к уху архиепископа Бенедикта. — Примите мою искреннюю благодарность, ваше высокопреосвященство, — прошептал он, — За ваши святые молитвы о благе нашего государства и благополучии монарха.

Архиепископ глянул на него искоса из-под тяжелой высокой тиары.

— Вы же агностик, мастер Шоу, — заметил он, — С каких пор вы стали верить в силу молитв?

Шоу пожал плечами. — Почему бы и нет, — едва заметно усмехнулся он, — В конце концов, вы же постоянно говорите, что Свет способен просветить даже самую заблудшую душу...

Старик бросил на него проницательный взгляд черных глаз.

— То есть, вы всё-таки, допускаете возможность её наличия у себя? — поинтересовался он с ноткой сарказма.

Матиас беззвучно засмеялся. — Между прочим, — произнёс он, глядя в сторону сосредоточенно внимавшего королевской речи Гриманда Элмора, облаченного в белые одежды по случаю торжественного служения, — Мне удалось убедить господина суперинтенданта в необходимости снижения тарифной ставки по налогообложению доходов духовных организаций, а также целесообразности увеличения субсидий на содержание

религиозных заведений.

Архиепископ благосклонно покивал головой. — Я всегда знал, что глубоко внутри вы глубоко благочестивый человек, мастер Шоу, — сказал он, — Я буду молиться о вас.

Шоу склонил голову. — Счастлив слышать это, владыка, — произнёс он смиренно, — Если, в свою очередь, вам понадобится связаться со мной, вы знаете, как это сделать.

Архиепископ кивнул. — Должен заметить, — сказал он, — Что эти ваши магические шары, при определенном подходе и с молитвой Свету, разумеется, могут служить благим целям.

— Разумеется, владыка.

— А теперь, братья и сёстры, я прошу вас объединить духовные усилия в едином молитвенном порыве во время молебна, который проведут архиепископ Бенедикт и сослужащий ему брат Гриманд, — объявил Антуан.

Подойдя к архиепископу он склонил голову. — Благодарю вас, владыка, что дали мне возможность обратиться к народу с вашей кафедры.

— Ваша воля — закон для меня, ваше величество, — отвечал архиепископ, касаясь рукой головы Антуана, — Вы хорошо говорили.

Взволнованный и покрасневшийся Антуан вопросительно посмотрел на Шоу.

Начальник королевской службы безопасности подмигнул монарху и украдкой показал одобрительно выставленный большой палец.

Следующим утром Лику навестили братья, выглядевшие в белых накидках, которые их заставили надеть бдительные сёстры особенно забавно.

Они уселись на стулья и рассказывали ей последние новости. Беспорядки в дворфийском квартале утихли на следующий же день. Король объявил о новом экономическом курсе, а архиепископ Бенедикт произнёс с амвона проникновенную проповедь. Войска генерала Клэя патрулируют западные земли и угроза гноллов перестала существовать. В «Буреградском Вестнике» напечатали статью про целительскую службу и её вклад в борьбе с эпидемией, особенно подчеркивая роль архиепископа Бенедикта.

Лица слушала и кивала.

Вилли достал из-за пазухи несколько пахучих яблок.

— Из Гольденшира, — подмигнул он, — Мы хотели целую корзину тебе принести, но эти твои местные сёстры не разрешили. Говорят, у нас еда какая-то неправильная.

— Угу. Да ты не слушай их подруга, — поддержал его Билли, — Натуральное-то — самое оно! Ты, если чего, только шепни — мы тебе что хошь пронесём! Пива хочешь?

— А что происходит в Бараках? — спросила Лица, — Отец Оккам говорил, что кто-то уходит.

Братья переглянулись. — А ты не знаешь? — спохватился Вилли, — Так брат Склиф же того...

Он замолчал, получив пинок ногой от брата. — Ну, в общем, он тебе сам всё расскажет, — заторопился Билли, — Ты давай, выздоравливай тут и возвращайся!

Приходили Чао и Мирта. Пандаренка охала и ахала, качая головой и приговаривая, что гномка слишком похудела. Лица обратила внимание, что и сама Мирта как-то осунулась и выглядела не такой жизнерадостной и улыбочивой, как обычно.

— Что с тобой? — спросила она её, улучив момент, когда Чао вышел за дверь, — Ты какая-то сама не своя.

Мирта отвернулась. — Это пройдёт, — тихо сказала она, — Просто последнее время мы все были немного на нервах.

— Ты ведь из-за Склифа так переживала, да? — Лика не отступалась, — Так теперь же всё хорошо, так ведь?

Мирта поглядела на встревоженное лицо гномки.

— Конечно хорошо, — улыбнулась она, поглаживая её своей мягкой лапой, — Всё будет хорошо, как же иначе?

Чао в это время беседовал с отцом Оккамом.

— Как она? — спросил он, — Уже столько времени, а она все еще находится в постели.

Дрений кивнул. — У неё необычайно сильный характер и воля, — проговорил он, — Возможно, именно благодаря им ей вообще удалось вернуться. Но ей пришлось пережить слишком многое за последние дни, неудивительно, что организму требуется время для реабилитации.

— Что с ней будет дальше? — негромко спросил пандарен.

Экзарх пожал плечами. — В ней есть потенциал и, безусловно, талант. Но только от неё зависит, как она ими распорядится. Если не сломается под грузом пережитого, и захочет учиться дальше, возможно сможет достичь многого.

— Да, — задумчиво сказал пандарен, — Другой вопрос, нужно ли ей это?

Отец Оккам кивнул. — Это решать ей, — сказал он.

Наконец, ей разрешили подниматься и даже выходить на прогулку в сад. Лику уже начинало тяготить вынужденное бездействие и порой её подмывало сбежать, но, в то же время, она ловила себя на том, что ей не хочется покидать эти палаты, где можно было просто отдыхать, ни о чем не думая и не беспокоясь, будучи окруженной заботой и вниманием. Время здесь словно застыло и всё, что происходило с ней до поступления сюда, казалось сном, местами очень пугающим, и она пока не готова была в него возвращаться.

Её навестили Лилиан и Зеборий, который, несмотря на все усилия сестёр, так и не расстался со своим бочком.

Даже Гракх приходил к ней, и, хотя его не пускали в палаты, он махал ей огромной ручищей в окно, стоя в парке.

Именно здесь, в парке, на одной из лавочек, подобных той, где происходила беседа с Джардетом она встретила с братом Склифом. Ветер гнал по дорожкам желтые и оранжевые листья, небо хмурилось, и она уже собиралась возвращаться в палату, когда, подняв взгляд от земли, неожиданно встретила глазами с воргеном.

От неожиданности она опешила, раскрыв рот, не зная, что сказать и покраснела.

— Рад видеть, что ты почти поправилась, Лика, — негромко сказал ворген.

— Брат Склиф, — Лика чувствовала, что её переполняют противоречивые эмоции — она одновременно и ждала, и боялась этой встречи, — Я... Я хотела сказать...

Она запнулась. Ворген наблюдал за ней с легкой улыбкой. — Ты изменилась, Лика, — сказал он, — Но в одном осталась прежней — по-прежнему робеешь, когда видишь воргена.

Лика вздрогнула. — Я виновата перед вами, — прошептала она, опуская глаза, — Это из-за меня Штепсель кинулся на вас, и этот артефакт, медальон, то есть...

Она чувствовала стыд за то, что поверила той лжи, которой опутал её Джардет, за нелепый ночной взлом кабинета воргена, о котором он, конечно же, знал, за её сомнения.

— Твои сомнения были вполне оправданы, дитя, — сказал ворген, словно угадав её мысли, — Многие сомневались, включая и меня самого.

— Вы имеете в виду, когда были под действием яда и того проклятия? — спросила Лика, — И во время, и до него, — туманно ответил ворген, — Опыт приучил меня всегда сомневаться в себе и не доверять своей природе. Но ты с честью выдержала испытание, через которое тебе пришлось пройти и тебе не в чем винить себя сейчас.

— Но ведь... — Лике было трудно говорить, — Ведь если бы я не послушала Джардета, посоветовалась бы с Чао, или Зеборием и не поехала за вами в ту ночь, все могло бы ведь быть по-другому? И Штепсель был бы жив...

— Может быть — да, а может — нет, — мягко сказал ворген, — Ты делала то, что считала нужным и правильным в тот момент. Это и было единственным верным решением.

Лика вздохнула, и, наконец, решилась посмотреть брату Склифу прямо в глаза.

В них было понимание и грусть. И еще, где-то в глубине, затаилась боль.

Ворген опустился рядом с ней на лавку. — Я тоже поступал так, как считал правильным, сестра, — тихо сказал он, глядя вдаль, — И тоже ошибался. Мы все совершаем ошибки. Когда-то мои убеждения привели меня в ведомство господина Матиаса Шоу, и я искренне верил, что поступаю правильно. Верность, честь, отвага... Когда-то я искренне верил в этот девиз.

— Тот медальон, — внезапно вспомнила Лика, — Почему Джардет так хотел им завладеть?

Вместо ответа ворген достал из-за пазухи цепочку и с мелодичным щелчком откинул крышку медальона.

Лика увидела изображение профиля девушки в белом платье и небольшую прядь темных волос.

— Это... Это ваша возлюбленная? — вырвалось у неё и она тут же спохватилась, что ляпнула лишнее.

Брат Склиф задумчиво кивнул. — Ее звали Лорана, — промолвил он, — И мы оба были влюблены в неё.

— Мы? — поразила Лика.

Ворген снова кивнул. — Я и Зардет. Это было честное соперничество, если можно было так сказать. Когда мне пришлось покинуть ГильНэйас, я положился на него, что он будет заботиться о Лоре, до тех пор, пока я не вернусь, или рассудок не вернется к ней.

— Он говорил, что вы повздорили в ту ночь, — снова вмешалась Лика и ойкнула.

Но Склиф, казалось, не обратил на это внимания. — Да, — подтвердил он, ссутулясь, — Я был в ярости оттого, что они с братом пошли на этот шаг за моей спиной. Но, отчасти, они были правы. Я не мог помочь ей, и мне хватало смелости и сил признать это. Потребовались годы, прежде чем я смог найти путь.

— Какой путь? — Лика снова прикусила язык, но ворген, казалось, ждал этого вопроса.

— Путь борьбы со своей природой, — сказал он, — Мы оба с Зардетом искали его, движимые одной целью, но шли разными путями.

— И что вы сделали, когда нашли? Почему не вернулись за ней? — гномка смотрела на воргена широко раскрыв глаза.

— Я был уверен, что они забрали её с собой в Дарнасус, — отвечал Склиф, — Когда же выяснилось, что этого не произошло, все мои духовные усилия обернулись провалом — я впал в состояние ярости, еще худшей, чем само проклятье воргенов. Позднее, я узнал, что они мне солгали. Лорана умерла задолго до того, как последний корабль покинул берега ГильНэйаса. И тогда я покинул свой народ навсегда.

Ли́ка помолчала. — Но я все-равно не понимаю, — начала она.

Склиф усмехнулся. — Это тоже была ложь, — сказал он, — Зардет постарался сделать так, чтобы я в неё поверил, и не искал Лорану, полагая, что она мертва. Возможно, он рассчитывал, что ему удастся сделать это самому, но успеха, по-видимому, он не добился. И для того ему понадобился медальон — волосы Лораны, по его плану, могли бы помочь ему не только найти её, но приобрести частичную власть над её чувствами. Он не успел завладеть им в Дарнаусе, а потом надолго потерял мой след, до того самого дня, как встретил меня здесь, в Буреграде.

— Значит, Лорана...

Ворген медленно кивнул головой. — Возможно, жива до сих пор, — сказал он.

— И вы, — Ли́ка внимательно посмотрела на брата Склифа, — Хотите попробовать найти её?

Ворген снова кивнул. — Я должен, — сказал он, — Разве ты на моем месте поступила бы иначе?

Ли́ка задумалась. Внезапно, ей стала понятна причина, по которой Мирта была так печальна.

— Да, — тихо сказала она, — Наверное.

Ворген поднялся и Ли́ка встала следом за ним. — Так вы больше не вернетесь в Буреград? — спросила она.

Брат Склиф грустно улыбнулся. — Неисповедимы пути Света, — сказал он.

Спустя несколько дней, когда она завтракала в палате, её посетил отец Оккам.

Сделав ей знак, чтобы она доедала, не торопясь, он присел на краешек стула, отвернувшись в окно, чтобы не смущать её.

— Что-то случилось? — спросила Ли́ка, допивая еще тёплый настой из луноягод.

Дрени́ей улыбнулся, загадочно и немного печально.

— И да, и нет, — сказал он, — Как ты отнесешься к небольшой прогулке по городу?

— По городу? Правда? А... куда? — Ли́ка в недоумении глядела на экзарха.

— Скоро узнаешь, — отвечал дрени́ей, поднимаясь со стула, — Приводи себя в порядок, переодевайся, нас ждут.

Гномка не заставила себя упрашивать и, уже через несколько минут выскочила в коридор, где, в её ожидании прохаживался экзарх.

— Идём, дитя, — промолвил он, увлекая её за собой.

Они вышли из сестринского корпуса, пересекли парк и остановились у ворот, где их поджидал Атуин.

— Чао! — обрадованно вскричала Ли́ка, — И вы тоже здесь! Последние слова её были адресованы братьям.

Билли степенно кивнул. — А то как же! Соскучилась, поди, по нашей черепахе-то?

Он с любовью погладил борт телеги.

— Залезай, сестрёнка, — подал голос Вилли, — Прокатимся с ветерком!

Отец Оккам расположился впереди, рядом с Чао, Ли́ка и дворфы — в кузове.

— А куда мы едем? — спросила Ли́ка, сгорая от любопытства.

— Потерпи немного, — отвечал Билли, — Отец Оккам велел пока тебе не говорить.

Ли́ка недоверчиво покрутила головой, но не стала спорить. — Кажется, я целую вечность тут не была, — проговорила она, разглядывая хорошо знакомую ей внутреннюю

утварь Атуина.

— Всего-то пара недель прошло, — заметил Вилли.

Они выехали на набережную каналов, миновали торговый квартал и свернули в довольно узкий для Атуина переулок, который потом повёл круто вверх. Здесь ей еще не доводилось бывать, и она гадала про себя, что бы тут могло быть. Наконец, телега остановилась, дворфы выпрыгнули наружу, Вилли подал ей руку.

— Чем это так... — Лика запнулась, подыскивая подходящее слово, — Несёт?

Билли усмехнулся. — Известно, чем, — сказал он, — Дерьмом грифоньим!

— Чем-чем? — переспросила гномка, не вполне уверенная, что правильно поняла дворфа.

Вилли расхохотался. — Ты что, — спросил он, — Ни разу в жизни не была в грифонятнике?

— Н-нет, — Лика озадаченно помотала головой, — А что это?

— Ну, даешь, — сказал Билли, — Это ж станция, где грифонов держат! У вас что, в Гномбурге нет таких?

Лика отрицательно покачала головой. — Я что-то слышала про такие в Сталеграде, — сказала она, — Но никогда там не бывала.

— Ну, вот и случай представился, — подмигнул ей Вилли, — Идём!

У входа в высокое здание, напоминавшее башню их поджидала еще одна пара.

— Пых! — обрадованно воскликнула Лика, — А я всё думала, почему ты не приходишь!

— Прости, сестрица, — старый дрений смущённо потупился, — С этой молодёжью остатки памяти потеряешь! Всё собирался...

— Вообще-то, нас не пустили, — заметила Элисия, обнимая Лику, — Этот старикан, что дежурил у входа в эти ваши палаты узнал меня и заартачился, словно я демон какой. Я хотела высказать ему всё, что думаю о нём и ихних дурацких правилах, но Пых меня увёл.

Экзарх Оккам покачал головой. — Эля, Эля, — вздохнул он.

Они поднимались друг за другом гуськом по винтовой лестнице, и, по мере их продвижения, запах становился всё более резким. Дренийка, морщась, закрывала нос платком.

Лестница вывела их на обширную площадку с огромным окном во всю стену с одной стороны и зарешеченными огромными вольерами с другой.

Лика во все глаза смотрела на удивительных созданий, которых до этого считала мифическими существами из сказок — существ с телом льва и головой и крыльями орла.

— Грифоны! — прошептала она.

Сидевший в ближе всех стоявшей к ней клетке грифон поднял голову и издал громкий клекот.

— Оккам! Лика! — обернувшись, гномка встретила взглядом с братом Склифом, одетым в серый балахон, с сумкой на плече.

— Здравствуй, Аргуин, — Оккам подошел к воргену и сжал обе его руки в приветствии, — Ты ведь не хотел покинуть нас, не попрощавшись?

Брат Склиф покачал головой и усмехнулся. — Судя по всему, мне бы это не удалось при любом раскладе, — сказал он, — Ты, пожалуй, Шоу фору дашь.

Дренией улыбнулся. — Не старайся быть более одиноким, чем ты есть, Аргуин, — тихо сказал он, — Твои друзья — это, быть может, самое важное, что у тебя есть.

Ворген пристально посмотрел в глаза экзарху, кивнул, и обнял его.

Братья подталкивая друг друга локтями, нерешительно топтались рядом.

Склиф шутливо столкнул их лбами. — Ну что, двое из ларца, — сказал он, — Смотрите, не расслабляйтесь тут без меня. Хотя с Зеборием я спокоен — за ним как за каменной стеной.

Братья сопели и, как показалось Лике, украдкой вытирали глаза.

— Вы же не насовсем улетаете, — вырвалось у неё.

Ворген присел и заглянул ей в глаза. — Будь сильной, Лика, — серьезно сказал он, — Ты — замечательная гномка, отважная и умная. У тебя есть талант. От тебя только зависит, как им распорядиться. Ты хорошо начала, и через многое прошла. Пусть Свет ведёт тебя.

Он обнял её, и она робко прижалась к его одежде, пахнувшей табаком и шерстью.

Пых протянул Склифу хорошо знакомый Лике браслет, почти такой же, как у неё.

— На счастье, — негромко произнёс он.

Брат Склиф серьезно кивнул. — Спасибо, друг, — промолвил он, одевая браслет на запястье, — Присмотришь тут за моими?

Шаман покачал головой. — Они будут ждать тебя, — сказал он.

Элисия восторженно глядела на воргена. — Эх, вот бы мне с тобой, — вздохнула она.

— Эля! — одернул её шаман. Брат Склиф улыбнулся.

— Чао, — он повернулся к пандарену, прислонившемуся спиной к стене и, похоже, начинавшему задремывать.

— А? Ох, прости, Склиф, — он виновато поморгал, — Знаешь, на свежем воздухе так и тянет прикорнуть...

«Ничего себе — свежий!» — подумала Лика.

Ворген покачал головой. — Ты неисправим, — заметил он, — Пожалуй, без меня тебя и будить-то будет некому!

Судя по прояснившемуся выражению морды пандарена, такая перспектива его вполне устраивала.

— Обними за меня Мирту, — негромко произнёс брат Склиф. Пандарен молча кивнул.

— Ну, вот и всё, — несколько растерянно проговорил ворген, обводя взглядом собравшихся.

— Прошу внимания! — человек в кожаном жилете и высоких сапогах, с крючковатым носом и нечесаными спутанными волосами потеснил их, мусоля карандаш, — Кто из вас пассажир?

Брат Склиф поднял руку.

— Прошу вас встать здесь, мне необходимо провести соответствующие замеры, дабы удостовериться, что они соответствуют заявленным...Провожающих прошу отойти в сторонку!

Измерив рост воргена и, зачем-то, объем его талии, служитель записал данные в книжечку, потом пригласил Склифа встать на весы и долго щелкал гирьками. Потом взвесил сумку.

— На вас зарезервирован грифон семейства *Gryphus Aureus*, кличка «Тони», — сообщил он, — Расчетное время полёта — восемь часов, без учета перерывов на еду и отдых. Посадка в специально предусмотренных местах каждые два часа для оправления грифона. Справлять естественные потребности животного во время полета категорически воспрещается, за это предусмотрен штраф! Подробная карта полета находится в седельной сумке, вместе с ланчбоксом и буклетом со списком сувенирной продукции, которую вы можете приобрести

в любом пункте аренды грифонов. Просьба не кормить животное вне специальных пунктов отдыха, у них очень чувствительная пищеварительная система.

Склиф кивал с серьезным видом.

— Будет клянчить — не обращайтесь внимания, — предупредил служитель, — Главное — не давайте слабину, иначе будет требовать еды всю дорогу, а потом маяться с расстройством желудка.

Он подошёл к клетке, оттащил в сторону скрепленную деревянными брусками дверь и вывел оттуда величественного золотистого грифона.

Ли́ка невольно залюбовалась этим могучим и вызывающим трепет созданием.

— Давай, давай, Тони, — приговаривал служитель.

Грифон остановился на расстоянии метра от Склифа и хлопал крыльями, недоверчиво косясь.

— Так... Возьмите вон там кусок мяса, — скомандовал служитель.

Ворген послушно выполнил указание.

— Теперь дайте ему... Только осторожно, смотрите, чтобы не оторвал руку!

Склиф, покачав головой, протянул грифону кусок мякоти, который тот, с неожиданной быстротой стремительно склюнул с его руки, которую ворген едва успел отдернуть.

— Прекрасно! Контакт налажен! — служитель довольно покивал. — Ну, теперь полезайте в седло!

Ухватившись за перья, ворген подпрыгнул и оказался на спине грифона.

— Так... Сели? Теперь пристегнитесь! Хорошо... На случай осадков там есть позади вас водонепроницаемый плащ! Нашли? Вот и ладно... Пошёл!

С этими словами служитель неожиданно хлопнул грифона по боку.

Издав громкий клекот, животное подскочило, одним прыжком преодолело расстояние до широкого окна, и, стремительно расправив крылья, воспарило вверх.

Словно замороженная, Ли́ка наблюдала, как золотистый грифон и его всадник набирают высоту, и удаляются, постепенно уменьшаясь в размерах. Она провожала их взглядом, пока, наконец, они не превратились в золотистое пятнышко, исчезающее за линией горизонта.

Внизу она простилась с Пыхом и Элисией. — Заходи к нам, как будешь совсем здорова, — сказала ей на прощание дрены́йка.

Шаман лишь стиснул ей ладонь и пристально посмотрел в глаза.

— Береги себя, — тихо сказал он.

Ли́ка кивнула. — Я хотела тебя спросить, — сказала она, — Как ты нашел нас? Ну, там, в том доме...

Пых перевел взгляд на Элисию. — Её заслуга, — сказал он, — Уж не знаю, какие духи её вразумили побежать за мной, а не за вами, когда она заметила Склифа и вас, мчащих за ним на мотоцикле. Да...

Ли́ка еще раз кивнула.

— Спасибо, — тихо сказала она, — Спасибо вам обоим.

На Буреградском вокзале царил такая же суэта, как и в Гномбурге, когда, несколько месяцев назад, Ли́ка впервые покидала родные края с сумкой с книгами и едой под мышкой.

Чао припарковал Атуин неподалёку от входа и теперь провожал гномку до поезда. — Вот и ты уезжаешь, — вздохнул он.

Ли́ка обняла пандарена, зарывшись носом в теплую шерсть. — Я буду писать, —

пообещала она, — К тому же, каникулы скоро закончатся.

— Ты уже определилась, будешь ли учиться дальше? — спросил пандарен.

— Еще не уверена, — призналась Лика, — Мне нужно всё обдумать.

Чао покивал головой. — В любом случае, желаю тебе удачи, — сказал он, — Нам будет тебя не хватать.

— Мне вас тоже, — Лика почувствовала, как глаза снова начинает пощипывать, — Обними за меня Мирту еще раз.

— Хорошо, — серьезно кивнул пандарен, — А ты кланяйся от нас родителям.

— Она не передумает? — без особой надежды спросила гномка.

Чао покачал головой. — Она уже взяла билеты. Послезавтра она отплывает.

— И ты её вот так отпускаешь? — упрекнула пандарена Лика.

Тот философски развел лапами. — Каждый из нас делает свой выбор и следует своему Дао. Брат Склиф сделал свой, ты — свой, она — свой. Кроме того, она едет не одна, Гракх будет её сопровождать.

— Правда? Вот здорово! Я не знала.

— Да. Говорит, что всегда мечтал познакомиться с яунголами, — Чао подмигнул Лике, а та рассмеялась в ответ.

— Ну, раз его так манят яунголы...

Поезд вылетел из тоннеля с пронзительным свистом и начал притормаживать у платформы. Дворфы, гномы, люди и прочие представители разных рас наперебой бросились к вагонам. Чао, загоразивая Лику своим телом, прокладывал ей дорогу.

— Ну вот, — пропыхтел он, подавая ей сумку, — Подремлешь часок-другой и скоро будешь дома!

Лика еще раз обняла своего спутника.

— Так быстро, — сказала она, — Закончилась моя практика.

— Что-то заканчивается, что-то — начинается, — отозвался пандарен, кладя себе в пасть пучок любимой травы.

Поезд засвистел и, медленно набирая ход, покатился вдоль платформы.

Лика провожала взглядом фигурку медведя, махавшего ей лапой, пока поезд не свернул в туннель.

— Что-то заканчивается, что-то начинается, — повторила она.

Поезд издал пронзительный гудок и на полной скорости скрылся в туннеле.

Примечание:

В заключительной главе использованы тексты песен Петра Зубарева ("Повод для странствий"):

Больше книг на сайте - Knigolub.net